

Светлой памяти
Александра Иосифовича Зайцева

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИМПЕРАТОРСКУЮ ЭПОХУ

А.И.Любжин

Отдел редких книг и рукописей
Научная библиотека МГУ им. М.В.Ломоносова

Очерки истории российского образования в императорскую эпоху — первая попытка автора собрать в единый цикл статьи, посвященные прошлому отечественной педагогики и опубликованные в журналах «Лицейское и гимназическое образование» и «Образование в современной школе»¹. Все они подверглись переработке, некоторые (прежде всего работы о домашнем воспитании и Московском Благородном пансионе) — существенной, были дополнены и исправлены; большинство получило новые документальные приложения. Весь цикл статей сопровождается введением, единой библиографией (не включающей приложения, для которых даются отдельные ссылки), указателем имен и хронологической таблицей. Крупные документальные (прежде всего стихотворные) вставки в статьях и все приложения даны в подлинной орфографии.

Автор пользуется случаем выразить свою искреннюю признательность Институту «Открытое общество», чья поддержка позволила ему в самый критический момент продолжить работу над циклом². Значительная сама по себе, она оказалась еще и чрезвычайно своевременной; без нее настоящая книга не имела бы ни малейшего шанса выйти в свет.

А.И.Л. 10 февраля 2000 года

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Харьковский коллегиум в XVIII и начале XIX столетия
Академические гимназии при Московском Университете
Благородный пансион при Московском университете
Создание Главных народных училищ при Екатерине II
Домашнее воспитание на рубеже XVIII—XIX веков
Алексей Федорович Мерзляков
Полемика вокруг классической гимназии и концепций среднего образования в 60-е — 70-е годы XIX века

Приложения

К *Введению*
Духовный регламент. Извлечения
К статье *Харьковский коллегиум в XVIII и начале XIX столетия*
Жалованная грамота Императрицы Анны Иоанновны Харьковскому Коллегиуму
Образец аттестата
Инструкция для инспекторов
Русская поэзия в пользу юношества, обучающегося в Харьковском Коллегиуме, сочиненная учителем Поэзии Яковом Толмачовым. Извлечения
К статье *Академические гимназии при Московском Университете*

¹ *Московский Благородный пансион* — Лицейское и гимназическое образование, 1997, № 1 (пилотный); *Домашнее воспитание в конце XVIII — начале XIX в. в России* — № 1, 1998, с. 11–17; *Академические гимназии при Московском университете* — № 2, 1998, с. 21–27; 3, 1998, с. 25–37; *Полемика вокруг классической гимназии* — № 3, 1998, с. 11–20, под псевдонимом Роман Черненко; *Харьковский коллегиум в XVIII и начале XIX столетия* — № 6, 1998, с. 19–24; № 1, 1999, с. 17–27; *Алексей Федорович Мерзляков* — № 3, 1999, с. 54–58; *Создание Главных народных училищ при Екатерине II* — Образование в современной школе, № 1, 1999, с. 67–72.

² Всероссийский конкурс аналитической журналистики. Проект «Опыт отечественной педагогики в современном контексте» (грант # МСС844).

Московский Императорский Университет к рассуждениям в Благородной гимназии быть имеющим и к слушанию речи господина Шадена, Гимназии Ректора, в университетской аудитории сего 16 Декабря всех любителей наук почтенно просит

Die Glückseligkeit eines Landes unter einem friedliebenden Fürsten. Rede gehalten von Johan von Schuwalow Schüler des adelichen Gymnasii

Постановление академической гимназии

К статье *Благородный пансион при Московском университете*

Краткое начертание учебных классов и вообще всего порядка, наблюдаемого при содержании Вольного Благородного Пансиона, учрежденного при Императорском Московском Университете. В Москве, в Университетской типографии у В. П. Огорокова, 1790.

Постановление Благородного Пансиона

К статье *Создание Главных народных училищ при Екатерине II*

Служебная переписка об учителе Полоцкого главного народного училища Антоне Змиеве

К статье *Домашнее воспитание на рубеже XVIII—XIX веков*

Записки М. В. Данилова. Отрывок

Немец-педагог в России

М. М. Сперанский. Из письма П. Г. Масальскому

И. П. Сахаров. Мои воспоминания. Отрывки

Письмо вице-адмирала А. С. Шишкова к Ее величеству государыне Императрице Марии Федоровне 25 мая 1816 года

И. М. Муравьев-Апостол. Письма из Москвы в Нижний Новгород. Из 5-го письма

К статье *Алексей Федорович Мерзляков*

А. Ф. Мерзляков. Гимн к деятельности

Библиография

Список сокращений

Указатель имен

Хронологическая таблица

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно считается, что Московская Русь была безграмотной страной (Г. Г. Шпет, например, так характеризовал отечественную образованность: «Говоря о периодах русской истории, проф. Е. Голубинский замечает: „Периоды Киевский и Московский собственно представляют собою одно целое, характеризующееся отсутствием действительного просвещения, которого мы не усвоили с принятием христианства и без которого оставались до самого Петра Великого“. Нельзя признать это суждение ни крайним, ни преувеличенным, если только под просвещением, под образованностью и под наукою понимать не отвлеченные обозначения, а конкретные категории европейской истории»³. Однако это мнение, по-видимому, является не более чем историческим предрассудком. Академик А. И. Соболевский приходит к выводам, что грамотность в России XV — XVII веков была не ниже, чем в Европе (поголовная — для белого духовенства, не менее 70% — для монахов, чуть ниже для помещиков, около 20% для посадских людей, самая низкая у военных)⁴. Лишь в конце XIX века (если не считать «монастырского возрождения» эпохи Николая I) наметился живой научный интерес к русским древностям, и перед изумленной публикой предстала утонченная культура, о существовании которой даже и не подозревали, хотя она была совсем рядом: «Вопреки общему мнению, культура России очень стара. Недавно об этом заговорили довольно громко. Историки искусства, как только стали исследовать дело фактически, с изумлением должны были констатировать гениальное своеобразие старой русской архитектуры. Когда же копнули старую живопись, то изумление было еще большим. <...> И вот раздаются уже голоса, что эллинская культура единственное *живое* продолжение свое находит на православном Востоке...»⁵.

³ Соч., с. 20.

⁴ См. А. И. Соболевский... Экземпляр, которым я пользовался в библиотеке, содержит приплетенную страницу, происхождение которой неясно, с критикой данных А. И. Соболевского. Возможно, его подсчеты следует принимать с известной долей осторожности, но несомненно, что они имеют под собой значительные основания.

⁵ В. Ф. Эрн. Время славянофильствует, с. 386–387.

Этой культуре соответствовало своеобразие воспитания. Безусловно, последнее в Московской Руси носило менее всего «школьный» характер⁶, что и препятствует соответственно ориентированному сознанию в его обнаружении. Можно, например, обратиться к описанию воспитательных задач в «Домострое», не заботясь о школьном образовании вовсе: «А пошлетъ Богъ у кого дѣ ти, сынове и дщери, и имѣ ти попечение отцу и матери о чадахъ своихъ, снабдѣ ти и воспитати въ добре наказании, и учити ихъ страху Божию, и въ жеству, и всякому благочинию, и по времени, по дѣ темъ смотря и по возрасту, учити ихъ рукодѣ лию, отцу сыновъ, а матери дщери, кто чему достоинъ, каковъ кому просугъ дастъ Богъ, а любити ихъ и беречи и страхомъ спасати, учя и наказуя, и разсужая и раны возлагати. Наказуй дѣ ти въ юности, покоятъ ты на старость твою. И хранити и блюсти о чистотѣ телесной, и отъ всякого грѣ ха, яко жъ зеницу ока, яко жъ своя душа. <...> Казни сына своего отъ юности его.. и не ослабеи бѣя младенца. Аще бо жезломъ бѣеши его, не умреть, но здравие будетъ. Ты бо бѣя его по тѣ лу душу его избавиши отъ смерти»⁷.

А. И. Соболевский восстанавливает также и характер словесного образования: по его мнению, оно было частично монастырским (вспомним, что один из ведущих славянофилов И. П. Киреевский называл монастыри «святыми зародышами несбывшихся университетов»⁸), частично осуществлялось в маленьких сообществах, группирующихся вокруг грамотных людей, которые брали на себя труд воспитания; большой редкости таковые не представляли, и обучение грамоте не было чем-то исключительным (реформы Петра ударили по таким сообществам, и простой народ в их результате проиграл в своем образовании, хотя дворянство, несомненно, выиграло — с определенным, правда, опозданием).

Тем не менее государство чувствовало потребность в людях, обладающих не элементарной грамотностью, но высшими профессиональными знаниями (в эпоху Алексея Михайловича этому весьма содействовало присоединение Украины, чье духовенство, вынужденное вести постоянную борьбу с католицизмом, восприняло его образовательные формы и было в своей массе более образованным, чем московское). Интеллектуальные силы киевлян оставались для Москвы незаменимыми. Когда Алексей Михайлович разрешил боярину Ф. М. Ртищеву учредить на свои средства Андреевско-Преображенский монастырь под Москвой, этот последний привлек из города на Днепре выдающихся ученых, чрезвычайно много сделавших для русского просвещения: Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого⁹. Если мы и не можем говорить с полной уверенностью о школах Андреевского и затем Чудова монастыря¹⁰ (великолепно образованный инок Евфимий был учеником Епифания, точно также как Сильвестр Медведев — Симеона Полоцкого, но наличие отдельных учеников — даже самых талантливых — не может являться свидетельством о правильно организованной школе), то в любом случае для *просвещения* страны это было большим шагом вперед. Так случилось, что Московское царство сначала приобрело, а потом уже учредило школу: после того как по Андрусовскому перемирию был получен Киев, Могилянский коллегиум оказался на территории России. Нельзя сказать, что подарок судьбы был в должной степени оценен: преподавательской коллегии приходилось долго и упорно отстаивать академические вольности от покушений местных властей, прибегая иногда к заступничеству восточных патриархов.

Иерусалимский патриарх Паисий, посетивший Коллегиум в сентябре 1669 года, писал царю:

«Смирение наше, достигши отчины Вашего царскаго пресвѣ тлаго величества, богоспасаемаго града Кіева... прежде иныхъ монастырей послѣ тихомъ обитель премудростнаго учения Ставропигион патриаршеское, монастырь святыи Братскій Кіевскій Богоявленскій, благоразумный, искусный и общежительный, идеже от премудрыхъ учителей и труждающихся въ православномъ ученіи юностнаго возраста и проповѣ ди слова Божія, съ наставникомъ и многотруднымъ ректоромъ да игуменомъ братскимъ, Варлаамомъ Ясинскимъ, многолюбезныи приветствія пастырству нашему зело благоугодне

⁶ Исключительно талантливая характеристика древнерусского воспитания дана в статье В. П. О. Ключевского «Два воспитания».

⁷ Домострой, с. 28–29.

⁸ Цит. по: П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880. С. 12.

⁹ См. Карташев..., с. 242 слл.

¹⁰ Убедительно аргументирует отсутствие школ в Москве до Типографского училища Н. П. Каптерев (О греко-латинских школах...). Политику государственной власти он описывает следующим образом: «Наше правительство на первых порах думало, что указанная потребность в образовании может быть удовлетворена другим путем, почему оно, оставляя ученых иностранцев в Москве, требовало от них не устройства школы, а переводов книг... Самостоятельное чтение книг делало тогдашнего человека в глазах общества лицом образованным, ученым... о получении образования вне начетничества русский человек не имел представления» (с. 42).

воспріяхомъ съ представленіемъ намъ учениковъ ихъ довольными премудрыми риторскими словесы насъ благоприветствующихъ... Тѣмъ же молящимъ имъ смиренія нашего о ходатайствѣ Вашему царскому величеству пресвѣтлому въ нуждѣ, въ скудости и въ ихъ убожествахъ толь тяжкихъ, яко близкими быти ко престанію отъ того ученія церкви Божіею благопотребнаго, но и ко оставленію самыя службы Божія и богомолія за Ваше царское пресвѣтлое величество, дерзаемъ ходатайственная о нихъ моленія наша смиренная къ пребогатой милости Вашего царскаго пресвѣтлаго величества приносити: пожалуй, пресвѣтлый царю, милостынею своею всещедроу собраніе то премудростное, во еже создати имъ церкви, училища и монастырь, и питатися имъ тѣмъ...»¹¹.

Щедростью по отношению к киевским инокам московский двор отнюдь не отличался (в этом отношении с благодарностью вспоминают Мазепу, одного из крупнейших благотворителей коллегии, построившего для нее новый, роскошный корпус). В 1701 г., уже при Петре, был получен статус Академии¹². Она состояла из восьми классов: шести низших (*аналогия* или *фара*, подготовительный, где обучали только читать и писать — правда, на всех трех языках, *инфима*, или низший, *грамматика*, *синтаксима* — эти два посвящались грамматике трех языков, катехизису, арифметике и музыке, *пиитика* и *риторика*) и двух высших (*философия* вместе с геометрией и астрономией и *богословие* с гомилетикой)¹³. Эта программа предназначена для борьбы с католицизмом его же оружием и близка к таковому же иезуитских коллегиумов: в качестве примера для сравнения приведем структуру Полоцкой иезуитской коллегии, изложенную в ответе на вопросные пункты министра народного просвещения в 1802 г. (хронологическая разница здесь не играет большой роли, поскольку иезуитские учебные заведения весьма консервативны; что же касается общего расширения программы, оно затронуло и православные учебные заведения): подготовительный класс — *фара* (чтение, письмо, первые основы грамматики и науки христианской), *инфима* (начала языков русского и латинского, священная история, география, катехизис, наука нравов), *грамматика* и *синтаксис* (языки с добавлением начатков французского и немецкого, наука моральная, древнейшая история, география, катехизис; в конце — основы стихосложения), *поэзия* (те же языки, начатки алгебры, сокращенные правила стихотворства, российская история, география, наука моральная; на латинском языке, как и в дальнейшем, классические авторы), *риторика* (языки, геометрия, красноречие и стихосложение, римская история, география, естественная история, наука моральная), *философия* (языки, «наука хорошего думанья, рассуждения и умствования», онтология, этиология, космология, астрономия, физика, оптика, геометрия, «счеты высочайшие», этика, естественная история; *богословие* (наука о Боге и вещах божественных, догматы религии откровенной, право, история церкви, законы канонические)¹⁴. Начальство над Академией вверялось трем лицам: ректору (игумену братского монастыря, который вел богословские классы и распоряжался всеми суммами учебного заведения), префекту, который «совмещал в себе и нынешнего инспектора и эконома при училище»¹⁵ и также обычно был иеромонахом и вел философские классы, и суперинтенданту, бывшему «главным и ближайшим надзирателем за благочинием между питомцами»¹⁶. В 1682 году Царь Федор Алексеевич подписал указ о создании Духовной Академии в Заиконоспасском монастыре¹⁷ (реально правильные занятия там начались только с 1687 года).

Интересна полемика вокруг основного языка преподавания. Н.П. Каптерев приводит любопытный отрывок из полемической литературы того времени — из сочинения

«Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и теологии, и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писания, или, неучася сим хитростем, в простоте Богу угождати, и от чтения разум святых писаний познавати, и что лучше российским людям учитися греческого языка, а не латинского» он цитирует следующие строки: «Латинский же язык и учение и писание во всех сих славяном нам чуждо и далече отсутствующе, и неточию непотребно отнюдь, но паче вредно и губительно... Опасство имети подобает, да не и славенский диалект что от того латинского ученія постраждет... Тако бо латинское учение прелестно, яко нож медом намазанный: изначала лижущим сладок и безбеден мнится, и елико больши облизуется, толико ближе гортаню ближится и удобно лижущего

¹¹ С. Голубев. Киевская Академия... Прим. 11, с. 37–38.

¹² Устаревшей работой иеромонаха Макария Булгакова нельзя пользоваться, не проверяя для рассматриваемой эпохи его сведения по упомянутому труду. Для его проверки (что касается периода XVII — начала XVIII века) необходимо обращаться к труду, приведенному в предыдущем примечании.

¹³ Макарий Булгаков... С.П. 53 слл.

¹⁴ Сборник..., стлб. 574 слл.

¹⁵ Макарий Булгаков... С.П. 55.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ О Московской Духовной академии см.: С.П. К.П. Смирнов. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. Op. cit., с. 56–57.

заколет и смерти предаст. А яко латинский язык скуден и убог по себе самому и за скудость свою овогда употребляет еллинская речения и имена, овогда же иными реченми изменяет»¹⁸.

Наиболее знаменитые преподаватели Академии — братья Иоанникий и Софроний Лихуды¹⁹. Их образование было по тому времени прекрасным: они могли читать — и читали — с учениками такие сложные греческие тексты, как сочинения Аристотеля, и вели отдельные предметы на древнегреческом и латинском языках. Позднее, уже при Петре, младший, Софроний Лихуд, преподавал по воле Царя молодым дипломатам итальянский язык. Их роль в становлении молодого русского школьного просвещения невозможно переоценить (при всех недостатках личного характера). Но крутая ломка, внесенная Петром, помешала нормальному становлению школьной традиции...

Сам юный Царь получил обычное для тех времен воспитание, осложненное к тому же династическими неурядицами. Однако во многом будущий Император сумел выбрать для себя учителей сам, и сам выбрал те области, где ему недоставало знаний²⁰. Деятельность Петра в области просвещения была прежде всего направлена на чисто насущные, практические потребности страны, и для истории гуманитарного образования это неплодотворный этап²¹. Первый шаг — открытие Навигацкой школы в Сухаревой башне в Москве; руководителем этого учебного заведения стал профессор Абердинского университета Фарварсон, приглашенный Петром; затем появляется (1715) Морская академия в новоотстроенном Петербурге. Церковная политика Петра — пожалуй, самая неудачная в его многогранной деятельности (приведем в качестве иллюстрации Записку митрополита Московского Филарета о сохранности церковных древностей: «В именном указе Императора Петра I 1701 г. изображено: «Монахи в кельях никаких писем писать власти не имеют, чернил и бумаги в кельях имети да не будут». И указом 1723 года подтверждено: «Монахам выписок из книг, без собственного ведения настоятеля, под жестоким на теле наказанием никому не писать». Сии узаконения, долго и строго действовавшие, должны были убить державшийся до того в монастырях вкус к духовной и исторической письменности и дать монастырским библиотекам хранителей полуграмотных, неспособных, а по неспособности и неусердных и ненадежных к своему делу»²²). Но Славяно-Греко-Латинская академия в Спасском монастыре за Иконным рядом продолжала свои труды. Среди ее учеников были знаменитые В. К. Тредьяковский и М. В. Ломоносов. Впоследствии, по основании Императорского Московского университета, за недостатком подготовленных дворян студенты набирались среди учеников духовных академий. (Духовенство оставалось наиболее просвещенной частью русского народа — и положение это начинает изменяться только со времен Екатерины II, причем не за счет падения уровня духовного образования, а за счет повышения дворянского.) Распространялось латинское образование²³, прежде всего благодаря иезуитам²⁴. Возникают и другие учебные заведения, — напр., училище пастора Глюка, наставника будущей Екатерины I, открытое в Москве в 1703 г. Курс училища был приближен к таковому же европейских гимназий того времени; после смерти Глюка его возглавил магистр философии Йенского университета Вернер Баузе, но уже в 1706 г. училище перестало существовать²⁵. А. Ф. Малиновский сообщает его программу: «В 1703 году заведено было в Москве училище, которым управлял плененный при взятии Мариенбурга пастор Глик под надзором начальника Посольского приказа, графа Федора Алексеевича Головина. Глику отведен был под школу на Покровке дом боярина Нарышкина. В печатной программе, изданной тогда Гликом для вызова желающих обучаться, объяснены предметы учения и все учителя названы по именам: 1. Учителем географии, деятельной философии, ифики и политики,

¹⁸ Н. Каптерев. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-Греко-Латинской Академии, с. 56–57.

¹⁹ См. Сменцовский М. Братья Лихуды; К. А. Вах. Классическое образование...

²¹ Библиография вопроса в данном случае необозрима; см., напр., «Историю Петра» А. С. Пушкина (ПСС, VII, М., 1954; особенно интересны эпизоды на с. 17 слл.). Наиболее значимой работой по истории образования при Петре остается труд П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом», СПб., 1862 г.

²² Г. Шпет (op. cit., с. 32) дает деятельности Петра весьма резкую оценку: «Нет ничего при этом удивительного, что сам Петр и его ближайшие помощники ценят науку только по ее утилитарному значению, — таково свойство ума малокультурного». Надменно-пренебрежительный тон этой фразы сам обличает ее несправедливость.

²³ Осьмнадцатый век..., с. 455.

²⁴ О роли латыни в рассматриваемую эпоху см. Ю. К. Воробьев. Латинский язык...

²⁵ Подробнее см. об этом А. В. Флоровский. Латинские школы в России в эпоху Петра I.

²⁵ Гр. Д. А. Толстой. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии..., с. 1.

латинской риторики с ораторическими упражнениями и с изъяснением примеров из историков Курция и Юстина, а из стихотворцев Virгилия и Горация, был Иоганн Рейхмунд. 2. Философии картезианской и языкам греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому учил Христиан Бернард Глик. 3. Французскому языку Жан Мерла. 4. Грамматикам латинской и немецкой с изъяснением словаря и введением в латинский язык Иоган Густав Бурм. 5. Начаткам латинского языка и арифметики Отто Биркин. 6. Для танцевального искусства и поступи немецких и французских учтивств Стефан Рамбург. 7. Для рыцарской езды и берейторского обучения лошадей Иоган Штурлавал. Глик, управляв заведенным им училищем менее трех лет, скончался 5 мая 1705 года. После его поручено было оно в управление магистру философии Иоганну Вернеру Баусу с званием ректора гимназии. Дворяне и разночинцы, обучавшиеся в Гликовой школе 1708 года, переведены были в Петербург и подчинены ингерманландской канцелярии под начальством князя Меншикова. Из числа их 33 человека с званием студентов отправлены в Кенигсберг и другие германские университеты, а в Москве вместо Гликовой гимназии учреждены две школы: при католической и лютеранской церквях, и воспитание юношества вверено было пасторам. Петр I часто посещал оные, сам присутствовал при преподаваемом учении и входил во все подробности, до сего касающиеся»²⁶. Заведенная при Академии Наук в Петербурге гимназия влачила жалкое существование, цифирные школы, которые было велено в 1714 г. учредить во всех губерниях в архиерейских домах, также не принесли значительного плода, несмотря на то, что царь первоначально намеревался запретить не окончившим их дворянам жениться. Эти учебные заведения находились в подчинении Адмиралтейств-коллегии (уникальный случай, когда функции Министерства просвещения берет на себя морское ведомство), поскольку наставников для них готовило Навигаторское училище, начальник которого полковник Г. П. Скорняков-Писарев отвечал и за цифирные школы. Он жаловался на пустоту подведомственных училищ Сенату, который подтвердил решение о принудительном отправлении юношей в эти школы, «дабы, за невысылкою учеников, учителя без дела не были и даром жалованья не брали»; естественно, эти меры ни к чему не привели; начальник же училищ так надоел сенаторам, что они запретили ему обращаться к себе. К концу своей жизни Петр I охладил к своим прежним начинаниям и заинтересовался образованием духовным. 25 января 1721 г. был издан написанный Феофаном Прокоповичем «Регламент или Устав Духовной коллегии». Там говорится: «Вельми ко исправлению церкви полезно есть, чтоб всяк епископ имел в доме своем школу для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных»²⁷. 31 мая 1722 г. Синод издает указ об открытии архиерейских школ, где, среди прочего, сказано: «Учеников, которые по увольнении из подушного оклада для приготовления в архиерейских школах к духовному званию окажутся нерадивы и леностны, причислять снова в подушной оклад, чтобы они, ведая это, не пребывали в лености, но имели к учению прилежание, начиная от семилетнего возраста. Определять к учению в оныя школы умных и честных учителей, которые в книжном чтении были бы остры и разумны, и правоглаголение добре произносить и ударение просодии и препинание строчное беспогрешно соблюдать знали и других научать были довольны, и могли бы оных учить не только чисто, ясно и точно по книгам читать, но и разуметь, а наипаче тщились бы так им оныя буквари в твердую память положить, дабы изустно читать могли. И как те буквари совершенно они выучат и писать понавыкнут, тогда начинать им Славянскую грамматику. К тому грамматическому учению каждому архиерею ученых людей получать откуда кто возможет. А понеже, по грамматическом учении, не излишне будет обучаться и арифметике, того ради и арифметического учения не оставлять и, получив таких учителей, обучать в архиерейских школах как арифметике, так и нужнейшей части геометрии, дабы ученики архиерейских школ были искусны в обеих церкви и гражданству полезных науках и дабы преждесостоявшиеся о арифметическом и геометрическом учении Е. П. И. П. В. П. указы исполнялись бы»²⁸. Эта кабинетная проза, естественно, во многом осталась на бумаге: в указе не предусмотрены ни система подготовки преподавателей, ни источники средств (в надежде, что все как-нибудь само собой отыщется). До 1722 г. в церковных школах училось всего 1389 учеников, из них окончили курс 95, остальные, убоившись премудрости, бежали. Приведем два документа, свидетельствующих об отношении духовенства к цифирным школам и о состоянии последних: «В 1720 году белгородское провинциальное правление требовало от архимандрита Курского Знаменского монастыря учинить для обучения цыфири и некоторой части геометрии школу, с изъяснением, что скоро

²⁶ Обозрение Москвы, с. 147–148.

²⁷ Сборник..., с. XIX. Цит. по: Духовный регламент... СПб., 1820.

²⁸ Сборник..., с. XXIII слл.

для той науки и учитель будет прислан из Белгорода. Для школы в монастыре палата, по требованию правления, действительно была отведена; но палата запущенная — без оконниц и столов... Архимандриту предписывалось палату очистить, и оконницы, и столы, и скамьи, и все, что в той школе для того учения надобно, сделать неукоснительно, и что сделано будет, отвечать немедленно. Архимандрит отвечал, что помянутая палата не очищена, и оконницы и столы и скамьи не сделаны того ради, что в Курске на столы и на скамьи досок и прочего дерева, что в ту школу потребно, нет и купить в нынешнюю рабочую пору не добудешь, а дубу по указу царского величества рубить не велено, также и скамей в монастыре нет и купить не добудешь, да и школьникам в той палате быть и вместиться в ней не возможно, понеже и монахи и трудники монастырские в той палате не живут, видя в ней худость, которую починить невозможно... А есть в Курске городе в остроге построены три светлицы большие деревянные, в которыхх прежде бывали иноземцы и при них для обучения русские седельники и слесари, и оные светлицы две порожние, а в третьей мастеровых людей малое число, и помянутым школьникам в оных двух палатах быть пристойно и вместиться будет можно. Здесь-то архимандрит и просил поместить школу, дабы монахам и трудникам большого утеснения не было, понеже и кроме оных школьников в том монастыре имеет быть не малое утеснение»²⁹. В 1716 г. была организована цифирная школа в доме белгородского преосвященного Епифания; в 1723 г. учителя Привалов и Колесов докладывали в канцелярию Белгородского провинциального правления: «В школе, которая им отведена, печей нет и столы и скамьи побраны в дом к преосвященному Епифанию, незнаемо, на какие потребности, а в других двух светлицах с самого же начала поместился рещик Семен Туводцов, который в соборной церкви иконостас делал, и по сие время из них не выслан, и дров в ту светлицу ни откуда не дано, и оттого многие школьники разошлись, а в светлице, в которой учение было, означенный рещик Туводцов держит скотину»³⁰. По отрывкам из «Регламента...», приведенным в Приложении, читатель сможет убедиться, что школа Феофана содержала в себе ряд смелых новшеств и не соответствовала традиционному для духовных школ принципу распределения материала. Однако школа духовной ориентации оказалась для духовенства более привлекательной; из этого семени вырос «плод много», и одним из самых блистательных результатов этого поворота стало создание Харьковского коллегиума.

Ни одно царствование XVIII века не оказалось совершенно бесплодным: нашли свой отклик в среде духовенства поздние реформы Петра, его царственная супруга принимала с почетом в Петербурге приглашенных великим преобразователем академиком³¹; об эпохе Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны мы будем говорить подробнее. Однако массовой, народной школе приходится ждать долго. Духовенство, раньше других создав училища высокого уровня, традиционно опережает в просвещении дворян; последние вступают на эту стезю лишь постепенно, и М. П. А. П. Дмитриев пишет в «Мелочах...»: «Учились читать и писать; в ученье ограничивались этим. Но и то еще одни люди богатые и избранные. Бедные дворяне ничему не учились; привыкали только к хозяйству. Барыни и девицы были почти все безграмотные. Мать первой супруги нашего поэта, князя Ив. П. Мих. П. Долгорукого (он сам говорит это в своих записках) не умела ни читать, ни писать... — Собственно, о воспитании едва ли было какое понятие, потому что и слово это понимали в другом смысле. Одна из этих барынь говаривала: „Могу сказать, что мы у нашего батюшки хорошо воспитаны: одного меду невпроед было!“»³².

Уже после Петра цифирные школы были слиты с гарнизонными³³. Немногим лучше было положение специальных военных училищ (артиллерийских и морских, поскольку подготовку строевых армейских офицеров брала на себя Гвардия), и отставание дворянства в столь важной области было недопустимо. В 1731 году при Анне Иоанновне Миних учреждает Офицерское училище, названное вскоре Шляхетским Кадетским корпусом. «Программа его была чрезвычайно разносторонней, сама организация очень напоминала имперские „рыцарские академии“. < . . . > В программу Корпуса входили: богословие, юриспруденция, латынь, один из новых языков (огромное большинство выбрало немецкий, что не должно нас удивлять),

²⁹ Лебедев..., с. 4.

³⁰ Лебедев..., с. 5.

³¹ Подробно об этом см.: Н. П. И. П. Кузнецова. Социально-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII — середина XIX вв.). М., 1997. С. П. 40. слл. Там же — библиография.

³² Московские элегии... С. П. 151.

³³ Д. П. А. П. Толстой, *ibid.* с. 1 — 2. Указ об учреждении школ при гарнизонных пехотных полках был подписан 21 сентября 1732 г. 6 октября 1744 г. Сенат постановил: «Особливым арифметическим школам не быть, а соединить оныя с гарнизонными школами... и быть им в ведомстве оберкомендантов и комендантов». (Сборник, с. XXI).

география, математика, артиллерия, фортификация, верховая езда, фехтование и танцы»³⁴. Это учебное заведение оказалось притягательным для талантливой молодежи — его в свое время окончили Сумароков и Херасков, и оно заслуживает более подробного исследования³⁵.

Медленное, но уверенное распространение школ в первой половине XVIII столетия можно проследить на примере Петербурга, где все начиналось с чистого листа (хотя, как столица, он являлся во многом недостижимым образцом для тех городов, где не успела сложиться самостоятельная традиция). А. И. Богданов в «Описании Санктпетербурга» перечисляет тринадцать учебных заведений: Академии Наук и Художеств, «Академия, называемая Морская, в которой обучаются наукам, касающимся до мореплавания, то есть всей навигации и математики... начало свое воимела в прежде бывших Полатах, именуемых Кикиных, которые стояли против Адмиралтейства, на Набережной Линии, и оттуда, в 1731-м году, переведена на Васильевский Остров», «Кадецкой Шляхетной Дом, в котором обучают молодых шляхтичей военной экзерциции, инженерству, рисовальному искусству, математики, языкам, по-немецки, и по-французски, и по латине, и часть оратории, тонцовать, на рапирах и конной езде обучают», Инженерный Корпус, Гимназия при Академии Наук, Семинария Феофана Прокоповича (1721 г.), Семинария при Александроневском Монастыре, «при Санктпетербургском Гарнизоне Школа, в которой обучают салдатских детей... сим наукам: в первых, Десятословию Закона Божия, читать и писать, петь, арифметики, и геометрии, и военному артикулу. Состоялась сия школа 1722-го году тщанием тогда будучи комендантом Якова Христофоровича Бахмиотова», аналогичная Школа при артиллерии, Школа при Канцелярии от Строения, «в которой обучают детей той же Команды мастеровых чинов людей детей, которых, обучив, распределяют в разные художества, и к прочим делам», Школа при Адмиралтействе (подготовительная для Морской Академии) и Школа при Кронштадте, «в которой обучают тамошних жителей до арифметики»³⁶.

Таким образом из трех основных ветвей образования для юношей в России — духовного, военного и светского — последний вид, самый распространенный, появился позже всех (если не считать петербургской Академической гимназии, почти не имевшей учеников). Народная школа, как и государственное женское образование, будет дожидаться эпохи Екатерины II, а женские гимназии в России возникнут только при Царе-Освободителе...

ХАРЬКОВСКИЙ КОЛЛЕГИУМ В XVIII И НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ³⁷

Предусматривая создание широко разветвленной сети духовных школ, правительство предполагало, что предложенный курс будет предназначен не только для духовенства (как и случилось). Что же касается средств, необходимых для содержания планируемых духовных училищ, то было предписано брать двадцатую долю хлеба с монастырей и тридцатую — с церковных земель³⁸ (нежелание тратить на просвещение государственные средства впоследствии будет свойственно и Екатерине Великой). Во главе школ Регламент ставит ректора и префекта, которым предписывается посещать не менее двух школ, т. е. классов), в неделю, и под страхом жестокого наказания следить, чтобы ученики прошли курс до конца. Различие в их полномочиях и обязанностях Регламентом не устанавливается; по-видимому, это казалось совершенно очевидным для клира петровских времен и не требовало пояснений. Строгое и

³⁴ См. А. И. Керсновский, История русской армии, т. I, М., 1992, с. 70.

³⁵ Наиболее плодотворный способ исследовать «круг чтения» учебных заведений, если нет прямых свидетельств в виде школьных программ — крайне трудоемкое исследование художественных произведений, написанных выпускниками таковых, с точки зрения поиска реминисценций: в общем виде не вызывает сомнения то, что школьное чтение оказывает значительное влияние на круг чтения вообще. Самая простая разновидность — художественные переводы. В качестве доказательства приведем прекрасное издание греческих стихов с параллельными немецкими переводами *Griechische Gedichte mit Uebersetzungen deutscher Dichter. Herausgegeben von Horst Rüdiger. München, 1972.* — знаменитое анакреонтическое стихотворение «К кифаре», традиционно читаемое в школах, приведено в семи перевордах!.. В «Россиаде» чувствуется — прямое или опосредованное — влияние Вергилия, Овидия, Лукана (подробнее об этом см. мою статью «„Россиада“ М. М. Хераскова и латинская эпическая поэзия», Греко-Латинский кабинет, выпуск 3, М., 2000, с. 28–42).

³⁶ А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (создано в 1749–1751 годах). С. 161–165.

³⁷ Впервые очерк о Коллегиуме был включен в Топографическое описание Харьковского наместничества... М., 1788. С. 138 слл. Данная статья в основном опирается на сведения, собранные в двух работах: Багалея, I и II, и монографию Лебедева, а также на статьи, приведенные в первом из упомянутых трудов (С. 391–392): на них будут даваться отдельные указания.

³⁸ С. 33.

четкое строение русской духовной школы здесь предстает в искаженном виде; вводится ненужная «политика», философия разделяется на несколько классов, а предметы «реального» цикла образуют собственные классы, вместо того чтобы войти в состав основных. Однако, по-видимому, все довольно скоро вернулось на круги своя: уже в жалованной грамоте Императрицы Анны, о чем пойдет речь ниже, упоминаются пиитика, риторика, философия (не предусмотренная Регламентом как отдельный класс и разбитая на логику, диалектику и метафизику) и богословие, а вовсе не эти нововведения. Харьковский Коллегиум вместе с другими духовными школами вернулся на прежнюю стезю: вбирая естественнонаучные предметы и новые языки, он к началу XIX в. включал в себя три грамматических класса (начальный, средний и высший), пиитику, риторика, философию и богословие³⁹. Регламент предписывал содержать школы в сельской местности, подальше от шума и соблазнов; в этом отношении также дело обстояло совершенно иначе: когда в 1739 г. епископ Петр Смелич перевел коллегиум в связи с эпидемией в свою слободу Грайвороны и хотел оставить там, когда опасность уже миновала, Синод указал ему: «Таковым знатным училищам в селех быть весьма неприлично, а наипаче от внешних стран имеет быть не без зазрения»⁴⁰.

Первоначально славяно-греко-латинские школы были созданы в Белгороде, где был архиерейский дом пастыря Левобережной Украины преосвященного Епифания Тихорского. Начало было положено в 1722 году, а через четыре года в училище было уже шесть классов (до риторики включительно). Но князь Михаил Михайлович Голицын, который в то время управлял Слободской Украиной с резиденцией в Харькове, уговорил преосвященного Епифания перевести туда новосозданную школу. Впоследствии Голицын был одним из наиболее влиятельных покровителей Коллегиума, и память о нем всегда свято чтится в стенах училища; приведем его предписание подведомственным чинам: «По указу Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийской и проч. Азь, учрежденный Ея Императорскаго Величества над войсками генераль фельдмаршалъ и кавалеръ ордена Св. Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, и лейбъ-гвардіи полку Семеновскаго полковникъ, симъ объявляю: которыя мѣстности, принадлежащія до Харьковскаго Коллегиума, состоятъ въ полку Харьковскомъ, тѣхъ мѣстностей обывателемъ обидь и налогъ, кто бѣ, какого званія ни былъ, не показывать, и сверхъ опредѣленнаго по указамъ Ея Императорскаго Величества, безденежно ничего не брать, высшимъ — под опасеніемъ воинскаго суда, а нижнимъ — наказанія на тѣхъ, по силѣ преступленія; того ради во вѣрность сего подписую рукою своею властною, съ приложеніемъ печати. Москва, марта 19-го дня 1730 года. Князь Голицынъ»⁴¹.

Коллегиум был поставлен на более широкую ногу, распахнул свои двери для представителей всех сословий и сразу же стал важным центром просвещения левобережья Днепра. Отмечая эти ожидания, один из сотрудников училища, «авдитор риторского ученья» Илья Филиппович, поднес преосвященному пространный адрес с такими силлабическими виршами⁴²:

Да слышать прилежно днесъ сія вси языцы,
 Да зрять премудрыхъ мужей краснѣйшія лица,
 Притецѣте смѣло вси окрестныя страни,
 Да увидите домъ сей мудрости безъ брани,
 Епископомъ Тихорскимъ въ Харьковѣ преславно
 Созданный тако всей Россіи явно.
 Днесъ паче Украино свѣтлѣе малѣйша,
 Иногда мала суца, нынѣ же честнѣйша,
 Сицевый премудрости домъ въ себѣ имуща,
 Прославляйся днесъ всяко въ веселіи суца;
 Восплещи нынѣ крили, орле двоглавній,

³⁹ «К концу царствования Анны Иоанновны (1740 г.) насчитывалось уже 17 семинарий типа средних школ. Однако, это был лишь „тип“ средних школ, но не полнота их предметов и ступеней. Не хватало ни учителей, ни материальных средств. Даже аннинское “кабинетское” правительство, взявшее в свой контроль все хозяйство церковных земель, убедилось на деле, что развернуть полную программу духовных школ, даже только с материальной стороны, архиереям непосильно. В 1738 г. поставлен был впервые вопрос о казенных „штатах“ для семинарий. Но „временно и пока“ различные ассигновки получили только три „видных“ семинарии: СПб Невская, Новгородская и Казанская. Жестокое аннинское „разборы“ уменьшали количество кандидатов, навстречу этому шел недостаток самих учителей. Так на деле и получалось, что и набирать в школы учеников приходилось силой и учить их удавалось едва грамматике, не доходя даже до риторики, не говоря уже о философии. Единственно в Харьковском Коллегиуме возвысились до богословия» (Карташев..., с. 548).

⁴⁰ Лебедев..., с. 9.

⁴¹ Свящ. Дм. Феодоровский. Очерк... С. 177–178.

⁴² Лебедев..., с. 36–37.

Превозноси свой скипетръ великодержавній,
Храни сіе Тихорскимъ собранное стадо,
Покрый своими крыли, яко отецъ, чадо,
Имъ же и самъ повсюду присно прославляйся,
Аки крины удольны, онымъ украшайся;
Днесъ помощію Бога Тихорскимъ собранно
Веселися, еси бо стадо предъизбранно...

Коллегиум разместился в доме в центре города, купленном за 500 рублей у полковника Лаврентия Шидловского⁴³ (где и размещался до 1850 г.); привести его в состояние, пригодное для занятий, стоило немалых трудов. Князь Голицын, епископ Епифаний и многие жители города внесли в Покровский училищный монастырь, при котором состоял коллегиум, щедрые дары: преосвященный пожаловал ему доходы от чудотворной иконы Каплуновской Божией Матери (до 600 рублей в год), дворовое место было пожертвовано вдовой сотника Даниила Леонтиева Черняка, Агафьей Григорьевой дочерью 1729 года «в вечное богомолье к новоустрояемым славяно-греко-латинским школам» (позднее, в 1770 г., стараниями преосвященного Самуила здесь был построен одноэтажный корпус под именем Бурсы для помещения воспитанников-сирот духовного звания). В городе коллегиуму принадлежало более 30 дворовых мест с разными постройками, в т. ч. постоянными дворами, питьевыми домами и пивоварнями, а за городом — лучшие уголья. Взимался в пользу училища и назначенный регламентом сбор. Кроме того, епископ Епифаний сумел выхлопотать у Императрицы Анны Иоанновны жалованную грамоту Коллегиуму; библиотека последнего по указанию Самодержицы получила книжное собрание Стефана Яворского.

У этой щедрости была, конечно, и своя теневая сторона. Преосвященный Досифей, белгородский епископ, 29 октября 1732 г. докладывал Св. Синоду:

«Давно бы мнѣ надлежало вашему святѣйшеству учинить вѣдѣніе о нуждахъ Коллегиумъ Харьковскаго, но я ожидалъ отъ вашего святѣйшества на прежнее мое доношеніе резолюціи, якую нынѣ получа, вашему святѣйшеству всемирно предъявляю. Надлежитъ при коллегиумъ харьковскомъ устроить семинаріумъ, ограду каменную, не худо бы и кельи каменные устроить; часы надобно устроить же; въ С.Петербургѣ надобно посылать выправлять грамоту на починки и на прочіе грунта, чтобы коллегиумъ харьковское могло имѣть на чемъ жить основаніе; церковь еще недостроена, иконостасъ въ церковь дѣлается, надлежитъ заплатити сницарямъ (резчикамъ — А.П.Л.) триста рублей; малярю — ево всѣ материалы и золото — восемь сотъ рублей надлежитъ заплатити же, колоколь подрядили дѣлать во сто пудъ; въ дополненіе библиотеки много еще надобно казны. Студенты, которые посланы отъ покойнаго антецессора въ Германію для наученія, требуютъ на вексель двѣсти червонцевъ. И на оныя нужды откуда мнѣ получить иждивенія, прошу всемирно вашего святѣйшества резолюціи. А мнѣ келейнымъ моимъ доходомъ когда бы Богъ пособилъ домъ архіерейскій, отъ двадцати лѣтъ впусти стоячій, елико мощно поисправитъ: бо не точю людемъ моимъ, но и мнѣ самому жить негдѣ, живу якъ схимникъ, одна келейка да ковнатка (sic — А.П.Л.) деревянная, и то весьма ветхія; всѣ сгнили. Покойный Іустинъ Васильевичъ устроилъ каменную ограду, и та вельми худо строена, вся валяется. А послѣ ево въ домъ архіерейскомъ никто ни на полтину ничего не устроилъ: все обветшало, единъ срамъ только — домъ архіерейскій стоитъ. Еще же вашему святѣйшеству всемирно предъявляю, что антецессоръ мой коллегиумъ харьковское строилъ такимъ видомъ: имѣлъ великаго патрона и почитай онъ фундаторъ того коллегиумъ — покойный князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ. Он и своимъ знатнымъ укладомъ, и здѣшнихъ господъ всячески и прошеніемъ и приказаніемъ понуждалъ на строеніе того коллегиумъ. Такожъ и антецессоръ многими прошеніями во всей епархіи и съ господъ, и съ священниковъ денежно и прочими запасами на тое коллегиумъ собиралъ. А сверхъ того отчинки домовыя, которыхъ самое малое число имѣется, всего тысяща душъ, вовсе разорилъ. А которая слобода Черкасъ, тые разошлись для несносной коллегиумъ харьковскаго работы, о чемъ здѣсь всѣмъ обывателямъ извѣстно. О чемъ вашему святѣйшеству благопочтенно, при всенижайшемъ поклоненіи, предъявляю»⁴⁴.

Безусловно, не всеми средствами Коллегиум мог располагать по своему усмотрению. Многие доходы присваивались архиерейским домом, по поводу чего возникала неприятная переписка с Синодом. Кроме того, церкви и монастыри, особенно бедные, всячески уклонялись от назначенного сбора, ссылаясь на то, что Коллегиум и так достаточно обеспечен. Но при всем при том можно сказать, что это была одна из наиболее зажиточных духовных школ в России (вплоть до царствования Екатерины II). Конфискация церковных земель изменила материальные источники: вместо хлебного сбора в 1765 г. велено было отпускать Коллегиуму ежегодно по 816 рублей 39 3/4 коп. С 1780 г. в казну отошли доходы от иконы Каплуновской Божией Матери, взамен чего по новым штатам стали отпускать по 2000 рублей в год (вплоть до 1817 года). Но

⁴³ Сведения о недвижимости и доходах коллегиума: Багалей, I.

⁴⁴ Свящ. Дм. Феодоровский, *op. cit.* С. 659–660.

училище не было оставлено меценатами: сын уже известного читателю князя Голицына Дмитрий Михайлович⁴⁵ пожертвовал 10. 000 р., Марья Петровна Шереметева, урожденная Голицына, — столько же в пользу бедных учеников, и еще ту же сумму для них же и для наставников. Александр Михайлович (двоюродный брат Дмитрия Михайловича) внес 5. 000 руб. в пользу бедных учеников, а граф Николай Петрович Румянцев, родной племянник Михаила Михайловича Голицына по матери, — 2. 000 (для чеканки серебряных медалей на проценты с суммы). Проценты с этого капитала составляли 1750 рублей в год.

Содержание наставников было довольно скромным⁴⁶. При Епифании Тихорском учителя начальных классов получали по 5 рублей в год (не считая хлебной руги), средних — по 8 рублей, шестого — 12 рублей, учитель философии — 14 рублей. В 1757 г. на жалованье учителям расходовалось 335 рублей. С 1765 г. годовое жалованье учителей было увеличено до 566 р., но они были лишены монастырского содержания. Для сравнения: жалованье профессора Императорского Московского университета екатерининской эпохи — 400–500 рублей в год (что не обеспечивало роскошной жизни).

В XVIII в. коллегиями руководили следующие ректоры и префекты (многие из них позднее проявили себя с лучшей стороны на церковном поприще): ректоры — Платон Малиновский из Московской академии, впоследствии архиепископ Московский; Варлаам Тицинский (именно при нем училище достигло такой зрелости, что появилась возможность преподавать богословие); он был (как и преемники до 1742 года) архимандритом Старо-Харьковского Куряжского монастыря; Митрофан Слотвинский (впоследствии ректор Московской академии и архиепископ Тверской); Афанасий Топольский (первый, посвященный в архимандриты Покровского училищного монастыря); Гедеон Антонский, Рафаил Мокренский, Константин Бродский (прежде — префект Московской академии), Иов Базилевич, впоследствии Переяславский епископ; особенно велики его заслуги в создании библиотеки Коллегиума, для которой он устроил помещение и пожертвовал много книг; Лаврентий Кордет, построивший каменный Сиропитательный дом для бедных учеников; Варлаам Мисловский (из учителей Коллегиума; вершина его карьеры — ректорство в Киевской академии); Василий Базилевич; архимандрит Досифей (последний управлял Коллегиумом до 1800 г., когда была учреждена Слободскоукраинская епархия и Покровский монастырь превратился в архиерейский дом).

Префектами Коллегиума были иеромонахи Иларион Григорович, Митрофан Слотвинский, Кирилл Галич, Афанасий Топольский, Гавриил Запрудинский, Амвросий Попель, Рафаил Мокренский, Епифаний Белгородский, Иакинф Карпинский, Феофан Федоровский, Иов Базилевич, Лаврентий Кордет, Филарет Финевский, Михаил Шванский (священник, позднее протоиерей Успенского собора; о нем еще пойдет речь ниже), Иеракс Емельянов (иеромонах), Андрей Прокопович. Сравнивая эти списки, можно сказать, что назначение префекта на ректорскую должность не было правилом, но не было и исключением; к последнему случаю можно отнести ту ситуацию, когда ректором становится учитель, не бывший префектом.

Теперь обратимся к предметам и способу их преподавания. Естественно, основой всего курса был латинский язык: предметы высших классов читались по-латыни, и положение изменилось сравнительно поздно (по-видимому, в александровскую эпоху, а, возможно, и в николаевскую). Е. П. Топчиев, питомец Коллегиума уже в XIX столетии, сообщает⁴⁷: «Меня и брата... определили в Харьковский Коллегиум. Во время моего там ученья в первых трех классах господствовал латинский язык, до того, что переводили из класса в класс единственно по успехам в нем; в прочих же предметах экзаменовали так снисходительно, что не отвечай ни из одного, — незнание не было ученику препятствием к переходу в высший класс. Кто мог отвечать учителю латинской фразой и при этом вел себя добропорядочно, тот сидел на первой скамье, как прилежный ученик, — а этой чести добивались многие и оттого у учеников и вошло в обычай говорить по латыни и между собою, сперва с примесью русских слов, смотря по тому, какого класса был говоривший; но дойдя до риторического, уже каждый объяснялся свободно, без примеси русских слов. В моей памяти осталась жалоба ученика инфимы... на другого: „Его став на каменючку; ille пхнув; его покотывая, сарут розбився, а sanguis в дирочку дзюр-дзюр“». О том, что это был единственный основательно преподававшийся предмет, вспоминал и М. П. Т.

⁴⁵ Кроме того, в память благодетелей своего отца он пожертвовал коллегиумской библиотеке бронзовые медали (Топографическое описание. С. П. 135).

⁴⁶ Рубль 1730-х гг., по подсчетам В. П. О. Ключевского, был по своей покупательной способности в 10 раз выше, чем в его время, а 1740-х — в 9 раз (Русский рубль XVI–XVIII вв...). Отличительная черта екатерининской эпохи — сравнительно высокий уровень инфляции. Поэтому цифры не должны вводить в заблуждение.

⁴⁷ Багалея, П. С. П. 688–689.

Каченовский⁴⁸ (к чьему свидетельству о жизни Коллегиума мы еще обратимся). Латинскому языку обучали прежде всех прочих⁴⁹ (за исключением, конечно, русского, который создавал дополнительные трудности для коллегистов: украинцу очень тяжел чистый, без акцента великорусский выговор, а перипетии карьеры духовного лица требовали его безусловно). Каким образом проходили занятия и в чем заключались основные виды заданий (так называемые экзерциции и оккупации⁵⁰).

Сохранившиеся листы из ученических тетрадей 1750–1753 годов помогают нам проникнуть на урок. Приведем некоторые фразы на русском языке с их латинскими переводами. Безусловно, вполне оценить их могут лишь те, кто владеет латынью; мы же себе позволим лишь одно замечание. Очевидно, что преподавание ориентируется не на классическую грамматику, а на язык Вульгаты, хотя и он не воспроизводится точно (*quod*, а не *quia* для союза *что*). Судя по синтаксису нижеприведенных фраз, он относится к достаточно элементарному курсу; но этого нельзя сказать о лексике, и по сравнению с современным способом преподавания старый придает последней первенствующее значение. К сожалению, разрозненные листы не содержат имен ни учеников, ни учителей, и вообще никаких рамочных сведений; можно только догадываться, к какому году обучения относятся эти работы (мы предполагаем среднюю ступень, год третий-четвертый).

Ѓ уповаю, что вы немалую честь и похвалу обрящете, ежели въ ученꙗхъ своихъ такъ <будете? — А. Л.>⁵¹ поступать и успѣвать, какъ въ первомъ Училищи вамъ Ежеденное наставленꙗе къ тѣмъ подается; абудели ничего неразсуждая иначе здѣлаете, нетокмо того добра неполучите, тое есть похвали незаслужите, но еще до нѣкоего безчестꙗя прийдете.

Ego spero, quod vos n parvDu honorem et laudem obtinebitis, si in literis vestris ita procedetis et proficietis, sicut in prima schola vobis quotidiana instructio ad has traditur; at si nihil considerando aliter facietis, non solum hoc bonDu n possidebitis, hoc est laudem n merebitis, sed etiDa ad aliquDa ignominiDa provenietis⁵².

Никакой причины таковой немыслийте, закоторою бы ви могли пренебрегать ученꙗе свое но оную всячески пресѣкайте, которꙗи се усердно желаете умъ свой болшимъ и изобилнѣйшимъ познанꙗ свѣтомъ просвѣтити.

NullÅa causÅa talem fingite, ob quÅa vos potestis negligere doctrinÅa vestrÅa, sed illam prorsus abscindite, qui ardentem cupitis animÅu vestrÅu maiore et abundantiore luxu⁵³ illustrare.

Цвѣтъ юности вашей сколь красенъ есть, столь добръ и плодovitъ бити долженствуетъ. Красота бо его безъ плода ничтоже есть. Зане малѣе свѣтлꙗется потомъ исчезаетъ а плодъ, которꙗй есть добронравꙗе и чистота житꙗя и свѣтлꙗня вовѣкъ пребываетъ.

Flos iuventutis vestris⁵⁴ quantum pulcher est tantum bonus et fructifer esse debet. pulchritudo quum illius sine fructu⁵⁵ nihil est. quia paulisper existit deinde evanescit, at fructus qui est probitas morum castitas vitae et sanctitas in aeternÅu permanet⁵⁶.

И еще одно упражнение, первая часть которого представляет собой, по-видимому, проповедь на Евангелие от Иоанна (3, 16)⁵⁷; в отличие от первого, оно написано двумя столбиками, и мы воспроизводим его внешний вид; иногда текст читается с большим трудом, в одном месте часть листа оторвана, и наши реконструкции отмечены знаком вопроса:

БДгъ одць послалъ сДна сво<его> Deus pater misit filiDu suDu unigenitDu in

⁴⁸ Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842), профессор с 1810 г., ректор университета с 1837 г. Издатель, историк; известен своим критическим отношением к источникам по русской истории (в частности, не признавал подлинность «Слова о Полку Игореве»).

⁴⁹ См. напр. инструкцию ректору Иову и префекту Михаилу Шванскому (Лебедев..., с. 73: «Ученикам латинской грамматики отнюдь не позволять другим языкам учиться, по тех пор, пока из класса грамматического как латинского, так и российского не выйдут» (к сожалению, по соображениям места мы не можем привести этот замечательный документ целиком).

⁵⁰ Лат. *occupatio* (дословно: занятия).

⁵¹ Здесь и далее угловые скобки означают, что либо оторван край листа, либо написанное испорчено вплоть до неузнаваемости. Где решение кажется мне очевидным, я предлагаю его под знаком вопроса.

⁵² После упражнения рукой учителя написано: *Correcta lectaq. Pulchre* (Исправлено и прочтено. Прекрасно).

⁵³ X зачеркнуто рукой учителя, поверх написано с.

⁵⁴ Is зачеркнуто рукой учителя, поверх написано ж.

⁵⁵ Буква s практически стерта.

⁵⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 310. Ед. хр. 72. Л. 8, 1 об., 1. В конце рукой учителя написано: *Correcta. Pulchre*. (Исправлено. Прекрасно).

⁵⁷ Там же. Л. 4, 4 об., 3, 3 об., 6 об., 6, 2.

Единороднаго въ миръ да всѣкъ въ рушй въ него непогибнетъ, но имаетъ животь въ чнѣй. Сѣшъ немногая словеса Сдписателя нДшего Іисуса Хрдта до фчей намъ показываютъ, отъ которой бл ди БДгъ всякаго ЧДлвка въ него въ рующаго освобождаетъ и котораго бДлженства сподобляетъ, освобождаетъ его отъ ада преисподнѣйшаго, и сподоблѣтъ рая краснѣйшаго, освобождаетъ его отъ горкихъ мукъ въ чнихъ, сподобляетъ сладчайшаго нанебесѣ хъ упокоенѣя и въ чнаго со ангели пребиванѣшъ, наконецъ изимаетъ его изрукъ темнѣя власти и приводитъ вовладѣнѣе небесной владѣти. За таковѣи убо бДлгодѣ шнѣя бл днѣй человѣкъ отъ себе никакаваго доволствѣя такого неимѣтъ которимъ би Спасителевѣ своему бДлгодарить возмогъ развѣ вмѣсто всякаго своего бДлгодаренѣя сѣи три изѣщнѣишѣи добродѣтели, въ ру, надежду, и любовь къ бДгу представлять, въ жѣтѣи своѣемъ не тяготѣются, которими воѣмъ лѣи <?> Его сДтой <...> угодить можеть.

Аще брань на землѣ ссупостатомъ полная есть страха и ужаса, колми паче страшнѣйшая и ужаснѣйшая есть нанебеси сДтаго Архангела Михаила и прочѣихъ ангеловъ со змѣемъ подвигнувшаяся брань. ибо на сѣю ангелскѣе полки, на фную же чДлвческѣе исходѣтъ, на сѣю ангелское воинство безчисленное⁵⁸ летить, на оную же чДлвческое множество грѣдетъ, на сей самѣи ангели противнѣе себѣ сражаются, а на оной чДлвцы, на сей безмертнѣе духѣи крѣпко воинствуютъ⁵⁹, а на оной мертвѣе чДлвцы: того ради какъ неравнашъ есть ангеловъ и человѣковъ брань, такъ и побѣда. Затѣмъ аще чДлвцы побѣдоу супостатовъ своихъ похваляеми и прославляеми бивають, колми паче ангели овѣи похваляеми и прославляеми бити должны, которѣи пресилнаго и прегордаго того змѣя съ ангелами его побѣдили, которѣи въ себѣи говорилъ на небо взийду, и вишней звѣздѣ небеснихъ поставлю престоль мой, и сяду нагорѣ високой <...> буду равень вишнему.

mDudum un quilibet credDes in illDu nDo per-eat⁶⁰, sed habebit⁶¹ vitDa aeternam. Haec pauqa verba Salvatoris nostri J<esu?> Christi ad oculos nostris mDostrant, a quo periculo Deus quem libet hominDe in illDu credentDe liberat, et qu<Da?> beatitudinDe <di>gnum efficit, liberat illum ab inferno imo et dignDu efficit paradiso venustissimo illum a gravibus paenis aeternis, dignDu efficit dulcissimae in celis recvie et aeternDa cu<m ange?>lis conversati<onDe?>, erigit illDu <e manibus?> tenebrosae potestatis et adducit indominium caelestis potestatis; pro his igitur beneficis miser homo a se nullDa suficienDa ejus modi nonhabet⁶² qua Salvatori gratias agere potest⁶³ nisi loco quemlibet suDa⁶⁴ cratitudinDe⁶⁵ has tres excelDetes virtutes fidDe, spem, et charitatem, ad Deum⁶⁶ exhibere in vita sua nDo gravabitur, quibus voluntati ejus sanctae optime placere potest⁶⁷.

Si bellum in terra cum inimico plenum est, timore premore quDado majis horrendius et trepidius est in caelo sDacti archangeli Michaelis et ceterorDu angelorDu сДу dracone сДомотDu bellum. quandoquidem ad hoc angelorum legiones, ad illud autem hominDu exedut, ad hoc angelorDu exercitus in numerabilis advolat, in istud autDe hominDu multitudo pergit, ad hoc ipsi angeli contrarij sibi cogrediDutur, at in hoc homines, in hoc imortals spiritus fortiter militDat, at in hoc mortals homines: idcirco sicuti dispar est angelorDu et hominDu bellum, ita et victoia. Propterea si homines victoria hostiDu suorDu laudati et clorificati⁶⁸ sDut, quDato majis angeli Dei laudati et clorificati esse debent, qui fortissimum et superbissimum illum draconem cum angelis sujs vicerDut, qui intra se dixit, in caelDu ascendDa, et supra caelesta collocab<o?> tchronum meum et sedebo in monte alto, atq ero similis excelso⁶⁹.

⁵⁸ Второе *n* вставлено сверху рукой учителя.

⁵⁹ В словах противнѣе и воинствуютъ *n* вставлено сверху рукой учителя.

⁶⁰ Зачеркнуто рукой учителя *ea*, исправлено на *ire*.

⁶¹ Зачеркнуто рукой учителя *ebi*, исправлено на *ere*.

⁶² После зачеркнуто *ut*.

⁶³ Зачеркнуто *test*, сверху рукой учителя написано *ssit*.

⁶⁴ В конце слова добавлено *e*.

⁶⁵ Вместо зачеркнутого *De* рукой учителя вписано *is*.

⁶⁶ *Ad* и *t* зачеркнуто рукой учителя, *u* исправлено на *o*.

⁶⁷ После упражнения надпись рукой учителя: *Correcta et lecta* (Исправлено и прочтено).

⁶⁸ Sic.

⁶⁹ Надпись в конце рукой учителя: *Correcta et lecta*.

При серьезном отношении к латинской грамматике и беглости разговорной речи поражает скудость читаемого корпуса текстов: в инструкции, на которую мы уже ссылались, упоминаются (в риторическом и поэтическом классах) дистихи Катона⁷⁰, Федр, Овидий (одна элегия из *Tristia*) и одна ода Горация; из Цицерона — речь за Кв. Лигария, также некоторые речи из Саллюстия, Курция и того же Цицерона *De officiis*⁷¹, а из новолатинских авторов — Мурета речь о пользе и превосходстве свободных наук⁷². Впрочем, изучение российской словесности (по вполне понятным причинам) основывалось на еще более скудной программе. Итак, можно сделать вывод, что чисто языковые задачи стояли на первом плане при изучении латыни (в отличие от московских гимназий и Благородного пансиона, где то и другое находилось в равновесии).

Новым языкам — как, впрочем, и древнегреческому — уделялось тоже пристальное внимание. Изучению последнего способствовала близость греческой колонии в Нежине; что же касается первых, то белгородские архиереи не жалели средств и трудов для этого. Так, еще преосвященный Епифаний отправил нескольких лучших студентов за границу для этой цели. На рубеже тридцатых-сороковых годов епископ Петр Смелич расширил круг преподаваемых предметов (что как раз и делало Коллегиум привлекательным не для одного только юношества из духовного сословия). При нем существовали классы французского языка, истории и математики; но потом, в 1741 г., они были упразднены (что можно характеризовать как временный упадок преподавания). Однако преподавание математики и новых языков было восстановлено при Екатерине II: 6 июля 1765 г. она написала в инструкции губернатору Слободской Украины: «Къ преподаваемымъ нынѣ въ Харьковскомъ коллегиумѣ наукамъ, прибавить классы Французского и Немецкого языков, *Математики и Геометрии и Рисования*, а особливо Инженерства, Артиллерии и Геодезии, на что и сумма до трех тысяч рублей из неокладных доходов определяется, и у кого тот Коллегиум в ведомстве состоит, с тем губернской канцелярии о лучшем восстановлении и распространении наук, дабы со временем для общества могла быть польза, учиня сношение, употребить общее старание, и что учинено будет, представить Правительствующему Сенату»⁷³.

Эти классы⁷⁴ были учреждены⁷⁵; А. П. С. Лебедев в своей работе приводит «рописание часов, по которым имянно должны обучаться как латинского языка, русской грамматики, риторики и поэзии, тако ж и языков иностранных и других искусств, в новоприбавочных классах преподаваемых Харьковского Коллегиума ученики»⁷⁶:

Часы	Въ понедѣльникъ поутру:
7	Греческаго языка.
7 и 8	Итальянскаго языка.
8 и 9	Грамматики латинской и начатковъ латинскаго языка.
10	Российской грамматики, а должны обучаться как ученики латинской грамматики, так ученики перваго класса.
9	Риторики и пиитики латинской.
10	Те ж самыя ученики риторики российской и стихотворства.
9 и 10	Философїи и богословія.
11 и 12го половина	Нѣмецкаго и французскаго языков, ариѳметики, геометрии и рисованья.
	После обеда:
1 и 2	Грамматики латинской и начатковъ латинскаго языка.
3	Грамматики российской, а должны ученики обучаться всѣмъ тѣмъ, которые и поутру обучаются.

⁷⁰ В эпоху Средневековья эта элементарная (но не без определенных дидактических достоинств) поэзия широко использовалась в преподавании; современным латинистам имеет смысл обратить на них внимание.

⁷¹ «Об обязанностях».

⁷² M. Antonii Mureti Oratio de utilitate ac praestantia litterarum humaniorum adversus quosdam earum vituperationes. Habita Venetiis Anno MDLV. Текст см., напр., *Orationes Latinæ virorum recentioris aetatis disertissimorum in usum juventutis litterarum studiosæ collegit et brevi annotatione instruxit Antonius Baumstark. Friburgi, 1835. P. 62–70.*

⁷³ Инструкция Слободской губернии Губернатору с губернской и провинциальными канцеляриями. Подлинная по Высочайшей Е. И. В. конфирмации, за подписанием Правительствующего Сената. Печатана в Санктпетербурге при Сенате Июля 6 дня 1765 года. § 20. С. 12.

⁷⁴ 1768 г.; приведенное расписание — 1769 г.

⁷⁵ Впоследствии, при учреждении Харьковского народного училища (середина восьмидесятых годов), они вошли в его состав.

⁷⁶ Лебедев..., с. 58–59. Положение о прибавочных классах см. Багалей, I. С. 551 слл.

1 и 2го половина	Латинской риторики и піитики.
2го половина и 3	Россійскаго краснорѣчія и стихотворства.
2 и 3	Философіи и богословіи.
4 и 5	Архитектуры, исторіи и географіи.
6 и 7	Живописи. Рисованья другой разъ, то есть по обѣдѣ, въ 2 и 3 часа ученикамъ Кол. Во вторник поутру:
7	Греческаго языка.
7 и 8	Итальянскаго языка.
8 и 9	Грамматики латинской и начатковъ латинскаго языка.
10	Россійской грамматики.
9	Латинской риторики и піитики.
10	Россійскаго краснорѣчія и стихотворства.
9 и 10	Философіи и богословіи.
11 и 12го половина	Ариѳметики и геометріи. По обѣдѣ :
2 и 3	Нѣмецкаго и французскаго языковъ, такожъ архитектуры.
6 и 7	Живописи. По сей росписи и въ четвертокъ обучать. Въ субботу поутру:
7	Греческаго языка.
7 и 8	Итальянскаго языка.
8 и 9	Грамматики латинской и начатковъ латинскаго языка.
10	Россійской грамматики.
9	Латинской риторики и піитики.
10	Россійскаго красноречія и стихотворства.
9 и 10	Философіи и богословіи.
11 и 12го половина	Французскаго и нѣмецкаго языковъ, ариѳметики и геометріи. По обѣдѣ
1 и 2	Латинской грамматики и начатковъ латинскаго языка.
3	Россійской грамматики.
1 и 2го половина	Латинской риторики и піитики.
2го половина и 3	Россійскаго краснорѣчія и стихотворства. По сему росписанію обучать въ зимніе мѣсяцы отъ октября до апреля.

Эти классы, по утверждению исследователя, организованы были так, чтобы занятия могло посещать не только харьковское юношество, но и сами коллегиумисты: по-видимому, подразумевается, что им были интересны в этой программе дополнительные предметы, преподававшиеся во второй половине дня, и новые языки. Когда главнокомандующий Второй армией граф П. И. Панин в 1770 г. был проездом в Харькове, ученики Коллегиума говорили в его честь речи на немецком, французском и итальянском языках, причем выбирались для этой цели такие коллегиумисты, которые могли и отвечать что-то графу с достойным произношением. Что же касается греческого языка, не будем забывать, что один из выдающихся русских эллинистов первой половины XIX века — переводчик *Илиады* Н. И. Гнедич — питомец Харьковского Коллегиума. Но в 1794 г. — когда тучи на политическом горизонте Франции сгустились окончательно — французский язык показался подозрительным, и было велено оставить его преподавание в духовных училищах.

Философское преподавание (по крайней мере во второй половине XVIII столетия и в начале XIX-го) ориентировалось на вольфианскую систему (что отнюдь не является отличительной чертой нашего училища). Богословское⁷⁷ основывалось на системе Феофана Прокоповича; но в уже известной нам инструкции благоразумно предписывалось «лишнюю в оной риторическую красоту и некоторые ругательные слова совсем исключить, однако самый чистый его латинский штиль безо всякого повреждения везде оставить»⁷⁸. Впрочем, ученики из дворян не оканчивали богословские классы; последние предназначались только для духовенства.

⁷⁷ Класс впервые открыт в 1734 г. (Свящ. Дм. Феодоровский, *op. cit.* 1863. С. 175).

⁷⁸ С. 60.

Как и предполагалось по Регламенту, это был самый длительный курс: но если Феофан Прокопович отводил на него два года, то в Коллегиуме он растягивался в описываемую эпоху до четырех. Ученики двух старших классов не писали эзерциций и оккупаций, а проводили диспуты на русском и латинском языках; от учеников богословия требовалась также подготовка проповедей чистым российским штилем.

Академик Зуев свидетельствует⁷⁹: «Восстановлением и учреждением нового порядка со введением некоторых новых наук — как истории и географии, вследствие чего начали посещать Коллегиум из уезда помещичьи дети, обязано это училище нынешнему Белгородскому епископу Аггею». В 1795 г. преосв. Феоктист ввел в преподавание физику и естественную историю. Но ими интересовались и намного раньше, когда наше училище только было создано. В. П. Н. Каразин, основатель Харьковского университета, пишет: «Что в Коллегиуме занимались науками еще в царствование Императрицы Анны Иоанновны, нашел я доказательство в письме путешественника, Академии Наук адъюнкта Юнкера, к тогдашнему президенту Академии барону Корфу. Ученый этот хвалит просвещение ректора и префекта и просит содействовать ему к доставлению, в сходство желания их, физических инструментов, именно воздушного насоса и электрической машины»⁸⁰. В 1798 г. в оде, поднесенной епископом Феоктистом Императору Павлу, так описывался круг дисциплин, преподаваемых в Коллегиуме:

Здѣ съ изъясняются намъ тайны Божества,
Познаніе причинъ, наука естества;
Межъ риторствомъ простымъ и риторствомъ церковнымъ,
Здѣ съ учать составлять рѣчь родомъ стихотворнымъ,
Здѣ съ учать разумѣть, что мусикии тонъ,
Здѣ съ учать и тому, чему училъ Ньютонъ;
Здѣ съ учать, что добро и что отъ зла навѣта.
Внушаютъ здѣ съ и то, что было въ прежни лѣта;
Здѣ съ зримъ на хартіи изображенъ міръ весь,
Здѣ съ учать и тому, чѣмъ славенъ Апеллесъ;
И изъясняются языки здѣ съ: славянскій,
Латинскій, греческій, французскій и германскій⁸¹.

Мы уже говорили о том, что библиотеке Коллегиума положили основание книги Стефана Яворского. На каждой из них была следующая надпись: *Mandato Augustissimae Russorum Imperatricis Annae, hic liber applicatus est Bibliothecae Collegii Charcoviensis*⁸². Досточтимый архипастырь приложил к ним свою элегию:

Ite meis manibus gestati saepe libelli,
Ite meus splendor, luxque decusque meum,
Pergite felices, alias iam pascite mentes
Et nectar vestrum fundite iam aliis!
Hei mihi, quod meus a vobis avulsus ocellus,
Non poterit mentem plus saturare meam!
Vos mihi dulcedo, vos mel, vos nectar eratis,
Vobiscum, libri, vivere dulce fuit.
Vos mihi divitiae, vos gloria magna fuistis,
Vos paradysus amor delitiaeque meae,
Vos illustrastis, vos nomina clara dedistis,
Per vos magnatum conciliatus amor.
At nunc fata negant vobiscum [proh dolor ingens!]
Ducere jucundos et sine nube dies.
Jam mihi in aeternam claudentur lumina noctem,
Non jam vos manibus sollicitabo meis.
Aeternus liber ante oculos proponitur alter,
Quem mihi venturus vult aperire DEVS.
Omnis in hoc sua dicta et facta volumine cernet
Et capiet meritis praemia quisque suis.
O liber, horrendus qui tunc erit ante tribunal,
Nudatum faciens omnibus omne scelus!

⁷⁹ Цит. по: Багалея, I. № 401. — Сведения относятся к 1781 г.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Лебедев..., с. 17.

⁸² По указу Императрицы Россійской Анны книга сія включена въ составъ бібліотеки Коллегиума Харьковского (лат.). Свящ. Дм. Феодоровскій, ор. cit. № 661.

Hunc ego mente librum dum volvo, mox tremor artus
 Occupat, et cordi fixa sagitta manet.
 O DEVS, o pater, o summae charitatis abyssus,
 O pietatis fons, o bonitatis apex,
 O maris et terrae et summi moderator Olympi,
 Qui manibus flectis frena tumentis aquae,
 Stelliferosque poli sapienter dirigis orbes,
 Te precor, indignus vernis, inane, nihil:
 Respice et in libro vitae mea nomina pinge
 Sanguine CHRISTI, qui vita salusque mea est.
 Vos autem, mea scripta, tomique librique, valete,
 Parta labore meo bibliotheca vale!
 Terricolaeque omnes fratresque hominesque valete,
 Tu quoque, cara parens, hospita terra, vale!
 Suscipe maternis, peto te, complexibus artus,
 Namque animam caelis, reddimus ossa tibi!⁸³

Стихотворный перевод, содержащийся в деле о передаче библиотеки Коллегиуму (ibid. LXVI–LXVII):

Стяжателя сихъ книгъ послѣ днее книгамъ цѣлованіе.
 Книги, мною многожды носимы, грядите,
 Свѣтъ очію моею, отъ мене ідите!
 Идите благосчастно, иныхъ насыщайте,
 Соть вашъ уже прочіимъ нынѣ іскапайте!
 Увы мнѣ! око мое отъ васъ устранено,
 Ниже вами можетъ быть къ тому насыщено.
 Паче меда и сота вы мнѣ сладши бѣсте,
 Съ вами жить сладко бѣше, горѣ, яко нѣсте.
 Вы богатство, вы слава [бѣсте] мнѣ велика,
 Вы рай, любви радость и сладость колика,
 Вы мене прославили, вы меня просвѣтили,
 Вы мнѣ у лицъ высокихъ милость пріобрѣли.
 Но болѣе жить съ вами [ахъ, тяжкое горѣ!]
 Запрещаетъ часъ смертныи і горкихъ слезъ море.
 Уже мнѣ вѣчными слѣпнуть очеса сномъ смерти.
 Не къ тому дерзну ко вамъ рукъ моихъ простерті.
 Иной книги очесамъ моимъ не минути,
 Юже Богъ, хотяи пріити, хошетъ мнѣ разгнути.
 Всякъ вся дѣла своя въ сей книгѣ обрящеть,
 И по дѣламъ всякаго своя мзда усрящеть.
 О книга прешрашная, яже всѣхъ всецѣло
 Земнородныхъ обличить предъ судищемъ дѣло!
 О сей книзѣ азъ страстный егда помышляю,
 Трепещу і трясуся, сердцемъ увядаю.
 О Боже милосердый, о щедротъ пучино,
 Источниче милости, благодсти вершино,
 О царю вѣковъ, небесъ і земли всесилне,
 Смирителю волнъ морскихъ едине презѣлне,
 Звѣздоносныя круги иже устрояя,
 Тя молю, червь ничтожный, зѣло восклицая:
 Призри на мя, і впиши въ книгу мя животну
 Кровію Христа, юже имамъ въ жизнь істотну.
 Вы же, вся писанія моя і вся книги,
 Простите, не суть на вы болшъ мною вериги.
 Людіе і братія, вси мя, вси простите,
 Мати земле, прости мя, къ сему не клените!
 Пріими мя въ недра своя, земле, тя прошаю:
 Духъ мой Богу предаю, тѣло ти вручаю⁸⁴.

Сам архипастырь, чувствуя приближение смерти, в завещании отказал свою библиотеку «Назарету Нежинскому, сиречь Монастырю Благовещения Пресвятыя Богородицы», им же основанному; часть книг была им лично передана настоятелю Епифанию Тихорскому, с

⁸³ С.П.И.П. Маслов. Библиотека Стефана Яворского. Текст: VI–VII. Автограф начала элегии: между С.П. 40 и 41. Подробнее о передаче библиотеки: с.П. 48–50 et alibi.

⁸⁴ Дѣло Архива Св. Прав. Сѣнода 1723 г. № 37 (253, л. 48–4 об.).

которым читатель уже знаком. Однако через некоторое время Синод востребовал книги в Петербург для подготовки издания «Камня Веры»; они были присланы, а Епифаний занял между тем белгородскую кафедру. Вероятно, он и вспомнил о книгах Стефана Яворского, и подал мысль передать это богатое по тем временам собрание новооткрытому училищу. Его преемник Досифей обратился с соответствующим ходатайством, и — не без участия Феофана Прокоповича — 10 сентября был подписан Высочайший указ о передаче библиотеки в Харьков.

В дальнейшем библиотека пополнялась из разных источников. Свои книги дарили белгородские епископы, начиная с преосвященного Епифания (50 названий, 80 томов — не так мало по тем временам!). В 1761 г. стараниями Иоасафа Миткевича на каменных воротах Покровского училищного монастыря были устроены камеры для помещения там библиотеки, для которой в училище уже не хватало места. Сам преосв. Иоасаф подарил 185 томов. Одним из самых крупных поступлений была библиотека капитана гвардии Петра Шереметева, который по смерти жены пожертвовал до 2000 томов на разных языках. Безусловно, это собрание не могло идти в сравнение с московскими и петербургскими — как академическими и университетскими, так и духовных училищ. Однако для губернского центра эта библиотека, безусловно, была культурным событием неопределенного масштаба.

Жизненный стиль коллегиума отличался — как это и положено духовным школам — строгостью и аскетизмом, что по временам (прежде всего в связи с екатерининскими реформами) переходило всякие разумные пределы. Дм. Феодоровский вспоминает: «Тогдашние воспитанники Коллегиума много терпели нужд, не только в учебных пособиях, но даже в пище и одежде. Это-то обстоятельство, быть может, и заставляло наших прадедов-коллегиумцев (как говорят старожилы), по принятому в то время обычаю, составлять на разные случаи оды, кантаты и псалмы, являться в дома хозяев для приветствий и поздравлений, нередко с босыми ногами даже зимою, рассчитывая на посильную благодарность, а иной раз из-за куска хлеба»⁸⁵. Неудивительно, что ревность в таких условиях нередко оказывалась роковой: «...сидячая жизнь от постоянной переписки лекций, изучения их, нередко имела самое вредное влияние на здоровье юношей. И как жаль, что лучшие из них, полюбив науку и увлекаясь соревнованием пред товарищами, занимались слишком усердно, не по силам, и не замечая, что такие занятия съедают их здоровье незаметно: чахотка, как тать, внезапно являлась к ним, и бедные жертвы падали под ее ударом»⁸⁶. В тех же аскетических тонах — и с большой любовью — о своем училище вспоминает и Ф. П. Лубяновский: «Предметов учения было не много, но преподавались ревностно и основательно. Латинский язык приучал к простому, ясному и благозвучному изложению мыслей. Все мы были поэты: без поэзии, без одушевления ума и сердца, проповедь и в храме Божиим будет мертвая буква. Семинарии нынче богаты, а в мое время Харьковский Коллегиум помещался в большом каменном здании с трубою: так назывался длинный и широкий во втором этаже коридор, по обеим сторонам которого огромные аудитории без печей были ни что иное, как сараи, где зимою от стужи не только руки и ноги, но и мысли замерзали. На поправки строений, на содержание до 150 студентов в бурсе и на жалованье всем учителям от инфимы до богословии Коллегиум получал не более 1500 рублей в год: 60 рублей был высший оклад. Но ни холод, ни голод не охлаждали охоты к учению; привыкали мы, сверх того, к нужде и приучались довольствоваться малым, в каком ни были бы состоянии в последствии времени»⁸⁷.

Любопытные сведения о жизни коллегиума в начале XIX в. сообщает его питомец Е. П. Топчиев⁸⁸: «Я застал ректором Коллегиума и вместе преподавателем богословия протоиерея Андрея Прокоповича, префектом (инспектором) и преподавателем философии Павла Николаевича Рейпольского. В риторическом (пятом) классе преподавал Яков Васильевич Толмачев <...>. Учившиеся в богословском и философском классах назывались студентами, а в остальных — учениками <...>. Рейпольский был ученею Прокоповича, в познании латинского языка не уступал профессорам Харьковского университета... но по своей скромности, неумению высказаться, где следовало бы, мало кем был замечен <...>. Во время моего ученья в коллегиуме, с 1806 по 1812 год, для каждого класса был особый учитель, который читал положенные в нем предметы преподавания; сам же он и экзаменовал своих учеников при конце года, так что по его одним отметкам переводили нас в высший класс. За шалость и леность учителя не жалели розог для своих учеников — даже из дворян. Главные предметы ученья

⁸⁵ Свящ. Дм. Феодоровский, *op. cit.* № 190.

⁸⁶ *Ibid.* № 231.

⁸⁷ Воспоминания. РА 1872, стлб. 100–101.

⁸⁸ См. прим. 1.

преподавались до обеда, с семи до одиннадцати часов. В зимние месяцы приходилось сидеть в темноте, в ожидании рассвета. После обеда — арифметика, два раза в неделю: первая часть — для первых трех классов вместе, а вторая — для четвертого и пятого. По программе было предусмотрено преподавание алгебры и геометрии для философского и богословского классов; но по недостатку преподавателей между учителями Коллегиума, для этой, в то время казавшейся ненужной науки, программа, как припомню, оставалась без выполнения. После обеда преподавались также естественная история, греческий, французский и немецкий языки — для желающих учиться им, без принуждения <...>. Естественная история читалась без объяснений. Бывало, преподаватель спросит урок одного, другого, третьего ученика, и потом прочитает по книге, что назначается выучить к следующей лекции; это была напрасная трата времени для ученика, которому было выгоднее задать урок самому себе по той же книге <...>. Языки, которые преподавались под именем французского и немецкого, ни француз, ни немец не признал бы своими, по выговору и самым фразам». По-видимому, это была достаточно распространенная картина для духовных учебных заведений. Однако не следует делать скоропалительных выводов о качестве преподавания вообще. А. П. А. Фет вспоминает одного из своих товарищей по университету Иринарха Ивановича Введенского: «Чуть ли не исключенный за непохвальное поведение из Троицкой (т. е. Московской — А. П. Л.) духовной академии <...> по латыни Введенский писал и говорил так же легко, как и по-русски, и, хотя выговаривал новейшие языки до неузнаваемости, писал по-немецки, по-французски, по-английски и по итальянски в совершенстве»⁸⁹.

Что касается телесных наказаний, интересную подробность сообщает Владимир Михайлович Каченовский, сын известного историка Михаила Трофимовича Каченовского, получившего образование как раз в Харьковском Коллегиуме: «Упомянем о практиковавшемся в Харьковском Коллегиуме поголовном сечении по субботам всех воспитанников ленивых, чтобы были прилежны, и успевающих в учении, чтобы не впадали в леность. Разумеется, такой оригинальный педагогический прием применялся на деле далеко не в равной степени, а для особенно выдающихся прилежанием и благонравием он обращался в одну лишь формальность поднимания и опускания розги»⁹⁰. О суровости нравов свидетельствуют и §§ 11—12 инструкции для инспекторов; такие документы обычно сочиняются для того, чтобы устранить укоренившееся зло, а исполняются обыкновенно не слишком усердно; автор инструкции, по-видимому, придерживался стоических взглядов на педагогику, заключающихся в том, что смирять и наказывать учеников, конечно, надо, но нельзя при этом на них сердиться. Однако, по-видимому, юноши из дворян пользовались определенными послаблениями (по крайней мере не всегда с ними обращались так сурово, как с выходцами из духовного сословия). А. П. С. Лебедев приводит любопытный документ — увещательное письмо ректора Иова ученику из дворян Симеону Шабельскому; язык послания отличается изяществом, элегантною и хорошим вкусом.

Archimandrita et Rector Hiob
discipulo dilecto Symeoni Szabelsky
Constantiam, pietatem, timorem Dei et diligentiam erga litteras.

Vide, quid facias, ne hoc tibi sit maximo incommodo et ignominiae. Ecclesiam contemnis, qua nihil tibi prius esse debet et antiquius. Societatem improborum et pestilentorum hominum sectaris, spretis litteris, ad quas discendas huc missus es. Hospitium, quod inhabitas, conventiculum nebulonum, officinam scurrarum, cauponam helluonum tua impudentia effectum audio doleo. Sed omnium maximo dolore me afficiunt nocturnae tuae vagationes, quas, cum omnes boni et honesti vitent, tu tamen amas, ut scilicet nobilitati tuae splendorem addas. Ista scilicet est promissio, qua te honestum et diligentem fore spondidisti. Pudeat te praeteritorum, nec committe, ut malis peiora addas, nisi velis risui et opprobrio aliorum te exponere, ubi meritas inconstantiae poenas expertus a commercio studiosorum et a doctrina mea te arceri videris. Vale et, si hactenus non sapuisti, admonitus, Deo auspice, incipe sapere.

Tibi ex animo favens, qui supra.

Вверху надпись: Accepi Anno Domini 1764. Februarii 8 die⁹¹.

⁸⁹ Воспоминания. МУВВС. С. П. 231–232. Это выдающийся случай, но он лишь подчеркивает тенденцию.

⁹⁰ В. П. Каченовский. Михаил Трофимович Каченовский... С. П. 3. — М. П. Т. Каченовский родился в 1775 г.; следовательно, он должен был учиться в Коллегиуме примерно в 1785–1795 г.

⁹¹ Архимандритъ и Ректоръ Иовъ

возлюбленному ученику Симеону Шабельскому

съ пожеланіемъ постоянства, благочестія, страха Божія и усердія къ наукамъ.

Смотри, что ты дѣлаешь, да не причинить тебѣ сіе величайшихъ неудобствъ и не послужить къ величайшему безчестію. Ты пренебрегаешь церковью, а ведь первѣе и важнѣе ея, чѣмъ она, для тебя ничего

Среди преподавателей Коллегиума самой крупной фигурой был Г. С. Сковорода, блестящий полемист и мастер диспутов, в конце концов вынужденный оставить место из-за интриг завистников (поскольку его жизнь и философское учение известны достаточно широко, мы позволим себе здесь быть краткими). Одним из выдающихся преподавателей заслуженно считают префекта Михаила Шванского⁹² († 10 июня 1790 г.). Будучи потомственным дворянином древнего рода, он долгое время учился в Киевской академии (что не должно нас удивлять: на Украине еще в польскую эпоху дворяне в силу сложившейся традиции часто рукополагались в священники) и в 1765 г. был рукоположен в иереи городского собора; за ревность в исполнении своих обязанностей и особенно за проповеди в 1769 г. он был произведен в сан протоиерея. В 1787 году в присутствии проезжавшей через Харьков Императрицы Екатерины II он произнес речь в честь Е. И. В., за что Коллегиум был удостоен Высочайшей милости — тысячи рублей ассигнациями; такую же сумму Государыня изволила отпустить на благоукрашение градского собора. Усердные труды⁹³ пагубно сказались на здоровье пастыря и наставника: в 1790 г. он был вынужден оставить должность и вскоре умер после непродолжительной болезни на 55 году жизни. Федор Петрович Лубяновский⁹⁴ вспоминал о своем учении в Коллегиуме и об атмосфере, царившей там, когда Шванский был в нем префектом: «Отец учил меня Русской и Латинской грамоте, сам большой латинист; по десятому же году моего возраста отвез меня в Харьков, где в коллегиуме по экзамену поступил я в третий класс <...>. Учился я, говорили, не без успеха, с учителями и товарищами болтал полатыне, сочинял хрии и речи <...>. Превосходное учебное заведение был Харьковский Коллегиум, невзирая на все недостатки его в сравнении с нынешним образованием семинарий и вообще всех духовных училищ. В мое время управлял им префект Шванский, муж равно почтенный по жизни и по учености. Был он особенно счастлив в выборе учителей: они имели редкий дар развивать в молодых людях здравый смысл и внушать им охоту, страсть к науке».

С большой любовью и теплотой отзываются и об Андрее Семеновиче Прокоповиче (1756—1826), который сам учился в Харьковском Коллегиуме, начал в нем в 1780 году свое педагогическое служение, получил через десять лет кафедру философии, а в 1794 году стал префектом и преподавателем богословия. В 1801 году он был назначен ректором Коллегиума, утвержден в этой должности при его преобразовании в 1818 г. и оставил ее только в 1825 году, незадолго до смерти. Кроме этих обязанностей, он был настоятелем кафедрального собора; не раз ему приходилось по поручению духовных властей с опасностью для жизни увещевать раскольников, и иногда лишь случайность спасала его от верной гибели. Он пользовался большим авторитетом на юге России: легендарный Платов доверил ему воспитание своих сыновей. Екатерина II наградила его золотым наперсным крестом с цепочкой и 300 рублей ассигнациями за слово в соборе в день ее коронации; в 1806 году в знак признания его педагогических заслуг он был избран почетным членом Медико-Хирургического общества при Императорском Московском Университете и ученого общества при Харьковском Университете. По свидетельству Е. Топчиева (на которое мы уже ссылались) это был «в свое время... первый проповедник, а в общезнании — ловкий, находчивый, приятный собеседник, большой анекдотист, умевший кстати вкинуть в разговор латинскую пословицу, привести в доказательство текст из священного писания, и при этом большой хлебосол».

Высоко оценил его труды на поприще просвещения и Александр I. Приведем подлинные тексты его рескриптов:

быть не должно. Ты подвизаешься въ обществѣ людей безчестныхъ и пропащихъ, отвергнувъ науки, для изученія коихъ ты сюда и посланъ. Я слышу, что жилище, въ коемъ ты живешь, ты по своему безстыдству сдѣлалъ притономъ бездѣлья, пріютомъ легкомыслія, поприщемъ мотовства, и печалюсь о семь. Но горчайшею болью поражаютъ меня твои ночныя отлучки, коихъ всѣ порядочные и честные избѣгаютъ; но ты ихъ возлюбилъ и стало быть, для того, чтобъ придать блеску своей знатности. Так-то ты сдержалъ данное тобою обѣщаніе стать честнымъ и усерднымъ! Пусть тебѣ станеть стыдно за прошлое; но не допускай, чтобъ къ дурному прибавлялось худшее, естли не хочешь стать посмѣшищемъ и поношеніемъ другихъ, когда окажется, что, вопрѣвъ достодолжное мздовоздаяніе за свое непостоянство, будешь отлученъ отъ сообщества съ учащимися и занятій со мною. Буди здравъ и, естли до сихъ поръ былъ неразумень, выслушай увѣщаніе и, благодаря Богу, стань разумнымъ.

Любящій тебя душевно, вышеупомянутый. Принялъ 1764 года Февраля 8 дня.

⁹² Эти сведения мы заимствовали из очерка Дм. Феодоровского (loc. cit. 350–351).

⁹³ Речь М. Шванского при закладке великой залы наместничества..., произнесенная 30 мая 1780 г.: Багалей, I. № 565.

⁹⁴ Loc. cit. О. П. Лубяновский (1777–1869), после окончания Харьковского Коллегиума поступил в Императорский Московский Университет (о котором также оставил интересные воспоминания); впоследствии пензенский (1819–1829) и подольский (1830–1833) гражданский губернатор.

«Господинъ протоіерей харьковскій Прокоповичъ! Отличныя труды и усердіе, подъемлемыя вами, какъ по дѣламъ епархіи, такъ наипаче и по тамошнему училищу, въ коемъ вы неся достойно званіе ректора, подвизаетесь ревностно на пользу церкви, въ просвѣщеніи юношества и въ проповѣданіи слова Божія, пріобрели право особеннаго Моего къ вамъ благоволенія, въ знакъ котораго, Я пожаловалъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны II класса, знаки онаго для возложенія на васъ при семь препровождая. С.П. Петербургъ іюля 4-го дня 1803 года.

Александръ».

«Отецъ Андрей, харьковскаго собора протоіерей и духовнаго коллегиума ректоръ! Долговременное и отличное служеніе ваше Церкви, равно и неусыпныя труды ваши, подъемлемыя при образованіи духовнаго юношества, обращаютъ на васъ мое вниманіе, въ ознаменованіе коего, Всемилостивѣйше жалую вамъ алмазный знакъ ордена св. Анны II класса, при семь препровождаемый.

Александръ»⁹⁵.

В течение почти столетія Коллегиумъ игралъ огромную роль какъ главный всесословный центр просвѣщенія Слободской Украины. Его ученики занимались домашнимъ преподаваніемъ, служили в присутственныхъ мѣстахъ губернской канцеляріи (чью работу безъ нихъ невозможно себѣ представить), становились студентами медицинскихъ факультетовъ и — съ середины восьмидесятыхъ годовъ — преподавателями народныхъ училищъ (это тяжкое бремя опять-таки целикомъ легло на плечи молодежи изъ духовнаго сословія, которой пришлось работать в новооткрываемыхъ школахъ за гроши, в условіяхъ практически крепостнаго права — съ запретомъ менять безъ разрѣшенія Комиссіи об учрежденіи народныхъ училищъ жизненное поприще). Но, безусловно, упадокъ значенія нашего училища связанъ съ реформами начала царствованія Александра I, когда в Харьковѣ былъ созданъ университетъ (1805 г.); непосильное бремя отныне не лежало уже на Коллегиуме целикомъ. Духовенство воспользовалось этимъ и сократило программу преподаванія: такъ, преосвященный Аполлосъ на представленіе коллегиумскаго начальства о сохраненіи классовъ рисованія для дворянъ отвѣтилъ, что есть и другія учебныя заведенія, а «чертежъ фигуръ не делаетъ проповѣдниковъ искусными в проповѣди»⁹⁶. В 1817 г. комиссія духовныхъ училищъ при Св. Синодѣ преобразовала коллегиумъ в семинарію третьяго класса. Изъ его состава были выделены уездныя и приходскія духовныя училища (ранее входившія в его составъ какъ младшія классы). Однако изъ уваженія къ памяти благотворителей коллегиума князей Голицыныхъ за училищемъ было сохранено прежнее названіе, утраченное в 1841 году. По свидѣтельствамъ учениковъ, это переименованіе было встречено съ грустью. Но между тѣмъ оно отражало реальный фактъ: не будучи в состояніи и не испытывая необходимости нести бремя главнаго центра просвѣщенія Слободской Украины, Коллегиумъ неизбежно долженъ былъ превратиться в специальную школу духовнаго сословія. Свою роль онъ уже сыгралъ, — и эта роль неосцимемо велика.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ГИМНАЗИИ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ⁹⁷

Основатели Императорскаго Московскаго университета — И.И. Шуваловъ и М.В. Ломоносовъ — прекрасно понимали, что безъ своего средняго учебнаго заведенія онъ захирѣетъ в ближайшія годы⁹⁸. Поэтому двѣ Академическія гимназіи — дворянская и разночинская — были созданы вместе съ самимъ университетомъ⁹⁹.

⁹⁵ Дм. Феодоровскій, *op. cit.* № 355. Второй рескриптъ относится къ 1811 г. — Духовнымъ лицамъ стали жаловать ордена только в царствованіе Павла; впрочемъ, при Екатеринѣ они были уделомъ лишь одной верхушки. Относительно мѣста ордена Св. Анны в описываемую эпоху ср. отзывъ А.П. Ермолова: «В непродолжительномъ времени вышли за прошедшую войну награды. Многие весьма щедрыя получили за одно сраженіе при Аустерлицѣ; мнѣ за дела во всю кампанію данъ орденъ Св. Анны второй степени, ибо ничего нельзя было дать менѣе» (Записки. С. 61).

⁹⁶ Лебедевъ..., с. 30.

⁹⁷ Весьма подробныя матеріалы по исторіи обеихъ академическихъ гимназій содержатся в прекрасной статьѣ Петра Илларионовича Страхова «Краткая исторія Академической гимназіи... Краткій очеркъ см.: Н.В. Христофорова. О гимназическомъ и лицейскомъ образованіи в Россіи...

⁹⁸ М.В. Ломоносовъ писалъ И.И. Шувалову: «При Университетѣ необходимо должна быть гимназія, безъ которой Университетъ, какъ пашня безъ семянъ». Цит. по: МУВВС, с. 27.

⁹⁹ В общественномъ сознаніи гимназіи были неотделимы отъ университета. Такъ, авторъ интереснаго «Записокъ» Василій Александровичъ Нащокинъ (1707–1759) фиксируетъ в нихъ слѣдующее событіе: «Іюня 13-го <1755 г. >, во вторникъ, сынъ мой меньшій Иванъ, отъ рожденія своего имѣя 8 летъ, отправленъ изъ С.-Петербургa в новоучрежденный университетъ при учителѣ того университета втораго класса г-нѣ Михельсонѣ» (с. 301). В другомъ мѣстѣ онъ называетъ дворянскую гимназію «Московскимъ шляхетнымъ университетомъ» (с. 315).

Согласно разработанному Ломоносовым Проекту регламента, учебные занятия должны были проводиться таким образом (впоследствии читатель сможет сам увидеть, насколько соблюдался этот проект): «§ 25. Экзерциции суть двойки, школьные и домашние. Школьные бывают в Гимназии приватно при одном учителе или при собрании других школ, а иногда и публично в ректорском классе <..> § 26. Первая школьная экзерциция есть чтение изусть заданного урока в первый час при входе в школу, прежде приходу учительского, который урок слушать должен старший школьник того же класса и, знает ли кто урок свой или нет, записывать в таблице и класть на стол перед учителя, что учитель сам освидетельствовать может. § 27. Вторая школьная экзерциция: короткие задачи переводить какие сентенции или переменять фразисы стихами и прозою, не пишучи. Материи выбирать по тому, в каком то будет классе. Сие служить будет к немалому в учении поощрению, однако чинить тогда, ежели учителю по окончании своей лекции времени до выходу останется. § 28. При собрании школ обеих гимназий быть экзерциции на каждый месяц при окончании: один день поутру и пополудни, где учителя обще имеют всем задавать материи для переводу или преложения фразисов, прозою или стихами, чтобы то делали школьники, не смотря в книги и не пишучи. § 29. Публичным экзерцициям быть по каждую полгода только в верхнем классе, где некоторые школьники имеют говорить речь своего сочинения под ректорским присмотром на российском и латинском языках, прозою и стихами. § 30. Домашние экзерциции, которые между школьными лекциями кроме уроку что выучить должно, от учителей на дом задаются, должны быть короткие переводы с российского на латинский, с латинского на российский или преложения с прозы на стихи, смотря по классам. Оные задавать трожды в неделю на ночь, а в обеднее время для краткости времени того не делать. Позволить школьникам упражняться по своей охоте для показания каждому своего особенного рачения и понятия. <..> § 31. Сие все будет служить не токмо к скорому обучению, но и к обстоятельному познанию остроты и прилежания каждого школьника, что все дабы ясно и подробно видеть можно было, должно иметь помесячные таблицы, в которых показывать каждого школьника повсядневное поутру и ввечеру поведение в школах и исправление домашних экзерциций. § 32. Кто что исполнил или пропустил и прочее, назначивать в клетках против каждого дня и имени первыми буквами слов знаменующих: В. И. — все исполнил. Н. У. — не знал уроку. Н. Ч. У. — не знал части уроку. З. У. Н. Т. — знал урок не твердо. Н. З. — не понял задачи. Х. З. — худа задача. Б. Б. — болен. Х. — не был в школе. В. И. С. — все исполнил с избытком. Ш. — шабаш. <..> § 35. Все школьные табели помесячно, а записки в каждую полгода вносить в директорию на рассмотрение, где по обстоятельствам директор с инспектором Гимназии распределять будут, а особливо того смотреть, чтобы остроумные и прилежные отличены были от тупых и нерадивых. <..> § 36. На каждый год быть двум произведениям из нижних классов в высшие, а из верхнего в студенты; первому произведению быть после недели святых Пасхи, второму — в первые числа месяца сентября. § 37. Для сего чинить прежде каждого произведения во обеих гимназиях и во всех школах и классах строгие экзамены, первый — на шестой неделе великого поста, второй — в последних числах месяца августа, перед рекреациею, в месяце августе позволенную. § 38. В нижнем и в среднем классе экзамен должен происходить в присутствии директора, инспектора Гимназии и ректора и при учителях. В верхнем классе экзаменовать в присутствии кураторском, директорском, всех профессоров и ректора. <..> § 40. Потом спрашивать каждого школьника особливо изо всех тех книг, по которым он чему изусть учился, или которые от учителя толкованы. Задавать к решению переводы краткие или сочинения по рассуждению школы и класса. Кто каково ответствовал, записывать в особенные экзаминаторские табели. § 41. После экзамена сличить помесячные табели с теми, в которых при экзамене записаны успехи каждого школьника. Производить их по достоинству из нижних классов в высшие, из верхнего класса в студенты для слушания профессорских лекций, причем наблюдать следующее. § 42. Не переводить из одного класса в другой, ежели кто не выучил всего того твердо, что в оном классе, в котором учился, положено для изучения. § 43. Не разделять учения одного школьника по разным классам. Так, кто нижний класс русской или латинской школы знает твердо, а не выучил как надлежит в нижнем классе арифметики, того не производить в средний класс ни русской, ни латинской, пока арифметику довольно знать будет. <..> Сие наблюдать и в прочих классах, дабы один с другим не мешались. § 44. При выпуске из Гимназии студентов смотреть, сверх сего, лет, чтобы кто ради малолетства, вышед из строгого гимназического содержания, не испортил своих нравов, но приобрел бы вместо того и успехи в других языках. <..> § 45. Напротив того, когда кто в помянутых классах трех школ окончат учение в летах, например около двадцати лет, также и способность к учению нынешних европейских языков посредственную имеет, такового производить в студенты, дабы, не теряя напрасно времени, мог достигнуть в университете такой науки, которою, помянутых языков не зная, Отечеству полезен быть может. § 46. Ежели который школьник, за какими-нибудь извинительными причинами, как то за долговременными болезнями или за недовольною способностью, в Гимназии долго пробыв и уже в немалых летах, однако всегда учился по силе своей прилежно и вел себя порядочно, такового должно из Гимназии выпустить в другую команду по пристойности с рекомендацією или определить в учителя нижних классов. § 47. Которые учатся на своем содержании, тех выпускать по тем условиям, на которых они в Гимназию приняты. Но ежели в ком усмотрена будет особенная острота и склонность к наукам, для тех употреблять всякие пристойные способы, чтобы склонить родителей к совершению таких детей их в науках. <..> § 48. В Российской школе, в первом классе обучать российской грамоте обыкновенным старинным порядком, то есть азбуку, часослов и псалтырь, потом заповеди просто. Толкование оных слушать могут по воскресным дням в синодальных школах. Потом учить писать по предписанному доброму великороссийскому почерку и приучивать читать печать гражданскую. § 49. Во втором и третьем классе читать, а знатные места изусть твердить в прозе и стихах российские сочинения, те особливо,

которые при благополучном владении Ея Императорского величества всемилостивейшей Государыни Императрицы Елизаветы Петровны к знатному исправлению российского штиля на свет вышли. § 50. Но притом прилежно читать славенские книги церковного круга и их держаться как великого сокровища, из которого знатную часть великолепия, красоты и изобилия великороссийский язык заимствует»¹⁰⁰.

«Санкт-Петербургские ведомости» от 16 мая 1755 г. так описывали торжественную церемонию инаугурации (26 апреля): «В назначенный день в 8 часу поутру учителя с учениками собраны были в Университете, куда и все знатные персоны, которые прошены были чрез печатные программы, во многом числе прибыли, также чужестранные и знатное купечество по их требованию допущены были: тогда в надлежащем порядке ученики разделены были на классы, с учителями пошли в церковь Казанския Богородицы и в присутствии директора состоялся молебен соборной за Высочайшее здравие Е.И. В.И. и Императорской фамилии. <...> вшед в большую залу говорены были речи: на российском языке магистром Антоном Барсовым, на латинском — магистром и конректором Николаем Поповским, на французском — учителем высшего французского класса — Ла Бомом, на немецком — учителем высшего немецкого класса Литкеном¹⁰¹. По окончании оных речей знатнейшие персоны прошены были во внутренние покои, где трактваны были разными ликерами и винами, кофеем, чаем, шоколадом и конфектами, и так все с удовольствием около второго часа пополудни разехались. В шестом часу после обеда множество народа приезжало смотреть в университетские покои представленную иллюминацию, которая изображала Парнасскую гору, Минерва поставляет обелиск во славу Е.И. В.И.»¹⁰². Размещены были гимназии в одном здании с университетом, их ученики занимались одними и теми же предметами у одних и тех же преподавателей, все отличие сводилось к некоторым бытовым деталям, и их должно воспринимать как единый организм. Лишь в первые годы различие между обеими гимназиями касалось программ и преподавателей: как пишет Н.С. Тихонравов¹⁰³, «по самому уставу гимназий, ученики их не должны были пользоваться одним и тем же общим преподаванием, и это кастовое разграничение и действительно существовало в гимназиях университета в первые годы: особенным разнообразием, излишеством предметов и преподавателей отличалась дворянская гимназия от разночинской, в которой преподавание было втиснуто в тесные, узкие рамки. Время разбило эту скорлупу...», а также прим. к этому месту: «В то время, как в дворянской гимназии 27 преподавателей обучали благородное юношество разным наукам и искусствам, в разночинской только четыре учителя преподавали Закон Божий, риторику, пиитику, греческий язык, геометрию (для последних четырех предметов один наставник), латинский синтаксис, латинскую этимологию и чтение. См. „Резстр всех учений, которые в сию половину года в дворянской гимназии Императорского Московского университета преподаваемы быть имеют“, 1756, 1757, 1758 и т. д.». вполне естественно, они сразу стали популярнейшим и лучшим учебным заведением, дававшим в России вообще образование¹⁰⁴.

Как отмечает компетентный и информированный исследователь эпохи, имея в виду первые годы Московского университета, «ученье не составляло тогда потребности общественной; родители не только не поощряли к нему своих сыновей, но нередко мешали их занятиям, принуждая оставить университет до окончания курса, для поступления на службу»¹⁰⁵. Уже 18 мая 1756 г. последовало распоряжение: «которые из обучающихся в Московском университете действительно в воинской и гражданской службе записаны и впредь будут записаны же, а лета и склонность их дозволяют им обучаться наукам, таким для обучения

¹⁰⁰ ПСС., т. 9, с. 56

¹⁰¹ Николай Никитич Поповский (1730–1760), любимый ученик Ломоносова еще по Петербургу (великий ученый хотел видеть его на посту ректора петербургской Академической гимназии, что не осуществилось), талантливый поэт, переводчик Горация и Поупа («Опыт о человеке»). В Императорском Московском университете — профессор философии и элоквенции. Антон Алексеевич Барсов (1730–1791), словесник, сын справщика Московской духовной типографии, интересующийся также и математикой. После смерти Поповского занял его кафедру, где и преподавал до самой смерти. Активно работал в цензурном ведомстве. Ла Бом — преподаватель французского языка в университете и Академических гимназиях. Иоганн Филипп Литке(н) († 1771) — преподаватель немецкого языка и физики в гимназиях.

¹⁰² МУВВС, с. 36.

¹⁰³ Соч., III, 2, № 89.

¹⁰⁴ Д.И. Фонвизин пишет в «Чистосердечном признании в делах и помышлениях» (Соч. С. 230–231): «Он <отец — А.Л.Л. > не мешкал, можно сказать, ни суток отдачею меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден стал».

¹⁰⁵ Д.А. Толстой, Взгляд на учебную часть..., с. 39. Императрица Елизавета Петровна прекрасно понимала, каким способом можно удержать дворянскую молодежь за партой.

дозволять при университете остаться для вышесказанных лет возраста их, а чтоб они не могли чрез то потерять свое произхождение, оных как в воинской, так и в гражданской командах, где они в службу записаны, в повышениях старшинством не обходить и произхождение им чинить по указам»¹⁰⁶ — однако это равнодушие во второй половине столетия сказывалось прежде всего на высшем образовании, поскольку интерес государственной службы, преимущественный как для родителей, так и для детей, уже требовал полного и добротного гимназического курса. Как пишет проф. С. В. Бахрушин, «число учеников гимназии росло с необыкновенной быстротой. В 1760 году их было несколько более 100 человек, в 1787 — уже 1010 человек, а в начале XIX века даже 3300. Гимназия обслуживала в сущности не одну Москву, а все дворянство тянувшихся к ней регионов. Студентов было значительно меньше, хотя и их число постепенно возрастало: в 1760 году их было 30 человек, в 1787 — 82. Среди учащихся была группа пансионеров, содержавшихся за казенный счет (30 студентов и 100 учеников); остальные были своекоштные». Эта разница и отражает относительный престиж государственной службы (для которой было вполне достаточно гимназического образования) и науки¹⁰⁷.

Преподавателями были в старших классах университетские профессора и адъюнкты, в младших — способные студенты. Ректор назначался из профессоров. Первым эту должность занял тюрингонец Иоганн Маттиас Шаден (1731–1797)¹⁰⁸, исполнявший ее в течение двадцати лет; в философском отношении — последователь Лейбница и Вольфа; он внимательно следил за развитием философской мысли в Германии и незадолго до смерти хотел познакомить студентов с философией Канта; это намерение так и не было осуществлено¹⁰⁹. 6 ноября 1756 г. университетская конференция поручила ему представить план обучения в гимназиях, что и было исполнено 9 числа того же месяца. Таким образом, ему принадлежала решающая роль в создании гимназий.

Воспитательные взгляды Шадена выражены в трех его речах¹¹⁰. Свои общие взгляды на принципы воспитания благородного сословия он подробно изложил в третьей, и влияние их чувствуется в организации гимназий, насколько мы можем судить о ней по сохранившимся документам. Он обнаруживает большой педагогический такт, требуя от дворянской молодежи служения Отечеству на всех поприщах, заявляя, что главный долг дворянства — *исполнение законов* и выступая против модных теорий Руссо и Базедова: «Educatio, vt vniversum omnis indole sua in eo esse debet, vt tenera iuuentus, quaelibet destinationi suae conformiter, in vtilitatem publicam reipublicae, salutemque totius et stabiliendam et augendam praeparetur, ita eadem, quin eundem finem praefixum sibi tenere debeat circa ingenuam iuuentutem, dubium omnino non est. Quae enim ab hoc fine recedit, educatio, omnisque in eo est, vt ad filanqrwp...an humanitatisque aliquem totius amorem formare contendit duntaxat iuuenes, etsi eius conatus laudandus, quia tamen in naturae leges impingit, nec praesenti humanitatis statui graduque euolutionis eius consentit, tantum abest, vt commodis rerum publicarum faveat, vt potius eas intricat difficultatibus»¹¹¹. И далее: «Lex igitur, in hoc certe euolutionis naturae humanae gradu statuque, naturae est: a parentum amore ascendendum ad amorem familiae, ab huius amore ad patriae dilectionem... a qua tandem, si rite iuuentuti ingenerata, via strata patet ad amorem humanitatis omnis... Quam legem, qui inuertunt, quia teneram iuuentutem, dum eam ad amandum totum genus humanum, cuius nullas partes rite ceperunt, incitant, infinitudine quidem obruunt, Cosmopolitas quidem formabunt, hoc est, homines, qui,

¹⁰⁶ Империя после Петра. С. 304. В. А. Нащокин, чьи записки мы только что цитировали, подал куратору записку со следующей просьбой: «И по тому Е. И. В. указу, из высочайшей Е. В. милости просил, чтоб его написать в солдаты лейб-гвардии в Измайловский полк, и до указных лет быть для обучения в университете». (Ibid. № 305). Просьба эта была все милостивейше удовлетворена.

¹⁰⁷ Московский университет в XVIII в., с. 17.

¹⁰⁸ Подробнее о Шадене см. ст. Н. С. Тихонравова в БСПП, ч. II = Н. С. Тихонравов. Соч., III, 1, М., 1898 г. С. 44 слл.

¹⁰⁹ Г. Г. Шпет дает ему в своей профессиональной области такую оценку: «философского уровня ниже среднего» (Op. cit. С. 71). У меня нет полной уверенности в справедливости этого приговора...

¹¹⁰ De Ingenuae iuuentutis educatione...

¹¹¹ P. 24: Воспитание, как то вообще свойственно его природе, заключается в том, чтобы нежная юность, сообразно своему предназначению, готовилась быть полезной государству, поддерживать и возвращать общественное благо. Нет сомнения, что для благородного юношества оно должно придерживаться именно этой цели. Если же воспитание от нее отстает и целиком заключается в том, чтобы пытаться сформировать у юношества филантропию, то есть некую любовь ко всему человечеству, то, хотя такое намерение и похвально, но, поскольку оно противоречит законам природы и не соответствует нынешнему состоянию человечества, то оно весьма далеко от того, чтобы приносить пользу обществу и, напротив, создает ему помехи», с прим. 18: ROSSALI haec haeresis in suo *Emile* declarata et BASEDOWII ... (это ересь Руссо, заявленная в его *Эмиле*, и Базедова).

dum ubique esse contendunt, omnibus benefacere, amare omnes aequaliter, nullibi sunt, nemini benefaciunt, neminem amant: at civem bonum, vix ac ne vix quidem illi efficient»¹¹².

Затем Шаден рассуждает о предметах, необходимых для того, чтобы достичь этих целей. Первый предмет для него — философия, подразделяемая на три части: теоретическая, практическая (моральная) и эстетика: «At et id ex dictis iam liquet, quae illae scientiae sint artesque, quibus mens incluto genere natorum imbuenda ad fines suos arduamque illam eorum vocationem? Atque hic primo loco Philosophiae omnis studium pertinet. Scio equidem, quam male audiat apud plerosque diuina haec prorsus disciplina: at hi deformatos profecto eius vultus duntaxat cernunt, quos ei parauere quidam eius cultores, qui, subtilitatibus scholasticis, eam popularitate ac mortalium consortio eiecerunt, ac in arces illas sublimes, non omnibus accedendas coelumque denuo locauisse videntur, e quo Socrates, genuinus eius cultor, diuino prorsus consilio, primus olim deductam, in urbibus collocavit, et in curias, forum, in domos etiam priuatorum introduxit»¹¹³.

Затем следуют изящные искусства: живопись, архитектура, скульптура, музыка, красноречие, поэзия, физические упражнения. Но самое важное в этой сфере — языки и связанные с ними поэзия и красноречие. Дальше речь идет о сравнительном достоинстве языков: «Et quamuis lingua patria hic primas sibi partes vendicat: auxiliis tamen aliarum linguarum ad cultum perfectionemque maiorem quin indigeant, dubium omnino non est. At hic iam quaeritur, quaenam linguarum maxime, in auxilia perfectionum, elegantiae inprimis, ac suauitatis illius, perspicuitatis pariter, soliditatis ac grauitatis, quae virtutis sapientiaeque commendatio postulat, sunt commendandae patrio sermoni? Si nationes cultas audias, qui linguam suam iam ad aliquem culturae gradum perdixerunt, quaestio decisa omnino esse videtur; etenim et Galli, et Angli, Itali adhaec ac Germani, vnanimi consensu fatentur, se exemplaria Graecorum Romanorumque nocte diuque versando, decus linguis suis conciliasse: quin et nostri sapientes et disserti viri idem fatentur, fatentur idem Lomonosovii, Sumarokovii, Cheraskovii...»¹¹⁴. Впрочем, и от новых языков тоже не следует отказываться.

Потом речь идет о том, что человек связан с тремя различными сферами, которые должны быть отражены в его образовании: природной, человеческой и Божественной. Им соответствуют три ряда дисциплин: для первой важны естественная история, анатомия, общая и экспериментальная физика, а также экономика (наука о полезных природных продуктах). Душа этой сферы — математические дисциплины.

Сфера общественная представлена правом: естественным (обязанности человека по отношению к человеку), общим публичным (взаимоотношения подданных и властителей), народным взаимоотношения наций между собой). Божественная — естественным и откровенным богословием; как первая сфера не существует без математики, вторая и третья, вместе с философией, не могут существовать без истории со вспомогательной дисциплиной хронологией.

Но кто же, — спрашивает Шаден, — способен выдержать такой курс? Ответ на это прост: ни одну из этих дисциплин не следует давать свыше необходимого, преподавание можно и должно ввести в разумные рамки.

Уже в конце 1756 года ректор счел возможным предъявить обществу первые плоды своих усилий. Он очень высоко поставил уровень преподавания языков; такой же оценки заслуживают его лекции: «Сей ученый муж имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны...»¹¹⁵.

¹¹² Р. 25: Закон природы в нынешнем положении человечества таков: от любви к родителям нужно подниматься до любви к семье, от последней — до любви к отечеству... откуда, если это правильно привить молодежи, открывается прямой путь до любви ко всему человечеству... Кто опровергает этот закон, побуждая нежную юность любить все человечество, с частями которого ее не познакомили должным образом, падают под бременем огромности своей задачи и воспитывают космополитов, то есть людей, которые, желая быть везде, не обретаются нигде, желая всем благодворить и всех любить равным образом, никому не благодворят и никого не любят; что же до хороших граждан, из этих их не получится никогда».

¹¹³ Р. 31: «Из сказанного уже ясно, каковы те науки и искусства, которым должно обучать благородное юношество для его предназначения и сурового призвания. Первое место принадлежит занятиям всей Философией. Я знаю, что у этой едва ли не божественной дисциплины дурная репутация у большинства; но они, конечно, видят ее искаженный лик, обезображенный иными ее почитателями, которые схоластическими тонкостями, кажется, изгнали ее из человеческого сообщества и скрыли в высоких поднебесных твердынях, куда не каждому открыт доступ, откуда Сократ, ее подлинный почитатель, с едва ли не божественным разумением, первым вывел ее некогда, чтобы дать ей место в городах, в куриях, на форуме и даже в домах частных лиц».

¹¹⁴ Р. 33: «И хотя родной язык притязает на первое место, нет сомнения, что для образованности и большего совершенства он нуждается в помощи других. Теперь следует ответить на вопрос, какие именно языки должно прибавить к родной речи, ради совершенства, изящества, приятности, а также ясности, обоснованности и серьезности, необходимых для доблести и мудрости? Если узнать мнение образованных народов, которые довели свой язык до высокой степени совершенства, вопрос будет снят: они признаются, что они листали днем и ночью греческие и римские образцы, — и французы, и англичане, и итальянцы, и немцы, будут единодушны, что именно так они сообщили красоту своим языкам; и наши мудрейшие и красноречивейшие мужи сознаются в том же — Ломоносовы, Сумароковы, Херасковы...».

¹¹⁵ Фонвизин. *Op. cit.* С. 235.

В каталоге лекций дворянской гимназии на зимний семестр 1757 год можно прочесть: «Ю. МАТІ. ШАДЕНЪ Философіи и свободныхъ наукъ Докторъ, обоихъ гимназій Ректоръ, Риторику также Піитику, Мііологию, руководство къ чтенію писателей классическихъ, состояніе воинское и житіе Академическое преподавать будетъ, весь курсъ Философіи кратко прочтетъ. Притомъ и тѣ хъ по возможности удовольствуется, которые вышшихъ и лучшихъ желаютъ наукъ, какъ то Греческаго языка, древностей Римскихъ и Греческихъ. А есть ли найдутся, которые восточнымъ языкамъ Еврейскому и Халдейскому учиться, и оныхъ древности разсмотрѣть пожелаютъ, то онъ имъ не только въ Филологію руководство тѣ хъ восточныхъ языковъ, но и особенное наставленіе въ языкахъ Еврейскомъ и Халдейскомъ преподастъ»¹¹⁶. На следующий год еврейские и халдейские древности в каталоге отсутствуют: по-видимому, сначала ректор переоценил любознательность русских дворян¹¹⁷.

Профессор Шаден обладал резким и вспыльчивым характером; вдобавок он с первых же шагов столкнулся с неповиновением некоторых преподавателей: майора Михельсона (военная архитектура и военные экзерциции), капитанов Чернавского (математика) и Траубенталья, а также французов шевалье Менвильера (начатки политики) и Дю Буле (французский язык); первые гордились своим военным рангом; у вторых не было даже и того основания. Директор университета Иван Иванович Мелиссино докладывал куратору в Петербург; Шувалов отвечал: «Из присланного репорта от 9-го Июня я увидел, что учителя Михельсон, Траубенталь, Чернавский, также Менвильер и Буле, не хотят быть в ведении ректорском, первые, сказывая за резон, что офицеры; но когда они пошли в такую должность, которая им должна быть известна, то им надобно было то предусмотреть и осторожность принять в своих обязательствах, а шли просто в учителя: так их и вести было должно: нам надобна способность для учения, а не ранги. Менвильер и Буле еще того менее имеют причины; но чтобы не сделать беспокойства, отдаю сие на волю вашу; только жаль, что впредь другим пример быть может»¹¹⁸. Инспектором гимназии должен был быть профессор, и предпочтительно из русских, для лучшего общения с учениками; эту должность занимали то Дильтей, то Поповский, то Фроманн; Поповский весьма тяготился этими обязанностями, отвлекаящими его от литературных трудов. В его должностные обязанности отнюдь не входило преподавание; так, в только что приведенном каталоге 1757 года мы видим, что первый инспектор гимназий — профессор Дильтей — читал «естественные и народные права Пуффендорфиевы» студентам¹¹⁹, но не вел ни одного гимназического курса. Среди преподавателей мы встречаем такую крупную фигуру, как поэта Ермила Кострова; в 1782 году один из наиболее уважаемых французских учителей Москвы Борденав принял на себя бесплатное преподавание французского языка в гимназии¹²⁰.

Гимназии были разделены на четыре школы (Российскую, Латинскую, первых оснований математики и наук и знатнейших европейских языков, т. е. немецкого и французского). В каждой школе было по три класса, кроме последней, разделенной на два. В первую половину дня в основном преподавались древние и современные языки, во вторую — математика и изящные искусства. Ломоносовский проект регламента предлагает для французского языка прозу Фенелона, стихи Расина и Мольера; для немецкого — прозу Мосгейма, стихи Каница и Гинтера; насколько мы можем судить, вряд ли это соблюдалось на практике.

В качестве образчика пособия по иностранному языку приведем отрывок из предисловия к посвященной М.П.М. Хераскову немецкой хрестоматии Федора Сапожникова, *Auserlesene Stellen...*: «<Что> сие полезно для юношества, когда оному тотчасъ при началѣ изученія языка будетъ внушено подлежащее къ выученію, и вкусъ ихъ образованъ будетъ пріятными сочиненіями, а особливо легкими стихотвореніями, изученіемъ коихъ наизусть память ихъ обогащается, то истину онаго ясно видѣть можно, а притомъ же сие и вездѣ принято, почему и не требуетъ новаго доказательства. Никто конечно не

¹¹⁶ Объявление... М., 1757. С. 13–14. Латинский текст: Ю. MATTH. SCHADEN Philos. & L. L. A. A. Doctor & utriusq. Gymnasii rector, Rhetoricam atq. Oratoriam proponet, Poeticam, Mythologiam, & introductionem in lectionem Auctorum classicorum, statum militare, statum politicum et vitam academicam dabit: cursum integrum philosophicum breviter suis tradet. Nec non illorum desiderii, pro virium suarum modulo, satisfaciet, qui studio litterarum humaniorum atque elegantiorum, linguae graecae, antiquitatum Romanarum & Graecarum tenentur. Quodsi vero qui fuerint, qui linguis adhaec orientalibus hebraicae & chaldaicae operam impendere voluerint, illarumq. antiquitates perlustrare; eos non tantum studiis illis solida introductione in Philologiam linguarum orientalium initiabit, verum etiam speciali imo specialissima in linguam hebraicam & chaldaicam instructione perficiet. (Catalogus... anno 1757. P. 13–14).

¹¹⁷ Catalogus lectionum... М., 1758.

¹¹⁸ Шевырев... С.П. 45.

¹¹⁹ Объявление... С. 3.

¹²⁰ Tastevin, p. 88. По его предположению, Борденав был владельцем частного пансиона, поскольку располагал в Немецкой слободе домом, который еще существовал в 1826 году.

можетъ съ основаніемъ почестъ за худо, что здѣ съ переведено отъ слова до слова: ибо вольный переводъ учащаго збиваетъ съ пути, и онъ перемѣ шиваетъ метафорическій смыслъ съ собственнымъ. Должность учащаго требуетъ объяснить какъ оныя метафоры и аллегоріи, такъ и упражнять юношество въ свободныхъ переводахъ. Противу разныхъ похулений, кои напередъ предвидятся, можно бы здѣ съ положить возраженія; естли бы не было извѣ стно, что наши критики рѣ дко истинное ищутъ ради истины, но ради личныхъ причинъ, что бы найти въ оужденіи свое удовольствіе, упражненіе и успокоеніе». Учебник составлен на двухъ языкахъ, в немъ содержатся не только оригинальные немецкіе произведения, но и переводы с латинскаго языка — Гораций и Плиний Младшій.

Первоначально при гимназии былъ отдельный классъ для художниковъ, рассчитанный на 24 ученика; в 1757 г. онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, ставъ ядромъ основанной указомъ отъ 6 ноября Академіи художеств¹²¹. Занятія по основнымъ предметамъ проходили въ понедельник, вторникъ, четвергъ и пятницу; среда и суббота (вообще менее загруженные) отдавались высшимъ предметамъ. Можно отметить постепенное сокращеніе преподаванія Катехизиса: если въ сохранившихся Объявленіи за 1757 год¹²² и *Catalogus lectionum & exercitationum* за 1758 годъ отецъ Ефремъ преподавалъ его ежедневно (соответственно с 11 по 12 ч. и с 10 по 11 час), то в 1762 году священникъ Архангельскаго собора въ Кремле Петръ Алексеевъ толковалъ Катехизисъ по вторникамъ, пятницамъ и субботамъ с 10 по 11 часов¹²³. Потомъ останавливаются на двухъ дняхъ въ неделю, по средамъ и субботамъ. Распределеніе мѣстъ въ классѣ зависело отъ успехов въ наукахъ; такимъ образомъ получало дополнительное стимулъ честолюбивыя учениковъ. Въ концѣ осеннею полугодія были приватныя и инспекторскія экзамены, весеннею — публичныя.

Предметы — Законъ Божій, начальные части математики, исторіи и географіи, русская и древняя словесность, употребительнѣйшія иностранныя языки, мифологія, римскія древности, военная теоретическая и практическая архитектура, военныя экзерциціи (любимый предметъ), геодезія и практическое землемеріе, гражданская архитектура, основаніе политическихъ наукъ, стратегика, геральдика, нумизматика, древняя географія, физика, естественная исторія, умственная и нравственная философія, энциклопедическое обозрѣніе всехъ наукъ и проч. Поскольку университетскій проектъ не предусматривалъ богословскаго факультета и было сочтено полезнымъ, чтобы система духовнаго образованія оставалась въ веденіи духовнаго же сословія, богословіе въ университетѣ и гимназіяхъ не преподавалось. Существовали значительныя вольности: можно было выбирать преподавателей и (вопреки мнѣнію Ломоносова) переходить въ старшія классы по некоторымъ предметамъ, не сдавъ прочіе. Что касается организационныя учебныя, у нея были свои особенности, практически забытыя современной педагогикой. Весьма важной фигурой на уроке былъ аудитор (таковыя назначались изъ лучшихъ учениковъ и помогали преподавателямъ и надзирателямъ въ контролѣ за остальными); въ частности, имъ была вменена въ обязанность проверка домашнихъ заданій, что сводило функціи учителя къ объясненію матеріала и общему руководству. Аудиторамъ поручалось несколько учениковъ, которыхъ они спрашивали до начала классовъ, отмѣчая результаты слѣдующими пометками: «o» — *optime*, «b» — *bene*, «m» — *mediocriter*, «n» — *nescit*, «ж» — *jeget*, «v» — *abest cum venia*, «ab» — *abest sine venia*¹²⁴. Гимназисты были поручены надзору камерныхъ студентовъ¹²⁵ изъ лучшихъ университетскихъ, получавшихъ за это дополнительную оплату и подчиненныхъ эфору — надзирателю (по-видимому, эта должность введена не ранее 1783 г., до того были инспекторы). Наказанія предполагались слѣдующія: постановка на колени во время занятія, удары линейкою по ладонямъ, лишеніе обязанности аудитора, пересадка на конецъ стола, отмѣтка въ ведомости, поданной инспектору; дворянъ сажали въ карцеръ, разночинцы (только въ присутствіи эфора) могли быть наказаны розгами; самымъ жестокимъ наказаніемъ былъ переводъ на собственный коштъ¹²⁶; за хорошую учебную и прилежаніе ученикъ могъ стать аудиторомъ, быть

¹²¹ Бахрушин, *op. cit.* С. 20–21.

¹²² С. 13.

¹²³ См. Реестр... 1762 года.

¹²⁴ Соответственно: *превосходно, хорошо, посредственно, не знает, болен, отсутствует по уважительной причине* (т. е. отпущен начальством или учителем), *отсутствует без уважительной причины* (лат.).

¹²⁵ К студенческому жалованью 100 рублей ассигнаціями въ годъ (130 руб. ассигнаціями = 100 руб. серебромъ) имъ прибавлялось 20 рублей — данныя екатерининской эпохи).

¹²⁶ Ломоносовъ предлагалъ слѣдующія наказанія за проступки (§§ 61–62): «Публично наказывать за великія пренебреженія школьныхъ должностей и за чрезвычайную резвость: 1-е) отлучать отъ общаго стола прочіихъ школьничковъ и кормить за особливимъ столомъ хлебомъ и водою, 2-е) надевать дурное платье въ заплаткахъ и ставить при выходѣ всехъ школьничковъ изъ Гимназіи, 3-е) садить въ тюрьму, где бы кроме голого полу, ни сидѣть, ни спать было не на чемъ, и кормить хлебомъ и водою, 4-е) давать на каждое утро по несколько разовъ

пересажен на более высокое место, награжден книгой, эстампом или прописью на публичном годовом собрании. Об атмосфере в гимназии в первые годы ее существования и о взаимоотношениях между учениками и преподавателями дает представление следующий приведенный Шевыревым анекдот: «<...> перед масленицей 1758 года, в отсутствие директора ученик из дворян хотел подставить ногу учителю, учитель заметил его намерение и дал ученику пощечину. Ученик принес жалобу канцелярии. Наряжен суд: судили ассессор Херасков, ректор Шаден, профессора Дильтей и Фроманн. Учителю сделали выговор и сказали, что он мог бы искать удовлетворения другим путем, но теперь лишился права: ибо пощечины давать запрещено. Приговорили: учителю и ученику просить друг у друга прощения. Но ученик не ограничился этим удовлетворением: в понедельник на масленице он отправился с жалобой к другому ассессору Веревкину (в будущем — директор Казанской гимназии — А.П.Л.), за которым была очередь, и Веревкин обещал ему удовлетворение блистательное. Он приказал солдатам взять под арест учителя: солдаты не застали его дома, но пришли к нему на другой день рано утром и прямо с постели отвели его под караул. Оказалось, что и учителя взяли не того: Веревкин перемешал имена...»¹²⁷.

Дворяне и разночинцы питались отдельно и носили разные мундиры (это было наиболее заметное различие между двумя гимназиями, точнее, единственное, которое вообще можно было обнаружить). Дворянам были положены английский фаянс и серебро, носили они по будням темнозеленые сюртуки, а по праздникам — темнозеленые же мундиры с медными пуговицами и с белым исподним платьем; разночинцы ели на олове и носили и сюртуки, и мундиры малинового сукна с голубыми воротниками и обшлагами с медными пуговицами, с голубым исподним платьем; своекоштным ученикам были положены только парадные мундиры, на занятиях они носили партикулярное платье немецкого покроя, а разночинцам дозволялось даже русское народное платье. Поскольку студенческое звание давало права личного дворянства, разночинцы, допущенные до слушания лекций, получали зеленое платье и шпагу. К новому 1797 году всему университету был Высочайше пожалован новый суконный мундир темнозеленого цвета с малиновым воротником и обшлагами, с серебряными пуговицами, на которых изображался университетский герб (характерная павловская страсть к единообразию).

Вставали ученики в 6 часов¹²⁸, 15 минут им давалось на одевание, до семи или до восьми часов утра они занимались приготовлением домашних заданий; потом бил звонок к молитве; камерные студенты вели учеников попарно в столовую. По прочтении молитвы они брали булку на завтрак и шли в классы. В 10 часов классы менялись; в 12 — заканчивалось утреннее учение. Вскоре раздавался звонок к обеду. В скоромные дни давалось горячее (суп), щи, жаркое с подливой, каша, квас. Прилежный стол для всех сервировался по-дворянски, к общему меню добавлялись пирожные. За ленивым столом ели стоя, на деревянной посуде; из блюд полагались только хлеб и квас. Раз в месяц пересматривали состав сидящих за тем и за другим (как и места учеников в классах). Вечерние занятия проходили с 2 до 4 и с 4 до 6 часов. Затем ужин (те же блюда, что и за обедом), читались молитвы. Естественно, те ученики, которым позволяли средства, покупали всякие лакомства у разносчиков. Князь Иван Михайлович Долгорукий вспоминает об этом так: «Я успевал между классами во время звонка, сойдя на двор будто бы для нужды, столкнуться с разнощиком и нахватать в долг коврижек. У меня завелись потаенные приятели: Прошка кондитор и В..... пряничник; и когда долги мои обнаруживались, батюшка их оплачивал наличными деньгами, а меня секали свежими прутьями»¹²⁹. В 9 часов гимназисты ложились спать, студентам позволялось заниматься до 10 часов.

Учебный год венчали торжественные собрания, на которых присутствовали университетские профессора и видные представители московской аристократии. Произносились речи на русском и латинском языках, успевшим в науках дарились книги, в фехтовании — перчатки и рапиры, в танцах — козловые башмаки. Кн. И.П. М. Долгорукий позднее вспоминал о том, как он произносил речь на торжественном акте: «1778 <г. > Школьная жизнь доставила мне разные приятности и развернула суетные побуждения самолюбия. По случаю рождения Великого Князя Александра Павловича, 12 Декабря протекшего года, Московский Университет праздновал торжественным академическим актом в Январе месяце сие вожделенное событие.

лозами. За важные преступления законов держать до определения в тюрьме скованных, потом из Гимназии отсылать к суду гражданскому, куда надлежит».

¹²⁷ С.П. 62.

¹²⁸ Следует отметить, поскольку это обычно забывается: никакого декретного времени в Российской Империи, естественно, не было, и поэтому для сравнения с современностью следует прибавлять один час.

¹²⁹ Записки кн. Ивана Михайловича Долгорукого. С.П. 522.

Съезд был огромный. Вся столица была приглашена слушать стихи и речи, кои на разных языках были произнесены профессорами и студентами. И я удостоен был чести на сей раз причислиться к их сословию. Г. П. Чеботарев сочинил краткую на русском языке речь, согласную с моим возрастом, которую я проговорил наизусть с кафедры. Надобно заметить, что ученики, произносившие разные стишки, на кафедру не становились, это преимущество принадлежало только студентам. Пусть вообразят, сколь важно было для меня им воспользоваться! Сколько же я и трусил, приготовляясь к такой новой почести! — В юных летах наших и малость делается важным происшествием. Со мною вместе робели за меня и все домашние. — Наконец наступил знаменитый день! Пришел срок и я взмогился на кафедру, с которой чуть видна была моя головенка, — принял вид важный и заговорил. Голос мой сначала задрезжал; меня всего приняла (sic!, вероятно, опечатка, и следует читать проняла — А. П. Л.) дрожь болезни; но отступать было уже поздно; дело начато, — надлежало кончить, — и речь свою я выговорил довольно удачно. Разумеется, она была не велика. Рукоплескания раздались во всей зале. Сколько в ней тогда было отцов и матерей, и могли ли они равнодушно смотреть на ребенка, поставленного на таком месте? Как услаждался во мне червь самолюбия! Сердце билось, как маятник. Сошедши с кафедры, я бросился в объятия моих родителей. Первые восторги моей радости принадлежали им бесспорно. Слезы их с избытком вознаграждали меня за все мои беспокойства. Все были мной и я всеми доволен; и тот меня подзовет, и другой и третий; кто поцелует, кто похвалит, кто скажет с улыбкой благоговения: „Bravo, mon prince!“ — а мое Я растет выше Ивана Великого»¹³⁰. За сочинение лучших речей и за благонравие вручались четыре медали: одна золотая — лучшему студенту (которого должны были назвать товарищи), три серебряных — дворянину и разночинцу из казеннокоштных и пансионера. Медали были положены также и первым ученикам по каждому предмету. Малые вакансии устраивались на святки, на масленицу и в Светлую неделю. Большие — летом (с 10 июня по 1 июля) и зимой (с 16 декабря по 6 января). Обилие каникулярных дней и праздников серьезно препятствовало учебному процессу». Ректор гимназий Шаден умолял Шувалова не давать ученикам отпусков вне вакансий, так как, по его расчету, за исключением вакансий, праздников, воскресений, суббот оставалось всего 100 учебных дней, а для учеников, пропускавших уроки по случаю болезни и случавшихся по несколько раз в неделю семейных торжеств, — не более 30–40 дней»¹³¹. С 1762 г. летние каникулы стали устраиваться с 28 июля по 17 августа с целью уравнивать полугодия.

Расписание занятий выглядело примерно следующим образом¹³²:

	<i>понедельник</i>	<i>вторник</i>	<i>среда</i>	<i>четверг</i>	<i>пятница</i>	<i>суббота</i>
7 ⁰⁰ — 9 ^{00/133} (8 ⁰⁰ — 10 ⁰⁰)	Латинский и греческий язык (простые авторы) ¹³⁴	Латинский синтаксис	Начатки греческого языка	Латинский и греческий язык (простые авторы)	Латинский синтаксис	Начатки греческого языка
	Грамматика греческого языка			Грамматика греческого языка		
	Начатки латинского языка ¹³⁵			Начатки латинского языка		
	Чистописание на языках ¹³⁶			Чистописание на языках		
		Латинские и греческие авторы			Латинские и греческие авторы	
	Немецкий язык ¹³⁷					

¹³⁰ Ор. cit., С. П. 518 сл. — У юного князя был особый статус: хорошая домашняя подготовка, в частности по латинскому языку, обеспечила ему разрешение, не имея студенческого звания, слушать профессорские лекции. Отца юноши убедил отдать его в гимназию не кто иной, как И. П. И. Шувалов, убежденный, что образование она дает не хуже, чем можно получить за границей. Вообще же среди учеников мало старых громких фамилий; в первые годы в ней учился только один обладатель графского титула — известный в будущем дипломат А. П. П. Морков.

¹³¹ Бахрушин, ор. cit. С. П. 18; ср. Шевырев... С. П. 60 сл. — с меньшей подробностью.

¹³² Реконструкция на основании Объявления о публичных учениях, в Императорском Московском Университете и обеих Гимназиях оного преподаваемых с 17 Августа 1789 по 27 июня 1790 года. Подобные объявления печатались каждый год; будут рассмотрены и изменения в составе предметов.

¹³³ С восьми, а не с семи часов утра занятия стали начинаться с 1786/7 учебного года.

¹³⁴ Латинские и греческие авторы постоянно менялись. Традиционно в качестве одного из первых подлинных произведений читалась биография Аристиды, принадлежащая перу Корнелия Непота — безусловно, из-за ее нравственного пафоса, а не стилистико-дидактических достоинств.

¹³⁵ Для начатков латинского и греческого языка — двое преподавателей. Конкретное время начатков греческого языка не указано; предполагаю совпадение с латинским языком.

¹³⁶ Только в обычные дни (три преподавателя).

¹³⁷ Четыре уровня преподавания; для низшего уровня — три преподавателя; два низших уровня занимают всю неделю; преподаватель третьего уровня (Матвей Гаврилов) — только по средам и субботам, с

	Французский язык ¹³⁸			
9 ⁰⁰ — 11 ⁰⁰ (10 ⁰⁰ — 12 ⁰⁰)	Умственная и нравственная философия по Гейнекцию Латинский синтаксис Грамматика греческого языка Начатки латинского языка Чистописание на языках	Закон Божий (Катехизис по кн. митрополита Платона) ¹³⁹ Начатки греческого языка ¹⁴⁰	Умственная и нравственная философия по Гимназийнекцию Латинский синтаксис Грамматика греческого языка Начатки латинского языка Чистописание на языках	Закон Божий (Катехизис по митрополита Платона) Начатки греческого языка
	Латинские и греческие авторы		Латинские и греческие авторы	
	Немецкий язык (то же, что и в 8 — 10 ч.). Французский язык (то же, кроме высшего уровня).			
14 ⁰⁰ — 16 ⁰⁰	История, география ¹⁴¹ Артиллерия и фортификация Геометрия Арифметика ¹⁴² Рисование, инструментальная музыка, фехтование ¹⁴³ Танцы	Итальянский язык ¹⁴⁴ Гражданская архитектура ¹⁴⁵	История, география Артиллерия и фортификация Геометрия Арифметика Рисование, инструментальная музыка, фехтование Танцы	Итальянский язык Гражданская архитектура
16 ⁰⁰ — 18 ⁰⁰	Переводы, стихосложение, стилистика ¹⁴⁶ Тригонометрия и алгебра Арифметика Рисование, инструментальная музыка, фехтование	Итальянский язык Гражданская архитектура	Переводы, стихосложение, стилистика Тригонометрия и алгебра Арифметика Рисование, инструментальная музыка, фехтование	Итальянский язык Гражданская архитектура

Знаменитый сатирик, вместе со своим братом Павлом (впоследствии, в 1784—1789 гг., директор Университета) поступивший в Академическую гимназию с первого дня ее основания, приводит следующий анекдот из истории преподавания предметов: «Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш¹⁴⁷ пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностью, спросил я учителя о причине. “Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, — продолжал он, ударя по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я

лучшими отдельно; преподаватель стилистики немецкого языка И.П. А. Гейм (высший уровень) — в среду и субботу работает с высшими классами, в остальные — с другими.

¹³⁸ Преподаватель высшего уровня Жан Жак Стефан Бодуен разбирает оды Руссо и Ломоносова на французском языке с 8 по 10 ч. в обыкновенные дни (т. е. кроме среды и субботы); остальные преподаватели работают всю неделю. Для среднего уровня — 1 преподаватель, для низшего — три.

¹³⁹ Три преподавателя, из них двое для нижнего класса.

¹⁴⁰ В 1791/2 учебном году в это время А.П. А. Прокопович-Антонский ведет предмет, который легче описать его же словами, нежели назвать: «предложит краткую историю о начале и успехе наук от самых древних времен до нынешних, преподаст главное понятие о всех науках и искусствах, имеющих связь между собою, придерживаясь системы Дидерото-Даламбертовой».

¹⁴¹ Два уровня, по одному преподавателю. М.П. Падерин, преподаватель высшего уровня, описывает свой предмет так: «по Фрейеру и Бауманову руководству, и притом таким образом, что в изъяснении всякой истории особенно стараться будет в том, чтоб примерами великих и славных в прошедшие времена людей в юношеских сердцах возбудить к добродетели любовь, а к порокам ненависть и отвращение». Эта формулировка в нескольких Объявлениях с его участием повторяется дословно...

¹⁴² Пять преподавателей.

¹⁴³ По четыре преподавателя для рисования и музыки, один для фехтования и для танцев.

¹⁴⁴ По плану 1791/2 учебного года, напр., дополнительно введен английский язык в 8–12 часов. В конце семидесятих годов (а также, по-видимому, и раньше) преподавался и татарский язык.

¹⁴⁵ Высший раздел математики. Два преподавателя.

¹⁴⁶ «М. Снегирев, провинциальный секретарь, повторяя Российскую и Славянскую грамматику, с обучающимися у него упражняться будет в переводах с Латинского и Французского языков на Русской, с изъяснением различного свойства оных от своего природного; сверх сего покажет им различные роды стихов и слога Российского. На сей конец не токмо будет читать в своем классе сочинения лучших Российских писателей и переводы как в прозе, так и в стихах, с разбиранием их по правилам хорошего слога, но також в подражание оным имеет задавать своим ученикам разные сочинения; а особливо упражняться с ними будет в сочинении писем всякого рода. Сверх же всего оно преподавать будет на Российском языке начала Логики».

¹⁴⁷ Латинскому языку обучали Ал. Константинов, Анич и Иван Фрязин — прим. к цитируемому изданию.

возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете”. <...> Но как учитель наш был тупее прежнего латинского, то пришел на экзамен с полным партищем пуговиц, и мы следственно экзаменованы без всякого приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда течет Волга? В Черное море, отвечал он; спросили о том же другого моего товарища; в Белое, отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне; не знаю, сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили»¹⁴⁸. С.П.П. Шевырев пронищательно пишет¹⁴⁹: «Трудно здесь отличить, что принадлежит фантазии комика и что существенной правде». Со своей стороны должен сказать, что считаю эти истории совершенно неправдоподобными. Явиться на экзамен в лишенном пуговицы камзоле без всякой необходимости (поскольку не настолько же тупыми были ученики, чтобы не суметь отсчитать пуговицы сверху, даже если всего их на одну больше!) было равнозначно грандиозному скандалу и оскорблению общественной нравственности; в качестве забавной фантазии такое поведение вполне может иметь место, но «стражем чести» испорченный мундир стать не в состоянии. Это свидетельство о низком моральном уровне преподавателей и учеников — не единственное. Гр. С.П.П. Воронцов писал отцу о родственниках, находившихся в гимназии: «Совсем ничего не знают», прибавляя при этом: «Нечему и дивиться, когда учителя пьяницы, а ученики самые подлые поступки имеют. Человек самого лучшего воспитания там испортиться может, не токмо, чтобы научиться»¹⁵⁰. Вторым ректором гимназий стал знаменитый ученый, похититель рукописей Синодальной библиотеки Х. Ф.П. Маттеи¹⁵¹. Сразу же после назначения на пост ректора гимназий Маттеи по поручению Конференции составил для занятий греческую хрестоматию (*Chrestomathia Graeca, seu delectus ex aliquot scriptoribus Graecis in usum gymnasiorum Universitatis Mosquensis. Collegit et animadversionibus illustravit Christianus Fridericus Matthaei, artium magister Lipsiensis et gymnasiorum Universitatis Mosquensis rector. Accedit specimen lexicī inediti ex codd. Mss. Mosquae 1773 — Греческая хрестоматия, или избранные места из некоторых греческих писателей для использования в гимназиях Московского университета, составил и снабдил примечаниями Христиан Фридрих Маттеи, магистр <св. > искусств Лейпцигского <университета> ректор гимназий Московского университета. С прибавлением образчика неизданного словаря из московских рукописей, М., 1773 г. — А.П.Л.*), которую хотел посвятить своему покровителю куратору Ивану Ивановичу Мелиссино, от чего тот по скромности уклонился (ученый сообщает об этом в предисловии). Автор так характеризует достоинства предмета: греческий язык «как никакой другой ко всем искусствам и наукам показывает и открывает путь и подступ: вы в них найдете многое, что способствует не только развлечению, достойным прекрасного и благородного человека, но и образованию ума, стремлению к доблести и чести; большего и превосходнейшего же блага, нежели это, Бог не дал смертным»¹⁵². Это был весьма видный даже по европейским меркам ученый, многое сделавший для становления отечественной эллинистики — в 1811 году, много лет спустя после завершения его гимназической работы, будущий министр просвещения при Николае I С.П.С. Уваров написал в его некрологе: «Обширное поле греческой словесности было во всех отделениях известно профессору Маттею. Хотя любимым его занятием было обрабатывание критической части Нового Завета и Св. Отцов; но не менее того распространил он свет и на творения многих Греческих пиитов и ораторов. С пространным и глубоким познанием Греческого языка г. Маттеи соединял палеографические сведения, которые делали его единственным в Европе. Кому случалось видеть г. Маттея читающего древнюю Греческую рукопись и разбирающего оную со

¹⁴⁸ Д.П.И. Фонвизин, *op. cit.* С.П. 231.

¹⁴⁹ *Op. cit.* С.П. 65.

¹⁵⁰ Цит. по: Ашевский (псевдоним; подлинное имя — М.П.Н. Столяров) «Из истории Московского Университета», М., 1906. С.П. 6.

¹⁵¹ Христиан Фридрих Маттеи (1744–1811), ректор университетских гимназий в 1772–1784 гг.; с 1803 г. профессор греческой и римской словесности Московского университета. О его роли в краже рукописей гомеровских гимнов см. предисловие Е.П. Рабинович к ее сборнику ее переводов (Боги Греции, в кн. Гомеровы гимны, М., 1995 г. С.П. 24 слл. Впрочем, переводчик не склонна слишком строго судить знаменитого филолога: «Так или иначе кража книг у некомпетентных владельцев процветала в Средние века и в эпоху Возрождения и по справедливости должна быть названа гуманистической традицией» (*ibid.*).

¹⁵² Подбор авторов может и сейчас привлечь внимание преподавателей: сборник пифагорейских изречений Демофила (для легчайшего уровня), следующий — отрывки из Эпиктета и из «О невероятном» Палефата, наиболее трудные задания — Элиан и Лукиан. — Библиотека Маттеи после смерти его была куплена у вдовы за 5. 000 руб. серебром Санкт-Петербургской Духовной Академией. (См. Алексей Родосский. В память семидесятилетнего юбилея Санкт-Петербургской Духовной Академии...).

всеми подробностями опытного критика и с утонченным искусством истинного палеографа, тот конечно согласится со мною. Маттей первый познакомил Русских и Европу с богатством Московской Синодальной библиотеки. Желательно, чтобы сии сокровища распространили между нами любовь к классической словесности, которая служит основанием истинному просвещению»¹⁵³. Однако роль, сколько-нибудь равную роли Шадена, суждено было сыграть только И. Г. Шварцу, устранившему злоупотребления начального периода¹⁵⁴. Н. С. Тихонравов пишет¹⁵⁵, что вид гимназий «изменен был, по случаю многих злоупотреблений, профессором Шварцем». Ibid., С. 97: «Шварц официально ввел в них <т. е. в гимназиях> новую, свою методу учения. Частью он сам, частью ученики его под его руководством издали новые учебники, которые заметно облегчили образование юношества. <...> “В отсутствие Мелиссино (куратора университета — А. Л.), — рассказывает Шварц, — произошло много перемен. Основан Благородный пансион на 50 человек, Педагогическая семинария, все устройство гимназий, как ложное, изменено, вышло много новых книг; типография приведена в такое состояние, что не много подобных было в Европе”». По-видимому, имеется в виду общее смягчение нравов, введение более гуманной методы преподавания. Статья о Шварце в БСПП, II, основанная прежде всего на записке самого Шварца, сообщает о его деятельности следующее: «Последний как бы не предугадывал, „какие преследования, обвинения и ненависть падут на него, если он захочет вырвать с корнем застарелые злоупотребления, порожденные ленью и своекорыстием; горя любовью к общему благу, он принял на себя без всякого вознаграждения и эту обязанность, соединенную с Геркуланскою работою. Он не щадил трудов и в начале Февраля 1781 представил совершенно новый план учения. <...> Несмотря на трудности, с которыми сопряжено было осуществление плана, Шварц в короткое время исполнил все предложенные им изменения. При этом ему суждено было подвергаться разным огорчениям. В продолжении года Шварц целые дни проводил в гимназии, для других трудов ему оставались только ночи. Хотя он был еще молод и крепкого сложения, но к концу учебного года чувствовал истощение сил. Чтобы поправить здоровье, и вместе личным обзорением других учебных заведений убедиться в пользе предпринятых в Гимназии перемен, Шварц вознамерился совершить путешествие по тем Немецким землям, где процветала наука“». Анализ учебных планов того периода показывает, что ни номенклатура предметов, ни преподавательский состав за год руководства Шварца не претерпели существенных изменений. В таких условиях вряд ли можно говорить о существенной реформе. Сам Шварц преподавал немецкую стилистику (в Объявлении о публичных учениях на 1780/81 г. сообщается: «Иоганн Георг Шварц, Философии, немецкого красноречия и стихотворства Профессор публичный ординарный, Педагогической семинарии и обеих гимназий инспектор, будет преподавать наставления о свободных науках, о стиле и красоте Немецкого языка, в обыкновенные дни по утру от 9 до 11 часов»; по его мнению, изучение языков должно было строиться не только на повторении непонятных правил, но и на философии языка; он сообщил Академическим гимназиям гуманный дух екатерининской эпохи. (Я полагаю, что именно в этом заключается преобразование, о котором пишет Н. С. Тихонравов: будучи только инспектором, а не ректором гимназий, Шварц не мог переменить ни состав учителей, ни набор преподаваемых предметов; «Объявления о публичных учениях» не дают нам возможности констатировать какие-либо существенные преобразования в данной сфере). Как преподаватель он часто вызывал самую восторженную реакцию слушателей; один из его учеников так оценил своего профессора: «Сей возвышенный и редкий чувств и оным подлежащего испытатель, ощутительнейшим образом приметив, что люди, проснувшись в поздние уже времена от своего ничтожества и едва только еще раздраз завесу, покрывающую их зрение, узрели сие существами населяемое огромнейшее и прекраснейшее здание, — не скрыл от нас того редкого своего дарования, которым целая природа ему жертвовала, чтобы не показать нам, хотя бы было то с уроном своего здравия, величество, стройность, порядок и совершенство целая природы. Не скрыл, говорю, под спудом того своего неочтенного таланта, когда единственно на сей конец имел он при университете торжественную эстетико-критическую лекцию, лекцию, возвышающую наши необделанные и грубые чувства к тонкости живописи, к стройности скульптуры, к совершенству архитектуры, к несомнительнейшим доказательнейшим доказательствам геометрии, к приятности стихотворства, к беспредельному порядку астрономии, к неудобопонятности анатомии и физиологии, к справедливости

¹⁵³ ВЕ, 1811, ч. 60, № 21, С. 60.

¹⁵⁴ Фонвизин сообщает, что учителя подчас предавались пьянству и всем подлым порокам. Один из них был даже отстранен от должности (по предположению Шевырева, речь идет о магистре Ф. Яремском).

¹⁵⁵ Соч., III, 1. С. 45.

физиогномии и хиромантии, к чудесному открытию магии и каббалы, к превращению естественного в сверхъестественное химии и других премногих наук, руководствующих нас к познанию беспредельных гармоний, сокрытых в недрах таинственной природы. Показал нам отношения чудес одной науки к другой; впери в нас, то под иероглифами, то на яснейших своих опытах, сколь удивительна связь материи и духовности, какой неразрешимый узел между Богом и человеком, и какие мы и вся природа имеем пределы и ограничения»¹⁵⁶. В комнате, где занимались питомцы университетского «Дружеского Общества», по смерти Шварца его бюст был поставлен рядом с распятием¹⁵⁷. А. П. Ю. Андреев дает иную характеристику: «Безмерно хвалебным отзывам о преподавательском таланте Шварца полезно противопоставить иные воспоминания его слушателя. „Как ни плохо знал Шварц Русский язык, на котором он читал, однако истины, им высказываемые, были так любопытны и казались тем новее, чем старее и неизвестнее были источники...“. Определенная сумбузность лекций, эффект, достигавшийся за счет психологического давления на слушателей, дополнялись общим обликом профессора. В глазах студентов он выглядел фанатичным ученым-аскетом, его повелительный тон, угрюмое выражение лица отмечали все современники. Но некоторые, более близко общавшиеся с ним ученики видели в этом облике угрожающие черты». Автор цитирует анонимные мемуары о московском масонстве XVIII века: «Вспыльчивость его, часто доходившая до бешенства, и многие нелепые выходки не оставляли сомнения в повреждении его умственных способностей. Он был суров, сумрачен, очень строг... Ко всему этому он был скрытен, и я смею думать, что он был искусный лицемер. Этот человек был в полном смысле слова деспот, не терпевший никакого противоречия или сомнения. Так, например, его голос был повелительный, брови сдвинуты; никогда он не упустил в виду цели масонства и употреблял все средства без разбора, лишь бы только они привели к этой цели»¹⁵⁸. Из гимназических ректоров позднейшего периода следует отметить Иоганна Вильгельма Людвига Мельманна¹⁵⁹; Ф. П. П. Лубяновский (в то время студент, а не гимназист) так вспоминал о несчастном профессоре: «Мельман, любимый, говорили, ученик Канта, был нашим профессором эстетики. Мужчина лет под сорок, всегда один, словно в келье, всегда погруженный в размышления, он слыл в литературном кружке бесстрастным отшельником от мира, влюбленным по уши в безжалостную „Критику“, дочь философии Канта. Был он, однако же, с отличными способностями и с даром слова, — Цицерон в латинской словесности. Познакомив нас с Горацием, Вергилием, Люкрецием, Цицероном, Тацитом, он удачно развивал их мысли нравственные и политические, превозносил их ум и с приятным велеречием водил нас от одного к другому из них, как по цветистому лугу от одного прекрасного к другому цветку, еще превосходнейшему, присваивая им, иногда казалось нам, и такие идеи, о которых те господа не думали и не гадали. Представлялось нам также, что он не всегда и высказывал нам все то, что было у него на сердце. Несмотря на то, мы слушали его с удовольствием. Неожиданно он перестал являться на лекции. Через несколько дней шепотом заговорили, что Мельмана велено отправить к митрополиту Платону; потом, что он выслан и по секрету отъезден за границу; наконец, что, не доезжая до Кенигсберга, он застрелился»¹⁶⁰. На его место был назначен проф. эстетики Павел Афанасьевич Сохацкий (1765—1809), который руководил высшим филологическим классом; в 1802/3 учебном году высший философский класс достался проф. логики и нравственности Михаилу Матвеевичу Снегиреву (1760—1820)¹⁶¹. О положении дел в гимназии любопытные подробности сохранил князь Ф. П. Н. Голицын, бывший куратором Университета в 1796—1803 гг.: «Я не могу довольно похвалить и всю честь приписываю как управляющим, так и наставникам. Каждый исполняет свою должность, можно сказать, с удовольствием. Но паче всего мне полюбилось и достойно всякой похвалы, что воспитание юношей было препоручено двум, как называли тогда, эфорам. Они, по своему попечению и в исправлении своей должности, были образцовые люди и каких редко найти можно. От такого порядка и усердия питомцы себя вели так хорошо, что никогда не было слышно ни шалостей, ни шуму, и редко когда которой из них был наказан.

¹⁵⁶ Цит. по: Н. П. С. Тихонравов, СС, III, 1. С. П. 77.

¹⁵⁷ В. Боголюбов. Н. П. И. Новиков и его время. М., 1916. С. П. 341.

¹⁵⁸ А. П. Ю. Андреев. Профессора... С. П. 208–209.

¹⁵⁹ 1765–1795 г.; был назначен ректором высших классов в 1786 г. и отставлен от своей должности в 1795-м. В 1785/6 учебном году в гимназиях не было ректора.

¹⁶⁰ Воспоминания; цит. по: МУВВС, с. 46.

¹⁶¹ После преобразования 1804 г. ректорская должность была упразднена; к сожалению, в Объявлениях перестали печатать сведения о занятиях в гимназиях, и поэтому то, что содержится в Приложении — единственное, что автор имеет сообщить по этому поводу для последнего периода существования Академической гимназии.

Гимназия была в одном корпусе с университетом, и в нее хаживали учиться около семисот мальчиков, по большей части без состояния и самые неимущие. Какая благотворительная подмога сим несчастным и какая польза для общества!»¹⁶².

Отношение к воспитанникам было довольно строгим: так, Страхов в своей статье приводит любопытный документ, выданный недорослю-дворянину Никите Иванову сыну Крымову: «И будучи ему в доме объявленным наукам обучаться со всяким прилежным радением, а когда он будет двенадцати лет и ему еще явиться на смотр будущего тысяща семьсот пятьдесят девятого года в Генваре месяце, где по Указам надлежит, а ежели он недоросль Крымов на смотр к сроку не явится, а хотя и явится, да необучен, за то написан будет вечно в матрозы без всякого произвождения, а в обучении означенных наук обязательство взято и сей паспорт объявить ему где жительство иметь будет...»¹⁶³. (На момент выдачи этого «паспорта» мальчику было восемь лет; в будущем он оказал значительные успехи в учебе). Однако, вполне естественно, гимназии стали центром притяжения для талантливой молодежи. О Д. П. И. Фонвизине¹⁶⁴ уже было сказано; здесь добавим, что как отличившийся он читал на акте 12 июня 1757 г. немецкую речь о лучшем способе к изучению языков. На том же акте знаменитый в будущем дипломат Яков Иванович Булгаков (1743—1809) произнес латинскую речь о пользе военной науки. Ему суждено было сделать блестящую и необычную карьеру. В 1761 г. он начал службу в Коллегии иностранных дел, которой руководил гр. Н. П. И. Панин; долго был секретарем русской миссии в Польше. Благоволивший ему кн. Н. П. В. Репнин взял его с собою в Порту (1775 г.), куда 20 мая 1781 г. он был назначен послом. Крупнейший дипломатический успех — предотвращение войны сразу после аннексии Крыма (1783 г.). Наиболее знаменитый эпизод дипломатической карьеры — заключение в Семибашенный замок (Едикуле) после начала войны; там он провел 26 месяцев (1787—1789 гг.). Пользуясь связями, добыл и доставил Потемкину предложения французского посла Шоазеля Гуфье о наиболее рациональном способе ведения войны. При Павле — виленский и гродненский гражданский губернатор. Яков Иванович не забывал уроков, полученных на школьной скамье: он увлекался переводами (из греческих авторов — Лукиан и отрывок из Исократ); перевел «Всемирного путешественника» аббата Де ла Порта. Г. П. А. Потемкин также был учеником дворянской гимназии; сначала его награждали за успехи, — в 1757 г. Мелиссино брал в Петербург лучших учеников для представления Государыне, и будущий князь Таврический вошел в их число, — впоследствии исключенный за леность и нехождение в классы¹⁶⁵. 27 апреля 1759 года было первое производство гимназистов в студенты (оно произошло так поздно в силу высокой требовательности Шадена). Среди произведенных в тот день были известный впоследствии писатель Василий Григорьевич Рубан, издатель журналов «Ни то ни се» и «Трудолюбивый муравей» (он на страницах своего журнала так объяснял финансовые затруднения, мешающие издавать его в срок: «А мы недавно вышли из бессребренного Минервиных питомцев жилища, где и слово деньги только в лексиконах выдали»)¹⁶⁶, и один из первых русских профессорско-юристов Семен Десницкий. В 1793 г. учеником гимназии стал будущий профессор Университета Алексей Федорович Мерзляков. Приведем пример менее заметной на расстоянии двух столетий, но одновременно и блестящей, и типичной для гимназического воспитанника карьеры. Василий Сергеевич Подшивалов¹⁶⁷, род. 2 марта 1765 г. в семье отставного солдата, начал учиться в шестилетнем возрасте у дьячка одной из московских церквей; в разночинскую гимназию поступил 9 января 1774 г. на казенный кошт. 25 ноября 1782 г. окончил университет и был назначен учителем российского стиля и логики в Благородный пансион. (В скобках отметим, что эпоха рассматривала стиль и логику как родственные предметы: логико-философское образование должно было приучить юношу хорошо владеть пером, других задач — кроме чисто моральных — перед этим предметом не ставили). Становится членом, — а затем и секретарем и председателем — созданного Шварцем Общества университетских питомцев; сотрудничает с

¹⁶² Записки. В кн.: Золотой век Екатерины Великой. М., 1996. С. П. 300.

¹⁶³ Цит. по: Страхов, С. П. 7–8.

¹⁶⁴ Сведения о студентах и гимназистах первых лет Императорского университета: Биографический словарь Студентов Императорского Московского Университета и учеников Гимназии благородной, с 1756 по 1760 г., составленный к юбилею Университета; б. м. и. г., но, по-видимому, М., 1855 г.

¹⁶⁵ Объявление о его исключении было напечатано в приложении к № 34 Московских Ведомостей за 1760 г. Вместе с ним среди прочих был исключен и Николай Новиков.

¹⁶⁶ Биографический словарь студентов... С. П. 230.

¹⁶⁷ Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А. П. А. Половцова. СПб., т. 14, С. П. 216–220 (статья Б. П. Модзалевского с подробной библиографией).

Новиковым в издании его журналов, руководит своими учениками в собраниях пансионских воспитанников. В 1787 г. выходит сделанный еще в ученические годы перевод «Двух книг Аполлодоровой библиотеки о богах». В конце 90-х гг. карьера В. С. Подшивалова идет в гору: он становится помощником главного надзирателя Московского Воспитательного дома, а в 1798 г. — инспекторским помощником Демидовского Коммерческого училища. В 1800 г. вместе с учениками он переезжает в Петербург, а в следующем году становится директором училища. В 1803 г. сотрудничает с И. И. Дмитриевым и Н. М. Карамзиным в издании *Вестника Европы*; Подшивалову покровительствует Императрица Мария Федоровна; но впоследствии упущения в хозяйстве лишили директора ее расположения. В отставку он вышел в чине статского советника в 1810 г. и умер 31 июля 1813 г. Из его педагогического наследия необходимо отметить учебник «Русская просодия, или правила, как писать русские стихи, с краткими замечаниями о разных родах стихотворений, изданная для воспитанников Благородного Университетского Пансиона», выдержавший два издания (1808 г. и посмертно 1814 г., оба в Москве).

Общее преобразование, затеянное Александром I в учебном ведомстве, отразилось и на гимназиях. В 1806 году, в связи с реформой Императорского Московского университета, они получили новое постановление (в котором речь идет уже об одной гимназии, не подразделяемой на два отдельных заведения для дворян и разночинцев). Этот документ, подписанный 28 октября по представлению М. Н. Муравьева первым Министром народного просвещения гр. П. В. Завадовским, несет на себе отпечаток модных в XVIII в. локковских образовательных концепций: вопросам воспитания и содержания гимназистов уделено больше внимания, нежели чистой учебе (это сказывается даже и в композиции), приоритет моральных ценностей по отношению к научным, неясность и расплывчатость формулировок в существенных пунктах (см. § 28). Над университетской гимназией в то время нависла серьезная опасность. Она была спасена благодаря усилиям Попечителя Московского учебного округа М. Н. Муравьева, который в свое время сам окончил ее. Вот его записки: «При преобразовании Московского Университета встречается великое затруднение: существующая при нем великая Гимназия, в которой действительно находится сто тридцать воспитанников на казенном содержании, сто пятнадцать на стопятидесятирублевом пансионе, сто четыре сверхкомплектных и приходящих для учения пять сот шестьдесят три. Сие заведение, до сих пор весьма полезное, остается при новом назначении штата совершенно без дохода, затем что сумма, для Гимназии назначенная (6250), нисколько достаточною для содержания ее быть не может. Ныне Гимназия стоит Университету 36, 740 рублей ежегодно. Я предлагаю сохранить ее, не смешивая с Губернскою Гимназиею, особливим Институтом, под именем Лицея, отпуская на оной из казны на содержание казенных ее воспитанников по сту десяти рублей на каждого, 11, 000 рублей; получая со ста пятидесяти пенсионеров сто пятьдесят рублей с каждого, что составит 22, 500 рублей, и позволяя пятистам ученикам приходить в классы с тем, чтобы каждый из них платил по десяти рублей в год за ученье: все сие составит 38, 500 рублей, довольною суммою для содержания Лицея. Со временем можно уничтожить нижние классы малолетних, где учат читать и писать, а заменить их основаниями Наук по примеру Гимназий¹⁶⁸. Куратор Ф. Н. Голицын был недоволен преобразованиями. Он характеризовал их так¹⁶⁹: «Потом все переименовано, и самая главная и полезная часть, т. е. воспитание, уничтожено. Гр. Завадовский уже издавна приговаривался его преобразовать, а тут, сделавшись министром народного просвещения, исполнил свое намерение. Итак, лучшее у нас учреждение, от которого проистекала истинная польза для государства и где обрабатывались нравы молодых людей, не могло устоять на сем опытностию подтвержденном, пристойном основании». По новому замыслу Академическая гимназия должна была венчать систему губернских гимназий (только создаваемых на базе народных училищ), что вполне логично вписывалось в рамки принятой административной концепции, подчинявшей округа в учебном отношении Университетам. К сожалению, гимназия недолго пользовалась новым постановлением: она не смогла пережить пожар 1812 года; «25 апреля 1813 года Временная комиссия <по всем частям Университета¹⁷⁰> признала, что по тогдашним обстоятельствам нет никакой возможности восстановить Академическую гимназию, и Совет университета решил не восстанавливать гимназии, а учеников ее подвергнуть экзамену и

¹⁶⁸ Шевырев... С. 373–374.

¹⁶⁹ Op. cit. № 300–301.

¹⁷⁰ Учреждена в январе 1813 года под председательством попечителя П. И. Голенищева-Кутузова; членами были назначены профессор И. А. Гейм (ректор), М. В. Рихтер, И. А. Двигубский, М. М. Снегирев, А. Ф. Мерзляков и М. Т. Каченовский (Шевырев..., с. 421).

тех из них, которые не могли быть произведены в студенты, перевести в московскую губернскую и другие гимназии»¹⁷¹.

Косвенным свидетельством достоинств нашего учебного заведения является предложение проф. Л. Цветаева: «А чтобъ еще болѣе распространить полезное вліяніе Университета по учено-учебной части, надобно завести при ономъ собственную казеннокоштную Гимназію; 50лѣтнее существованіе прежней Университетской Гимназіи подтверждаетъ мое мнѣніе; она доставляла достойныхъ людей и для самаго Университета и для другихъ училищъ, и для всѣхъ родовъ службы; ближайшій надзоръ ученыхъ людей, лучшая метода избраннѣйшихъ учителей изъ своихъ воспитанниковъ могутъ произвести гораздо большіе и основательнѣйшіе успѣхи, нежели какіе мы видимъ въ воспитанникахъ нынѣшнихъ Гимназій, тѣмъ паче Пансіоновъ и домашнихъ учителей. Между тѣмъ сколько облагодѣтельствована будетъ Москва, сія многолюдная столица, въ которой много бѣдныхъ и недостаточныхъ людей, не имѣющихъ средствъ воспитывать дѣтей своихъ и приотвѣчать къ гражданской службѣ; жители Московскіе до сихъ поръ вспоминаютъ о прежней Гимназіи съ похвалами и съ желаніемъ, что бѣ она была возстановлена! Возстановить ее даже недорого будетъ стоить для Правительства; учителями могутъ быть въ ней казенные Кандидаты и магистры за опредѣленное имѣ по симъ степенямъ жалованье; нужно только ассигновать сумму на одно содержаніе гимназистовъ (число ихъ простиралось прежде до 150 человекъ); казенные гимназисты обязаны будутъ проходя по томъ чрезъ разныя Университетскія степени, поступать въ учителя, адъюнкты и профессоры, а своекоштные въ разныя другія должности»¹⁷².

БЛАГОРОДНЫЙ ПАНСИОН ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Вольный Благородный пансион при Императорском Московском университете в сознании потомков благодаря А. С. Пушкину заслонен Царскосельским Лицеом; но как учебное заведение он был, пожалуй, интереснее, и для того, чтобы в полной мере оценить его роль в воспитании творцов отечественной культуры, достаточно вспомнить имена В. А. Жуковского, С. П. Шевырева, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, М. А. Дмитриева, Д. П. Ознобишина, Д. В. Дашкова (в будущем — министра юстиции и переводчика на русский язык эпиграмм Палатинской антологии), министра обороны при Александре II Д. А. Милютин... Своим возникновением он обязан в некоторой степени случайному обстоятельству — академические гимназии при Московском университете, созданные для подготовки студентов к будущим высшим занятиям и содержавшиеся за счет казны, не могли удовлетворить всех желающих получить образование; с другой стороны, среди дворян были и такие, которые были готовы дать его своим детям за плату. Поэтому куратор университета М. М. Херасков принял в 1778 г. решение создать платное учебное заведение для дворян, которое получило название Московского Благородного пансиона. Такова датировка С. П. Шевырева, которая представляется наиболее достоверной (особенно в силу того обстоятельства, что решение это было принято М. М. Херасковым самостоятельно, в отсутствие коллеги И. И. Мелиссино. Шевырев сообщает и о первых объявлениях в «Московских ведомостях»: № 100 за 1778 год (15 декабря) и № 2 за 1779-й — 5 января¹⁷³. Датировка акад. Н. С. Тихонравова¹⁷⁴ несколько иная: он настаивает на 1776 г., аргументируя

¹⁷¹ Юбилейный сборник 1812 г. Московский Университет, Губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 г. сост. В. О. Эйнгорн. С. 47.

¹⁷² Мнение Ординарного профессора Цветаева касательно перемен в Уставе Московского университета. ОПИ ГИМ, ф. 404, ед. хр. 20 (Московский университет. Проекты и обсуждения устава). Л. 36 об.–37. Ср. мнение М. Я. Мудрова: «Во Франции допускаются на медицинские лекции одни только окончившие курс словесных и физико-математических приуготовительных наук, и по экзамену в оных получившие звание бакалавров; а у нас, по уничтожении университетской гимназии, доставлявшей для всех факультетов самым лучшим образом приуготовленных к слушанию профессорских лекций студентов, поступают весьма часто в медицинский факультет толь слабо заготовленные юноши, подающие, однако ж, добрую надежду, что мы в первый год принуждены бываем записывать их, сверх лекций приуготовительных естественных наук, в класс латинского языка». См. М. Я. Мудров. О пользе врачебной пропедевтики... С. 272–273.

¹⁷³ Шевырев..., с. 214.

¹⁷⁴ Соч., III, 2, 91. В «Объявлении» 1812 года (с. 3) сказано: «Императорский Московский Университет, движимый патриотическим желанием доставить почтенному Дворянству всевозможные способы приличного сему званию Воспитания, в 1776м году основал Благородный пансион, и Заведение сие существует 35 лет с немалой общественною пользою». Э. Е. Шишкова (Московский Университетский благородный пансион... С. 72) делит его историю на следующие этапы: «1776–1783 — интернат при гимназии; 1783–1804 — становление пансиона как относительно самостоятельного учебного заведения; 1804–1818 — утверждение статуса пансиона в уставе Московского университета 1804 г., увеличение числа

это следующим образом: «Университетский пансион, как видно из этого рассказа, образовался не вдруг: de facto он существовал уже до 1779 года; вот почему и время его основания самим же университетом определялось различно: в „Объявлениях о благородном пансионе, учрежденном при Императорском Московском университете“, годом основания его указывается то 1776-й, то 1779-й год. Одно из таких объявлений (1810 г.) г. Сушков перепечатал в своей книге, намеренно изменив годы: <...> смело ставит вместо 1776-го — 1779-й и вместо 33-х — 30 лет». (В скобках заметим, что приводимое нами в Приложении «Краткое начертание...» 1790 г. говорит о десяти годах существования Пансиона, т. е. поддерживает датировку 1779–1780 г. А.Ф. Малиновский¹⁷⁵ относит основание к 1779 году. Та же дата сообщается в первом пансионском отчете (за 1814–1817 гг.)¹⁷⁶. Учитывая сложность определения фактической даты и возможность фальсификации со стороны Сушкова, имеет смысл, вероятно, признать в качестве исходного пункта рубеж 1778/1779 годов. — А.П.Л.). Этому учебному заведению было суждено стать одним из лучших в России и составить незабываемую страницу в истории отечественной культуры.

Наиболее подробной работой (последний термин употреблен условно) по истории Благородного пансиона остается до сих пор книга о нем выпускника пансиона Н.В. Сушкова¹⁷⁷. Эта книга обладает рядом серьезных недостатков (вскрытых рецензией акад. Н.С. Тихонравова¹⁷⁸) как фактического, так и концептуального порядка, и пользоваться ею необходимо с осторожностью; тем не менее общий дух и атмосфера пансиона воспроизведены здесь достаточно точно и с рядом интересных подробностей. Однако не стоит, подобно Сушкову, видеть в решении Хераскова желание создать преграду на пути антинациональных элементов в образовании: «Никогда Университет не имел в виду придавать пансиону такой односторонний иезуитский характер»¹⁷⁹. Первый период деятельности пансиона связан с И.А. Геймом¹⁸⁰, прекрасным ученым и преподавателем, впоследствии двенадцать лет находившимся на посту ректора Университета и много сделавшим для распространения знаний о своей второй родине в Германии. Располагался Пансион до 1783 г. в университетском здании на углу Моховой и Никитской, затем был переведен в смежное строение и, наконец, для него было куплено отдельное здание — в дом Межевой канцелярии, бывший фельдмаршала кн. Трубецкого¹⁸¹. А.Ф. Малиновский описывает здание пансиона так¹⁸²: «Наружный фасад сего квадратного, в два этажа устроенного здания обращен на Тверскую улицу. Главный корпус отличается порталом из восьми дорических полуколонн и заканчивается заворотом между двух переулков по обеим сторонам красивыми ротондами, с колоннами тосканского ордера и большими куполами. В одной из них находится церковь во имя [авторский пропуск; пансионская церковь была освящена во имя Воздвижения честнаго Креста Господня — А.П.Л.], в другой — больница. Главные части строения заняты классными комнатами, отделенными от спален коридорами и двумя залами для столовой и для публичных собраний». В здание,

---

воспитанников, развитие „литературного направления“ в пансионе; 1818–1826 —Новое „Постановление пансиона“ (организация правления пансиона, дарование пансиону привилегий); 1826–1831 — инспекция Строганова и преобразование пансиона в гимназию». Мотивировка ранней даты — доверие к свидетельству П. И. Страхова, сообщавшего о дворянских пансионерах при Университете, которые появились до получения официального разрешения (с. 73).

¹⁷⁵ Обзорение Москвы, М., 1992. С. 152.

¹⁷⁶ Речь, разговор и стихи... 1817 года Декабря 21 дня. При сем акте отчет Пансиона со времени возобновления его. Москва. В Университетской типографии. С. 37.

¹⁷⁷ Сушков¹, Сушков².

¹⁷⁸ См. Соч., т. III, 2. С. 85 слл.

¹⁷⁹ Ibid. С. 87.

¹⁸⁰ Иван Андреевич Гейм (1758–1821) был ординарным профессором всемирной истории, статистики и географии, статским советником, кавалером орденов св. Владимира 3 ст. и св. Анны 2 ст. Образование получил в Гельмштедском и Геттингенском университетах. В 1779 году получил приглашение А.А. Лопухина обучать его сына. В 1781 году был принят в Императорский Московский университет на должность лектора немецкого языка. Через три года стал экстраординарным профессором и инспектором Университетского Благородного пансиона с чином коллежского ассессора. В 1786 году уже мог читать курс по-русски. Пользовался всеобщим уважением; умел снискать милость Императрицы Марии Федоровны. 12 лет был ректором Императорского Московского университета. Некоторые из его научных работ: Учение российского языка для немцев, М., 1789; Российская грамматика для немцев. М., 1791. Versuch einer vollständigen, geographisch-topographischen Encyclopädie des Russ. Reiches nach alphab. Ordnung (1048 Seiten). Güttingen, 1789; 1796.

¹⁸¹ Сушков¹, с. 3.

¹⁸² Op. cit. С. 152. Г. Ф. Головачев (Отрывки... С. 700) вспоминает, что здание было скромным, с крашеными полами и зелеными скамейками (1830 год).

пожалованное специально с этой целью университету Императрицей по ходатайству московского военного губернатора П. Д. Еропкина, пансион был переведен в 1790 году¹⁸³. 14 ноября 1798 г., в первую годовщину смерти Шувалова, утром был освящен новопостроенный флигель пансиона. Вечером на акте питомцы поставили в новой зале портреты двух уже умерших кураторов — Шувалова и Мелиссино — и присутствовавшего при этом событии Хераскова¹⁸⁴. В числе участников этого события был В. А. Жуковский, который произнес подобающую случаю речь: «Друзья любезные! при подножии сих священных для нас изображений, поставленных здесь пламенною нашею благодарностию, еще дерзаем мы повторить торжественный обет свой, что употребим все силы, да семя добра, лежащее в груди нашей, произрастит спасительные плоды свои; и тем потщимся доказать, сколь высоко ценим мы снисходительное ваше о себе мнение, и сколь признательность наша чистосердечна. Счастливы, счастливы будем, если предохраним кого-нибудь из вас хотя от одного дурного поступка, влекущего за собой горькие следствия; если умножим хотя одним зерном его познания; если приблизим его, хотя на один шаг, к добродетели»¹⁸⁵.

Как составная часть университета, Благородный пансион жил по его законам. Честолюбие пансионеров было направлено к тем же наградам, что и честолюбие гимназистов. Об одном из учеников Пансиона, Д. И. Вельяшове-Волынцове, вспоминают: «Покойный Дмитрий Иванович говаривал: „я не радовался столько, получив Полковничий чин, сколько тогда, когда подарена была мне первая книга за прилежание“. — Однажды, когда он отличился при испытании, в присутствии Ангальт-Нассавского принца — сей герой, восхищенный его ответами из класса Богословии и Математики, сам просил почтенного Куратора Мелиссино удостоить Вельяшева награды золотою медалью. Дмитрий Иванович, вместо одной, получил две медали. Все это происходило в глазах его отца, от радости плакавшего. Сей заслуженный Генерал подошел к Принцу, хотел его благодарить; однако не мог ничего сказать, кроме слов: „это мой сын!“. Растроганный герой понял его чувства и молча пожал ему руку»¹⁸⁶. Из выпускников пансиона раннего периода более всех известен герой наполеоновских и кавказских войн А. П. Ермолов. Он навсегда сохранил глубокое уважение к И. А. Гейму и, будучи в Москве, никогда не упускал случая навестить своего преподавателя. В пансионе он основательно познакомился с латинским языком и уже в период своей костромской ссылки, при Павле, будил протоиерея Егора Арсеньевича Груздева словами «Пора вставать, Тит Ливий ждет уж давно»¹⁸⁷. Однако этот кратковременный период не оставил заметного следа в памяти выпускников пансиона: его репутация связана прежде всего с деятельностью выдающегося педагога Антона Антоновича Прокоповича-Антонского, преподававшего естественную историю в пансионе с 1787 г. и ставшего его инспектором и бессменным руководителем в 1791-м — вплоть до 1824 года.

А. А. Прокопович-Антонский принадлежал к числу учеников Дружеского общества¹⁸⁸ и выпускников основанной им Педагогической семинарии. Там он проникся духом гуманной педагогики (введенная им система воспитания не признавала телесных наказаний и делала упор на нравственном воспитании; мистические настроения, свойственные Обществу, многие члены коего были масонами, передавались и пансиону, однако смягчались патриархальным духом, созданным стараниями инспектора). Педагогические взгляды А. А. Прокоповича-Антонского изложены в его работе «О воспитании», перепечатанной у Сушкова с кратким предисловием

¹⁸³ Шевырев..., с. 215–216.

¹⁸⁴ Вместе со своими коллегами — кн. Ф. Н. Голицыным и П. И. Голенищевым-Кутузовым. Шевырев..., с. 293. См. также С. Родзянка. Къ портретамъ Ихъ Превосходительствъ, Гг. Кураторовъ Университета, поставленнымъ въ новой Пансионской залѣ. — Утренняя заря. Труды Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансиона. Книжка I. Въ Университетской Типографіи, у Ридигера и Клаудія. 1800. С. 179–181.

¹⁸⁵ Цит. по: ПСС в 12 томах. Под редакцией, с биографическим очерком и примечаниями проф. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. IX. № 6–7.

¹⁸⁶ И. Снегирев. Воспоминание о Дмитрие Ивановиче Вельяшеве-Волынцове. С. 50–51.

¹⁸⁷ Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. П. Погодиным. М., 1864. С. 15. Вообще Ермолов остался на всю жизнь любителем и тонким знатоком латинского языка; его круг чтения включает Проперция, Вергилия (вторую половину «Энеиды», до коей редко добираются дилетанты), великих римских историков.

¹⁸⁸ См., например, М. Н. Лонгинов. Новиков и Шварц. М., 1858 г. А. Н. Афанасьев. Н. И. Новиков. Библиографические записки, № 6, 1858 г.

известного профессора И. И. Давыдова¹⁸⁹, также много работавшего в пансионе; С. П. Шевырев считает, что в этой работе намечен русский взгляд на воспитание¹⁹⁰.

Оценка роли воспитания и важности воспитания сердца вполне соответствует духу екатерининской эпохи: «Судьба целых народов наиболее зависит от воспитания молодых людей. Дети должны некогда составлять общество и быть его членами. Они утверждают благосостояние его, если с юности напоены добродетелию и любовью к отечеству: разрушают порядок его и тишину, если отравлены развратом». Воспитание должно содействовать укреплению здоровья: простая пища, нестесняющая одежда. Роскошь вредна, но тяжкий труд (и связанная с ним грубость нравов) также приносят мало пользы. Но — опережая эпоху — звучит требование считаться с индивидуальностью ученика: «Первым правилом воспитатель должен поставить себе то, чтобы заблаговременно исследовать способности воспитанника, смотрению его вверенного, и сообразно силам и дарованиям молодого человека размерять труды об нем и старания <...> Внутренняя склонность всегда готова раскрыться в нас; надобно токмо удачно тронуть ее». — причем индивидуальность присуща не только лицам, но и народам. В нагрузке на ум и на память следует придерживаться разумной середины. Важнейшая тренировка памяти — изучение языков (протест против принципиального невежества эпохи, против Руссо и — через столетие — вызов реалистам). Ум обогащается прежде всего историей. Но, кроме рассудка и памяти, есть еще и воображение, и развивать нужно и его: «История натуры для детей гораздо полезнее, нежели как обыкновенно думают. <...> Молодые люди то скорее понимают, что ближе к чувствам и более действует на воображение». Из искусств — в согласии с античными воззрениями — полезнейшим для воспитания души оказывается музыка. Ни гипертрофия публичного воспитания (Спарта), ни домашнего (Рим) не полезны. Также бесполезны путешествия. Идеальным типом воспитания Антонскому представляется афинский — золотая середина, отбрасывающая крайности.

Эта блистательная программа оказалась выполненной. Педагог-практик оказался на высоте своих взглядов: «всегда бодрый и деятельный, всегда строгий и добрый, неизменный в лице и привычках, знавший всему меру, воздержанием умевший как будто остановить свою старость, всегда готовый ободрять без лести и притворства, всегда чуждый охладительного слова, вовсе невинный в современном искусстве искания популярности»¹⁹¹. Все отзывы однозначно свидетельствуют как о высочайшем авторитете руководителя среди учеников, так и о полном успехе его мероприятий (с 1818 г. А. А. Прокопович-Антонский был назначен директором, инспектором стал И. И. Давыдов).

Один из благодарных учеников сочинил стихи *Къ портрету А. А. Прокоповича-Антонскаго. Написано по случаю пожалованія его въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники*¹⁹².

Не почестей однихъ, и не награды стяжанья,
Онъ въ ревностномъ къ добру стремленіи искаль,
Но счастья согражданъ съ ихъ юныхъ дней желаль,
И вѣкъ свой посвятить для ихъ образованья!

Большое внимание уделялось преподавательскому составу: в Пансионе математику в свое время преподавал М. И. Панкевич¹⁹³, автор первой в России диссертации о паровой машине, с которым А. А. Антонский познакомился еще в Киевской Академии; географию — М. П. Погодин, знаменитый впоследствии историк (это была его первая должность по окончании Университета)¹⁹⁴; профессор М. Г. Павлов, который «лекциями о природе

¹⁸⁹ Давыдов Иван Иванович (1794–1863). Профессор Московского университета, с 1847 г. директор Педагогического института в Санкт-Петербурге. Слушатели его лекций отмечают бесспорный ум и эрудицию, но с крайним пренебрежением отзываются о его характере. Для примера приведем отзыв С. М. Соловьева («Записки», МУВСС, с. 333–334): «Это был человек бесспорно очень даровитый, способный к многосторонней деятельности, могший принести большую пользу науке, если бы посвятил ей самого себя; но он посвятил всего себя для удовлетворения одной страсти — честолюбия, и честолюбия самого мелкого < . . . > нипочем ему было очернить человека. . . унизиться до самой гнусной, невообразимой лести». Я не стал бы, однако, утверждать, что это полностью справедливо, хотя доля правды в этом отзыве несомненна. . .

¹⁹⁰ Шевырев. С. П. 300–301.

¹⁹¹ С. П. Шевырев. Антон Антонович Прокопович-Антонский. Воспоминание, посвященное воспитанникам Университетского Благородного Пансиона. М., 1848. С. П. 4.

¹⁹² Сатиры, Послания и другія мѣлкія стихотворенія Михайла Милонова. Въ С. Петербургѣ . 1819. С. 135.

¹⁹³ Подробнее см. о нем БСПП II. С. П. 202 слл.

¹⁹⁴ Его первый урок состоялся 12 октября 1821 года. По отзыву А. З. Зиновьева, Погодин «класс свой держал в строгом порядке, географические уроки умел сделать весьма занимательными. Ученики питали к

возбуждал в университетской и пансионской молодежи сочувствие к философии немецкой и популяризировал в Москве основные положения Шеллинговой философии»¹⁹⁵; будущий ректор Университета физик Двигубский, известный поэт-переводчик, наставник Ф. И. Тютчева С. Е. Раич, не говоря уже об А. Ф. Мерзлякове. Особое внимание уделялось иностранным языкам: последние изучались не только на занятиях, но и с помощью разговорной практики, для чего специально нанимались гувернеры-иностранцы. Изучались не только общепринятые французский и немецкий языки (которыми занимались в послеобеденное время в основные учебные дни — в понедельник, вторник, четверг и пятницу), но и английский (в среду и субботу, когда, как правило, проходились специальные предметы). Древние языки преподавались факультативно, и высокого уровня эти занятия при Антонском, как правило, не достигали.

Уделялось в Пансионе внимание и правовым дисциплинам. Практическому законоискусству юных дворян обучал Захарий Горюшкин, чиновник с большим практическим стажем, прекрасно разбиравшийся в хитросплетениях права и безукоризненно честный. В преподавании он использовал столь ныне модные «игровые» формы, распределяя роли участников судебных процессов между воспитанниками. На пансионском акте эти процессы превращались в целые спектакли (в 1807 г. роль судьи играл не кто иной, как сам Прокопович-Антонский). Для этих спектаклей выбирались подчас довольно сложные юридические задачи, требующие детального разбора¹⁹⁶, и разрабатывались сценарии, предполагающие не только «подражательный», но и воспитательный элемент. Приведем начало сценария 1807 года¹⁹⁷.

«Передъ начатиємъ дѣйствию, всѣ назначенные къ отправленію его, входятъ въ залу слѣдующимъ порядкомъ:

1е. *Младшій Засѣдатель*; за нимъ *Секретарь* и *Протоколисть* рядомъ.
За ними *Стряпчій*.

Первые трое садятся на свои мѣста, а Стряпчій или тутъ остается, или, когда должность того требуетъ, уходитъ.

2е. *Старшій Засѣдатель*. Секретарь и Протоколисть ему кланяются; Засѣдатель, садясь на свое мѣсто, лавши имъ и товарищу своему приличную учтивость, садится на свое мѣсто.

3е. Наконецъ входитъ *Судья*.

Увидѣвши его, всѣ встаютъ и кланяются; онъ отвѣтствуетъ мѣ также поклономъ и садится на свое мѣсто; тогда Секретарь становится въ концѣ Судейскаго стола подлѣ Старшаго Засѣдателя, а Протоколисть у наоя, поставленнаго въ концѣ стола, и Дѣйствіе начинается. — Судья открываетъ его рѣчь къ Засѣдателямъ, на которую сперва Старшій, а потомъ Младшій отвѣтствуютъ.

Судья. Милостивые государи! Строгое и точное исполненіе законовъ составляетъ могущество, неколебимость и благосостояніе Государствъ. Можетъ ли тамъ царствовать мръ и тишина, между народомъ, гдѣ сильнѣйшіе притѣняютъ слабого, богатый — бѣднаго, щастливый — несчастнаго; — гдѣ преступника оправдываютъ, невиннаго обвиняютъ? Можетъ ли быть щастливымъ то Государство, гдѣ Судьи несправедливы и жадны къ корысти; гдѣ не законъ и правда дѣйствуютъ, а пристрастіе и золото. — Не посрамимъ долга своего, долга правыхъ Судей и вѣрныхъ сыновъ Отечества! Потщимся исполнять свято и нерушимо — Законы Великаго нашего Государя.

Старшій. Такъ, мы обязаны пещись о спокойствіи и благоустроеніи гражданъ. Общество вручило намъ вѣрность правосудія, надѣясь отъ насъ точнаго исполненія законовъ; мы не

нему уважение, но, между тем, позволяли себе некоторые любезные вольности». См. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга первая. СПб. 1888 г. С. 127.

¹⁹⁵ Н. С. Тихонравов, Соч., III, 2. С. 222.

¹⁹⁶ «Судебнымъ дѣйствіемъ» 1807 года (см. сл. прим., с. 2) былъ заданъ вопросъ: «Естьли кто, заложя благопріобрѣтенное, недвижимое имѣніе, и не выкупя его по истеченіи шести мѣсяцовъ отъ явки закладной, умереть, не имѣя на себѣ долговъ: то, по силѣ Банкротскаго Устава, должно ли оно продано быть съ публичнаго торгу въ удовлетвореніе заимодавца, или отдано наслѣднику его на выкупъ, или должно быть утверждено за заимодавцемъ навсегда по закладной?». На слѣдующій годъ («Судебное дѣйствіе...», М., 1808») вопросъ былъ такой: «Имѣетъ ли право отецъ въ недвижимомъ имѣніи сдѣлать наслѣднику одному изъ дѣтей своихъ?».

¹⁹⁷ Судебное дѣйствіе, происходившее Декабря 21 дня 1807 года въ Благородномъ Университетскомъ Пансионѣ, во время годичнаго испытанія юношества, обучающагося въ ономъ Россійскому Практическому Законоискусству, подъ руководствомъ Коллежскаго Советника Захарія Горюшкина. Дѣйствіе отправлялось въ Уздномъ судѣ, представленномъ въ залѣ Благороднаго Пансіона, въ видѣ Судебнаго мѣста. С. 3–5.

измѣ нимъ ожиданіямъ его. Любовь къ Отечеству пылаеть въ сердцахъ нашихъ — любовь ко благу его будетъ управлять всѣ ми нашими дѣ яніями.

Младшій. Отечество призвало насъ къ важнымъ обязанностямъ. Оно вручаетъ намъ судьбу праваго и виновнаго. — Оправдаемъ надежду его. Безпристрастїе и справедливость: вотъ отличительныя черты Судіи достойнаго! Онѣ преклоняють вѣ сы наши — и добродѣ тель восторжествуетъ!...

Благо общественное есть божество всякаго гражданина: оно должно быть цѣ лїю всѣ хъ дѣ йствїй нашихъ!... Пусть пагубные эгоисты вопіють, что несчастіе друзей, братїй не есть наше собственное; намъ ли быть равнодушными къ ухищреніямъ злобы и коварства, видѣ ть гоненїя невинности, и не защитить ее?... Ежели пристрастїе осквернить зеркало законовъ и совѣ сть нашу, то гдѣ скроемъ стыдъ свой? — Небесное правосудїе и вѣ нценосная истинна бдительнымъ окомъ назирають дѣ ла наши!...».

Не оставалась в пренебрежении и красота слога: этому служили такие жанры, как торжественные речи на актах, стихотворные упражнения и переводы (в том числе — русских поэтов на французский язык). М. Т. Каченовский писал: «Пенданство всегда было неразлучно с Ученостию, было его вывескою; но здесь взяты все нужные меры для избежания двух крайностей: воспитания ветренного и воспитания педантического. В Пансионе при Московском Университете не только по избранной методе и одобренным правилам учатся разуметь языки иностранные и говорить на них; но и переводить не слова, а мысли Автора, с наблюдением красот обоих языков, и обдумывая каждое слово; учатся даже сочинять с Логическою точностию, с Риторическою чистотою. Умалчивая для краткости о других учебных предметах, скажу, что Рускому слогу учили и теперь учат такие люди, которых сочинения Публика читала с удовольствием. Они изъясняют ученикам своим правила языков Славенского и Руского. Лучшие из воспитанников однажды в неделю имеют особое собрание, в котором читают *собственные* сочинения и переводы, рассматривают их с критической стороны и сообщают о том свои мнения»¹⁹⁸. Приведем пример красивого перевода начала XII песни Херасковской «Россияды»¹⁹⁹:

Dans le sein caverneux du superbe Caucase,
Aux eternels glaciers dont sa cime est la base,
Lieux donc (sic!²⁰⁰) la vue échappe à notre oeil impuissant,
Est une voute immense un dôme transparent,
Que frappe le soleil sans pouvoir le dissoudre,
Où s'émousse l'éclair, et s'amortit la foudre;
Là s'élève un palais taillé dans le glaçon
Qu'habitent la tempête et le noir Aquilon,
Où réside l'Hyver, le tourbillon fantasque,
La neige, le verglas, les frimas, la bourasque.
De cet asyse (sic) affreux, le sombre & dur Hyver
Tient ses freres courbés sous son scéptre de fer.
Au ciel à son aspect le lion s'épouvante,
De Pomone & de Flore a disparu l'attente,
Son ample vêtement offre au regard deçu
D'or de pourpre & de neige un superbe tissu.

Преподаватели работали в тесном контакте с родителями, которым каждый месяц сообщалось об успехах их детей²⁰¹.

Именно литературным занятиям уделялось большое внимание: преподаватели (среди коих одним из самых популярных был А. Ф. Мерзляков, профессор словесности Московского университета) способствовали выработке стиля; литературное мастерство отрабатывалось на уроках (прямое их влияние — склонность выпускников пансиона к эксперименту, отличавшая Жуковского и Шевырева, введшего в русскую поэзию октаву). Выпускники пансиона были нарасхват в государственных учреждениях, где ценили изящный язык деловых бумаг, в принципе — не в последнюю очередь с легкой руки Сперанского — отличавший александровскую и николаевскую эпоху). Заседания Общества любителей Российской

¹⁹⁸ ВЕ, XVII, 1804, с. 228–229.

¹⁹⁹ Речь, разговор и стихи, читанные в публичном акте, бывшем в Благородном Университетском пансионе. Декабря 21 дня, 1801 года. Москва, в Университетской типографии, у Хр. Клаудия. С. 27–28:

²⁰⁰ По-видимому, вместо dont.

²⁰¹ См. А. Ф. Малиновский, *op. cit.* С. 152. Вообще выдающийся архивист дает высокую оценку пансиону.

словесности в бытность Прокоповича-Антонского его председателем проходили в здании Благородного пансиона. Но этим дело не ограничивалось: «для сочинений и переводов воспитанников пансиона был широко открыт московский журнал, сменивший за период 1791–1807 гг. пять названий: „Чтение для вкуса, разума и чувствований“, „Приятное и полезное препровождение времени“, „Иппокрена, или утехи любословия“, „Новости русской литературы“, „Минерва“, не говоря уже об альманахах: „Распускающийся цветок“ 1787 года, „Полезное упражнение юношества“ 1789-го, „Утренняя заря“ 1800, 1803, 1805–1808, „Чертеж науки и искусства“ 1804, „Каллиопа“ 1815–1817 и 1820 годов»²⁰². Литературное мастерство оттачивалось и в Собрании воспитанников, первым председателем которого стал Жуковский. Антонский постоянно бывал на заседаниях Общества; он приглашал для участия в них также видных писателей (И. П. Дмитриева, Н. П. М. Карамзина).

Мы располагаем по крайней мере двумя документами, которые можно рассматривать как Устав этого общества: «Законы Собрания воспитанников Благородного пансиона 1799-го года, Февраля 9-го дня»²⁰³ и «Законы Дружеского литературного общества»²⁰⁴, подписанные в 1802 году, Января 12, М. П. Кайсаровым, В. П. Жуковским, Андреем Тургеневым, Александром Воейковым, Александром Тургеневым, Семеном Родзянкой, А. П. Мерзляковым, А. П. Кайсаровым и А. П. Офросимовым; безусловно, нет ничего невозможного в том, что литературное общество в разное время называлось по-разному и имело различные уставы (впрочем, эти Законы близки по духу и пафосу). М. П. А. П. Дмитриев в «Мелочах...» называет его пансионским обществом словесности²⁰⁵, в «Воспоминаниях» — пансионерским обществом любителей словесности²⁰⁶.

Приведем финал последнего документа: «Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу! Большая часть изъ насъ воспитывалась въ одномъ мѣстѣ; съ самаго малолѣтства знаемъ мы другъ друга; сладостные узы связали насъ почти всѣхъ издавна. Въ самыхъ лѣтахъ мы немного превышаемъ другъ друга: — гдѣ можетъ утвердиться лучше взаимная довѣренность? Естьли не всякой изъ насъ одаренъ тонкимъ вкусомъ къ изящному, естьли не всякой можетъ судить совершенно правильно о переводѣ или сочиненіи; то по крайней мѣрѣ мы не будемъ сомнѣваться въ добромъ сердцѣ сказывающаго наши порошности; его любовь говорить намъ: правда то или нѣтъ, — онъ желалъ намъ добра.

Такой духъ долженъ оживлять каждаго изъ членовъ. Въ противномъ случаѣ общество наше подобно будетъ мертвому растерзанному тѣлу. Этотъ духъ есть начало и конецъ всѣхъ нашихъ законовъ! Онъ долженъ руководствовать насъ каждую минуту. — Общество наше — младенецъ въ колыбели. — Пусть же мирты и лавры обовьются вокругъ его колыбели! Пусть сей образующійся Геркулесъ младенческими руками разорветъ змѣю несогласія и раздора!

Не станемъ надѣяться на эти законы! Не будемъ думать, чтобъ довольно было ревностнаго ихъ исполненія! — Нѣтъ! Одинъ энтузіазмъ къ доброду, одна истинная любовь къ своимъ сочленамъ — вотъ все, что можетъ вдохнуть душу въ наши законы и заставить ихъ говорить не въ журналахъ, а въ нашей совѣсти!»²⁰⁷.

Правда, М. П. А. П. Дмитриев, учившийся в Пансионе в 1811–1812 гг. и высоко его ценивший, уточняет нашу картину. Он делает ревизию своим успехам и находит их весьма скромными: «В французском языке я не только не продвинулся вперед, но отчасти забыл и то, что знал прежде. В немецком не выучился ничему; так и вышел из пансиона, не зная совсем немецкого языка, хотя и был переведен в средний класс <...> Латинский язык преподавали у нас в русском классе и, следовательно, не имели даже особых учителей. Математика шла, говорят, хорошо, но не у меня: я насилу смог дойти до геометрии и не пошел далее. Географии учили очень пространно; но наизусть и без карт географических, то есть это было дело одной памяти... Всеобщую историю преподавал известный своим тупоумием профессор Черепанов, который если бы не был смешон, был бы тошен; это была олицетворенная скука и бездарность, как в общей идее об истории, которая была для него не более, как последовательность происшествий, так и в вялом, монотонном, неодошевленном рассказе... Искусства... шли хорошо для тех, которые дома положили хорошее начало: они усовершенствовались; но те, которые начинали в

²⁰² Левит Т. П. Литературная среда Лермонтова в Московском Благородном пансионе. С. П. 225.

²⁰³ Сушков¹, с. 64–72.

²⁰⁴ Сборник Общества любителей Российской словесности... М., 1891. С. П. 1–14.

²⁰⁵ Московские элегии. С. П. 256.

²⁰⁶ Главы... С. П. 68. В прим. 23 к 3-й главе речь идет об «организованном в 1801 г. “Собрании питомцев благородного пансиона”, основателем и первым председателем которого был В. П. А. П. Жуковский» (с. 539). В отличие от многих других случаев, здесь в этом превосходно подготовленном и снабженном прекрасными комментариями издании отсутствует ссылка на источник. Не является ли эта формулировка контаминацией документов 1799 и 1801 годов?

²⁰⁷ Сборник Общества любителей Российской словесности... М. П. 13–14.

пансионе, никогда им не выучивались». М. А. Дмитриев ехидно отмечает несоответствие пансионского быта педагогическим взглядам директора: «Свои понятия о воспитании оставил он в небольшой книжке под этим титулом, которая показывала самые зрелые понятия об этом предмете. Но на практике особенно пища и вообще содержание не согласовались с его теорией». Кормили нас очень дурно. Утренний чай был какая-то жижа с молоком, а трех сухарей было мало: мы выходили из-за чая всегда голодные. Покупать съестное было строго воспрещено, но голод заставлял прибегать к обману. Дядьки каждое утро приносили нам тайно каждому калач или с икрой, или с маслом, или с вареньем. В ближайшей лавочке все это нарочно держали для пансионеров: калач разрезывали и клали туда требуемую прибавку... За обедом подавали нам суп или щи, всегда жидкие, мутные, холодные, с небольшим кусочком мяса; а в Великой пост в тарелке плавали два или три снятка. Соус был обыкновенно какая-то смесь, не имеющая никакого ни вида, ни вкуса; жареное — дурная, черная телятина. Мы никогда не наедались сыты»²⁰⁸.

Пансион получил новое Постановление в период общих преобразований александровской эпохи. Попечитель Московского учебного округа М. Н. Муравьев вынашивал планы превращения его в Пританей: «Благородный Университетский Пансион, существуя также особым Институтом под названием Пританей, останется на прежнем положении своем под управлением своего надзирателя или Притана, который имеет товарищами двух профессоров Пританей в управлении доходов и доносит об оном ежемесячно Университетскому Правлению»²⁰⁹. После пожара 1812 года, нанесшего страшный ущерб Университету, Антонскому удалось добиться почти невозможного: Пансион (в отличие от гимназии) продолжил свое существование. Инспектор получил разрешение занять 75. 000 руб. из сумм, отпущенных на строительство Демидовского лицея в Ярославле (все эти деньги были до копейки возвращены). В 1813 году для Пансиона был нанят частный дом Новосильцевой на Малой Дмитровке, близ Страстного монастыря, в конце 1815 года Мерзляков в «Амфионе» с удовлетворением отмечает: «Всякой благомыслящий отец семейства сердечно порадуется с нами, видя, как скоро процвело снова попечением Начальства сие полезнейшее заведение»²¹⁰, а в 1816-м Пансион посетил Александр I. «Августейшему Посетителю благоудно было осмотреть залы, классы и комнаты воспитанников и присутствовать в столовой при их обеде»²¹¹. Император выразил во время осмотра мысль, что «истинное просвещение должно быть основано на религии и на Евангелии». «Слова, произнесенные Государем Императором... начертаны на золотой доске и служат скрижалию сему училищу. Она хранится в залах собрания, где поставлены и портреты всех бывших кураторов и попечителей»²¹². Для речи старшего студента на годовом акте была выбрана тема «О религии как основе истинного просвещения»²¹³. В честь императорского посещения Пансион опубликовал также стихотворное ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРИЮ ИМПЕРАТОРУ в незабвенный день высочайшего прибытия в обновленную Москву, Университетского Благородного пансиона всеподданнейшее приношение. Августа 15, 1816. Москва, в Университетской Типографии.

МОНАРХЪ! ТЫ шествуешь — и счастье несешь
 Въ градъ бѣ дствій и торжествъ, въ сей градъ благословенной!
 Воззрѣ нѣ ТВОЕ Россіянамъ священо;
 Ты нову жизнь Москвѣ -страдалицѣ даешь.
 Такъ солнце томную природу оживляетъ —
 Разсѣ явъ тучей мракъ, въ величии горить,
 На скорбныя поля веселье проливаетъ,
 Отраду всѣ мѣ дарить.

*

Надменный врагъ сражень — палъ дерзкій исполинъ —
 Умолкнулъ громъ войны — вознесся Мира Геній:
 И вѣ чный памятникъ ТВОИХЪ благотвореній

²⁰⁸ Подробнее см. «Главы из воспоминаний моей жизни», М., 1998. Гл. 3: Университетский благородный пансион. С. 64–79. Впрочем, хотя здесь оценка более резкая, чем в «Мелочах», она в целом положительная: М. А. Дмитриев высоко ценит литературный тип образования и не склонен придавать решающее значение недостаткам в преподавании общеобразовательных предметов.

²⁰⁹ Шевырев..., с. 374.

²¹⁰ Амфион, 1815, № 11. С. 64.

²¹¹ Речь, разговор и стихи... 1817 г. С. 40.

²¹² А. Ф. Малиновский. *Op. cit.*, с. 152.

²¹³ Сушков¹, с. 38. Речь эту произнес воспитанник Гавриил Попов (текст ее см.: Речь, разговор и стихи... 1816 года Декабря 23 дня. С. 3–12.

Средь окровавленныхъ воздвигнулся равнинь!
Гдѣ битвъ пожаръ пылалъ, тамъ нивы озлатились;
Гдѣ въ горахъ пепѣ лежалъ войной пожженныхъ сель,
Тамъ села новыя изъ пепла возродились;
Гдѣ раздавался стукъ мечей со свистомъ стрѣлъ,
Тамъ радость поселянъ печали замѣнила;
Гдѣ ненависть лила въ сердца смертельный ядъ,
Тамъ чистая любовь въ кругу своихъ отрады
И на развалинахъ довольство воцарила.
Уже разрушенна Москва обновлена: —
Она красуется, прахъ бранный отрясаетъ,
Дѣла столѣтняя въ единый годъ свершаетъ,
ТОБОЙ оживлена.

*

Великій ГОСУДАРЬ! ТВОЙ духъ неутомимый
И тамъ, среди громовъ, врага гдѣ поражалъ,
Добротой Ангельской повсюду предводимый, —
И тамъ о счастья Россіянъ помышлялъ.
Отецъ Отечества! за всѣ ТВОИ дѣла явля
Что можемъ мы ТЕБѣ достойнаго воздать? —
Великому Царю едино воздаянье:
Гимнъ славы воспѣвать.

*

Но юнымъ ли нести къ ТВОИМЪ, МОНАРХЪ, стопамъ
Вѣнецъ, безсмертіемъ и славой соплетенной?
Да славить цѣлый міръ Владыку полвселенной,
Который даровалъ блаженство всѣмъ землямъ!
Какъ солнце, освѣтитъ вкругъ Царства всѣ земныя,
Восходитъ и лучи льетъ въ Полунощный край:
МОНАРХЪ! и ТЫ, сверша свой путь въ страны чужія,
На небѣ Россіи вѣкъ къ сіяй!

В 1818 году чиновники и пансионеры получили новые права и преимущества²¹⁴. Наряду с инспектором по представлению попечителя округа Пансиону было назначено иметь директора и Правление. В почетные члены последнего, кроме директора и инспектора, были приглашены действительный статский советник Егор Васильевич Карнеев, а в члены — ординарный профессор Михаил Трофимович Каченовский. Новый штат повлек за собой и перемену в системе учения: «Курс наук состоит из трех отделений: 1) *наук нравственных и политических*, 2) *физических, военных и математических*, 3) *исторических и словесных*, кроме языков и искусств. Сии науки разделены на *шесть степеней* или *классов*, из которых один другому служит приготовлением. Низшие классы всякой науке полагают основание, в средних она возрастает, а в высшем приходит в совершенство. Таким образом учащиеся, ровно продолжая учение, развивают способности свои для дальнейших успехов... Для основательного изучения курса наук потребно также известное, определенное время; почему... предписывается воспитанникам, имеющим впредь поступить, пробывать в Пансионе не менее шести лет, если пожелают воспользоваться Всемилостивейше дарованными правами на классные чины...»²¹⁵. Эта мера оказала благотворное действие: в отчете с 1819 по 1821 год отмечается ее успех: «Воспитанники, редко кончавшие учение, ныне, при Высочайше дарованных преимуществах, постоянно и основательно продолжают курс и тем вполне оправдывают ожидания родителей и

²¹⁴ «По докладу Министра Духовных дел и Народного просвещения, Тайного Советника Князя Александра Николаевича Голицына, вследствие представления Попечителя Московского учебного округа, Тайного Советника Князя Андрея Петровича Оболенского, состоялся Высочайший Указ Правительствующему Сенату в 14-й день Февраля, за собственноручным Е.И. В.И. подписанием. Сим Указом Чиновникам Пансиона назначены классы — и они пользуются правами и преимуществами, присвоенными Государственной службе. Воспитанники, кончившие полный курс учения, в Пансионе преподаваемый, вступают в гражданскую службу, смотря по степени их успехов, с чинами от 14-го до 10-го класса включительно; а в военную на том основании, как Университетские Студенты, и происходят в высшие чины, не подвергаясь более испытаниям, которые определены Указом 6-го Августа 1809 года». — см. Речь, разговор и стихи... 1819 года Сентября 14го дня. При сем Акте отчет Пансиона с 1817 по 1-е Июля 1819 года. С. 27.

²¹⁵ Речь, разговор и стихи... 1819 года Сентября 14 дня. При сем акте отчет Пансиона с 1817 по 1-е Июля 1819 года. С. 28–29.

Отечества»²¹⁶. В двух старших классах преподавали преимущественно университетские профессора, что обеспечивало высокий уровень занятий (Д. П. А. Милютин решительно отдавал предпочтение пансиону по сравнению с губернской гимназией и с благодарностью вспоминал таких наставников, как Перевошиков²¹⁷, Сандунов²¹⁸, Цветаев²¹⁹ и Каченовский. Особенно памятен был первый, который «отличался строгой требовательностью от учеников, он имел обыкновение каждый год, при начатии курса в 5-м классе, в первые же уроки проэкзаменовать всех вновь поступивших учеников и сразу отбирать овец от козлиц. Из всего класса обыкновенно лишь весьма немногие попадали в число избранных, т. е. таких, которые признавались достаточно подготовленными... вся же остальная масса составляла брак; профессор игнорировал их, никогда не спрашивал и заранее обрекал на самую низшую аттестацию — нулем. <...> Перевошиков следовал своей совершенно оригинальной методе преподавания: он заставлял учеников доходить последовательно до выводов собственной работой мысли; сам же только помогал им... не сходя со своего сидения на кафедре»²²⁰. В 1828 г. пансион осматривал министр народного просвещения князь Карл Андреевич Ливен, «благоволив два раза посетить и осматривать заведение, во всех частях оно»²²¹.

Незадолго до закрытия Пансиона, в 1828 году, в него поступил юный М. Ю. Лермонтов. Его подготовительными занятиями руководил пользовавшийся репутацией отличного педагога Александр Зиновьевич Зиновьев, совмещавший должность надзирателя и преподавателя латинского и русского языков. П. А. Висковатов с его слов сообщает: «В благородном пансионе считалось полезным, чтобы каждый ученик отдавался на попечение одного из наставников. Выбор предоставляли самим родителям... Таким образом Лермонтов стал, по принятому выражению, „клиентом“ г. Зиновьева и оставался им во всю бытность свою в пансионе»²²². Преподаватель позднее рассказывал о своем ученике: «Лермонтов знал порядочно латинский язык, не хуже других, а пансионеры знали классические языки очень порядочно. Происходило это от того, что у нас учили не язык, а авторов. Языку можно научиться в полгода на столько, чтобы читать на нем, а хорошо познакомясь с авторами, узнаешь хорошо и язык. Если же все напирать на грамматику, то и будешь изучать ее, а язык-то все же не узнаешь, не зная и не любя авторов»²²³.

Пансион прекратил свое существование лишь в 1830 г., после посещения Императора Николая I. Ученик Василий Вердеревский так описывает это событие: «Благопромыслительный Николай царственно спешествует нашим намерениям и усилиям. *Заслужите добрую славу, будьте истинно Русскими* — вещал Он, освятив недавно сей кров воспитания юношества Высочайшим своим присутствием. Когда мы с трепетным благоговением вникали Ему, Он, как чадолубивый Отец, ободрял нас — и мы поклялись в душе, выше всех благ и почестей, гордиться именем Русского и быть всегда достойными сего славного имени!»²²⁴ Рассказ Д. П. А. Милютина таков: «На беду Государь попал в пансион во время „перемены“ между двумя уроками, когда обыкновенно учителя уходят отдохнуть в особую комнату, а ученики всех возрастов пользуются несколькими минутами свободы, чтобы размять свои члены после полуторачасового сидения в классе. <...> Император, встреченный в сенях только старым сторожем, пройдя через большую актовую залу, вдруг предстал в коридоре среди бушевавшей толпы ребятишек. <...> Толпа не обратила никакого внимания на появление величественной фигуры Императора, который прошел вдоль всего коридора среди бушующей массы, никем не узнанный, и, наконец, вошел в наш класс, где многие из учеников уже сидели на своих местах в ожидании начала урока. Тут произошла весьма комическая сцена: единственный из всех воспитанников пансиона, видевший Государя в Царском Селе, Булгаков, узнал его и, встав с места, громко приветствовал: „Здравия желаю Вашему Величеству!“. Все другие крайне

²¹⁶ Речь, разговор и стихи... 1821 года Апреля 2 дня. При сем акте отчет Пансиона с 1819 по 1821 год. С. П 37.

²¹⁷ Перевошиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880), астроном и математик, с 1826 г. профессор и в 1848–1851 гг. ректор Московского университета.

²¹⁸ Сандунов Николай Николаевич (1769–1832), проф. гражданского и уголовного судопроизводства Российской Империи.

²¹⁹ Цветаев Лев Александрович (1777–1835), писатель, юрист, проф. Московского университета.

²²⁰ Д. П. А. Милютин. Воспоминания. С. П 91–92.

²²¹ Речи и стихи... 1829 года Апреля 6 дня. При сем отчет Пансиона за 1828 год. С. П 58.

²²² Висковатов, с. 156.

²²³ Ibid. с. 162 прим.

²²⁴ Речи, разговор и стихи... 1831 года Ноября 6 дня. При сем отчет Первой Гимназии за 1831 год. С. П 52–53.

изумились такой выходке товарища; сидевшие рядом с ним даже выразили вслух негодование на такое неуместное приветствие вошедшему “генералу”. Озадаченный, разгневанный Государь, не сказав ни слова, прошел далее в 6-й класс и только здесь наткнулся на одного из надзирателей, которому грозно приказал немедленно собрать всех воспитанников в актовЫй зал. Тут, наконец, прибежали, запыхавшись, и директор, и инспектор, перепуганные, бледные, дрожащие. Как встретил их Государь — мы не были уже свидетелями; нас всех гурьбой погнали в актовЫй зал, где с трудом, кое-как установили по классам. Император, возвратившись в зал, излил весь свой гнев и на начальство наше и на нас с такой грозной энергией, какой нам никогда и не снилось. Пригрозив нам, он вышел и уехал, а мы все, изумленные, с опущенными головами, разошлись по своим классам»²²⁵.

Приведем еще одно мемуарное свидетельство — Г. Ф. Головачева: «Впечатлѣніе произведенное на меня покойнымъ Государемъ сохранилось на всю жизнь, чему не мало содѣйствовала вся обстановка при которой мнѣ, ребенку, привелось его встрѣтить. Живо помню что прибытіе его распространило всеобщій страхъ, не знаю инстинктивный ли или сознательный, вслѣдствіе слуховъ будто бы государь недоволенъ Благороднымъ Пансіономъ и имѣетъ намѣреніе лично убѣдиться въ безпорядкахъ о которыхъ ему донесли. Мы, дѣти, разумѣются, ничего не знали и ни о чемъ не допытывались, но ясно видѣли что наставники наши сконфужены, испуганы, озабочены, и ощущеніе это сообщилось намъ. Сколько помню, Государь прибылъ въ рекреаціонное время и встрѣченъ былъ дежурнымъ надзирателемъ, къ которому тотчасъ же присоединились директоръ П. А. Курбатовъ, инспекторъ-профессоръ М. Г. Павловъ и прочія начальствующія лица; вслѣдствіе они, выступавшіе обыкновенно мѣрно поступью, соотвѣтствующею ихъ сану, блѣдали теперь, и на одномъ изъ нихъ, какъ говорится, лица не было. Мы не слышали что говорилъ Государь, но видѣли что онъ имѣлъ видъ недовольный, который онъ сохранилъ во все время своего посѣщенія. По приказанію его, воспитанниковъ отвели вслѣдъ въ дортуаръ и каждаго поставили у его кровати. Государь, предшествуемый блѣднымъ и трепещущимъ директоромъ, шель между кроватями, и вдругъ, остановясь противъ одного изъ воспитанниковъ, помнится Желтухина, приказаль ему раздѣться и осмотрѣть на немъ блѣду; на блѣду оно оказалось неисправнымъ; очевидно, строгій выговоръ за эту неисправность былъ сдѣланъ начальникамъ, на лицахъ которыхъ выразилось отчаяніе; блѣду второго воспитанника Татаринова, раздѣвшись по приказанію Государя, оказалось удовлетворительнымъ, но не исправило перваго впечатлѣнія. Изъ дортуаровъ Государь пошелъ осматривать прочія помѣщенія, а насъ вывели въ большую залу и построили по одну ея сторону. По осмотрѣ заведенія, Государь обошелъ всю линію воспитанниковъ, остановился на нѣсколько минутъ и спросилъ воспитанниковъ Бориса Перовскаго и Александра Булгакова, которымъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, помнится, объ ихъ родныхъ. Затѣмъ онъ слегка наклонилъ голову и направился къ выходу; мы всею массой послѣдовали за нимъ, а когда онъ садился въ коляску, то присоединили свои дѣтскіе крики къ оглушительнымъ *ура!* которыми сопровождала его безчисленная толпа народа зашумѣвшаго всю Тверскую»²²⁶.

Пансион был преобразован в Дворянскую гимназию, бережно хранившую его традиции. Организация занятий и учебного дня была в целом такой же, как в Академических гимназиях университета. Подробное исследование этого замечательного учебного заведения — дело будущего.

СОЗДАНИЕ ГЛАВНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II²²⁷

За исключением училищ духовного ведомства — в России до правления Екатерины II не было массовой, если и не общедоступной (в стране с преобладающей массой крестьянского населения и всеилием крепостного права об этом не приходилось и мечтать), то по крайней мере широко доступной народной школы. Безусловно, эту проблему наиболее прозорливые представители правящего слоя осознали вполне. Всесильный — и никогда не злоупотреблявший своим всеилием — фаворит Императрицы Елизаветы Петровны Иван Иванович Шувалов²²⁸ выдвинул проект создания широкой сети гимназий. По его замыслу, это должны были быть учебные заведения для дворян, серьезно отстававших в своем образовании от духовного сословия²²⁹. Однако здесь важно было положить начало — развитие последовало бы в силу логики вещей. Но

²²⁵ Д. А. Милютин. *Op. cit.* № 96–97. Не следует думать, что эти столь непохожие друг на друга описания являются взаимоисключающими: мы, напротив, полагаем, что истинно по-своему и то, и другое.

²²⁶ Головачев Г. Ф. С. 698–699.

²²⁷ См. С. В. Рождественский. *Из истории учебных реформ Императрицы Екатерины II.* СПб., 1909. Д. А. Толстой. *Городские училища в царствование Екатерины II.* СПб., 1886. Эти две работы являются основополагающими по данной теме, и автор опирался прежде всего на них.

²²⁸ Лучшим жизнеописанием его до сих пор остается книга П. Бартенева (М., 1857).

²²⁹ Первый профессор из дворян, Григорий Андреевич Глинка (1776–1818), занял в Дерптском университете кафедру русской словесности лишь в 1803 году. Н. М. Карамзин счел нужным посвятить этому событию специальную статью в ВЕ (1803, ч. 9, № 11).

масштабным планам Шувалова не суждено было осуществиться из-за ранней смерти его высокой покровительницы. Екатерина II далеко не сразу пришла к выводу о необходимости создания широкой сети средних учебных заведений. В «Учреждениях об управлении губерний»²³⁰ §§ 38 предписывает: «В каждом наместничестве или губернии учреждается по одному приказу общественного призрения» — этому органу поручался контроль над создаваемой школой: «380. Приказу общественного призрения поручается попечение и надзирание о установлении и прочном основании 1. народных школ, 2. установление и надзирание сиротских домов <...> 3. установление и надзирание гошпиталей, или больниц для излечения больных, 4. установление и надзирание богаделен для мужского и женского пола убогих, увечных и престарелых, кои пропитания не имеют, <...> 6. установление и надзирание дома для сумасшедших, 7. установление и надзирание работных домов <...>, 8. установление и надзирание смиренных домов для обоюго же пола людей. <...> 384. В рассуждении народных школ, приказ общественного призрения долг имеет стараться, чтоб оные были установлены во 1. по всем городам, а по том в тех многолюдных селениях, кои подсудны верхней расправе, для всех тех, кои добровольно пожелают обучаться в оных [в чем однако же не чинить ни кому принуждения, но отдать на волю родителей <...>], 2. чтоб неимущие могли учиться без платежа, а имущие за умеренную плату, 3. учение в народных школах имеет на первый случай состоять в научении юношества грамоте, рисовать, писать, арифметике, детей же греко-российского исповедания учить катихизису для познания оснований православныя веры, толкованию десяти заповедей Божиих, для вкоренения нравоучения всеобщего, 4. во всякой школе надлежит иметь смотрение, дабы горницы были чисты и всякий день выметены, и воздух в них переменялся открытием окон летом во весь день, а зимою всякий день на короткое время, дабы дети от духоты в горницах не претерпели в здоровье своем повреждения. Учение производиться имеет всякий день, выключая воскресные и табельные дни, но не более двух часов сряду поутру, до двух часов сряду после обеда для одних детей одной науке, по середам же и по субботам после обеда дается отдохновение, 6. учителям запрещается наказывать детей телесным наказанием, 7. приказ общественного призрения имеет прилежное попечение, чтоб учителя и школы все определенное получали по всюду исправно, не радивых же и не исправных учителей, по рассмотрению жалоб, сменяет и определяет на место их радательных и исправных». Но лишь в 1780 году успех австрийской образовательной реформы (подробности которой ей изложил Император Иосиф II во время личного свидания в Могилеве) побудил Императрицу приступить к составлению аналогичных проектов, основной целью которых была поддержка слабого третьего сословия²³¹, и к воплощению задуманного несколько лет тому назад. Из Австрии был командирован талантливый педагог и школьный администратор, директор иллирийских училищ Ф. И. Янкович де Мириево.

В самом начале осени 1782 г. тот прибыл в столицу, и 7 сентября того же года Высочайшим указом была создана комиссия под председательством сенатора П. В. Завадовского, членами которой стали акад. Эпинус и тайный советник П. С. Пастухов. Лишь в 1787 г. Янкович был назначен действительным членом комиссии, хотя основную часть экспертной работы исполнял именно он. Уже 21 сентября «План к установлению народных училищ в Российской Империи» был поднесен при докладе; через несколько дней он был утвержден; в первый год удалось подготовить учебные книги для первых двух классов, но дальнейшая работа в этом направлении затянулась вплоть до начала XIX в.

В этом отношении характерна судьба учебника по истории, составление которого было поручено Ивану Михайловичу Стриттеру (1740–1801). Однако его труд не был принят и опубликован: как пишет анонимный автор заметки в ЖМНП, «Венценосная Покровительница Отечественной Истории вникала в малейшие подробности исторической критики... занималась летописями древней русской славы... исправляла ошибки Ученых: она отдает Автору справедливость, но замечает и его погрешности, и очищая труд его от примеса ложных выводов, делает оный полезным для употребления в Отечестве, которого благо и честь были сердцу Ее дороже всего на свете»²³². Приведем некоторые из этих замечаний, упоминающих параллельную компилятивную Записку самой Императрицы: «Вообще справедливость отдать должно Сочинителю, что всячески старается дополнить Историю Российскую и что полнее сей ни единой нету... 1) Соблазнительно покажется всей России, аще примете толкование Г.

²³⁰ Цит. по: Российское законодательство. М., 1987. Т. 5. С. 174; 259 слл.

²³¹ Безусловно, достижению этой цели можно было поспособствовать лишь при достаточной энергии правительства и выделении соответствующих средств; на деле не было ни того, ни другого.

²³² О сочинении российской истории... С. 139–140.

Стриттера о происхождении Российского народа от Финнов... 4) Г. Стриттер откуда уроженец? Конечно он какую ни есть национальную систему имеет, к которой натягивает. Остерегитесь от сего. 5) Сравните Российского крестьянина с Финским: похожи ли друг на друга? Похож ли язык?.. 7) Я нашла во многом здоровой критику Записок касательно Российской Истории: но что написано, то написано: по крайней мере ни нация, ни государство во оных не унижено». Потому решение таково: «Мой совет есть, чтоб вы приказали из сего Немецкого труда (заглядывая непрестанно в Записки касательно Российской Истории) сделать Историю, выбирая из того и из другого все то, что здравому рассудку не противно будет»²³³. Эту компиляцию осуществил Ф. И. Янкович де Мириево, и в 1799 году вышла «Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской Империи» (1827)²³⁴. Для характеристики взгляда на потребности в историческом образовании приведем выдержку из «Плана к сочинению Российской Истории для народных училищ в Российской Империи, также принадлежащего Екатерине II:

«При сей Истории надлежит еще наблюдать Сочинителю:

1. Жилища и страны, въ которыхъ народы какіе обитали, назначать точно, повѣряя оныя по нынѣшнимъ расположеніямъ Намѣстничествъ и показывая, изъ какихъ провинцій Государство Россійское по временамъ составлялося?

2. Когда какая въ Россіи была Власть, правленіе, нравы и упражненія, какія во всемъ томъ были послѣдствія и отъ чего?

3. Какъ ослабѣвало Государство отъ раздѣленія, какіе народы пользовались случаями сихъ раздѣленій? и какой уронъ понесла отъ того Россія?

4. Какія были учрежденія для заведенія чужестранныхъ произведеній и для распространенія Вѣдѣній, Наукъ, купечества, Военнаго Искусства и установленій въ пользу челоушества?

5. Какъ и когда произошли Фабрики и Мануфактуры, что изобрѣтено въ Россіи по Художествамъ и Истории Естественной, и какъ обстоятъ вообще промыслы?

6. Были ли какіе люди памяти достойные и въ какомъ родѣ? относительно ли только къ пользѣ Россіи, или и другихъ народовъ?

7. Какъ становилась населяемая Россіянами страна лутче, и отъ какихъ причинъ хуже?

8. Почему получили Россіяне образованіе свое толь поздно? и какимъ образомъ оно толь скоро распространяется?

9. Всякое важное происшествіе или дѣла описывать такимъ образомъ, дабы оно служило или въ поощреніе или въ предосторожность людямъ нынѣшнихъ и будущихъ временъ»²³⁵.

Принятый Императрицей вариант австрийской реформы (на внедрении которой без изменений настаивал акад. Ф. Ф. Эпинус²³⁶) предполагала трехчленную систему: *земские* школы (чтение, письмо, Закон Божий, нравоучение); *городовые* школы (то же + геометрия, механика, архитектура, учение естества и естественная история, история, география, земля и домо-водство, немецкий, латинский и греческий языки); средние школы (те же предметы углубленно, кроме греческого языка, и «учение учителей»); кроме немецкого и греческого языка, все соответствовало оригиналу. Однако комиссия разработала несколько иной вариант: *малые* двухклассные училища (= *Trivialschule*), *средние* трехклассные (=) и *главные* (= *Hauptschule*), причем, в отличие от образца, первые две ступени были последовательными, а не параллельными. Но Устав 1786 г. уже не упоминает о среднем училище.

²³³ Ibid. 140–141. См. также Володина Т. А. И. М. Стриттер. Далеко превзошедший по объему любой мыслимый учебник трехтомный труд «История Российского государства» (СПб., 1800–1802) начал выходить уже при Павле I — немилость Екатерины оказалась действенной рекомендацией.

²³⁴ Володина Т. А. С. 13. О сочинении... С. 141.

²³⁵ О сочинении..., с. 145–146.

²³⁶ Ф. Ф. Эпинус (1724–1802, астроном, сотрудник Берлинской обсерватории, с 1757 г. приглашен Российской Академией наук, впоследствии преподаватель естественнонаучных дисциплин Вел. кн. Павлу Петровичу) так аргументировал свои взгляды: «Я желал бы, чтобы В. Ф. И. В. Ф. решительно приняли и ввели в Россию австрийскую учебную систему, безо всяких изменений, исключая вызываемых местными особенностями страны, и тотчас учредили бы три или четыре учительские семинарии, которые всего удобнее могли бы быть открыты в Петербурге, Москве, Казани и Киеве. Для успешности этих училищ и начала столь великого дела народного образования, я позволил бы советовать Вам просить Римского Императора о присылке учителей, потребных для этих трех или четырех учительских семинарий. Во многих австрийских провинциях говорят на славянских наречиях <...> Самая учебная система распространена уже на некоторые из этих провинций <...> Быть может, удастся получить оттуда учителей, исповедующих православную веру, а это было бы очень счастливо, потому что русский народ не имел бы преубеждения и отвращения против школьного устройства, допускающего учителей из католиков. Необходимое число учеников, думаю, можно набрать из разных духовных семинарий и кое-где существующих школ». (Д. А. Ф. Толстой, *op. cit.* С. Ф. 7 sqq.).

В 1783 г. Янкович учредил первое Главное народное училище с Учительской семинарией; в 1786 и 1788 гг. оно дало выпуски по 100 учителей; на эти годы приходится массовое открытие Главных народных училищ в губернских городах Империи. В теории (и как оно действительно было в Австрии) эти школы были предназначены для всего населения; на деле сельские жители не получили возможности воспользоваться плодами реформы. Похоже, правительство и само не слишком полагалось на эффективность своих действий: в «Грамоте на права и выгоды городам Российской Империи» от 21 апреля 1785 г. (когда подготовка реформы вступила в завершающую стадию) народным школам уделяется только § 17 — «Предписывается в городе учредить и иметь школы на точном основании 384 статьи учреждений 7 ноября 1775 года и других изданных о том от Императорского Величества установлений»²³⁷, в то время как взаимоотношения мастеров и учеников рассматриваются подробнейшим образом, вплоть до такого блистательного шедевра кабинетной прозы, как предписание «Всем мастерам, а паче подмастерьям, запрещается учеников в пьянстве по злости и глупости без причины бить или худо с ними поступать. Отваживавшиеся на сие должны заплатить пеню в ремесленную казну»²³⁸.

Курс малого двухлетнего училища включал в себя чтение, письмо, арифметику, сокращенный и пространный катехизис, священную историю и толкование правил для учащегося и книги о должностях человека и гражданина (что отвечало педагогическим тенденциям эпохи). Целью этого предмета было «напоить душу нашу добродетелию, пешись надлежащим образом о теле нашем, исполнять общественныя должности, на которые мы от Бога определены, знать правила хозяйства». Курс старших классов — главного училища — включал Закон Божий, русский язык, арифметику, латинский и «соседственный» языки²³⁹, географию общую и русскую, историю общую и русскую, естественную историю, геометрию, архитектуру, механику и физику. Изучение французского языка было предоставлено домашнему воспитанию. (На практике, конечно, именно языковое образование удавалось в таких училищах меньше всего.) Учебные пособия были, как правило, переводные; оригиналами австрийская администрация щедро снабдила своих русских коллег. Пособия по Закону Божию просматривались пользовавшимся доверием Государыни Новгородским архиепископом Гавриилом²⁴⁰. Что касается педагогических принципов, было решено воспользоваться разработанной на австрийской почве методой, широко применявшейся и прусским правительством Фридриха II, которая «а) в совокупном наставлении, б) в начальных буквах, в) в совокупном чтении, г) в оглавлении и д) в вопрошении состоит»²⁴¹. В «Руководстве учителям» было сказано: «Стараться более учителя должны об образовании и изощрении разума учеников, нежели о пополнении и упражнении памяти; для изучения наизусть определяются токмо: символ веры, молитва Господня, десять заповедей Божиих, молитвы прежде и после обеда, молитвы на сон грядущих и от сна восставших. Начинать при учении всегда следует с легкого и идти потом к трудному; опрашивать учеников не всегда сряду, но попеременно, однако же лучших всегда наперед, потом посредственных и наконец слабых. Ученики должны отвечать не “да” и “нет”, но полною речью; лучше, если они отвечают исправно своими словами, нежели теми же самыми, какие находятся в книге, ибо из того видеть можно, что они дело понимают»²⁴². Само учреждение училищ осуществлялось в

²³⁷ Цит. по: Политическая история России. Хрестоматия. М., 1995. С. 249.

²³⁸ Ibid. № 289.

²³⁹ Греческий язык было решено изучать в южных губерниях; в восточных областях предполагалось изучать арабский, в Иркутской губернии и Колыванской области — китайский. Естественно, к преподаванию этих языков в училищах такого уровня никогда и не приступали.

²⁴⁰ «Гавриил (Петров) архиеп. Тверской, с 1775 г. Новгородский и С.-Петербургский <...> с убеждением принял на себя ответственность за проведение в жизнь отдачи государству церковно-монастырских поместий. И оправдал это дело в глазах истории русской церкви тем, что мощно и систематически возродил русское монашество путем создания в нем системы старчества. Екатерина испытала от личного знакомства с ним сильное впечатление. Случайно, в день Александра Невского (30. XII. 1766 г.) во время крестного хода, шагая рядом с ним от Казанского собора до Александро-Невской Лавры и начав какой-то разговор, Государыня поразилась его краткими и вескими репликами. Екатерина даже заставила тогдашнего обер-прокурора Мелиссино доложить в Синоде свою похвалу Гавриилу, назвав его «мужем острым и резонабельным». И потом за границу писала о нем, что он «не противник философии». <...> Екатерина при докладах о разных церковных делах спрашивала докладчиков: «А Гавриил как думает?» В своих записках (1773) Екатерина сообщает, что она часто звала к себе Гавриила, чтобы совместно решать церковные дела» (Карташев... С. 454–455.)

²⁴¹ План к установлению народных училищ в Российской Империи. Журнал Комиссии об учреждении училищ 17 сентября 1782 года. (Д. А. Толстой. Ор. cit. № 20?).

²⁴² Цит. по: Г. Гобза. Столетие... С. 22–23.

несколько этапов, по мере созревания предпосылок: 22 сентября 1786 г., в день коронации Императрицы, были открыты Главные народные училища²⁴³ в 25 губерниях (Новгородская, Тверская, Олонецкая, Архангельская, Псковская, Калужская, Орловская, Курская, Ярославская, Вологодская, Владимирская, Костромская, Нижегородская, Пензенская, Казанская, Вятская, Симбирская, Саратовская, Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Пермская, Московская), в 1788 г. — в Астраханской и Черкасской губерниях, а в следующем году — в остальных (Выборгская, Ревельская, Рижская, Полоцкая, Могилевская, Новгород-Северская, Черниговская, Киевская, Харьковская, Кавказская, Уфимская, Кольванская, Тобольская и Иркутская. В 1792 г. — в новоприсоединенных Екатеринославском наместничестве и Таврической области)²⁴⁴.

Г. Р. Державин, бывший в тот момент тамбовским губернатором, оставил в своих «Записках» интересное описание торжества²⁴⁵. Для праздника необходима была официальная речь; не имея возможности положиться на местного архиерея преосвященного Феодосия, которого поэт характеризует как человека неученого, он обратился к архимандриту из города Ломова, по духовному ведомству относящегося к Тамбовской епархии, но расположенного в Пензенской губернии. Тот сначала согласился, но потом вынужден был отказать, сославшись на аналогичное требование пензенского губернатора. Один из его местных знакомых, однодворец Петр Михайлович Захарьин, часто читавший ему свои стихи, в которых «был виден нарочитый природный дар, но ни тонкости мыслей, ни вкуса, ни познания»; он вызвался помочь горю. Две попытки и советы губернатора не помогли; пришлось Державину сочинять речь самому. Поскольку ни в церкви, ни в училище произнести эту речь Захарьин не мог, не будучи ни священником, ни чиновником приказа, «выдумал, чтоб он на таком месте сказал ее, которое может принадлежать всему народу. Вследствие сего... приказал ему, чтоб, когда процессия духовная будет возвращаться после освящения училища в собор, то чтоб он, остановив ее, начинал свою речь, которая начиналась таким образом: „Дерзаю остановить тебя, почтенное собрание, среди шествия твоего“ и проч.». Затем губернатор пригласил всех в училище, и при том месте, где оратор «предавал государыне в покровительство сына своего, жена его, стоявшая за ним с малолетним его младенцем, отдала ему оно, а он положил его перед портретом, говоря со слезами те слова, которые там написаны». Речь дошла до Императрицы, пожелавшей видеть сто просвещенного простого мужика и вызвавшей его в Петербург.

Слабым местом реформы (не замедлившим отрицательно сказаться на ходе преподавания) было двойное подчинение училищ: как уже было сказано, в губерниях молодежь — наряду с буйнопомешанными и колодниками — находилась в ведении Приказов общественного призрения, подчиненных губернаторам, а в столице о ее нуждах пеклась Комиссия об учреждении училищ, — прообраз будущего Министерства народного просвещения — орган, лишенный возможности контролировать местную гражданскую власть (в Приложении читатель почувствует это противоречие). Естественно, новооткрытые училища скоро — и весьма болезненно — столкнулись с проблемами нехватки преподавательского состава, — формировавшегося, как это и можно было ожидать, в основном из юношей духовного сословия, обучавшихся в семинариях и академиях. (Сам П. П. В. Завадовский в письме митрополиту Киевскому преосвященному Самуилу отмечает, что лучшими были посланцы Киевской Академии: «Между всеми, присланными к должностям учительским, в Комиссию об учреждении училищ в разные времена и из разных духовных семинарий, людьми наилучшими, способнейшими, а паче благонравнейшими оказывались всегда обучавшиеся в Киевской Духовной Академии. Почему предпочтительно прочим и разделены к местам, соответственно приобретенным и умноженным здесь каждого занятиям и способностям. Отправляя настоящие свои должности с прилежанием, искусством и благоповедением, споспешествуют они немало народному к сим училищам доверию, а потому и размножению самых училищ. <...> Прошу сим Ваше Преосвященство, нет ли еще из воспитывающихся под попечительным вашим призором таких опять охотников, кои бы к сему званию определить себя пожелали, имея, впрочем,

²⁴³ Записка, какого расположения быть домам для главных народных училищ: «Для главного народного училища быть зданию, содержащему четыре большие покоя для классов и четыре покоя для библиотеки и прочих пособий; для двух учителей вышних классов надобно в оном быть для каждого по три покоя и по кухне, для двух учителей нижних классов по два покоя и по кухне, и одной избе для сторожей, и кроме того для каждого учителя по чулану или по погребу. Расположению сих покоев должно быть такому, чтобы покои для учителей и служителей были в нижнем жилье, покои же для классов, библиотеки и прочих надобностей — в верхнем» (приложение к ответу П. П. В. Завадовского киевскому митрополиту Самуилу от 6 июля 1786 г. — см. Сборник... , с. 15).

²⁴⁴ Как видно, первыми были облагодетельствованы великоросские губернии...

²⁴⁵ С. 109 слл.

потребные к тому способности и довольные успехи в науках, у вас преподаваемых»²⁴⁶. В скобках заметим, что П. В. Завадовский, — сам выпускник Киевской академии, — мог испытывать особые симпатии к своим землякам, и эту его оценку необходимо воспринимать с некоторой долей осторожности. Впрочем, Киевская академия — старейшее учебное заведение тогдашней России, — несомненно, обладала мощной и глубокой традицией, и эти соображения заставляют в данном случае умерить скепсис. Впрочем, поскольку содержание наставников было весьма недостаточным (от 400 рублей для учителей старших классов главного училища до 60 рублей преподавателям рисования в малых), среди наиболее квалифицированных педагогов было велико желание поступить на государственную или иную более доходную службу²⁴⁷. Приведем пример: директор Полоцкого Главного народного училища Моисей Шакабент пишет Ф. И. Янковичу де Мириево от 2 августа 1792 г.: «...первоклассный учитель наш Антип Пальцев выпросился у меня и г. губернатора для свидания со своими сродниками в Курск и на обратном пути своем заехал к помещику Петру Римскому-Корсакову, бывшему прежде в Полоцке уголовной палаты советником, ныне же в отставке в Новгородском наместничестве, Тихвинского уезда в селе Мартехове живущему, где, будучи обольщен помянутым помещиком, доселе живет и разными образами от должности своей отбыть старается. Но как похвальное его поведение и весьма хорошая способность к должности учительской, а еще паче польза общая не позволяют мне дать на то ни малейшего согласия, то я прошу Вас, Милостивый Государь, донести о сем Петру Васильевичу <Завадовскому — А. Л. >, дабы он благоволил о возвращении сего учителя снести с Николаем Петровичем Архаровым, Новгородским и Тверским генерал-губернатором, или бы принял другие меры, кои ему обще с нами благоудны будут. Я же и г. губернатор наш, хотя уже и довольно о сем старались, однакож ни мало еще не успели, и потому наиболее, что сам Архаров, благоприятствуя Римскому-Корсакову, обещался принять о выключке Пальцева ходатайства у Петра Васильевича и у нашего генерал-губернатора. Я хотя и не надеюсь, чтобы Петр Васильевич скоро на сие согласился, однакож опасаясь, чтобы усиленная просьба толь важного человека не возымела со временем своей силы и училище наше не принуждено бы было лишиться толь хорошего учителя, к которому весь город очень хорошо расположен и всегда иметь его у себя желает, а притом чтобы сей поступок и другим учителям не подал случай искать себе другого рода службы, наипаче в нашем генерал-губернаторе, который к ним очень хорошо расположен»²⁴⁸. Точно так же трудно было набрать и учеников. Знаменитый нижегородский краевед Д. Н. Смирнов так пишет об этой проблеме своего города: «Завести в городах школы оказалось делом нелегким из-за... сопротивления обучаемых. Стремясь сохранить и упрочить свои привилегии, дворяне говорили: “Лучше мы сами обучим детей дома, ведь в училищах они Бог знает с кем будут якшаться!” Купцы говорили: “Научатся сыновья, отойдут от торговли, в чиновники пойдут, нам это несподручно!” <...> Первым шагом начальника губернии было письменное распоряжение городовому магистрату: “Приступая к открытию здесь в городе Народного училища, предлагаю немедленно, описав всех купеческих и мещанских детей мужеска и женска полу от 6 до 12-летнего возраста, подать о них ко мне ведомость; а между тем приуготовить способный дом и помещение и все потребное — столы и скамейки”.

В Нижнем, как видно из доставленной в Губернское правление ведомости, оказалось детей нужного возраста: мальчиков купеческих — 49, мещанских — 262, девочек купеческих — 26, мещанских — 240. Получив сведения, губернатор пишет магистрату: “...предлагаю городовому магистрату, чтоб оный показанных в ведомости детей отцов отобрав, узнал, кто из них соревнитель пользе государства и своей собственной, который охотно последует высочайшему предмету и отдаст детей своих для научения...”

...Пять человек из купцов и четверо мещан добровольно согласились отдать детей в училище. Пришлось усердствующему начальнику переменить форму общения с подопечным населением. Очередное послание в магистрат гласило: “Я, видев толь нечувствительные сердца отцов, которые с отвращением как бы смотрят на изливаемую обожаемой монархиней щедроту и не хотят детей своих очистить разумом просвещения, за непременный свой долг почитаю, приобща к сему ведомость уже назначенных мною в ученики, предложить магистрату, чтобы оный приказал отцам детей тех явить непременно в училище сего сентября 22 числа поутру за

²⁴⁶ Цит. по: История Киевской Академии. Сочинение воспитанника ее иеромонаха Макария Булгакова. СПб., 1843. С. 197–198.

²⁴⁷ Д. А. Толстой приводит несколько примеров дисциплинарных взысканий для педагогов, предающихся пьянству: упорных сажали на длительный срок на хлеб и воду, а неисправимых сдавали в солдаты (ibid. С. 112–113).

²⁴⁸ Сборник..., стлб. 104–105.

два часа до обеденного благовеста... А ежели не будут представлены, тогда о непослушании их донесено будет Е. В. ».

В конце концов в открытом 22 сентября 1786 года училище оказалось 29 учеников из купцов и 151 из мещан (все мальчики и ни одной девочки)²⁴⁹.

Е. Лихачева пишет: «Предубеждение, со стороны родителей и общества, против народных училищ — существовало относительно дворянских детей вообще, обоюбого пола; но неохота родителей посылать в такие школы дочерей — была еще сильнее; это считалось даже „непристойным“, как засвидетельствовал в своих записках Державин. Поэтому в губерниях, при открытии малых народных училищ, число девочек было совсем ничтожно. В Олонецкой дирекции на 181 мальчика было представлено в 1787 г. всего 8 девочек; в 1789 г. 77 мальчиков и 5 девочек; в 1790 — 90 м. и 5 дев.; в 1791 — 81 м. и 7 дев.; в 1792 — 63 м. и 6 дев.; в 1793 — 155 м. и 9 дев.; в 1794 — 142 м. и 1 дев.²⁵⁰. В вятской губернии, когда от обывателей требовались записки: кто пожелает отдать в училище своих детей, не оказалось никого, кто бы захотел отдать туда девочку, и училище открылось при составе одних только учеников»²⁵¹. О недостатках народных училищ в глазах привилегированных иностранцев свидетельствует пастор Новой Лютеранской церкви в Москве Гейдеке: «Народные училища недостаточны для сего предмета: родитель должен желать, чтобы дети его не забыли своего языка природного, которому они не могут выучиться там порядочно. Смешение с другими детьми всякого состояния, иногда зараженными грубыми пороками, может также быть опасно для их нравов»²⁵².

По-видимому, лучше обстояли дела в западных школах, где они могли опереться на более давние и прочные традиции. Декабрист А. В. Розен вспоминает: «В 1812 году, когда гвардия двинулась на достославную битву против Наполеона, был я помещен в Нарвское народное училище, где учился с ровесниками из всех сословий, цехов и гильдий. Ректор Радекер, ученый классик, преподавал неутомимо, с любовью к своему высокому призванию. Нельзя без особенного уважения вспоминать этого добросовестного труженика. Он учил в народном училище языкам латинскому, немецкому, истории и географии. Каждый день уроки начинались в 7 часов утра хоральным пением псалма или молитвы и объяснением катехизиса. Кроме 6 часов в день в народном училище давал он частные уроки у себя на квартире два часа до обеда и два часа вечером. Бесперывные занятия повредили его зрение; за постоянные труды свои имел он только необходимо нужное для содержания своего семейства и никогда не роптал, никогда не просил прибавки жалованья, никогда не пропускал урока. Каждый ученик платил ему в год пять рублей и одну сажень дров»²⁵³.

Более подробно мы можем проследить судьбу московского училища. Что касается материальной обстановки, то она здесь, как и в других местах, не отличалась роскошью; однако детям, получавшим свое образование в нем, повезло с преподавателями. Выдающейся фигурой был Петр Михайлович Дружинин, преподававший в III и IV классах исторические науки; товарищ первого министра просвещения, попечитель Московского округа М. Н. Муравьев оценил его дарования и назначил директором губернской гимназии, когда та была создана на основе Главного народного училища. Учебный день начинался и заканчивался молитвами; в обычные дни уроки длились с 7 до 10 часов утра и с 3 до 6 дня, зимой — с 8 до 11 часов утра и с 2 до 5 часов дня. В среду и субботу послеобеденные уроки отсутствовали.

Предметы были следующие:

Предметы	Классы				Всего
	I	II	III	IV	
Закон Божий		4	5	—	
Русский язык	25	6	3	3	55
Арифметика		6	3	—	
Механика, физика, геометрия, архитектура	—	—	—	7	7
Книга о должностях человека и гражданина	—	5	—	—	5
География	—	—	5	3	8
История	—	—	4	6	10

²⁴⁹ Нижегородская старина. Нижний Новгород, 1995. С. 276–277.

²⁵⁰ Ж. М. Нар. Просв. 1865 (Ссылка Е. Лихачевой — А. Л.).

²⁵¹ Е. Лихачева. Т. I, с. 284.

²⁵² Гейдеке. О школе, учрежденной для иностранцев... ВЕ 12, 21–22, 1803. С. 54–55.

²⁵³ Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 63.

Естествознание	—	—	—	5	5
Латинский язык	2	3	4	3	12
Немецкий язык	3	6	6	3	18
Рисование	—	4 ²⁵⁴	4	4	12
Всего	30	34	34	34	132

Пытались в училище преподавать и бухгалтерию (1795–1801); однако этот предмет, непосредственно связанный с интересами московского купечества, исчез из программы после того, как последнее отказалось оплачивать его преподавание. Когда училище только открывалось, больше всего учеников было из детей дворовых людей (57 из 105); вторая по численности категория — солдатских детей — только 12 человек; дворянских было 10, крестьянских трое, вольных четверо, духовного сословия 8, купеческих двое, мещанских 5, подьяческих четверо. Постепенно распределение стало более равномерным: в 1801 году на 33 ребенка из семейств дворовых людей приходится 29 купеческих, 24 мещанских, 20 дворянских и офицерских, 18 солдатских, 9 подьяческих и четверо из духовного сословия. Больше всего учеников было в 1789 году — 346; потом их число постепенно сокращалось и дошло до 192²⁵⁵. Это объясняется прежде всего более высокой конкуренцией (с точки зрения образованности Москва была едва ли не более значимым центром, чем столичный Петербург).

Реформа оказалась непоследовательной (что отмечает С. В. Рождественский²⁵⁶; гр. Д. А. Толстой также считает реформу менее удачной по сравнению с австрийской и подчеркивает правоту академика Ф. Эпинуса, требовавшего не уклоняться от австрийского образца); это было вызвано как общим мировоззрением эпохи, так и частыми в ту пору злоупотреблениями. 8 января 1796 г. А. Т. Болотов вносит в свой «Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах» такую запись: «Училище в Туле в худом состоянии и от нерасторопности губернатора <статского советника Андрея Ивановича Лопухина> и нерадивости директора <Бахтина>; и нет надежды к поправлению»²⁵⁷. Признаками непродуманности общего плана были невнимание к финансовой стороне дела, двойное подчинение и неоправданный расчет на местные источники. Однако она была необходимым этапом в создании массовых образовательных учреждений нашего Отечества²⁵⁸, и ее значение не следует преуменьшать.

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX ВЕКОВ

Подробному рассмотрению особенностей домашнего воспитания в России на рубеже веков необходимо предпослать некоторые уточнения. Противопоставление государственного (и ориентированного на него частного) воспитания домашнему имеет смысл не только в рамках истории образования вообще, но и при рассмотрении индивидуальных судеб в частности; школьное учение тогда начиналось позже, чем сейчас (в 10—12 лет, иногда и в старшем возрасте), на девушек практически не распространялось, и поэтому проблема домашнего воспитания затрагивала всех (мы имеем в виду, конечно, только дворянство и до некоторой степени разночинцев). И, даже не рассматривая домашнее воспитание отдельно, по возрастам, эту всеохватность необходимо учитывать и постоянно иметь в виду. Кроме того, весьма важный аспект — роль гувернеров-иностранцев — подлежит приблизительной датировке; распространенным явлением эти воспитатели становятся в екатерининскую эпоху, страшный революционный разгром делает такое воспитание доступным по цене для дворян небольшого достатка. Параллельно начинается и противодействие²⁵⁹, поскольку многие усматривали в иностранных гувернерах порчу нравов; наконец, война 1812 года вызывает патриотическую

²⁵⁴ Факультативно.

²⁵⁵ Г. Гобза. *Op. cit.* С. 11–23.

²⁵⁶ *Op. cit.* С. 22

²⁵⁷ А. Т. Болотов, *Записки*, т. 2, Тула, 1988. С. 367. Думается, тульское народное училище в этом случае не было исключением; жители многих городов могли сказать о своих то же самое.

²⁵⁸ Всего в царствование Екатерины II было учреждено 223 учебных заведения (Д. А. Толстой, *ibid.* С. 125).

²⁵⁹ Ф. Тастевен датирует начало этой реакции 1780 годом, связывая его с деятельностью «Собеседника» и иных печатных органов (*Tastevin*, p. 77). Он же потом обвиняет авторов этих сочинений в смещении пропорций, доказывая — весьма убедительно — высокие достоинства множества французских преподавателей (p. 89–90). Отметим: он во многих местах хвалит терпимость русского народа и общества, обеспечивавших французам при всех условиях безопасную жизнь — иногда в противовес правительственным строгостям.

реакцию, которая, однако, не искореняет это явление до конца. Prestиж иностранных гувернеров падает, языкам учатся уже не столь охотно и предпочитают приглашать русских преподавателей (чему навстречу идут усилия правительства, имеющие целью подготовку воспитателей). Только при Николае I, по мере совершенствования казенных учебных заведений, домашнее воспитание перестает быть массовым явлением (хотя продолжает существовать до последних дней Империи). Не будем при этом забывать, что гувернер-иностранец соответствует скорее «средней» ступени; отечественному языку, грамоте и начаткам арифметики дети учились зачастую учились у дьячков, священников, солдат (не самый редкий случай, поскольку мы говорим о воспитании дворянства, тесно связанного с военной службой), иногда у родителей. Если мы будем рассматривать свидетельства невольных жертв и очевидцев домашнего воспитания в России, бросаются в глаза два явления: 1) презрение к воспитателям и качеству их знаний со стороны воспитанников и 2) низкое положение воспитателей на общественной лестнице²⁶⁰. В. Н. Татищев в своем знаменитом диалоге «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» приводит пять аргументов против домашнего воспитания: «Сей способ не всякому, но токмо богатым и могущим к выписыванию добрых учителей достать удобный, но таковых у нас весьма мало, ибо некоторые хотя имением к тому довольны, да случая лишаются, а особливо те, которые в услугах государственных в дальних от домов своих отлучках... 2) Многие за недостатком искусства принимают учителей к научению весьма неспособных, и случается, что поворов, лакеев или весьма мало умеющих грамоте за учителей французского или немецкого и каких-либо непотребных волочаг для научения благонаравия и политики принимают и потом за положенные деньги вред вместо пользы покупают. 3) Хотя б которой родитель силу науки и сам довольно знал и какого учителя принять довольно разсудил, да у нас нелегко такого человека сыскать, чтоб всему тому, что потребно, обучать мог, многих же учителей содержать не способно. И тако многократно нужнейшее и сущее знание исповедания веры, законов гражданских и состояния собственного отечества назади и в забвении остается, которому необходимо первым быть надлежало. 4) Понеже все шляхетство по должности звания наиболее во услугах государственных во отлучении домов своих пребывают, а дети под призрением матерей и холопей воспитываются, то многократно и добрым учителям в научении детей неразумностью оных повреждается. 5) Обхождение детей в доме з бабами, девками и рабскими детьми есть весьма вредное, потому что научится токмо неге, спеси, лености и свирепству, а учтивости и почтениям к равным и меньшим себе, как то между всем шляхетством нужно, до возраста и знать не будет»²⁶¹. А. Т. Болотов вспоминает о своем учителе, Якове Яковлевиче Миллере, немецком унтер-офицере родом из Германии, как о каком-то нравственном чудовище: яркие страницы рисуют прямо-таки патологической жестокости и трусости. Впрочем, хорошее знание немецкого языка впоследствии сослужило ему добрую службу²⁶². Когда обсуждался проект основания Московского университета, одним из пяти официально провозглашенных мотивов был следующий: «Великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науки не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют и только чрез то молодые лета учеников и лучшее время к учению пропадает, а за учением оным бесполезно великая плата дается; все же почти помещики имеют старание о воспитании детей своих, не щадя иные по бедности великой части своего имения и ласкаясь надеждою произвести из детей своих достойных людей в службу нашу, а иные, не имея знания в науках или по необходимости не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали»²⁶³. Д. И. Фонвизин пишет из Франции брату своего начальника и покровителя, гр. П. И. Панину: «Дворянство французское по большей части в крайней бедности, и невежество его ни с чем несравненно. Ни звание дворянина, ни орден Св. Людовика не мешают во Франции ходить по миру. Исключая знатных и богатых, каждый французский дворянин, при

²⁶⁰ Безусловно, это нельзя воспринимать как общее правило. Ш. Массон, сам воспитатель в семье Салтыковых, в своих записках сообщает о весьма внушительных гонорарах, полученных за воспитание знатных молодых людей: «Господин Брюкнер получил тридцать пять тысяч рублей за четырнадцать лет, посвященных воспитанию молодых князей Куракиных, а Гранмон — двадцать пять за воспитание князей Долгоруких». (Секретные записки..., прим. 1. к С.П 147). Он же говорит о привязанности, которую питомец часто испытывает к своему наставнику (ibid. С.П 147). Англичанин Виндсон, бывший гувернером в семье Уваровых и потом поступивший к М. Ю. Лермонтову, имел жалованье в 3000 рублей годовых и отдельный флигель для себя и жены (Висковатов, с. 155).

²⁶¹ Избранные произведения, Л., 1979, с. 104–105.

²⁶² Жизнь и приключения..., стлб. 53 слл.

²⁶³ Империя после Петра. С.П 345.

всей своей глупой гордости, почтет за великое себе счастье быть принятым гувернером к сыну нашего знатного господина. Множество из них мучили меня неотступными просьбами достать им такие места в России; но как исполнение их просьб было бы убийственно для невинных, доставшихся в их руки, то уклонился я от сего злодеяния и почитаю долгом совести не способствовать тому злу, которое в отечестве нашем уже довольно вкореняется»²⁶⁴. Н. П. И. Новиков в сатирическом журнале «Трутенъ» (1769 г., лист XVI) помещает следующую заметку под заголовком «Ведомости из Кронштадта»: «На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо корабль, на нем, кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы и что они, будучи несчастливы в своем отечестве, по разным делам, касавшимся до чести их, приведены были до такой крайности, что для приобретения золота вместо Америки принуждены были ехать в Россию. Они в своих рассказах солгали очень мало, ибо, по достоверным свидетельствам, они все природные французы, упражнявшиеся в разных ремеслах и должностях третьего рода. Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полициею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не понравилось. Оно в том состояло, чтобы они немедленно выбрались из Парижа, буде не хотят обедать, ужинать и ночевать в Бастилии. Такое приветствие хотя было и очень искренно, однако ж сим господам французам не понравилось, и ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей. Они скоро отсюда пойдут в Петербург. Любезные граждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учителя французов, не узнав прежде ни звания их, ни поведения»²⁶⁵. Через много лет после выхода в свет этого журнала ему вторит поэт-сатирик Аким Николаевич Нахимов в стихотворной надписи «Вопросъ Француза и отвѣтъ Рускаго»:

Мы служимъ вамъ: мычать васъ по Французски учимъ;

А что даете намъ за важный трудъ такой?

— Какъ, что? бездѣлицу: и кормъ и водопой,

Да сверхъ того мы васъ своимъ богатствомъ выучимъ,

или в стихотворении «Мерзилкинъ, или Рускій выродокъ, превратившійся въ офранцузенную гадину»²⁶⁶:

На что имъ съ предковъ брать похвальнѣйшій примѣръ?

Французовъ мало ли сорвавшихся съ галеръ?²⁶⁷

А какъ приблѣгнутъ тожь къ Французскимъ и Мамзелямъ,

Которы свѣтъ прошли таскаясь по ...лямъ

И всяку всячину видали надъ собой:

То нужно ли искать науки ужъ другой?

Тогда жеманься, ври, повѣсничай, кривляйся

И надъ невѣжествомъ Россіянъ насмѣхайся...

В мерзляковском «Амфионе» мы обнаруживаем другую любопытную сатиру на иностранных наставников под названием «Чудесный товар (разговор в Таможне)»²⁶⁸:

Смотритель: Отколь? Купецъ: Из-за морей. См.: Куда? — К.: Куда? въ Россію.

См.: Какой товаръ? К.: Товаръ? — бездѣлицою, золотой....

См.: Мнѣ должно осмотрѣть? К.: Не строго, другъ, постой!

Ты Руской! ты великъ! но здѣсь ты склонишь выю!....

См.: Что? какъ? К.: Здѣсь магазинъ всего,

Ума, безумія, нахальства, униженья,

Коварства, гордости, алчбы и развращенья;

Здѣсь тысячи вещей, и вмѣстѣ ничего!...

Злой свѣтъ и злая тьма, невѣжество и знанье,

Ничтожность и блистанье,

²⁶⁴ Ахен, от 18 (29) сент. 1778 г. — Соч. Д. П. И. Фонвизина. Полное собрание оригинальных произведений. СПб, 1983 г. С. 299.

²⁶⁵ Цит. по: Н. П. И. Новиков. Избранные педагогические сочинения. М., 1959. С. 53.

²⁶⁶ Сочинения Акима Нахимова в стихах и прозе, напечатанные по смерти его. М., 1822. С. 97; 51–52.

²⁶⁷ В ВЕ за 1812 год (часть LXVI, № 23–24, с. 272–275) содержится заметка за подписью Т. «Анекдот об учителях Французах», где рассказывается о двух приятелях, гг. *Ворьене* и *Филу*, служивших учителями по соседству; когда они поссорились, Филу открыл хозяину, что его соотечественник — клейменный каторжник; тот же сообщил, что приятель знает об этом, поскольку сам, будучи палачом, ставил это клеймо.

²⁶⁸ Амфион, 1815 г. Октябрь и ноябрь. С. 133–135. Подпись — *М—въ*.

Родъ жадной саранчи, иль нѣ кой язвы ядь;
 Неволя с вольностью, безбожіе и гладь; —
 Барейторъ, компаньонъ, лакей и управитель,
 Кондиторъ, откупщикъ, и модъ установитель,
 Подьячій и министр, агентъ и скороходъ,
 И докторъ для госпожъ, опасной для господъ; —
 Ко щастью Рускаго народа,
 Болѣ зней и лѣ карствъ обильная порода:
 Здѣ съ модна слѣ пота,
 Сердечна пустота,
 Розличныя припадки,
 Вертижи, лихорадки,
 Болѣ знь; *ни то ни сіо*; —
 Короче: здѣ съ есть все:
 Отецъ и другъ, и братъ, и свать-благотворитель...
 См.: Помилуй, кто же он, скажи... К. Французъ-учитель!...
 См.: Учитель! — Боже мой! хотябъ взглянуть... К. : Нѣ ть! нѣ ть!
 По вашей милости, прошло почти сто лѣ ть,
 Какъ безъ осмотра мы товаръ сей отпускаемъ..
 И пошлѣнь не даемъ... См.: Когдажъ его узнаемъ? —
 К.: Теперь нѣ ть времени; корми его лелѣ й;
 А чтобы цѣ ну знать, отдай ему дѣ тей!...

Н. С. Лесков пишет в своем очерке об А. П. Ермолове: «Образование, стоявшее в то время вообще на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины приняло еще более ложное направление от нашествия в Россию иностранцев, и в особенности французов. Из всех тогдашних преподавателей не много таких, которых нельзя было, по всей справедливости, назвать шарлатанами или невеждами. — Бедное состояние семьи моей, — говаривал Ермолов, — не допустило дать мне нужное образование. <...> Шарлатаны, — говаривал он также, — учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: *Paris, capitale de la France... cherchez, mes enfans*²⁶⁹ — потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж!»²⁷⁰. Д. В. Давыдов вспоминает свое детство в предисловии к сборнику стихотворений: «Но как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке; тому же учился и Давыдов до тринадцатилетнего возраста»²⁷¹. Секретарь французского посольства г. де ла Мессальер так характеризует своих соотечественников-шарлатанов, нанятых для обучения юношества: «Мы обступлены были тучею всякаго рода французов, из коих главная часть, поссорясь с Парижскою полицією, пришли заражать сѣ верныя страны. Мы поражены были удивленіем и сожаленіем, нашед у многих знатных господ, бѣ глецов, промотавшихся, распутных людей, в и множество такого ж рода женщин, которым по предубежденію к Французам, препоручено было воспитание дѣ тей, саих знаменитѣ йших; должно быть, эта пена нашего Отечества выплеснется и в Китай; нет такого места, где я ее не обнаружил бы. Г. посол полагает, что следовало бы предложить Русскому министерству исследовать поведение этих лиц и выдворить морем по назначению наиболее подозрительных лиц»²⁷². Позднее граф Жозеф де Местр в письме министру народного просвещения А. К. Разумовскому формулирует это мнение в еще более резких тонах: «ужасное следствие этой научной мании заключается в том, что государство, не имея преподавателей, чтобы ее удовлетворить, постоянно вынуждено прибегать к другим нациям; и, поскольку люди по-настоящему образованные и нравственные мало стремятся покинуть свою родину, где они получают достаточное вознаграждение и почести, это будут не только посредственности, но часто и сущие источники заразы, которые доберутся и до полюса, чтобы продать за деньги свою мнимую науку. Сегодня в особенности Россия затоплена этой пеной, которую политические бури изгоняют из других стран. Эти перебежчики приносят сюда только свою дерзость и свои пороки. Не любя и не уважая страну, не имея с нею семейственных, гражданских и религиозных

²⁶⁹ Париж, столица Франции... ищите, дети! (фр.).

²⁷⁰ Н. С. Лесков. СС в 11 тт., т. 10. С. 159–160.

²⁷¹ Д. В. Давыдов. Военные записки. М., 1982. С. 11. — Тринадцать лет Денису Давыдову исполнилось в 1797 г.

²⁷² Шевырев..., с. 38. См. также ВЕ 1807, ч. XXXII, № 8, с. 289 (Лука Говоров. Письмо из города N. N. в столицу).

связей, они издеваются над этими непроницательными Русскими, которые доверяют им самое дорогое; они торопятся сколотить достаточно денег, чтобы обеспечить себе в других местах независимое существование... И это положение вещей тем более чувствительно, что, следуя печальному предрассудку, в России молчаливо согласились рассматривать нравственность как нечто совершенно отдельное и независимое от образования; таким образом, например, здесь случается, что о преподавателе физики или греческого языка, которого, с другой стороны, в обществе считают человеком порочным или афеистом, можно часто слышать следующее: „А какое это имеет отношение к физике или греческому языку?“. Таким образом европейский мусор принимают в этой стране; и несчастная Россия дорого оплачивает эту армию иностранцев, которая занимается только тем, что развращает ее»²⁷³. Соглашаясь с этими мнениями, правительство пытается ограничить распространение язвы, в чем лишь злонамеренное партийное пристрастие способно увидеть политический страх: «Благодетельным указом Мая 5-го положена преграда злоупотреблениям иностранцев. Университет в Москве, равно как Академия Наук в Петербурге, назначены были местами испытания для всех тех иностранцев, которые приезжали в Россию с педагогическою целию: учить в домах или заводить школы... Те, которые принимали к себе учителей без аттестатов, или не объявляя держать бы стали, подвергались штрафу по сту рублей»²⁷⁴. А. К. Разумовский был вполне согласен с этими идеями: в докладе от 25 мая 1811 года он писал Александру I, что «в Отечестве нашем далеко простерло свои корни воспитание, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастает нередко под надзором иностранцев, одною собственной корыстью занятых... не имея привязанности к стране, для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему и в недрах России из россиянина образуют иностранца»²⁷⁵. Потому 19 января 1812 года, вопреки мнению Комитета министров, по личному представлению Разумовского Император повелел восстановить действие «благодетельного указа» Елизаветы²⁷⁶ — полагаю, не с лучшим успехом. Вряд ли эти экзамены были сколько-нибудь распространены; С. П. А. П. Тучков вспоминает в «Записках»: «Вызов как всякого рода людей для услуг, так и учителей, делается там <в Петербурге — А. П. Л.> через газеты. Отец мой не преминул тотчас по прибытии своем в сию столицу объявить, чтоб человек, знающий хорошо французский и немецкий язык, а также историю и географию и желающий принять на себя должность учителя, явился к нему. Всякий день приходило к нам в дом по несколько человек иностранцев, но почти ни один из них не знал по-русски, и редкие соглашались на предложение отца моего, чтоб в требуемых от них учениях выдержать экзамен в Академии, где имел он знакомых»²⁷⁷. Знаменитый французский славист Эмиль Оман приводит такой анекдот: «Quelques-uns se présentèrent, en effet, et la légende assure qu'un d'eux, interrogé sur les modes des verbes, répondit, qu'il les connaissait mal, car il avait quitté Paris depuis longtemps, et les modes y changent souvent»²⁷⁸. Он продолжает: «Из оставшихся лишь самое незначительное число вернулось во Францию; некоторые уехали в провинцию... большинство, полагаясь на инертность власти, не отреагировало, и тот факт, что этот указ так часто возобновлялся, свидетельствует, что он остался на бумаге». Вот еще один анекдот, который приводит Тастевен: «Когда граф Ангальт был в Москве, ему сообщили, что кто-то желает поговорить с ним наедине; он не захотел заставлять своего кузена, бывшего с ним, выходить и потребовал, чтобы незнакомец объяснился в присутствии последнего. „Ваше Сиятельство меня не узнает?“ — Нет. — „Оно не узнает молодого человека, который был барабанщиком в его полку в Пруссии, которого оно решило наказать розгами?“ — Как! это ты, плут, и что ты здесь делаешь? — „Я учитель в доме, где Ваше Сиятельство сегодня обедает; я побоялся, что оно меня узнает и устроит скандал, который лишит меня куска хлеба; я пришел, чтобы предупредить его.“ Раз уж нашлись настолько глупые люди, чтобы взять тебя наставником, я не причиню тебе никакого вреда; но если ты будешь настолько нагл, чтобы сесть за один стол со мной, я велю вышвырнуть тебя из окна. „Ваше Сиятельство можете быть спокойны“. Препный барабанщик сделал

²⁷³ J. de Maistre. P. 287–288.

²⁷⁴ Ibid., с. 37: См. также *ibid.*, с. 164.

²⁷⁵ Цит. по: Петров Ф. А. Российские университеты... Книга II. Ч. 2. С. 14.

²⁷⁶ Ibid. С. 15.

²⁷⁷ Золотой век Екатерины Великой. С. П. 171.

²⁷⁸ La culture française... P. 88 (ср. Les Français en Russie, p. 89). «Некоторые действительно предстали, и легенда говорит, что один из них, получив вопрос о наклонениях глаголов, сказал, что не знает, потому что он давно покинул Париж, а моды меняются часто»; франц. как грамматический термин *mode* означает глагольное наклонение.

глубокий реверанс и отправился на этот раз обедать в городе»²⁷⁹. Впрочем, Тастевен не считает этот анекдот сообразным со здравым смыслом, как и воспоминание французского министра де Жюине, который обнаружил в одном из московских домов в том же качестве своего бывшего форејтора.

Вот объявление из «Московских ведомостей» 1785 года, которое стоит анекдота²⁸⁰:

Недавноприбывшій въ Москву Антонъ Ле Меръ (Le Maire), изъ г. Люневиль во Франціи, желаетъ получить мѣсто въ публичной школѣ или въ частномъ домѣ, чтобы учить слѣдующему: французскому, нѣмецкому, итальянскому, польскому, англискому, шведскому, испанскому, латинскому, греческому и турецкому языкамъ; кромѣ того, географіи, исторіи, миѳологіи, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, алгебрѣ, высшей математикѣ, фортификаціи, артиллеріи, химіи, логикѣ, метафизикѣ, правѣ дінію, навигаціи и гидраулики. Сверхъ этого онъ знаетъ еще разныя искусства, напримѣръ: дѣлать изъ сломаннаго фаянса (faience) самый лучшій фарфоръ и другія вещи, принадлежащія къ химіи. Онъ и можетъ преподавать рисованіе, играть на фортепіано, пѣнію и удивительно легко волтижируетъ.

Жительство имѣетъ на Дѣвичьемъ полѣ, возлѣ фабрики Темза (Thames), въ домѣ ветошника Корешкова, подъ № 95.

Князь И. П. М. Долгорукий вспоминал о своем однокашнике греке Калерджи: «Он учился въ одно со мною время въ Университетѣ; мы оба были еще мальчиками. Къ родителямъ моимъ ѣздила очень часто преуважительная и пожилая фрейлина, княжна Куракина, у которой воспитывалась пригоженькая сирота, вывезенная из Бендеръ. Княжнѣ вздумалось обучать ее многому, особенно языкамъ иностраннымъ, и она изволила поручить мнѣ пріискать для Французскихъ уроковъ студента изъ Университета. Я представилъ ей Калерджи: она его приняла. Учится Турчанка мѣсяцъ, два и три; княжна отъ меня довольна и ученицею, и учителемъ. Как-то разсудилось ей поѣкзаменовать свою фаворитку, и та откровенно ей призналась, что Калерджи выучилъ ее только различать, что такое *le genre masculin* и *le genre féminin*. Смекнула княжна, что это познаніе можетъ имѣть незабавныя послѣдствія на практикѣ, и сбѣли моего товарища со двора. Съ тѣхъ поръ, всякой разъ княжна, посѣщая насъ, обращалась ко мнѣ съ негодованіемъ за худаго учителя, и чѣмъ болѣе она изъясляла досады, тѣмъ тверже врѣзывалось въ память мою неудачное поясненіе мужскаго и женскаго рода, изъ котораго повѣса Калерджи хотѣла, какъ кажется, составить полный учебный курсъ для юной и невинной музульманки. Не знаю даже, не поздно ли княжна хватилась экзаменовать свою питомку. Чѣмъ же я виноватъ? На грѣхъ мастера нѣтъ»²⁸¹. Впрочем, он же с благодарностью вспоминал позднее о своей наставнице, Madame Constantin: «Эта послѣдняя жила съ нами долго, и послѣ нея уже не принимали другой. Она была женщина не молодая, очень хорошихъ свойствъ, усердно привязана къ нашему дому, а паче ко мнѣ, и вмѣстѣ съ сестрою пріучила меня лепетать по своему съ самаго ребячества... Вижу въ ней перваго человѣка сторонняго, котораго попеченіямъ обязанъ я первоначальнымъ моимъ образованіемъ. Чувство благодарности требовало отъ меня, чтобы я остановилъ на семь вниманіе дѣтей моихъ, дабы и они, глядя на меня, помнили своихъ наставниковъ»²⁸².

С гувернером-французом мы можем встретиться в самом неожиданном месте. Казалось бы, у адмирала А. С. Шишкова, сторонника древляго славянскаго корнесловія и врага модной галломании, чье письмо Императрице о чужеземныхъ наставникахъ мы помещаемъ в приложении, делать ему совершенно нечего. Но нет; С. Т. Аксаковъ позднее вспоминалъ: «Не имея детей и взявъ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, <Александръ Семеновичъ> отдал ихъ въ полное распоряженіе Дарьѣ Алексеевне»²⁸³, которая, считая все убѣжденія супруга патриотическими бреднями, наняла къ мальчикамъ француза-гувернера²⁸⁴ и поместила его возлѣ самаго кабинета своего мужа»²⁸⁵. Кн. П. П. А. Вяземскій въ концѣ жизни вспоминалъ: «Много перебывало при мнѣ французовъ, немцевъ, англичанъ; но ни одинъ изъ нихъ не былъ способенъ приучить меня къ учению, а это главное въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія. О русскихъ наставникахъ и думать было нечего. Ихъ не было, — не знаю, много ли ихъ теперь. Надобно было ловить иностранцевъ наудачу. Припоминается мнѣ одинъ дядька, немецъ, который долженъ былъ наблюдать за мною и учить меня немецкому языку. Тогда въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, былъ большой трактиръ, известный подъ именемъ „Цареградскій“. Это было, по нынѣшнимъ понятіямъ, родъ кофейной, куда стекались иностранцы, въ особенности учителя, родъ биржи, рынка, куда приходили нанимать домашнихъ учителей. <...> Однажды менторъ мой возвратился грузнее обыкновеннаго. Я подошелъ къ нему и спросилъ: какъ сказать по-немецки — вонять. “Stinken. А зачемъ спрашиваете вы это?” —

²⁷⁹ Op. cit. P. 83.

²⁸⁰ РС, 1887, т. LIV, с. 240, с прим.: перев. из Hamburger Nachrichten, Sonntags Beilage, № 6, 1887.

²⁸¹ И. П. М. Долгорукий. Капище моего сердца. М., 1874. С. 132.

²⁸² Москвитянин, 1844, XI, с. 199.

²⁸³ Урожденная Шельтинг (прим. С. А.) — А. Л.

²⁸⁴ Этотъ французъ умелъ поддѣлаться въ послѣдствіи къ Шишкову похвалами Россіи и русскому языку (прим. С. А.).

²⁸⁵ С. Т. Аксаковъ. Воспоминаніе... С. 270–271.

продолжал он. “Чтобы сказать вам: *Sie stinken nach vino*”²⁸⁶. Неправильны были слова мои, но попали они в цель. На дерзость мою жаловался дядька отцу. Мне было крепкое родительское головомытье, но и ментора выгнали из дома»²⁸⁷. Впрочем, у кн. Петра Андреевича были и другие воспоминания: «<...> приглашены были для преподавания мне наук лучшие профессора блестящего периода Московского университета: Буле²⁸⁸, Рейнгардт²⁸⁹ и другие. В числе их должен был быть и Мерзляков. Немецкие профессора добросовестно и аккуратно проливали на меня лучи познаний своих. Один Мерзляков оставался при обещаниях. Наконец отправили меня к нему, чтобы разведать о причине упорного отсутствия его. Не застал я его дома. Мало знакомый тогда с русскими эпистолярными приличиями, оставил я ему записку, которая так начиналась: “Господин Мерзляков, прошу вас” etc. На другой день университетский сторож принес мне на грязном лоскутке бумаги записку, приблизительно такого содержания: “Господин Вяземский, я не школьный учитель, готовый ходить в дом к какому-нибудь немцу, чтобы давать вам уроки”»²⁹⁰. (Позднее Мерзляков был вхож в дом Елизавете Алексеевне Арсеньевой и давал уроки юному Лермонтову. Когда над внуком стряслась беда из-за стихотворения «Смерть поэта», бабушка воскликнула: «И зачем это я на беду свою еще брала Мерзлякова, чтоб учить Мишу литературе; вот до чего он довел его»)²⁹¹. Характерно, что ученик Мерзлякова, В. П. Г. Белинский, с такой же ленью относился к своим репетиторским обязанностям. Вполне лояльно и дружески расположенный к нему Кавелин так вспоминает об этом: «<...> Белинский не всегда аккуратно приходил на уроки <...> Учил он меня плохо. Задавал по книжке, выслушивал рассеянно, без дополнений и пояснений, и, наконец, предоставил меня собственной судьбе»²⁹². Юному Саше Герцену — не менее, впрочем, остроумному на язык, чем князь Петр Андреевич Вяземский, и значительно превосходящему его силой фантазии²⁹³ — тоже не повезло с наставниками: «Месс ужасно пахнул водкой, может быть оттого, что издал немецко-русский лексикон, очень плохой, и был до того близорук, что всегда ездил носом по тетрадке, когда поправлял перевод. Тирье знал все сплетни московские, кто с кем был в интриге, есть, будет, был бы. Даже для француза он был слишком болтлив... Волков и Оболенский интересны особенно по наружности... Иван Федорович Волков, учитель гимназии, знал математику до конических сечений, и больше ничего не знал. Василий Иванович Оболенский, магистр университета, знал латинский язык, да сверх того, *omne scibile*, кроме математики. Не смотря на то, что я уже учился охотно и не боялся учителей, невольный трепет пробежал по членам, когда я увидел Ивана Федоровича; он подавил меня важностию и пышностию своей фигуры, он подавил меня вышиной, толщиной и шириной; настоящий математик, он был стереометрически огромен, огромен во все три измерения... Совсем иное дело магистр Оболенский... Представьте себе флистера вершков в пять, который проглотил аршин вершков в шесть, и не может ни наклониться, ни согнуться... он наматывал салфетку или какую-то простыню около шеи, оставляя пространство между нею и шеей; таким образом случалось, что он повернется и простыни нет, только кончики ее, завязанные розеткой, выглядывают из-под воротника фрака, будто у него там спрятан кролик и хлопает ушами. Жилет у него имел обыкновение застегиваться первой петлей на вторую пуговицу, от этого терялась последняя симметрия и расстраивалась всякая возможность узнать в магистре человека, особенно, когда он надевал сверх фрака длинный сюртук, цвета горохового киселя с пылью. Он похож был на немецкого университетского ученого и на горячечного в тихую минуту. Медленные движения, померкшие

²⁸⁶ *От вас несет вином* (смесь нем., лат.).

²⁸⁷ П. П. А. П. Вяземский. Соч. в двух томах. М., 1982. Том 2. С. П 249–250.

²⁸⁸ Буле Иоганн Феофил (1763–1821) — доктор и ординарный профессор естественного права и теории изящных искусств Московского университета. Отличался исключительной эрудицией; ученик великого филолога-классика Гейне по геттингенской филологической семинарии. Издатель Аристотеля (трудом которого была посвящена его диссертация). Как и большинство лучших профессоров Московского университета того периода, был приглашен попечителем М. П. Н. Муравьевым; одна из крупнейших фигур среди преподавателей философских дисциплин той эпохи. В числе слушателей его частных лекций был А. П. С. Грибоедов.

²⁸⁹ Рейнгардт Филипп Христиан (Христиан Егорович), 1764–1812 — юрист, с 1803 г. профессор практической философии, истории философии, естественного и народного права в Московском университете.

²⁹⁰ П. А. Вяземский. *Op. cit.* С. П 247–248.

²⁹¹ М. Н. Лонгинов. *Заметки...* С. 384.

²⁹² К. П. Д. П. Кавелин. *Наш нравственный строй*. М., 1989. С. П 261–262. Речь идет о 1834 г.

²⁹³ Это важно иметь в виду, как и некоторую болтливость и аффектацию, присущую герценовскому стилю; в знаменитой главе «Былого и дум», посвященной Московскому университету, он, например, *дважды* повторяет один анекдот весьма сомнительной достоверности.

глаза... наносный педантизм, неведение всего мира реального из-за превосходного знания латинского и греческого языков, и остермановская рассеянность. Он безднуперечил, перечитал; но ему решительно наука не пошла в пользу... Магистру я обязан многим, но это случилось помимо его воли, и потому не знаю, должен ли я его благодарить»²⁹⁴.

Барон В. П. И. Штейнгейль²⁹⁵, который и сам занимался педагогической деятельностью, пишет: «В частных домах наставниками детей нередко уже являлись французские брадобреи, кучера и тому подобные бродяги; наставницами — прачки, а иногда и самые развратницы, за непотребство от самих непотребных изгнанные!!! <...> Я не смею и помыслить о том, чтоб мог достаточно изобразить, например, вкравшееся от них вольнодумство, желание какого-то равенства, потерю уважения к самим чинам и заслугам, и прочие горькие плоды модного воспитания и образа мыслей: кто сего не видит, кто не чувствует? И какой еще после сего победы лучше желать врагу нашему?». Правительство во время войны относилось к французским гувернерам с подозрением: среди сорока человек — элиты московской колонии французов, — высланных вечером 22 августа 1812 года на барке в Нижний Новгород, было много учителей: Dugraveau, Etienne, Latour, Leroy, Masson (преподаватель фехтования), Moriceau (преподаватель латинского языка), Mortier (преподаватель фехтования), Palu, Rey-Jolly, Sainte-Agathe, Saint-Vincent²⁹⁶. Характерно, что в глазах таких видных представителей колонии, как оставшиеся в городе аббат Сюррюг (Surrugues; бывший принципал коллежа в Тулузе, доктор Сорбонны и учитель в семействе Мусиных-Пушкиных, умерший 21 декабря того же года настоятелем католического храма Saint-Louis-des-Franzais) и шеваляе д'Исарн (Franzois-Joseph de Vellefort d'Ysarn) называли солдат Великой армии «врагами»; те в свою очередь величали их «французскими русскими»²⁹⁷. Некоторые французы, однако, подверглись после ухода армии Наполеона преследованиям за сотрудничество с ним, выразившееся в участии в деятельности французского муниципалитета; из ученого сословия это были Frédéric-Franzois-Xavier de Villiers, лектор французского языка в университете, Franzois Rémy, преподаватель гимназии и Александровского института, Michel Marc, преподаватель Екатерининского института, Pierre Mersan, преподаватель университетского пансиона; некоторые лица указаны в списке Тастевена без занятий, и можно предположить, что среди них также были домашние учителя. Наказания, как пишет французский исследователь, были исключительно легкими. Гораздо худшая участь ждала тех, кто отправился вместе с Великой армией: почти все они погибли в Вильне²⁹⁸.

Красивый анекдот: чухонец, выдав себя за француза, взялся учить детей у одного московского дворянина и, естественно, выучил не французскому языку, но чухонскому²⁹⁹. Иногда настоящие французы таковы, что, может быть, простодушный чухонец был бы и лучше: Павла Строганова в конце XVIII в. учил Жильбер Ромм, фанатик-якобинец, царевубийца, инициатор введения нелепейшего республиканского календаря, — он чуть не увлек воспитанника по своим стопам³⁰⁰. Л. Пинго пишет о нем: «Это был один из тех, кто наиболее серьезно отнесся к своим обязанностям. Разместившись в блестящем особняке, с бронзой Фальконе под окнами, между библиотекой и лабораторией, он воспитывал юного Попо Строганова как спартиата, внушая ему сентиментальный стоицизм, элементы которого он заимствовал из самых различных произведений, от „Жизнеописаний“ Плутарха до „Сказок“ Мармонтеля»³⁰¹. Французский аббат-расстрига воспитывал кн. Волконского (1761–1845; это должно было происходить в 70-е гг. XVIII в.) и внушил ему идеи Вольтера и Руссо; обращение князя к вере состоялось уже в преклонном возрасте, после смерти любимой невесты; покупая у мужика сено, он услышал: «Мы с тобой старики, нас вон где с тобой будут вешать», — и собеседник показал на небо. Князь отнесся к этому с сарказмом; мужик ответил ему: «Как умрем, я-то внакладе не буду, а тебе как бы не прогадать»³⁰². Генерал Л. П. Н. Энгельгардт в своих

²⁹⁴ Т. П. Пассек. Из ранних лет, из жизни дальней. РС, 1873, т. VII, с. 331–333.

²⁹⁵ Вступление к «Запискам касательно похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов отечества», В. П. И. Штейнгейль, Т. П. 2. С. П. 68–69.

²⁹⁶ Tastevin, op. cit., p. 155–156.

²⁹⁷ Ibid., p. 173.

²⁹⁸ Ibid., p. 174–176.

²⁹⁹ В. П. В. Пономарева. Университет в культуре XVIII века. В кн.: Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. Отредактировано В. П. В. Пономаревой и Л. П. Б. П. Хорошиловой. М., 1998. С. П. 288.

³⁰⁰ См. об этом подробнее Н. П. Я. Эйдельман. Мгновенье славы настает. М., 1989. С. П. 131 сл.

³⁰¹ Les Franzais en Russie, p. 93, со ссылкой: De Vissac, Romme le Montagnard, ch. III–V.

³⁰² Подробнее см. М. П. О. Гершензон. Грибоедовская Москва. В кн. Грибоедовская Москва. П. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. П. 42.

«Записках» сообщает даже о масонской ложе иностранных наставников: «Развратная ложа была из иностранцев всякого звания, из гувернеров, торговцев и художников, но к чести русских ни одного из них не было; собирались они производить между собою неслыханное посрамление. Открыто же было потому, что полиция думала, не кроется ли что политическое; но вместо того предметом сего поносного общества был разврат и развращать обоюдопола воспитанников русских»³⁰³. А. П. Д. Галахов считал незнакомство с гувернерами своей большой удачей: «Родители мои не настолько были образованны, чтобы заменить собою учителей, и не настолько зажиточны, чтобы приглашать к себе гувернеров и гувернанток, — и слава Богу! Последние слова я и доньне произношу как благодарный возглас за избавление нас от той напасти, в которой большинство дворян видело неизбежное и драгоценное руководство к так называемой цивилизации... Сначала сам отец учил нас арифметике, а потом привезен им был откуда-то отставной офицер-морьяк, который к арифметике присоединил и грамматику. Учитель этот (фамилии его не помню) знал свое дело, но уроки его часто прерывались, так как он пил запоем и пропадал дня на три, на четыре, скитаясь по близлежащим селам» (речь идет о Рязани, середина 10-х годов)³⁰⁴. А. П. С. Пушкин, чье мнение о воспитании юношества пожелало знать правительство Николая I, советует вовсе уничтожить домашнее воспитание³⁰⁵. Но примерно в то же время — в середине 1826 года — французский путешественник г. Ансло так описывает свои впечатления от воспитания русской знати: «Мы с удивлением отмечаем во Франции легкость, грацию и красноречие русских на иностранных языках. Удивление исчезает, когда видишь их систему воспитания. С самого нежного возраста дети слышат французскую речь; едва они способны заниматься какой-либо учебной, их доверяют французскому *outchitel* (наставнику); наш язык служит им для того, чтобы выражать их первые мысли, наши великие писатели служат их развитию, накладывая на них с необходимостью отпечаток, который потом ничто не может стереть. К тому же русский язык — приятная смесь нежности и силы — дает органу речи гибкость, позволяющую ему быстро свыкнуться со всеми созвучиями; русские без труда овладевают немецким и английским произношением, а эти языки они равным образом выучивают с детства. Но последние наречия, которыми они владеют в совершенстве, не столь обычны в их употреблении, как наше; это роскошь образованности, а французский язык — необходимость. С некоторого времени частное образование не столь в моде, как было когда-то; начинают отказываться от него, чтобы установить систему государственного воспитания, более экономичную и более полезную благодаря той состоятельности, которую она возбуждает у учеников; в Петербурге было создано много пансионов; они основаны и руководимы французами; учителя, воспитывающие детей, образцы, которые у них перед глазами, мысли, которые доверяют их юному разуму, — все французское; нашей национальной гордости должно, без сомнения, льстить та честь, которую оказывают нашему языку, нашим обычаям, нашей словесности; но, исследуя эту систему философическим взглядом, разве не найдешь в ней серьезных несообразностей? Расстояние, отделяющее высшие классы общества от того, что называют народом, огромна. Способ образования, принятый для молодой знати, не увеличивает ли ее еще более? не устраняет ли он всякую ее связь с низшими классами? Образ мысли, чувствований, язык, обычаи — все разное. И кроме того, иностранные преподаватели могут ли внушить своим ученикам любовь к стране? Могут ли они образовать русских? Я так не думаю и осмеливаюсь верить, что, для того чтобы встретить настоящий патриотизм, нужно его искать в народе. Кажется, правительство подумало об этом, поскольку сейчас говорят о создании императорских колледжей, где основа воспитания будет по крайней мере гармонировать с нравами, законами и установлениями страны»³⁰⁶. О чуть более поздней эпохе (конец 20-х годов) морской офицер Иван Алексеевич Шестаков вспоминает следующее: «Нас начали учить рано и учили много. В 8 часов утра мы занимались уже с Русским учителем, проходившим с нами грамматику, историю и географию; от него переходили к какому-то землемеру, преподававшему математику... Вместо отдыха нас придвигали к фортепьяно, где меня немилосердно бил по пальцам какой-то Худоба, вполне стоивший своего имени, или отдавали в распоряжение пана Садовского, весьма бесцеремонно выкручивавшего мне ноги. После обеда, до шести часов, шли иностранные языки — Французский и Немецкий, английский учили шутя». Наставница-немка не избрала ничего лучшего, как заставлять детей носить колпаки с надписями «грубиян»,

³⁰³ М., 1997 г., прим. 65 на С. 200–201.

³⁰⁴ Записки человека. С. 29.

³⁰⁵ ПСС, изд. АН СССР, 1949 г.; перепечатка М., 1996 г., т. 11. С. 44; поэт советует при этом сохранить заграничное воспитание. Правительство поступило противоположным образом.

³⁰⁶ *Six mois en Russie...* P. 92–94.

«лентяй», и отводить им в качестве наказания особый угол за столом³⁰⁷. Знаменитый собиратель русских сказок А. П. Н. Афанасьев также претерпел в ранней молодости — десятилетием позже³⁰⁸ — немало страданий от домашнего ученья (место действия — город Бобров Воронежской губернии): «И первый, и второй отцы Иваны были люди вовсе не злые; но, воспитанные в семинарии, они были знакомы только с суровым духом воспитания и вполне поясняли нам, что корень учения горек. Они выучили меня бегло читать по-русски и по-латыни, познакомили с десятками двумя латинских слов, несколько с арифметикой и Священной историей, и только... Толковать нам никогда не толковали, а отмеривали ногтем урок от такого-то слова до такого-то, и заставляли учить наизусть... За незнание и шалости наказывали нас тем, что ставили... на колени, били палаями, то есть линейкой по руке, оставляли без обеда, драли за волосы и за уши; но сечь нас не позволялось родителями»³⁰⁹.

Интересно, что примерно таков же взгляд с другой стороны. Эмиль Оман пишет³¹⁰: «Первые французские наставники, без сомнения, появляются на той „улице Французов“, где Меншиков расположил ремесленников из нашего народа... В эпоху Елизаветы начинается прогресс; когда есть возможность, для преподавания выпмсывают по-настоящему квалифицированных французов. Придворный ювелир, Иеремия Позье, привозит из Берлина г-жу Берже (без сомнения, из Монбельера — для молодых Воронцовых³¹¹. <...> В следующие годы, и особенно после 1756-го, французских наставников становится много; во всех семействах, где заботятся о будущем и о карьере, они занимают место немца, кучера, ставшего учителем, какого Фонвизин описывает в лице Вральмана в „Недоросле“. По большей части они стоили не больше, чем последний. „Я нанял для кадетского корпуса, — рассказывает Тимковский, — восемь французских лакеев; через два месяца они были учителями в восьми разных домах“³¹². С другой стороны, известна легенда о французе, который, нося клеймо в виде цветка лилии на плече, убедил отца своего ученика, что он — кузен короля... Что касается *мадамов* и *мамзелей*, картина та же самая... На самом деле, если Россия удовлетворяется столь малым, то не от скупости, а от незнания того, чем должно быть образование. Знать живет для *чинов*; а при дворе, где они даются, мода на французский; каждому хоть сколько-нибудь честолюбивому молодому человеку необходимо суметь ответить сановнику, который обратится к нему на этом языке. Этот придворный француз, Бог знает какой „шевалье Какаду“, приглашенный наудачу, сможет его научить списками слов и фразами о дожде и хорошей погоде; кто будет возмущаться его невежеством? кто будет ему противоречить, когда, опережая прямую методу, он станет утверждать, что говорить о грамматике — чистый педантизм? Достаточно, чтобы он говорил много и доказывал — единственно своим присутствием — значительность ранга и богатство тех, кто его нанял: „Спросите в провинции, состоятельна ли та или иная семья, и вам ответят: у них есть *учитель!*“». Впрочем, по мнению Омана, в царствование Екатерины II, с распространением средств просвещения и более здравых понятий о нем, положение изменилось к лучшему. Особой популярностью, по его мнению, пользовались выходцы из Швейцарии, Эльзаса (последние — в силу двуязычия) и Лотарингии. Ф. Тастевен также не одобряет офранцузивание молодых русских: «Благодаря этим заимствованиям, сделанным без всякого разбора, национальные обычаи и идеи вовсе покинули естественную колею. Безрассудное приспособление некоторых черт французского характера давала совершенно отрицательные результаты: естественная веселость француза превращалась в шутовство, его любовь к шутке в скабрзность, его беззаботность в отвращение ко всяким серьезным занятиям; его свобода от предрассудков — в презрение к святыне. К этим соображениям морального порядка добавлялись и экономические заботы... Наставник получает 500 рублей в год, громадную сумму по тому времени (ср. аналогичные сведения о Харьковском коллегииуме и Академической гимназии в Москве — А. Л.); кроме того, его кормят, обстирывают, в его распоряжение предоставляют слугу и экипаж»³¹³.

В публичных выступлениях представителей ученого сословия домашнее воспитание часто становится предметом критики. Иоанн Маттиас Шаден в своей торжественной речи

³⁰⁷ Полвека обыкновенной жизни. РА 1873, стлб. 190.

³⁰⁸ Он поступил в Воронежскую гимназию в 1837 году в возрасте одиннадцати лет.

³⁰⁹ Из воспоминаний. РА 1872, стлб. 810.

³¹⁰ Ор. cit. P. 85 слл.

³¹¹ РС, 1870, I, с. 72 (ссылка Э. Омана — А. Л.). Мы не обнаружили в тексте воспоминаний Позье имени гувернантки.

³¹² РА, 1874, I, стлб. 1456 (ссылка Э. Омана — А. Л.).

³¹³ Ор. cit. P. 78. Гейдеке называет также сумму в несколько сот рублей в год (ор. cit., с. 55; сведения его относятся к 1803 году).

«ORATIO SOLEMNIS DE EO, quod iustum est in iure Principis, circa educationem ciuium, scientiarum artiumque studia» говорил: «*Atque tu priuatae institutioni nihil tribues? ex vlnis ne parentum sinuque cara amoris pignora in scholas illico rapies? Quamuis priuata educatio non sit contemnenda penitus; praesertim, si ei praesint parentes naturae humanae periti ac reipublicae gnari et informatores probi vereque docti: tamen, quia liberi non tam parentum sunt, quam societatis, cui olim prodesse debent, veram sibi felicitatem paraturi; non possum non, ignoscant mihi parentes, quin publicam priuatae praeferam educationi*»³¹⁴. В калужском журнале «Уrania» мы можем обнаружить оригинальные мысли учителя Григория Кирилловича Зельницкого по этому поводу³¹⁵:

Человѣкъ созданъ для общества. — Его мысли, намѣреніе и дѣйствіе клонятся къ тому, что бы оныя раздѣлять съ подобными себѣ. — Ежели разсмотрѣть дѣянія человѣка, то на каждой точкѣ удостовѣримся, что мы живемъ не для себя только, но для другихъ. — Корабельщикъ передаетъ дражайшую жизнь свою ярящимся волнамъ; дабы товаръ купцовъ поставить на опредѣленное мѣсто. — Воинъ кровію жертвуетъ для спокойствія и благосостоянія своихъ согражданъ. — Хранители правосудія совсѣмъ чужими обременяются дѣлами. — Государя, Полководца, ученые, время и силы свои посвящаютъ обществу. — Родители собираютъ то, что послѣдъ часто дѣти расточаютъ. — Земледѣлецъ сѣетъ и жнетъ пшеницу, но самая малая часть обогащаетъ его житницу. Такимъ точно образомъ дѣлается и во всей натурѣ, гдѣ такъ же одна вещь служитъ въ пользу другой. — Мы примѣчаемъ, что земля питаетъ растенія; растенія червя; червь насыщаетъ птицу, птица звѣря и обратно: птица питается звѣремъ, птицею червь, червьемъ, растенія, растенія земля и такъ далѣе. Самъ человѣкъ, который все сіе можетъ въ свою употреблять пользу, не рѣдко бываетъ пищею звѣрю, птицамъ, червю, земли. — И такъ ежели мы живемъ для общества; то и должны съ юныхъ лѣтъ нашихъ всѣ способности и силы наши располагать къ общественной пользѣ. — Кто силенъ, тотъ долженъ помогать не мощному. — Кто много разумѣетъ, тотъ долженъ подавать совѣтъ другимъ — Кто довольно наученъ, тотъ долженъ другихъ учить, словомъ: всѣ намѣренія и дѣла свои обязанны мы клонить къ сохраненію выгодъ общественныхъ. Для достиженія сего важнаго совершенства, должны мы дѣтей своихъ воспитывать публичнымъ воспитаніемъ.

Ф. И. Ляликов говорил на торжественном акте в Рязанской гимназии: «От невозможности родителей заниматься самим делом воспитания рождается у одних необходимость, у других удобность поручить детей своих избранным помощникам, надзирателям, домашним наставникам; успокоив себя с сей стороны, родители только что временно уже поверяют детей своих в их успехах, и, увлекаемые делами общественными и частными, передают труднейшее дело воспитания людям чуждым и таким нередко, которых они прежде и совсем не знали; иногда поручают надзор за воспитанием и иностранцам. — И что же выходит? Кроме немногих примеров, которые можно назвать благоприятным стечением обстоятельств, большая часть найдется таких, которые показывают или воспитание недостаточное или неправильное или неудовлетворительное, и одностороннее или не прямым образом приложенное к основаниям нашей божественной Веры и потребностям Государства и семейства»³¹⁶. (Далее идет речь о том, что дело не в особой безнравственности или невежестве иностранцев, а в невозможности для них постичь самим и передать питомцу родной язык, законы, установления Отечества и т.д.). Осторожный и прекрасно образованный Шевырев предостерегал: «Семья наша, слишком заключенная прежде в самой себе, вдруг растворила настежь двери всему иностранному и приняла в свои недра все чужие стихии западной Европы. Франция, Англия, Германия, Швейцария, Италия вторглись в наш домашний быт, в лице бесчисленных пестунов и учителей; языки и понятия смешались; Русский человек стал легко превращаться в Француза, Немца, Англичанина и так далее, — и семья Русская представила другую крайность, совершенно противоположную прежней. Свобода Европейского образования и многосторонность, нами во всем принятые, конечно много содействовали развитию особенных характеров у нас в России, — и нельзя не изумиться тому множеству славных лиц, которые в течение столь малого времени произвело наше Отечество по разным отраслям государственной, ученой, литературной и художественной деятельности! Но сильное расторжение национального единства, разногласие мнений, разрозненность семей, разнообразие

³¹⁴ Р. 26. «Неужели ты не придаешь никакого значения частному воспитанию? Так ты вырываешь детей из родительских объятий и влечешь их в школы? Хотя частным воспитанием и не должно пренебрегать совершенно, особенно в том случае, если родители — знатоки человеческой природы и сведущи в государственных делах, а наставники честны и воистину учены; однако, поскольку дети принадлежат не столько родителям, сколько обществу, которому некогда они должны будут служить, чтобы снискать себе истинное благополучие, то — да простят меня родители — я не могу не предпочесть публичное воспитание частному».

³¹⁵ О преимуществе публичного воспитания детей..., с. 61–63.

³¹⁶ О преимуществах воспитания юношества... С. 231–232.

домашних обычаев, смесь воспитаний, метод учения, языков, стали угрожать нам тем, чтобы не оправдался об нас в нравственном отношении тот намек, которым иностранные летописатели средних времен толковали имя Россов, производя его от *рассеяния*. В самом деле, нам, уже сосредоточенным в сильное политическое единство на таком огромном пространстве земли, угрожало *рассеяние* внутреннее, нравственное и умственное, *рассеяние мнений*³¹⁷.

Положение гувернера не лучше. Уже цитированный Д. П. И. Фонвизин для сатирического журнала «Друг честных людей, или Стародум» сочиняет такие кондиции для домашнего учителя: «1. Учитель должен быть из русских, уметь по французскому, по немецкому, сочинять стихи, сколько потребно для домашнего обихода. Не худо, чтоб он знал и арифметику. 2. На год дам ему двести рублей, а он должен учить детей моих со всею кротостию. <Ⓢ> 5. При гостях в наше присутствие он садиться не должен. 6. С мадамою Лудо не амуриться <Ⓢ> 7. При мне и при жене моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надевать; но из человеколюбия в зимнее время позволяю накрыться, и то когда метель большая. <Ⓢ> 9. Не худо, если б он <Ⓢ> умел причесать ребятам моим волосы, также и парик бы мой взял под свой присмотр»³¹⁸. Все читатели помнят, конечно, шутку помещика с мнимым Дефоржем в одной пушкинской повести и краткий очерк поведения гувернера-француза в другой, столь же хрестоматийной Ⓢ Конечно, это было далеко не со всеми; к наиболее дорогим гувернерам относились аббаты, один из которых упоминается в первой главе «Онегина». Но, несмотря на это, как писал своему сыну С. С. Уваров, «не было ни одной почти семьи, в которой образование не находилось бы в руках французского аббата»³¹⁹. Поколение, к которому я принадлежал, имело гораздо больше общего с образованием Франции и соответственно с языком, историей и обычаями, чем новейшие поколения»³²⁰. Если специалист с одобрением отзовется о чем-либо домашнем воспитании, то, скорее всего, как Петр Бартев в жизнеописании Шувалова, он будет хвалить его истинно русский дух, не закрывая глаза на неизбежную поверхностность и прочие недостатки³²¹.

Впечатление от приведенных свидетельств никак нельзя назвать — красивым словом из недавнего политического лексикона — «неоднозначным»; число свидетельств легко умножить³²², и тем не менее пропорция отрицательных и положительных характеристик останется прежней. Это характерно не только для России. Ср. оценку немецкого домашнего воспитания компетентнейшим свидетелем — Фридрихом Великим: «В родительском доме слепая любовь к детям вредит уходу за ними. В особенности матери, которые, кстати говоря, вполне деспотически властвуют над своими мужьями, не знают иной воспитательной методы, кроме безграничной снисходительности. Дети передаются на руки слугам, которые льстят им и развращают их, сообщая им вредные принципы, которые слишком скоро укореняются в эти годы, когда юноша столь восприимчив. Воспитатель, которого к ним представляют, — по большей части кандидат богословия или начинающий юрист, то есть принадлежит к тому человеческому типу, который сам настоятельно нуждается в воспитании. От этих ловких наставников молодой Телемах узнает катехизис, латынь, с грехом пополам что-то из географии, а французский — на практике. Родители одобряют свое создание, которое они произвели в мир,

³¹⁷ С. П. Шевырев. Об отношении семейного воспитания к государственному. С. 75.

³¹⁸ Ibid. С. П. 191. Вообще характерно, что лучшие комедии Фонвизина посвящены вопросам воспитания: «Бригадир» — заграничного и «Недоросль» — домашнего.

³¹⁹ Это подтверждает и польский автор Szantur, который пишет: «Ни в Москве, ни в Петербурге невозможно найти хоть один знатный дом, где не было бы римско-католического духовного лица в качестве гувернера, наставника или библиотекаря. Это духовенство пыталось воспитать сердце и разум молодежи, тщась противопоставить „заблуждениям Вольтера и энциклопедистов“, столь ценимх до тех пор в России и представленных во всех библиотеках, противоядие учения св. Церкви и истинно христианского воспитания». Цит. по: Tastevin, p. 124. Перед этим он приводит некоторые имена аббатов, бывших наставниками в знатных семьях — de Billy — у кн. Петра Одоевского, Durons — у гр. Дмитриева-Мамонова, Gandon из Анжера — у детей кн. Голицына. Многие из них занимались прозелитизмом; среди обращенных — кн. Александр Федорович Голицын, кн. Голицына, кн. Одоевский, Екатерина Толстая. Ср. также Les Francais en Russie... P. 233, где приводятся следующие имена: Vrice, бывший каноник Нотр-Дам-де-Лиесс, у Самойловых, Mascuart из Реймса и Vialart из Альби — у Голицыных.

³²⁰ Цит. по: Петров Ф. П. А. Российские университеты в первой половине XIX века... Книга вторая. Часть 3. С. 162–163.

³²¹ М., 1857. С. П. 4 сл. — Вообще же обучение русской грамоте очень часто осуществлялось священниками и дьячками (до Петра бывшими единственными учителями грамотности). Их манера отличалась суровостью и духом схоластики, свойственным нашим семинариям, однако эти (если уж их так расценивать) недостатки легко оборачивались во благо. Тем не менее не будем спешить соглашаться с Горацием в его презрении к орбилиевой лозе...

³²² См., напр., аналогичную подборку фактов: В. П. В. Пономарева. Op. cit. №. П. 286 слл.

и никто не отваживается его порицать, поскольку полагают, что огорчение повредит его здоровью»³²³. И все же я взял бы на себя смелость утверждать, что картина не только не исчерпывается, но даже далеко не определяется подобными оценками и характеристиками.

Прямых свидетельств у нас меньше, чем язвительных оценок (из приведенных — только отзыв кн. Вяземского о его наставниках-немцах, а также кн. Долгорукова); очень тепло о своей гувернантке Амалии Ивановне отзывается в «Автобиографических записках» А. П. О. Смирнова-Россет³²⁴: «Она была сущий клад. Тогда приезжали в Россию гувернантки, которые заменяли недостаток знаний привязанностью к детям и ко всему дому». однако есть косвенные показатели двух типов: 1) мы можем назвать многих достойных людей, исполнявших долг домашнего наставника, и 2) во многих случаях мы можем констатировать высокие результаты домашнего воспитания: как в интеллектуальном, так и в нравственном отношении.

Сосланный в Пелым фельдмаршал Миних, строитель Ладожского канала и победитель турок под Ставучанами, по словам Христофора-Германа Манштейна, «забавляется обучением геометрии и инженерной науке нескольких детей, которых ему поручили»³²⁵; немногие из русских детей могли тогда похвастаться наставником столь выдающихся достоинств. Федора Остермана, сына всесильного фаворита Анны Иоанновны, обучал профессор³²⁶ Георг-Вильгельм Рихман, сотрудник Ломоносова, позднее погибший при эксперименте с громоотводом. Перемена власти ввергла юного графа в бездну несчастий: он был лишен ленты ордена Александра Невского и переведен из гвардии в армию; его учитель, переложив начало «Опыта о человеке» А. П. Поупа на немецкий язык, 18 января 1741 г., через несколько дней после произнесения публичного приговора его отцу, доставил юноше свой перевод со следующим письмом:

*Mit diesem schlechtem Versuch einer Uebersetzung eines Englischen Briefes des Herrn Alexander Pope, Esqr. nimmt die Freyheit sich in Ew. Hochgeb. beständiges hochgeneigtes Andenken zu empfehlen
Ew. Hochgebohren meines werthesten Herrn Grafen
gehorsamster Diener Richmann*³²⁷.

Безусловно, моральную ценность такой демонстрации трудно переоценить. Федор Остерман отличался среди сверстников превосходным образованием; он переписывался на латинском языке с митрополитом Платоном. В семье Лопухиных домашним учителем был И. П. А. П. Гейм; когда в России появляются собственная талантливая молодежь, способная работать в науке, ее тоже можно обнаружить в той же роли в знатных домах. Сначала это выпускники и даже ученики духовных училищ; по поводу Харьковского Коллегиума, о котором уже шла речь, приведем интересное свидетельство: священник села Опошни Киевской епархии Иоанн Карташевский подговорил студента богословия Петра Васильковского обучать за 100 руб. в год 8 детей (из пяти семей, причем студент живет у них попеременно, по полтора месяца в год за каждого ребенка; обучать он должен был их математике и немецкому языку³²⁸. Помещик Михаил Батезатул писал епископу Феоктисту (14 августа 1797 г.):

«Съ самага прилзда съ Харькова въ маленькую мою деревушку имл я усердное желание побывать въ Блгородл и изъявить лично вашему преосвященству мое искреннее почтение за всл оказуемая благодл яния, а особливо за господина учителя Федоровскаго принесть чувствительнл йшую благодарность, что с позволения вашего дети мои в его учении много профитовали... Нынл же всеусердно прошу вашего преосвященства — заставьте вл чно быть благодарнымъ вам всей моей семьл, а особливо невиннымъ дл тямъ, кои в утл шение своихъ родителей пекутся отъ своихъ учителей занять и показать успл хи въ наукахъ — еще позволить г. Федоровскому чтобы годъ уже кончиль, ибо и дл ти весьма къ нему принаровились; за такое благотворение ежели мы не в силахъ будемъ возблагодарить, то должны сии

³²³ ЛГО, № 1. 1999 г. С. П 55–56.

³²⁴ Дневник, Воспоминания, М., 1989. С. П 85 et alibi.

³²⁵ «Записки». См. в кн. Перевороты и войны. М., 1997. С. П 201. Шантро подтверждает это свидетельство: «On lui donnoit douze sous par jour pour sa dépense, celle de sa femme et de ses gens. Mais il sut accroître ce chétif revenu en tenant des vaches dont il vendoit le lait en partie et en donnant à des jeunes jens des leçons de génie et de géometrie». Voyage philosophique politique et littéraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789. Par le citoyen Chantreau. Tome second. A Paris, 1794. P. 119.

³²⁶ Получил профессорское звание 20 февраля 1741 г.; А. П. И. Остерман был сослан в Сибирь в январе. Подробнее см. заметку Н. П. А. П. Тихонравова о переводах «Опыта о человеке» Поупа, РА, 1872, стл. 1311–1322.

³²⁷ Этой слабой попыткой перевода английского письма г. Александра Поупа, эскайра, осмеливается рекомендовать себя благосклонной памяти Его Высокородия покорнейший слуга моего драгоценнейшего г. графа Рихман.

³²⁸ Лебедев..., с. 28.

младенцы, кои чрезъ вашу помощь могутъ быть полезными для общежития, а тогда-то они почувствуютъ и до послѣднихъ дней помнить и прославлять будутъ имя ваше, что сему таланту вы есть виной» (тронутый епископъ написалъ на прошении резолюцію: «Учинить о семъ правленію разсмотрѣніе въ удовлетвореніе просителю») ³²⁹.

Среди французскихъ наставниковъ также попадались люди высокообразованные и съ чувствомъ чести и долга. Приведемъ мемуарный отрывокъ ³³⁰:

Старшаго сына, а моего отца, взявъ къ себѣ на воспитаніе, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, родной братъ жены прадеда, Василя Петровича, И. И. Юшковъ, человекъ къ очень богатый, который постоянно жилъ въ Москвѣ и, желая дать сыну домашнее образованіе, нанялъ для него француза гувернера... Гувернеръ, жившій у Юшкова, хотя былъ и французъ, но далеко выдавался изъ толпы тѣхъ пошлыхъ и многочисленныхъ французскихъ гувернеровъ, которые, начиная со времени фонвизинскаго гг. Triché и до времени еще очень недавнихъ все больше и больше наплывали къ намъ и предлагали себя въ наставники юношества, не зная часто никакихъ другихъ наукъ, кромѣ парикмахерскаго или сапожнаго мастерства. Напротивъ м-г Perlo былъ человекъ къ высоко образованный, серьезный, умный, и очень добросовѣстно занимавшійся своей обязанностью. Кромѣ него къ Юшкову ѣздили учителя и по другимъ предметамъ, такъ что отецъ, пробывъ у него съ 12-лѣтняго и до 18-лѣтняго возраста, получилъ отличное свѣтское образованіе. Онъ зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и говорилъ на немъ, какъ природный французъ, хорошо зналъ нѣмецкій, мастерски игралъ на фортепiano. Но этотъ добросовѣстный наставникъ, распоряжавшійся всѣмъ курсомъ ученія и строго слѣдившій за тѣмъ, чтобы никакой урокъ не пропадалъ для молодыхъ людей напрасно, не удовольствовался. Вмѣстѣ съ свѣтскимъ образованіемъ онъ далъ своимъ воспитанникамъ и начала прочнаго, классическаго образованія, которое впослѣдствіи отецъ пополнилъ собственной любознательностью и которое, по обстоятельствамъ, очень ему пригодилося. М-г Perlo очень любилъ его за его способности, прилежаніе и не по лѣтамъ серьезный характеръ, по поводу котораго онъ даже говаривалъ: «Шалость составляетъ необходимую принадлежность ребяческаго возраста. Въ немъ нѣтъ этого, и я боюсь, что онъ когда-нибудь сдѣлаетъ огромное дурачество (sottise rommée, какъ выражался онъ по-французски).

Пророчество оказалось справедливымъ. По неосторожности отецъ автора оказался замешанъ въ дело об изготовленіи фальшивыхъ ассигнацій и былъ сосланъ въ Тобольскъ. А. С-овъ продолжаетъ:

Отецъ продолжалъ довершать свое образованіе чтеніемъ, началъ давать въ Тобольскѣ уроки, которые скоро приобрѣли огромный успѣхъ и доставили ему множество учениковъ, а потомъ и мѣсто постоянного наставника въ домѣ богатаго сибирскаго откупщика А. В. Зеленцова, который имѣлъ нѣсколько сыновей. Впослѣдствіи, когда одинъ изъ нихъ пріѣхалъ въ Петербургъ, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ молодой человекъ могъ приобрести столько познаній, никогда не выѣзжая изъ Сибири.

Приведемъ свидетельство В. С. Печерина, относящееся къ эпохе вскоре после Отечественной войны: «За какихъ-нибудь 50 руб. въ мѣсяцъ достать учителя и гувернера, все что угодно, — отлично говорящего по-французски и по-немецки, съ отличными манерами — ведь это для небогатаго русскаго дворянина просто была находка! Я страстно полюбилъ своего учителя. Это была моя первая любовь. Онъ также привязался ко мнѣ пламенною дружбою. Богъ знает, что онъ думалъ обо мнѣ, чего отъ меня ожидалъ и какие планы строилъ для меня въ будущемъ! Вотъ одинъ образчикъ! Вотъ что онъ однажды писалъ ко мнѣ: „Учитесь, развивайтесь, поезжайте въ университет. Кто знаетъ, что вамъ суждено въ будущемъ! Можетъ быть, какая-нибудь благодарная нація выберетъ васъ своимъ первымъ консуломъ, а я, ошачливленный этимъ событіемъ, радостно окончу дни свои подле васъ!“» ³³¹. Возможно, этотъ странный человекъ сыгралъ свою роль въ не менее странной судьбѣ своего воспитанника.

Впослѣдствіи среди домашнихъ учителей появляются и великіе имена: такъ, М. П. Погодинъ былъ домашнимъ учителемъ въ семействѣ Трубецкихъ ³³².

Довольно распространенной практикой было образованіе бедныхъ дворянскихъ детей въ семьяхъ более состоятельныхъ родственниковъ и друзей. Совершенно типиченъ рассказъ Е. А. Сабанеевой: «Къ племяннику своему Алеше (Алексею Ионовичу Прончищеву — А. П. Л.) Мавра Кононовна относилась всегда строго; когда онъ подрос, она взяла дѣячку для обученія его

³²⁹ Ibid. № 29.

³³⁰ А. С-овъ. Записки... ВЕ, 1871, июль, книга 8, с. 711–712, 715.

³³¹ Замогильные записки... С. 152–153.

³³² См. объ этомъ подробнее Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 1, СПб., 1888. С. 56 слл. Характерно, что будущій русскій историкъ, сынъ получившаго вольную крепостного, во время переговоровъ «никакъ не хотѣлъ сѣсть передъ княжною» Аграфеной Ивановной Трубецкой. Тогда онъ учился на первомъ курсѣ университета. Условленная плата составила 100 рублей въ мѣс.

грамоте, была весьма довольна его успехами, ибо мальчик был очень смысленный и бойкий: даже ради преуспевания в науках Мавра Кононовна пригласила ему в товарищи Прошу Крюкова..., сына одного из ближайших... соседей. Так вот и шло образование в те времена, и большего не требовалось, особенно в провинциях»³³³. Эта практика давала возможность получить воспитание тем, кто иначе не мог бы рассчитывать ни на что подобное. С.П.Н. Глинка вспоминал о своем родственнике С.П.Ю. Храповицком (1743–179...), приверженце Новикова: «Он упросил бедных соседей поручить ему воспитание детей своих, для которых и завел домашнее училище. — “Вы, говорил Храповицкий бедным дворянам, — доставите мне этим удовольствие быть полезными и вам, и обществу; и притом вам не нужно будет издерживаться на поездки из ваших поместий в столицу для ваших детей, чем и облегчите жребий ваших крестьян”. В училище свое он выписал русского наставника, знавшего французский и немецкий языки; учитель рисования ездил к нему из Смоленска по два раза в неделю, а сам он преподавал воспитанникам арифметику и начальные основания геометрии и называл это занятие лучшим временем своего дня»³³⁴. Иногда, впрочем, такого рода совместная жизнь приобретала нравственно опасный оттенок, поскольку пороки имеют заразительный характер.

Самые превосходные плоды домашнего воспитания давало тогда, когда просвещенные родители уделяли должное внимание подбору наставников. Так, например, президент Академии Наук граф Дмитрий Николаевич Блудов сам разрабатывал план воспитания для своих детей. Его дочь вспоминает³³⁵: «Братья были еще маленькие, иногда бывали трудны и скучны им уроки; особенно начатки Латинского языка тяготили память меньшого брата, который пародировал так стихи Гейне:

*Am Fenster stand der Mentor,
Im Bette lag der Sohn.
Willst du nicht aufstehen, Wadim,
Zu nehmen die Lektion?
— Ich bin so müd, Herr Mentor,
DaЯ ich nicht hur', noch seh'.
Ich denk' an Julius Cesar,
Da macht das Herz mir weh»³³⁶.*

Но Юлия Цесаря и Корнелия Непота надо было разбирать, потому что отец мой требовал, чтоб братья учились Латинскому и Греческому языкам, и на возражения некоторых наших знакомых, спрашивавших «На что?», он всегда отвечал: «Не для того собственно, чтоб читать в оригинале величайшие творения человеческого ума в древности, творения, которые легли в основу всей новейшей словесности, но особенно для привычки преодолевать трудности, изучать конструкцию языка, словом, для гимнастики ума».

Женское образование (для которого правительством делалось гораздо меньше, чем для мужского) было направлено на развитие иных качеств. В «Вестнике Европы» помещен портрет идеальной девушки, отвечавшей требованиям тогдашнего общества:

Такая женщина никого не ослѣпить съ перваго взгляда. Умъ ея не столько блестящъ, сколько тонокъ и основателенъ; однакожь довольно живъ, пріятенъ и способенъ къ острымъ отвѣтамъ; но все это покрывается безпримѣрною скромностью... Она знаетъ и всѣ хъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и почерпнула изъ разныхъ сочиненій нравоучительныхъ и принадлежащихъ до воспитанія все то, чѣмъ только можетъ пользоваться пріятная въ обществѣ женщина, добрая жена и нѣжная мать. Она никогда не упражнялась въ авторствѣ, но ея письма украшены легкимъ слогомъ, исполнены чувствительности, философіи; христіанская набожность, безъ суевѣрія, есть первая ея добродѣтель»³³⁷.

Гораздо важнее то, что элита русской образованности — славянофилы (А.П.С. Хомяков, братья И.П. и П.П. Киреевские, К.С. Аксаков, поступивший в Московский университет — редкий случай по тому времени — не учившийся в гимназии, Ю.

³³³ Воспоминания о былом. С.П. 342.

³³⁴ С.П.Н. Глинка. Записки. В кн.: Золотой век Екатерины Великой. М., 1996. С.П. 30.

³³⁵ Воспоминания графини А.П.Д. Блудовой. РА, 1872, стлб. 1217.

³³⁶ У окна стоял наставник, в постели лежал сын. — Ты не встанешь, Вадим, чтобы сесть за урок? — Я очень устал, наставник, я не слышу и не вижу. Я думаю о Юлии Цезаре, и это причиняет скорбь моему сердцу. — Пародия на стихотворение Гейне *Am Fenster stand die Mutter* из «Книги песен» (цикл «Die Heimkehr»).

³³⁷ Цит. по: Е. Лихачева, т. II, с. 267–268, со ссылкой: ВЕ 1802, «Портрет милой женщины».

Ф. Самарин³³⁸; блестяще образованы были и родители Киреевских, П. В. Киреевский и А. П. Юшкова), П. Я. Чаадаев, К. К. Павлова, чьим учителем польского языка был сам Мицкевич, уже упомянутый А. К. Толстой и многие другие — получила домашнее воспитание. Среди их учителей часто мы обнаруживаем те же имена, что и в интереснейших учебных заведениях того времени. Этот богатейший опыт (в основном сосредоточенный в воспоминаниях) должен быть изучен со всей возможной тщательностью; когда формы образования стали, наконец, свободными, необходимо уделить пристальное внимание этой эффективной и плодотворной разновидности, которой суждено, может быть, еще пережить свое возрождение.

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ МЕРЗЛЯКОВ³³⁹

Нет сомнения, одной из самых крупных и характерных фигур московской жизни десяти-двадцатых годов прошлого столетия был профессор А. Ф. Мерзляков, прославившийся и как поэт, и как литературный критик, и как воспитатель юношества и оставивший по себе благодарную память в первопрестольной столице. Ему были свойственны как выдающиеся достоинства, так и весьма значительные недостатки; его влияние на литературно одаренную молодежь Москвы было столь велико — и там, где оно сказалось, и в особенности там, где оно не сказалось, — его роль в жизни московского образованного общества годов была столь весома, что он заслуживает пристального внимания любого, кто обратится к тому периоду, когда М. Н. Муравьев³⁴⁰ был попечителем Московского университета, а Мерзляков — преподавателем словесности.

Алексей Федорович Мерзляков — в отличие от большинства поэтов его эпохи — не мог похвастаться дворянским происхождением; он родился в 1778 г. в городе Далматове Пермской губернии в семье небогатого купца Федора Алексеевича Мерзлякова. Начальное свое образование он получил в Пермском главном народном училище, директор которого, И. И. Панаев, стал его первым покровителем на поприще отечественной словесности. Первое сочинение тринадцатилетнего мальчика — «Ода на заключение мира со шведами» — было представлено пермскому и тобольскому генерал-губернатору Алексею Андреевичу Волкову; просвещенный начальник отправил оду главному начальнику народных училищ графу Петру Васильевичу Завадовскому, который, в свою очередь, поднес ее Императрице. По словам самого автора, «благодетельная Государыня приказала напечатать сие сочинение в издаваемом тогда при Академии журнале и сверх того несколько экземпляров особенно для сочинителя»³⁴¹. Юноша был приглашен в Петербург или в Москву для продолжения наук по окончании училища за казенный счет; в 1793 г. он прибыл в Москву и был препоручен университетскому куратору Михаилу Матвеевичу Хераскову. В 1798 г. он становится бакалавром, и университетская конференция поручает ему преподавание в классах российской грамматики Академической гимназии, где он сам еще недавно учился. Мерзляков сближается с молодежью,

³³⁸ Ю. Ф. Самарина воспитывал француз Пако, ставший верным другом семьи; он обратил ее внимание на необходимость обучать мальчика русскому языку. В этой области его учителем был проф. Н. И. Надеждин. В семье Самариных была даже своя домашняя школа для молодых членов семьи, их родственников и знакомых. См. предисловие Н. И. Цимбаева к Избранным произведениям (М., 1996). С. 3 сл.

³³⁹ Биографической основой данной статьи послужил очерк, написанный С. П. Шевыревым для БСПП. М., 1855, т. II. № 52–100.

³⁴⁰ Попечительство М. Н. Муравьева, крупного поэта, которого нам предстоит еще вновь открыть для себя, человека выдающегося по своим способностям и образованности, — одна из лучших страниц в истории Московского университета. Приведем его краткую биографию, сочиненную Н. И. Гречем — впрочем, скорее в качестве курьеза, чем образца: «Михаил Никитич Муравьев (1757–1807), человек добрый, кроткий, благородный, умный, но слабый и бесхарактерный, получил в молодости классическое образование, занимался литературою и преподавал русский язык, правила словесности и русскую историю великим князьям Александру Павловичу и Константину Павловичу. Ученики не принесли большой чести своему учителю: они не умели писать по-русски. По вступлении на престол Александра, Муравьев был сделан статс-секретарем, товарищем министра просвещения (пьяного, но умного, графа Завадовского) и попечителем Московского университета. Он много сделал для университета, обновил, оживил его. Он был другом и ходатаем Карамзина, сделал много доброго и хорошего по этой части. Но статс-секретарство его по принятию прошений было плохое. Чиновники его делали что хотели. Швейцар и слуги Муравьева славились классическою грубостью и дерзостью. Он писал по-русски хорошо, но сочинитель, творец был слабый...» (Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 322–323). Совершенно иная характеристика — у Батюшкова (пятый очерк из «Опытов в стихах и прозе»).

³⁴¹ Ibid. № 53. Несмотря на поиски, Шевыреву не удалось найти текст.

воспитывавшейся в Благородном пансионе, и входит в Дружеское литературное общество, основанное Жуковским. Позднее в письме к последнему он так вспоминал об этом времени: «Друг мой! теперь видишь ты, сколько причин заставляло меня обращать внимание на сочинения наших писателей! И советы одного из них, знаменитейшего, блистающего и теперь на горизонте Словесности Российской с таким отличием³⁴², — и желание научиться, и желание быть по возможности полезным, и правила, которые приобрел я в незабвенном, — может быть, уже невозвратном для нас, любознательном обществе Словесности, где мы, поистине управляемые благороднейшею целию, все в цвете юности, в жару пылких лет, одушевленные единым благодатным чувством дружества, не отравленным частными выгодами самолюбия, — учили и судили друг друга в первых наших занятиях; и жертвуя по видимому своими удовольствиями, между тем нечувствительно и скромно, исполненные патриотизма и любви к изящному, готовили себя на будущее наше служение. — Где ты, драгоценное время? где вы, друзья моей юности? — Они рассеяны по разным местам и путям службы!.. — Но утешимся в разлуке с ними! Они не изменили своим обетам; они помнят, помнят дружественную нашу школу, наши правила и цель: она сияет в их поступках и их сочинениях...»³⁴³.

В 1804 г. — когда проводилась реформа университета — Мерзляков стал магистром. Он занял уже кафедру русского красноречия и поэзии. Попечитель Михаил Никитич Муравьев высоко ценит его таланты и покровительствует молодому ученому и поэту: «архивные документы свидетельствуют о том, что он не только всячески заботился о научно-педагогической карьере Мерзлякова в университете, но и об отправке его в Берлинский, Геттингенский и Лейпцигский университеты “для усовершенствования в древней литературе”»³⁴⁴. Можно только пожалеть, что этого не произошло: более серьезная научная подготовка, возможно, привела бы к тому, чтобы вся жизнь поэта и критика сложилась иначе, и впоследствии не пришлось бы говорить студентам, что лекции по болезни профессора не будет. Приведем еще один отрывок из монографии: «Письмо Мерзлякова Жуковскому от 24 августа 1803 года свидетельствует о том, что первоначально он колебался в дальнейшем выборе профессии. “Я ограничил себя в рассуждении времени, которое должно мне пробыть в университете: го, два не больше и я — вольная птица”, писал Мерзляков, жалуясь на то, что ему трудно преподавать, что у него “на руках класс Антонского и часть класса Чеботарева”. И в то же самое время он надеялся “быть со временем путным профессором... нынешние мои университетские занятия полезны для меня. Мжет быть, никогда не принудил бы я себя столько прочесть, сколько прочитал в эти четыре месяца”. И в этом отношении очень важно было определить дальнейшую судьбу 25-летнего талантливого, но порой недостаточно организованного человека. Служебная переписка Муравьева с куратором Московского университета Коваленским и ректорами Чеботаревым и Страховым, хранящаяся в ЦГИА г. Москвы, позволяет говорить о том, как мягко и в то же время настойчиво попечитель направил будущую профессорскую карьеру Мерзлякова. В своих письмах 1803 г. Муравьев просит разрешить молодому преподавателю отпуск “для восстановления здоровья” (1 мая), просит выдать ему денежное пособие (15 сентября)... Муравьев содействовал тому, чтобы именно Мерзляков занял... кафедру, преобразованную по уставу 1804 года в кафедру красноречия, стихотворства и языка русского»³⁴⁵. В 1805 г. он был вызван попечителем в Петербург; имелось в виду пригласить его воспитателем к великим князьям, но он «не показался» в этом качестве³⁴⁶. В том же году он становится адъюнктом, в 1807-м — экстраординарным и в 1810-м ординарным профессором. Это была почти вершина его служебной карьеры; правда, в 1817—1818 гг. и с 1821 по 1828 он был деканом словесного отделения, в 1817 г. получает орден Св. Владимира 4 степени, в 1820 г. директором Педагогического института, а в 1822 г. — статским советником; но среди тех, кто восторженно отзывается о нем и для кого он был идеалом преподавателя, запомнилась отнюдь не его административная деятельность³⁴⁷. Для них он был прежде всего поэтом, ученым и критиком.

³⁴² И. П. Дмитриева — С. П. Ш.

³⁴³ Амфион, 1815, выпуск 1. С. П. 50.

³⁴⁴ Ф. А. Петров. Российские университеты... I, с. 231.

³⁴⁵ Ibid., II, 1. С. 49–50.

³⁴⁶ Эта подробность отсутствует в биографии, написанной Шевыревым. См. Ю. М. П. Лотман. А. П. Ф. Мерзляков как поэт. С. П. 40.

³⁴⁷ Ф. П. А. П. Петров оценивает административную деятельность профессора высоко: «Мы пришли к выводу о несправедливости умаления заслуг Мерзлякова по руководству отделением словесности во второй половине 1810-х — 1820-е годы (с 1820 г. он одновременно с деканством избирался директором Педагогического института), что, безусловно, объяснялось его особым педагогическим талантом,

Поэтические таланты Мерзлякова бесспорны; но столь же бесспорна их ограниченность. «Среди долины ровныя» — заслуженно известное произведение; кроме него, у Мерзлякова есть немало сильных и запоминающихся строф (хотя ни о каком сравнении с такими фигурами, как Батюшков или Козлов, речи быть не может). Он не был чужд новаторских идей и первым обратился в эту эпоху к скомпрометированному Тредьяковским гекзаметру; однако пристрастие Жуковского к этому размеру спровоцировало его на странный поступок: он прочел в заседании московского Общества любителей русской словесности письмо о гекзаметре, выдав его за сочинение, поступившее из Сибири; А. П. А. Прокоповичу-Антонскому с большим трудом удалось примирить двух поэтов³⁴⁸. К. Н. Батюшков жестоко высмеял его в «Видении на берегах Леты», назвав «педантом» и вложив ему в уста такие слова: «Я тот, венками роз увитый / Поэт-философ-педагог, / Который задушил Вергилия, / Алкею укоротил крылья». Однако не следует воспринимать эту оценку буквально, не принимая в расчет жанровых особенностей: как свидетельствуют многочисленные реплики в письмах, знаменитый поэт вовсе не так сурово ценил творчество своего собрата по перу.

Об уровне филологической компетентности Мерзлякова свидетельствуют такие реплики в его предисловии к сборнику переводов из античной поэзии: «Смотрите, кто, например, отличен в Илиаде? Не сей ли Гектор доблестный, всегда себе равный... Не сия ли Ифигения, увлекаемая к жертвеннику честолюбивым отцом, разделяемым между обязанностью царя и любовью родительскою? — Не сия ли Поликсена, под самым кинжалом изумляющая величием души своей?»³⁴⁹ Безусловно, Мерзляков был увлечен знаменитой репликой Эсхила (трагедия — крохи со стола Гомера), но ученый, пишущий о жертвоприношении Ифигении и Поликсены в «Илиаде», весьма рискует своей научной репутацией. Совершенно непонятно, что имеет в виду Мерзляков в своем разборе «Россиады», сравнивая описание предзнаменований с «Фарсалией»: «Этого описания нельзя конечно сравнить съ подобным же Лукана (явления перед смертью Цезаря); но стихи, кажется, *достойны бы* были внимания Гна. Сов. Набл.»³⁵⁰; Лукан, как известно, не довел свою поэму до конца, остановившись на египетских событиях; не имеет ли в виду Мерзляков заключение I книги — явления перед вступлением Цезаря в Рим? Или в другом месте: «Недостаток ясности отнял очень много славы у Поэмы Лукана, и весьма многих Стихотворцев, одаренных великими талантами, сделал, такъ сказать, при богатстве бедными: они трудились, собирали; их не читали; современники (не говорю о потомках), заметив, от чего их неудача, вздумали ею воспользоваться: *из той же муки печь свои хлебы*, — и слава осталась за пекарями, а о хозяевах все забыли»³⁵¹; это совпадает ходячими, распространенными в школьных кругах воззрениями из вторых рук; ср., напр., оценку в учебнике для Харьковского коллегиума, написанном Я. Толмачевым: «Он более хотел удивить силою и гигантским величием мыслей. — Вся Эпопея его состоит в подробности и картинах описательных, а целое и план поэмы очень слаб»³⁵². Покровители Мерзлякова — Херасков и Муравьев, читавшие Лукана самостоятельно, — оценивали эпос о гражданской войне совершенно иначе: первый в предисловии к «Россиаде» дает такую характеристику: «*Фарзалию* многие нарицают Газетами, пышным слогом воспетыми (выражение Фридриха II — А. П. Л.); но сии Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинками, поразительными описаниями и сильными выражениями; в ней воспета война Юлия с Помпеем; при всем том Поэма не докончена Певцом своим, и не была исправлена»³⁵³. Муравьев: «Творцы „Илиады“, „Энеиды“, „Фарсалы“, „Иерусалима“, „Потерянного рая“, „Мессиады“, „Генриады“, „Россиады“ суть умы другого чина, нежели Марциал, Катулл, Шолье, Проперций, Уц и сам Гораций, если бы он не был первый из лириков»³⁵⁴. Вообще во всем цикле писем о «Россиаде» чувствуется знакомство с «Освобожденным Иерусалимом» Торквато Тассо, параллели с которым приводятся довольно часто, но не чувствуется — даже и в самых очевидных случаях — внимания к античной эпике, прежде всего к Вергилию. В связи с этим непонятна оценка Лотмана: «Интерес к подлинной жизни древнего мира заставляет изучать систему стиха античных поэтов и искать пути его

органически сочетавшимся с ораторским искусством и поэтическим даром» — Ф. П. А. Петров. Формирование системы университетского образования в России в первой половине XIX века... С. П. 30.

³⁴⁸ См. об этом М. П. А. Дмитриев. Московские элегии. М., 1985. С. П. 247–248.

³⁴⁹ О начале и духе древней трагической поэзии и о характерах трех греческих трагиков, в кн.: Подражания и переводы... С. П. 57

³⁵⁰ Амфион, с. 57

³⁵¹ Амфион, с. 57

³⁵² Русская поэзия... С. П. 154.

³⁵³ Московское издание 1807 года, с. 57

³⁵⁴ М. Н. Муравьев о чтении... С. П. 124.

адекватной передачи средствами русской поэзии. Внося в интерес к античности требования этнографической и исторической точности, Мерзляков расходился с классицизмом»³⁵⁵. Этот неверный тезис об «этнографической и исторической точности», к сожалению, играет в данной статье весьма значительную роль; ее основная мысль о противостоянии «разночинца» Мерзлякова «аристократу» Пушкину верна, но сам характер противостояния освещается не вполне точно. Что же касается его знакомства с античной литературой, мы можем признать его не более чем посредственным, хотя о полном невежестве, конечно, речи не идет: когда наш критик писал разбор «Россияды», ему было 36–37 лет; это не тот возраст, когда от человека можно требовать подробного знакомства со всем корпусом даже и наиболее выдающихся произведений. Недостаток научных методов отмечает и Шевырев: «Историческое изучение словесности осталось совершенно чуждо Мерзлякову. <...> Мерзлякова нельзя в том обвинять: хотя в его время и приготовлено было много материалов для истории словесности, но в общей системе науки ее влияние еще не так сильно обнаружилось»³⁵⁶.

Прежде чем перейти к обзору того, что говорил Мерзляков студентам и пансионерам кафедры, вкратце опишем его публичную деятельность. Он был действительным и самым деятельным членом Общества любителей Российской словесности; не было собрания, где он не читал бы стихов или прозы. В 1812 г. в доме князя Бориса Владимировича Голицына на Басманной он прочел публичный курс словесности, на котором присутствовали знаменитейшие особы столицы. Всего состоялось десять бесед; нашествие неприятеля и последовавшая затем смерть князя от ран, полученных в Бородинском сражении, воспрепятствовали завершению чтений³⁵⁷. К этому начинанию Мерзляков смог вернуться только в 1816 году.

Приведем любопытное объявление в «Амфионе» о возобновлении чтений: «Прекращая издание Амфиона нынѣ шнимъ годомъ, намѣ ренъ я возобновить немедленно *Публичныя Чтенія свои о Словесности*, начатыя мною въ 1812 году, и прерванныя несчастнымъ вторженіемъ въ Москву неприятеля. Лестныя отзывы многихъ почтеннѣ йшихъ Особъ о прошедшихъ Чтеніяхъ, и ободрительное желаніе, чтобы я продолжалъ ихъ, принуждаютъ меня остающееся время отъ службы, посвятить на сіе дѣ ло. Порядокъ и образъ Чтеній будетъ тотъ же, какъ и прежде. Повторивъ сокращенно общія правила о Краснорѣ чии и Поэзии, займусь я изложениемъ правилъ различныхъ родовъ сочиненій; также чтеніемъ и разборомъ знаменитѣ йшихъ Россійскихъ Писателей. — Для сего назначенъ одинъ день въ недѣ лю, суббота. — Засѣ данія открываются в 1. часу по полудни, въ домѣ Ея Превосходительства, Аграфены Федоровны Кокошкиной, бывшемъ прежде Графа Мамонова, противъ церкви Бориса и Глеба. — Полной курсъ Чтеній продолжится до Іюня мѣ сяца. Естьли скоро соберется достаточное число Слушателей, то я могу начать его въ теченіи сего же мѣ сяца. Цѣ на билету за 24 чтенія, или полной курсъ полагается 50 рублей. Смѣ ю ласкать себя надеждою, что почтеннѣ йшіе Любители и Любительницы Россійской Словесности удостоятъ меня и нынѣ благосклоннаго Своего послѣ шенія; при семъ всепокорнѣ йше прошу поскорѣ е увѣ домить меня о своемъ желаніи, дабы я немедленно, судя по числу Слушателей, могъ взять нужныя мѣ ры, какъ въ разсужденіи залы, такъ и въ предуготовительномъ разположеніи работъ своихъ. Употреблю всѣ мои силы, дабы заслужить благосклонное вниманіе почтеннѣ йшей Публики, и особенно, быть полезнымъ молодымъ охотникамъ до Словесности, которыхъ, или должность, или другія занятія отвлекаютъ отъ слушанія Лекцій Университетскихъ. — Зная, что я говорить долженъ предъ Слушателями, изкушенными уже въ главнѣ йшихъ началахъ науки и вкуса, постараюсь, чтобы мои Чтенія, сколько можно, болѣ е чужды были сухости обыкновенныхъ Лекцій, впрочемъ иногда необходимой. — Сообразно существу преподаваемого мною искусства, первое попеченіе мое будетъ — соединить, по силамъ своимъ *пріятное съ полезнымъ*. Императорскаго Московскаго Университета Профессоръ Алексѣ й Мерзляковъ»³⁵⁸.

Курс на этот раз имел более «эмпирический» характер: по кратком изложении теории Мерзляков представил «практические разборы знаменитѣйшихъ Россійскихъ стихотворцевъ во всехъ родахъ сочиненій, в которыхъ наиболее наша Поэзія успела»³⁵⁹.

Что касается университетского риторического преподавания, то основным источником для Мерзлякова послужила работа Эшенбурга *Entwurf einer Theorie und Litteratur der schoenen Wissenschaften*. Его собственные теоретические сочинения следуют образцу в основных

³⁵⁵ Оп. cit. № 44. Интересно, что в своей книге «Русская антологическая поэзия первой трети XIX века» (Л., «Наука», 1990) С. А. Кибальник на с. 19 (с прим. 29) соглашается с этим тезисом, а на с. 34 (прим. 86) спорит с ним.

³⁵⁶ БСПП II. С. 67.

³⁵⁷ Содержание всех десяти чтений — ВЕ, 1812, т. 2, 228, и 3, 59. Текст первых четырех бесед — *ibid.*, пятой — Амфион, Москва, 1815 г., июль, 72–120.

³⁵⁸ 1815, 10–11. С. 185–188.

³⁵⁹ БСПП. II. С. П 63. К. Н. Батюшков высоко оценил эти чтения: «Мерзляков читает и, право, хорошо. Я слушал его с большим удовольствием». (<Письмо> В. А. Жуковскому от 20–21 марта 1816 года. Москва. СС в 2-х тт., т. 2, М., 1989, с. 381).

правилах, «почти слово в слово переводя» его³⁶⁰; однако Шевырев обнаруживает и существенные различия: Мерзляков вместе с Батте считает основным началом искусства подражание изящной природе; Эшенбург, вместе с родоначальником научной эстетики и автором самого термина Баумгартеном, считает это недостаточным и выставляет в качестве такового «чувственное совершенство, представленное искусством и напечатленное на предметах нашего ощущения»³⁶¹. Однако сама по себе теория словесности, где Мерзляков вовсе не был самостоятельным ученым и нисколько не претендовал на это, — теория, главным недостатком которой молодой его слушатель, надежда русской поэзии и философии Дмитрий Веневитинов справедливо считал «недостаток теории»³⁶², — не привлекла бы к нему сердца слушателей и не оставила бы следа в истории отечественной культуры; пламенно любящий русскую поэзию Мерзляков заражал студенческую и пансионскую молодежь своей любовью и преданностью³⁶³.

Для взглядов Мерзлякова на предмет и задачу риторики характерно то, что он подчиняет философию — словесности, а словесность — морали: «Под словом языка, в пространном смысле, понимать надобно все правила речи, составляющие теперь три особенные науки: Логику или Диалектику, которая учит думать, рассуждать и выводить заключения правильно, связно и основательно; — Грамматику, которая показывает значение, употребление и связь слов и речей, — и Риторику, которая подает правила к последовательному и точному изложению мыслей, к изящному и пленительному расположению частей речи, сообразно с видами каждого особенного рода... Цель риторики, как теории всех прозаических сочинений, не ограничивается убеждением и доказательствами. В противность древним и некоторым новейшим учителям, мы понимаем под сим словом науку научать наш разум и занимать воображение, или трогать сердце и действовать на волю». Красноречие «всем вообще наукам доставляет новые достоинства и прелести. <...> Оно дает самой истине большую силу убедительности, и самым страстям больше выражения и трогательности; оно образует наши нравы. Красноречие обращается в искусство безнужное и вредное, когда оставляет благородную цель свою, т. е. когда оно устремлено будет не к выгодам истины и добродетели, но к распространению заблуждения и пороков; когда оно решится защищать правила и мнения, противные чистой нравственности, или будет одевать предметы, сами по себе пагубные и соблазнительные, в одежду приятную и благовидную, чтобы заманить в свои сети неопытный и ослепленный ум читателя, или слушателя. И так не красноречие, но его употребление навлекло на себя справедливые укоризны в древности и в новейшие времена; злоупотребление всегда будет порицаемо, между тем как наука беспрестанно приводится к совершенству, беспрепятственно сияет в новом, немеркнущем свете»³⁶⁴. Профессор полагал, что «произведения изящных искусств, как предмет чувствования и вкуса, не подвержены строгим правилам и не могут, кажется, иметь постоянной системы, или науки изящного», видя выход из тупика в «критике вкуса»³⁶⁵. Здесь он самостоятелен: как метко замечает С. П. Шевырев, «это говорит не Эшенбург, а Мерзляков». Строгость французского классицизма ему, конечно, ближе, чем немецкие попытки поставить эстетику на широкую философскую основу: «логику и диалектику» Мерзляков, как мы уже видели, рассматривает как средство выстраивать свою речь более убедительно и чисто — и успешно внушает эту мысль пансионской молодежи. Но и в правилах он усматривает элемент иррациональности — инстинктивно безошибочно чувствуя природу *творчества*. Не будучи любителем систем, он говорил своим слушателям: «Вот где система!», указывая на сердце³⁶⁶. Таким образом, упреки Шевырева — невниманию к общефилософской проблематике и — далее — в отсутствии исторического подхода — прежде всего истекают из собственной германской ориентации последнего.

---

³⁶⁰ Ibid. 64.

³⁶¹ Ibid. 65.

³⁶² Веневитинов Д. В. Разбор рассуждения г. Мерзлякова о начале и духе древней трагедии и проч., напечатанного при издании его подражаний и переводов из греческих и латинских стихотворцев. В кн.: ПСС, под ред. А. П. Пятковского, СПб., 1862. С. 182.

³⁶³ В системе университетского преподавания до Мерзлякова (не только в самом университете, но и, конечно, в гимназиях) было принято не отделять друг от друга русскую и латинскую риторику. Мерзляков нарушил эту традицию, сконцентрировав внимание на отечественном красноречии и словесности; в этом, может быть, одна из причин его популярности.

³⁶⁴ Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических, изданная для благородных воспитанников Московского университетского пансиона профессором А. Мерзляковым. М., 1828 (4-е изд.). С. 5 слл.

³⁶⁵ Краткое начертание теории изящной словесности. Часть первая. Пиитика. М., 1822. С. 5.

³⁶⁶ Ibid. 72 со ссылкой на «Телескоп», № 5, 1831 г.

Вот что пишет один из его самых благодарных слушателей, М. П. Погодин, многим обязанный ему и в своей научной карьере: «Самое сильное впечатление производил Мерзляков. Лекций в продолжении трех лет прочел он не много, но всякое его слово, от души сказанное, западало в душу, и навсегда в ней оставалось. Благоговение к Ломоносову и Державину возбудил он вскоре такое, что они сделались для студента почти столько же любезными и дорогими, как Карамзин. „Из рыбачьей хижины шагнул в Академию, и спорит с Франклином, кто из них скорее обезоружит громоносного Юпитера...“³⁶⁷ Эти слова Мерзлякова о Ломоносове отпечатались кажется в сердце у всех студентов, его слушавших. А что за торжество было в аудитории, когда Мерзляков разбирал *Водопад* Державина!

Но не с одним Ломоносовым и Державиным знакомил Мерзляков студентов. Херасков, Сумароков, Княжнин, Озеров и прочие классические писатели, были изучены подробно и основательно.

К ним присоединялись разборы студенческих упражнений, коими Мерзляков значительно развивал вкус и приучал к критике. Эти лекции были самыми занимательными, но прекрасно говорил Мерзляков, хоть и по старым теориям, о прекрасном, о высоком, о чувствительном, о поэзии, о драме, о страстях! Погодин припоминает одну из последних лекций: “Вышла, господа, новая поэма, молодого нынешнего поэта, Лорда Байрона Шильонский узник, переведенная по-русски Жуковским. Мы займемся ее разбором в следующий раз”. Весь Университет взволновался и, считая минуты, ожидал этого следующего раза. Лишь только кончилась лекция, предшествовавшая Мерзлякову, в 5 часов, и вышел профессор из аудитории, как студенты со всех сторон бросились туда, точно на приступ, спеша занять места. Медики, математики, о словесниках и говорить нечего, Юристы, кандидаты, жившие в Университете, все явились в аудиторию, которая наполнилась в минуту народом сверху донизу, по окошкам, даже под верхними лавками амфитеатра. Мерзляков должен был продираться через толпу. Какое молчание воцарилось, когда он сел наконец на кафедру! Все дрожали, сердце билось, слух был напряжен, и он начал:

“Что это за лице рассказывает о своем положении! Каких слушателей у него должны мы себе представить? Почему предполагает он их участие? Что за странность рассказывать без всякого вступления или предупреждения? Что за выражение: тюрьма разрушила? Как она разрушила, если он еще может говорить: разрушить можно здание, но человек разрушен быть не может. Вот эти модные поэты! Не спрашивайте у них логики! Они пренебрегают языком”³⁶⁸. Ср. также «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. П. Барсукова: «Слава его утвердилась около времени нашествия французов. “Какую бы славу имел этот человек, если бы умел жить в свете”». Вот Мерзляков разбирает басню «Дуб и трость»: «Что скрывается за стихом “Но только Фебовы лучи пересекаю?” спрашивал Мерзляков и отвечал: “Вельможи заслоняют так от государей нуждающихся подданных”. Окончив разбор, Мерзляков сказал своим слушателям: “Так, господа, разбирайте; поверьте, я научу вас разбирать благородно, так, как должно”. “Какая откровенность, — замечает по этому поводу Погодин., добрый человек! Если бы ему 10. 000 в год, что бы он сделал! Такими-то разборами он и должен занимать нас. Так только и должен учить, какой ни на есть словесности. А Риторика одна к чему полезна...”³⁶⁹.

Не менее тепло отзываются о своем профессоре выпускники Благородного пансиона³⁷⁰: М. П. А. П. Дмитриев и Н. П. В. П. Сушков. Первый вспоминает в «Мелочах из запаса моей памяти»: «Я помню уважение наше, смею сказать, благоговение к Мерзлякову. — Оно было таково, что мы могли бы выразить его словами учеников Пифагора: *учитель сказал*; ибо что он сказал, было для нас неопровержимо. — Чем объяснить это? — полною доверенностью к его знанию и к его прямому характеру. <...> Я слушал его лекции и в университете (1813—1817). Надобно сказать, что здесь он посещал их лениво, приходил редко; иногда, прождавши его с четверть часа, мы расходились. <...> Его одна лекция приносила много и много плодов, которые созревали и без

³⁶⁷ ВЕ, ч. LXVI, № 21–22, 1812, с. 29.

³⁶⁸ БСПП III. С. П. 235–236.

³⁶⁹ Т. I. СПб., 1888. С. П. 40.

³⁷⁰ Мерзляков преподавал в Пансионе, даже став ординарным профессором. «Объявление» 1812 г. представляет его курс следующим образом: «АЛЕКСЕИ ИЕДОРОВИЧЪ МЕРЗЛЯКОВЪ, *Краснорл чія и Поэзиі Профессоръ Ординарній*, изъяснить привила *Поэзиі и Рускаго слога*; прочтеть теорію *Краснорл чія и Изящныхъ Наукъ*, по руководству Г. Эшенбурга и дабы утвердить болл е учащихся въ хорошемъ Вкусл и Словесности, будетъ разбирать *критически* образцовыя творенія Россійскихъ и Латинскихъ Писателей. Онъ постарается болл е всего приучить слушателей къ правильному, чистому и легкому слогу, и для того будетъ чаще заниматься собственными ихъ *сочиненіями въ стихахъ и прозл* ». (с. 24).

его пособия; его разбор какой-нибудь одной оды Державина или Ломоносова открывал так много тайн поэзии, что руководствовал к другим дальнейшим открытиям законов искусства! Он бросал семена, столь свежие и в землю столь восприимчивую, что ни одно не пропадало, а приносило плод сторицею»³⁷¹. Ср. в «Главах из воспоминаний моей жизни»: «Он преподавал нам теорию словесности <в пансионе — А.П.Л. >, по известным французским теориям Ле-Батте и других, но главное, занимал нас подробным изучением русских писателей, то есть поэтов... Эти разборы были верны, подробны и обильны плодами разных сведений: в них заключалась и история поэзии в применении к истории времен, и теория в применении к образцам; обзор и целости идеи, и подробностей, как в плане, так и в исполнении. Это был, несмотря на ложность французской теории, художественный курс поэзии. У Мерзлякова как мало было вкуса в собственных произведениях, так много художественного такта в критических разборах. Он был не красноречив и имел недостаток в выговоре и произношении, но когда входил в восторг, а он без восторга не мог говорить о великих поэтах, тогда незаметен был его недостаток...»³⁷². Второй пишет: «Приземистый, широкоплечий, со свежим, открытым лицом, доброй улыбкой, приглаженными в кружок волосами с пробором вдоль головы, уроженец холодной Сибири... был горяч душой и кроток сердцем. <...> В чопорных собраниях Мерзляков был странен, неловок, молчалив. А где он мог быть запросто, там и разговор его был всегда жив, свободен, увлекателен... Поправляя те из стихотворений своих учеников, которые он признавал лучшими, он щедро пересыпал их своими прекрасными строчками, иногда совершенно переделывал, порой оставлял только форму, мысль, господствующее в них чувство. — Любя всеми силами своей поэтической души русский язык, русскую словесность, русскую поэзию, поддерживая, поощряя едва возникающий талант в каждом из нас, он не пренебрегал и нашими детскими изданиями...»³⁷³.

Воспоминания современников рисуют Мерзлякова человеком мало светским, теряющимся в обществе, и не слишком скрупулезным в исполнении своих обязанностей — блестящим импровизатором, который никогда не готовился к лекциям, открывал книгу в любом месте и начинал блистательный разбор. Шевырев свидетельствует³⁷⁴: «Последние лекции Мерзлякова состояли, по большей части, в критических импровизациях. Он к ним не готовился. Приносил на кафедру Ломоносова или Державина, развертывал. Случай открывал оду. Речь свободно и роскошно лилась из уст импровизатора. <...> Эти импровизации, приводившие иногда в восторг его слушателей, напечатлелись в их памяти. Светлая мысль, искра чувства электрически оживляли всю аудиторию». Ср. также общую характеристику: «Мерзляков был мученика невысокого роста, широкоплечий и плотный; грудь имел широкую, голову большую. Волосы на ней были обстрижены почти в кружало. Из-под густых бровей и длинных ресниц светились серые глаза, исполненные огня и жизни. Лицо овальное, но скулы выпуклые, рот широкий; нижняя губа несколько выдавалась, особливо во время чтения. Орган голоса его был густ, громок, но не совсем явствен. Стихи читал он нараспев, иногда усиливая, иногда умягчая звуки голоса. В молодых годах бывал он душою беседы товарищей. Мы же видали его уже почтенным гостем на больших обедах, оратором за столом и в гостиной, которого, как авторитет, собеседники слушали с уважением. Душа его была простая, незлобивая, мягкосердечная, но пылкая. Зла, конечно, он никогда никому в жизни не сделал, и только удалялся от тех, которые его замышляли. Студенты его любили, и как профессора, и как человека, потому что он входил в их нужды — и сам, будучи воспитан нуждою, понимал и уважал бедность, как возбудительницу дарования»³⁷⁵. Д. Н. Свербеев вспоминал Мерзлякова-преподавателя в самый лучший, блестящий период его деятельности³⁷⁶: «У Мерзлякова было более таланта, чем постоянства и прилежания в труде... В его преподавании особенно хромал метод. К своим импровизированным лекциям он, кажется, никогда не готовился; сколько раз случалось мне, почему-то его любимцу, прерывать его крепкий послеобеденный сон за полчаса до лекции; тогда второпях начинал он пить из огромной чашки ром с чаем и предлагал мне вместе с ним пить чай с ромом. “Дай мне книгу взять на лекцию”, — приказывал он мне, указывая на полки. “Какую?” — “Какую хочешь”. И вот, бывало, возьмешь любую, какая попадется под руку, и мы оба вместе, он, восторженный от рома, я навеселе от чая, грядем в университет. И что же? Развертывается книга, и начинается превосходное изложение. Какого бы автора я ему ни сунул, автор этот

³⁷¹ Московские элегии. М., 1985. С.П 241–242.

³⁷² М., 1998. С.П 67.

³⁷³ Сушков². С.П 88 слл.

³⁷⁴ Шевырев..., с 96.

³⁷⁵ Шевырев..., с 98.

³⁷⁶ Из воспоминаний. МУВВСС, с. 66. — Д. Н. Свербеев поступил в университет в 1813 году.

втесняется во всякую рамку последовательного его преподавания; и басня Крылова, если она подвернется, не мешала Мерзлякову говорить о лиризме, когда в порядке, им задуманном, нужно было говорить о лириках». Эта своеобразная духовная неряшливость (в данном случае подчеркнутая небрежным отношением к жанровой теории — душе поэтики классицизма) под влиянием неблагоприятных обстоятельств сильно прогрессировала в последние годы жизни профессора, расставшегося с окружением своей молодости (Жуковский, Батюшков) и привыкшего к гораздо более «демократичному» обществу (особенно явным это расхождение стало после женитьбы в 1815 году на Любви Васильевне Смирновой). Филипп Ларионович Ляликов (позднее инспектор Рязанской гимназии и Одесского учебного округа), бывший студентом Императорского Московского университета в 1818—1822 гг., вспоминал о Мерзлякове: «Лице знаменитое, симпатичное, доброе. Бывало не увидишь, как пролетает лекция. Но непостижимо, такой человек не мог победить в себе страсти к вину... Бывало, придешь в аудиторию, дежурный кандидат говорит, что лекции по болезни Алексея Федоровича не будет. Мы знали, какая это болезнь. <...> Для составления моего аттестата я собирал об успехах отзывы у профессоров. Прихожу и к Мерзлякову. Вхожу в зал. Алексей Федорович в синем китайчатом халате сидит на подоконнике босиком, свесив ноги. Я объяснился и получил желаемое»³⁷⁷. Ср. также погодинское свидетельство у Барсукова: «Внимание к нему слабело, а нужда житейская увеличивалась. Его отчасти поддерживали частные уроки молодым людям, которым нужно было держать так называемый комитетский экзамен. Меценатом ему оставался знаменитый в то время подрядчик Военного министерства Варгин, которому писал он разные бумаги. Мерзляков обедал у него однажды в неделю и... возвращался от него обыкновенно уже “взволнованным”»³⁷⁸. Таковы же впечатления А. Д. Галахова: «Преподавание Мерзлякова уже слабо напоминало прежний блеск его лекций. Не одно то, что он упрямо стоял на лжеклассической теории искусства, отбивало от него слушателей, но и то, что он равнодушнее относился к своему делу, очень часто манкировал, а иногда приходил в аудиторию навеселе. Может быть, эта искусственная веселость лучше развязывала ему язык, но его красноречие — он сам не замечал этого — приходилось в ущерб содержанию. Слушатели замечали это, хотя все еще любили некогда знаменитого профессора за его доброе к ним отношение, за его всегдашнюю готовность оказать свое заступничество в случае какого-нибудь казуса»³⁷⁹. Интересный разговор передает С. П. Жихарев в «Дневнике студента»³⁸⁰: «Твое восклицание годилось бы в заказную речь для пансионского акта, а за приятельским ужином оно не у места; талант, любезный, не проложит пути к счастью, а славу надобно выстрадать. — Не всегда, Алексей Федорович, возразил дотоле молчавший, скромный Василий Иванович, — не всегда: большею частью талант сопровождается общим уважением, и рано или поздно зависть и недоброжелательство должны заплатить дань истинному достоинству и смириться перед ним. — А до тех пор, почтеннейший отче, можно десять раз умереть с голоду; но впрочем, говоря о счастье, я понимал его так, как привыкли понимать его в свете, и повторяю, что счастье и талант — несогласимые противоречия; дело другое в отношении духовном: и я постигаю, что настоящее счастье состоит в одном только исполнении своих обязанностей к Богу и ближним, каких бы оно самопожертвований ни требовало. — Но другого счастья на земле и нет, любезнейший Алексей Федорович; все прочее, что называют счастьем, есть не что иное, как только удовлетворение страстей. — Согласен, Василий Иванович, очень согласен с вами; но для того, чтобы находить счастье в самопожертвовании, надобно возродиться духовно, а покамест мы не удостоились сей благодати, страсти останутся солью жизни, и она без них будет безвкусна». Кроме того, и новое поколение далеко не так тепло принимало его взгляды. Вот свидетельство Белинского, слушавшего профессора в последний год его жизни: «Он преподавал Теорию Изыщного, и между тем эта теория оставалась для него неразгаданною загадкою во все продолжение его жизни; он считался у нас оракулом критики и не знал, на чем основывается критика... И этот человек, который был знаком с немецким языком и литературою, этот человек, с душою поэтической, с чувством глубоким — писал торжественные оды, перевел Тасса, говорил с кафедры, что “только чудотворный гений немцев любит выставлять на сцене виселицы”, находил гений в Сумарокове и был увлечен, очарован поддельною и нарумяненною поэзиею французов в то время как читал Гете и Шиллера!.. Он рожден был практиком поэзии, а

³⁷⁷ Ф. П. Ляликов. Студенческие воспоминания. 1818–1822. РА 1875, стл. 384.

³⁷⁸ Н. П. Барсуков. *Op. cit.* С. 44.

³⁷⁹ Записки человека. М., 1999. С. 80–81.

³⁸⁰ Записки современника, Л., 1989 г., т. 1. С. 213.

судьба сделала его теоретиком...»³⁸¹. Деграция шла стремительно, и умер Мерзляков 26 июля 1830 года — далеко не старым еще человеком. И. И. Дмитриев в «Москвитяине» от 8 августа так описывает его погребение: «Мы лишились Мерзлякова. Я был у него на погребении в Сокольниках. Прекрасное утро; сельские виды; повсюду зелень; скромный домик, откуда несли его в церковь; присутствие двух архиереев, трех кавалеров с звездами... и подле гроба, на подушке, один только крестик Владимира: все как-то сказывало, что погребают поэта!»³⁸².

Пушкин в письме к П. А. Плетневу от 26 марта 1831 г. суммирует свои университетские впечатления: «Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, которого куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над университетом, т. е. над предрассудками и вандализмом»³⁸³. Выше я уже рассматривал научные возможности Мерзлякова и пришел к крайне неутешительным для него выводам. Однако Пушкин, несомненно, имеет в виду другое — непонимание словесного искусства как предмета теоретического и критического анализа, доктринальность взгляда, сориентированного на устаревшие образцы. «Классиком» Мерзлякова можно назвать лишь условно: его разночинский стиль и пафос, противостоящий аристократическому пушкинскому, не имеет ничего общего с утонченным французским классицизмом XVII—XVIII столетий. На поверхности Мерзляков — эпигон поэтики Горация (чью *De arte poetica* он переводил) и Буало; по сути он гораздо ближе прекраснородушным интеллигентам сороковых-пятидесятых годов, современникам Белинского (значение последнего только и состоит в том, что он был адекватным выразителем их предрассудков). Он занимал исключительно важный боевой пост — профессор эстетики Московского университета имел возможность и должен был посодействовать тому, чтобы хрупкая и утонченная культура русского дворянства рубежа столетий смогла закрепиться на более широкой почве и творчески воспринять и переработать влияние как древней, так и новой поэзии; он не сумел этого сделать; историю он заменил «правилами», а систему — «сердцем». Именно это имеет в виду Пушкин, рекомендуя Шевырева: тот представляет *исторический* подход, основанный на прочном фундаменте германской философии, и к тому времени он уже зарекомендовал себя блестящим исследованием о Данте. Для того, чтобы нести это бремя, требовались таланты, далеко превосходящие мерзляковские; когда на этот пост заступили гораздо более образованные и компетентные Шевырев и Давыдов, было уже поздно. Однако — и этого нельзя забывать — не в одном юном сердце он заронил любовь к русской поэзии и желание по мере сил служить ей собственными трудами; своей не сложившейся жизнью, своей сиротливой смертью он давал пример такого бескорыстного служения. И поэтому у позднейшего историка не поднимется рука бросить в него камень.

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

и концепций среднего образования в 60-е — 70-е годы XIX века

Настоящая статья не ставит перед собой антикварных целей: речь в ней пойдет прежде всего о концепциях, а не о стилистике журнальных дискуссий; она будет посвящена трем основным позициям, сложившимся по отношению к единственному полноправному учебному заведению в России александровской эпохи, в соответствии с гимназическими Уставами 1864 и 1871 гг., а не конкретным деталям взаимоотношений различных кружков; поэтому каждое направление мысли будет представлено лишь несколькими яркими фигурами. Эти три позиции — официальный катковский классицизм, которым в своей деятельности руководствовался министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой³⁸⁴, реализм, игравший во многом роль интеллигентского

³⁸¹ Цит. по: М. Поляков. Студенческие годы Белинского. В кн.: Литературное наследство. Т. 56. В. Г. Белинский (2). М., 1950. С. 322. Ср. отзыв Мерзлякова о Пушкине в интерпретации Белинского: «Мы сами слышали однажды, как глава классических критиков, почтенный, умный и даровитый Мерзляков, сказал с кафедры: “Пушкин пишет хорошо, но Бога ради, не называйте его сочинений поэмами!” Под словом поэма классики привыкли видеть что-то чрезвычайно важное» (ibid.).

³⁸² Сушков². С. 99.

³⁸³ ПСС., М., 1954, т. 9. С. 14.

³⁸⁴ Гр. Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), с 1867 г. обер-прокурор Св. Синода, в 1866–1880 гг. министр просвещения, в 1882–1889 гг. (уже при Александре III) министр внутренних дел. Устав 1864 года был принят в министерство Александра Васильевича Головнина (1821–1886).

официоза, и умеренная позиция, не согласная с последовательным проведением идей М. Н. Каткова³⁸⁵, но понимавшая ценность классицизма как такового и желавшая его сохранить.

Образовательная концепция М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева³⁸⁶ впервые была заявлена в инаугурационной речи последнего³⁸⁷: анализируя взаимоотношение различных компонентов образования российского юноши, он не усматривает в них внутреннего противоречия: «Истинно-народное направление не отвратит нас от изучения Западной Европы; напротив, оно приведет к основательному изучению, потому что полужнакомство не может иметь никакой прелести и никакого значения». Автор утверждает, что древность как материал обладает преимуществом в педагогическом отношении и предостерегает от разбрасывания в педагогических усилиях: «Ничто так не вредно, как кажущаяся многосторонность». Эффективность античной педагогики обусловлена тем фактом, что «древние учились немногому. У них гимнастика образовывала тело; музыка развивала эстетическое чувство, грамматика состояла преимущественно в чтении и объяснении Гомера, этого вечно-юного друга юношей»; что касается практических знаний, то их недостаток пополняется в публичной жизни. Действительна лишь практическая педагогика; примером в этой сфере является Англия. Что касается трактовки знаменитого уваровского лозунга, то П. А. Леонтьев предостерегает от слишком узкого его толкования: «Сохранение народности в чистоте от исторических влияний — такая вещь, которой вовсе не стоит желать. <...> Променивать ограничение, данное нам, на ограничение, данное другому народу, было бы неразумное начинание; но совсем другое дело стараться облагородить свою народность, расширить ее и возвысить до гуманности. <...> Наш народ, кажется, особенно способен идти вперед на основе всемирно-исторического разума. Исторические предрассудки его не связывают. <...> наш народ превосходит всех своей дивной восприимчивостью». Из этого рассуждения делается следующий вывод: «Лучшая часть народа, та часть, которая управляет его судьбами, должна проходить через изучение классической древности»³⁸⁸.

Со значительно большей полнотой и подробностью эти идеи были развиты в цикле статей М. Н. Каткова³⁸⁹, посвященных гимназическому вопросу. Безусловно включая гимназии в общую университетскую систему, Катков настаивает на пропедевтической цели гимназического образования: «Знания разветвляются в факультетах университета, а в гимназии совершается то воспитание ума, которое равно необходимо для всех специальностей знания». Профессор решительно отвергает непосредственную связь между направлением гимназического образования и развитием тех наук, которые служат ему основой: умственная подготовка универсальна и направлена на то, «чтобы вообще наука пустила корни в нашей почве». Для этого необходимо серьезное изучение древних языков и математики, число часов на остальные предметы должно быть значительно сокращено; «было бы полезно сократить время на такие предметы, которых преподавание <...> нередко причиняет большой вред. В ряду этих предметов

---

³⁸⁵ Катков Михаил Никифорович (1818–1887), профессор Императорского Московского университета, издатель «Русского вестника» и «Московских ведомостей», известный не только своей защитой классического образования, но и политической публицистикой: высказывался за жесткую политику по отношению к Польше и тесный союз с Францией; сторонник жестокой борьбы с революционно-демократическим движением.

³⁸⁶ Леонтьев Павел Михайлович (1822–1875), профессор римской словесности Императорского Московского университета.

³⁸⁷ О классицизме, европеизме и народности. М., 1847 г. Речь была произнесена незадолго до отставки (1849 г.) министра просвещения гр. С. С. Уварова, создателя хорошо действующей системы классических гимназий, и до разгрома этой системы, осуществленного в начале 50-х гг. министром просвещения П. А. Ширинским-Шихматовым. Сожаление о напрасной гибели трудов С. С. Уварова высказано в знаменитой записке Т. Н. Грановского «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой системы» в кн. Катков М. Н. Наша учебная реформа. М., 1890, С. 152 слл. Об этой записке см. Вах К. А., Классическое образование и его утверждение в России, Греко-Латинский кабинет, вып. 1., М., 1992 г., С. 39–49. По чисто хронологическим причинам эта записка не будет рассмотрена в настоящей статье.

³⁸⁸ Следует обратить внимание, что Леонтьев вовсе не настаивает здесь на всеобщности классического образования: он воспринимает его как необходимое только для того слоя людей, который принимает ответственные решения общей важности и творит национальную культуру. Впоследствии этот слой будет ассоциироваться с выпускниками Императорских университетов.

³⁸⁹ Эти статьи были позднее собраны в единый цикл и опубликованы в кн.: Катков М. Н. Наша учебная реформа. М., 1890. Сборник был подготовлен и выпущен директорами лучших в Москве гимназий — мужской Л. И. Поливанова и женской — С. Н. Фишер. Статьи печатались в «Московских ведомостях», в основном в 1864 г.

самое видное место занимает т. н. *русская словесность*, то есть тот сбор жалких обрывков из эстетики, истории литературы и из журнальных критических статей, который есть истинный крест для всякого порядочного учителя, а молодых людей приучает к фразерству и верхоглядству» (мысль, которая вызвала бы сугубое негодование у К. П. Д. Ушинского и многих современных преподавателей)³⁹⁰.

Катков решительно отрицает нигилистические выводы по отношению к русскому народу, извлеченные из разницы в уровне образованности, и предлагает обратиться к воспроизведению условий, а не результатов. Эти условия он усматривает в системе концентрации. Очень важно при этом правильное понимание специфических задач школьного образования: «В школе не науки разрабатываются, не открытия творятся, также не лекции читаются, — в школе воспитываются дети, для того чтоб они вместе с своим физическим возрастом созрели и умственно <...> Но для такого воспитания необходимо сосредоточение всех умственных способностей и развитие их на одном труде, который зрел бы из года в год в продолжение всего отрочества. Воспитывать не значит развлекать, раздроблять, расслаблять; воспитывать значит собирать, сосредоточивать, усиливать и вводить в зрелость».

Дальше идет беглый анализ пригодности предметов для такой концентрации³⁹¹. За математикой признается значение одной из основ настоящего образования, но отвергается ее претензия на исключительность. Естественные науки не могут играть этой роли потому, что сведения такого рода в юном возрасте могут быть предметом лишь самого поверхностного занятия (в общем виде эта мысль верна, но бывают блистательные исключения). История также неспособна быть ядром: «В какие источники будут погружаться эти двенадцатилетние исследователи жизни народов и казуальной связи событий <...>?». Новые языки могут дать один разговорный навык, а родной язык — «Нет ничего труднее, как изучать и анализировать живой предмет, и притом такой, который есть одно с нами». Древние языки — единственный предмет, который «не только соединяет в себе все необходимые условия для правильного и здорового упражнения умственных сил, но и вносят в них с тем вместе богатое содержание. Усвоивая себе логику, отпечатлевшуюся в организации этих языков, юные умы шаг за шагом овладевают сверх того целым историческим миром <...> который лежит в основе современной цивилизации <...>. Юная мысль зреет, знакомясь на практике со всеми приемами серьезной умственной деятельности, со всеми способами борьбы с фактом, со всеми методами исследования и познания. <...> Здесь вызываются и приводятся в игру все способности духовной организации человека, и все равномерно воспитываются, усиливаются и развиваются. Наконец, благодаря этим занятиям, юные умы приобретают то историческое чувство, тот смысл действительности, в которых состоит главное отличие умственной благовоспитанности», причем «латинскому принадлежит преимущественно формальная сторона воспитания, между тем как греческий наиболее способствует внутреннему обогащению учащихся, оплодотворению духовных сил и возбуждению их к производительности»³⁹². Второстепенные предметы — «не науки в собственном значении этого слова, а только популяризованные результаты их (очень верная мысль, часто упускаемая из виду современной педагогикой — А. П. Л.). В сообщении этих показаний, не имеющих научного характера, должна быть соблюдена строгая мера», поскольку «куча заученных энциклопедических сведений исчезнет без следа, не перерабатываясь мыслию и ни к чему не приурочиваясь» (если мы устроим экзамен для взрослых, некоторое время тому назад успешно окончивших школу, мы убедимся в этом самым очевидным образом). Фигура педагога на фоне предъявляемых к предметам и учебным программам требований представляется второстепенной: «Предметы, вводимые обязательно для преподавания в школе, должны быть таковы, чтобы сущность преподавания как можно менее зависела от преподавателя» (самая крупная ошибка концепции). Отвергается и мнение противников реформы о трудности классической гимназии: «Нет школы, которая была бы менее отяготительна для учащихся. Она приучает к труду и, развивая способности к нему, делает его, напротив, легким. Напрягает и изнуряет силы только многопредметная школа, или неправильно-односторонняя, при сосредоточении занятий, например, на исключительно математическом элементе». Неправильной постановкой учебного дела в России после разгрома уваровских гимназий (по его мнению, недостаточных, но правильно сориентированных) в 1849 — 1852 гг.

³⁹⁰ Отметим любопытное совпадение этого пожелания с программными установками Писарева, которые будут рассмотрены ниже.

³⁹¹ По мнению Каткова, концентрация достигается тогда, когда на предназначенные для нее предметы отводится по крайней мере почти примерно половина учебного времени и занятаются ими каждый день. Число второстепенных предметов не столь важно.

³⁹² Этим обусловлен тот факт, что преподавание греческого языка начинается позднее.

М. П. Катков объяснял распространение нигилизма, в чем профессор не усматривал ничего удивительного, поскольку умственные силы юношей были расслаблены обучением, нарушавшим все законы здоровой педагогики.

Выдающийся русский хирург и педагог Н. П. И. Пирогов также был сторонником классического образования. В статье «Чего мы желаем?» он писал: «И мертвые языки, и наука о древностях, и самая история мертвят ум учащихся, если мы не сумеем воспользоваться тем живительным началом, которое в них заключается <...> Но кто хотя однажды испытал или на самом себе, или видел на других, что могут сделать эти науки для ума и сердца в руках опытных и даровитых наставников, тот, верно, согласится, что нигде не заключается столько образовательности для внутреннего человека, как в учении, недаром названном гуманным. <...> Что будет из нас, если мы, не приготовленные еще образовательной силой гуманизма, бросимся очертя голову на специальность?» В статье «Мысли и замечания о проекте устава училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения» он подробнее аргументировал свою приверженность классицизму: «Я <...> приписываю высшую образовательную силу исключительно глубокому изучению древних языков, языка отечественного, истории и математики. Я сошлюсь в этом на вековой опыт, который, вопреки всем возгласам противников, все-таки доказал, что изучение этих наук одно и само по себе уже достаточно образует и развивает дух человека, приготовляя его к восприятию всевозможных — и нравственных, и научных — истин. Оно достигает этой цели, имея предметом преимущественно мир внутренний <...> и мир внешний <...> исследуемый математикой в ближайшей его связи (через отвлечение) с миром внутренним. Реализм же хотя и развивает наблюдательную способность и разум человека упражнением чувств и изучением мира внешнего, но никогда еще один, сам по себе, не мог вполне развить все высшие способности духа»³⁹³.

Реальное направление, резко отрицательно относившееся к правительственному курсу в области образования и к самой идее классической гимназии, представлено большим количеством имен, поскольку оно отражало позицию значительной части интеллигенции. Выбор Д. П. И. Писарева в качестве его рупора объясняется не столько глубиной разработки идей — последние довольно однообразны и не выходят за рамки определенных стереотипов, их можно по существу свести к знаменитому афоризму «*мы учимся не для школы, а для жизни*» — сколько потому, что известный критик обладал замечательным литературным талантом и большим, хотя и односторонним умом, что придает его позиции (изложенной во второй части статьи «Наша университетская наука» под заглавием «Общее образование»³⁹⁴) известный интерес и даже определенное обаяние. Начиная свой анализ с оценки критического состояния образовательных учреждений, дающих права и льготы (во многом справедливая мысль), Писарев переходит к понятиям общего образования, устанавливая искусственность его отличия от специального: «Идя по этому пути, можно дойти до образования кирасирского, отличающегося от гусарского или уланского...». Последствия преобладания «образованных специалистов» представляются критику в таком виде: «Образованных людей у нас не будет, — а так как только образованные люди составляют и поддерживают благоустроенное гражданское общество, то и общества не будет, а будут сотни цехов...». Нелепый принцип, конечно, не может быть проведен последовательно, однако Писарев считает, что в любом случае его надо вырвать с корнем: образование есть образование человека, а не специалиста. Если не принять эту идею, оно теряется между воспитанием и обучением ремеслу. В противоположность этому подходу воспитывать нужно как можно меньше, а выбор специальности — сугубо личное дело для того человека, который уже получил добротное образование. Затем автор переходит к критике авторитарной педагогики, в штыки встречающей самостоятельные умственные потребности; потом он критикует классическую концепцию и разбирает, как и Катков, педагогическую ценность отдельных предметов гимназического курса (критика прежде всего историческая, поскольку Писарев рассматривает античную школу как школу, где господствовала фраза — что фактически верно³⁹⁵, не вдаваясь в оценки — и смысл гуманитарных предметов, прежде всего языков, усматривается только в исторической

³⁹³ См. Н. П. И. Пирогов, Избранные педагогические сочинения, М., 1985 г. Первая из приведенных статей написана в 1859, вторая — в конце 1860 г. В статье «Школа и жизнь» (начало 1860 г.) Пирогов не занимает столь решительной позиции: «Преимущество и выгоды различных способов этого образования так очевидны и так значительны, что нет возможности в настоящее время сказать, который лучше».

³⁹⁴ Соч. в 4-х тт., т. 2, М., 1955, с. 185–227. Статья была опубликована в «Русском слове» в кн. 7 и 8 1863 г.

³⁹⁵ Конечно же, только начиная с эллинистического периода, когда античная школа уже вполне сложилась как институт. Писарев весьма возмущен бы, если бы школьное образование основали на спорте, как в Греции архаической эпохи: он счел бы, что вместо человека воспитывают «мускулистое животное» и что подобные вещи отвлекают от изучения естественных наук.

ретроспективе, актуальное их значение сводится только к отупляющей нагрузке на память). Математика и физика в классической гимназии одиноки: «Они бы и рады были помочь горю и предохранить гимназистов от угрожающего им отупения, но сила остальных наук слишком велика, так что против них невозможно бороться»³⁹⁶. Мнения критика весьма категоричны: «Рациональное преподавание истории в гимназии также мечта, которая ни при каких условиях осуществиться не может». Причина заключается в том, что история — не наука, для понимания фактов необходимо изучить множество специальных дисциплин или написать учебник в пятьдесят томов. (Этот порочный круг проглядывает и в описании собственного университетского опыта. Чтобы судить об истории, нужно знать гору сырых фактов; но чтобы познакомиться с фактами, нужно знать их общий контекст, без которого по отдельности факты становятся бессмысленными, и уже стоять на определенной ступени развития. Совет своего первого университетского наставника — читать источники по античной истории и пользоваться энциклопедией Эрша и Грубера для справок — Писарев исполнил весьма странным образом: он не смог справиться по указанной причине с историками, а энциклопедию почему-то решил читать подряд и обнаружил, что, когда он прочтет ее до конца, забудет начало. При таком отношении к научным элементарностям немудрено, что любой совет по организации научной работы показался бы ему нелепым, что мы и видим в дальнейшем в той же самой статье.) Нет возражений против самостоятельного интереса учащихся, но Писарев восстает против «обязательного изучения истории и против обязательного чтения исторических книг. Эта обязанность прямо наваливает на молодой ум непосильный груз и, следовательно, неизбежно ведет за собою отупение и упадок мыслительной силы». География — описание земли — может быть только обобщением уже известных сведений в одно целое, и ее невозможно преподавать без ботаники и зоологии. Грамматика остается на своем месте, но теория словесности и история русской литературы подвергаются уничтожающей критике: «И все они жили-были, и все они что-нибудь написали, и всех их очень много, и до всех их никому нет дела...» (Хотя, если заменить все это на Пушкина и Гоголя — без «Переписки...»³⁹⁷, — Кольцова, Белинского и Тургенева, это было бы наслаждением для учеников). Латынь и греческий нужно заменить новыми языками (Писарев неверно утверждает, что их высокая сравнительная трудность целиком ложится на память)³⁹⁸. Вывод из этого обзора делается следующий: в основание гимназической программы должны быть положены естественнонаучные предметы, потому что проблемы человека (гуманитарные предметы) слишком сложны для школьного изучения, а науки о природе «вполне соответствуют естественным потребностям детского ума». Закон Божий не рекомендуется трогать, но, по-видимому, советские специалисты правы в том, что это лишь цензурная уступка.

Большой общественный резонанс вызвала также апология естественнонаучного образования, принадлежащая перу известного историка, преподавателя Казанской духовной академии и Казанского университета А. П. Щапова (впрочем, его известность и авторитет связаны не столько с собственно научными заслугами, сколько с речью, произнесенной на панихиде по крестьянам, убитым при подавлении бунта в селе Бездны, и теми последствиями, которые этот смелый поступок имел для всей его жизни). В отличие от публицистической формы, в которой излагались по большей части воззрения как реалистов, так и их противников, труд Щапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа»³⁹⁹ — объемистое

³⁹⁶ Конечно, в другом месте критик не упускает возможности заявить, что и математика только создает нагрузку на память, не развивая ум: математика в исполнении гимназических учителей — «ряд удивительных фокусов, придуманных бог знает зачем и бог знает какую эквилибристикой человеческого мышления».

³⁹⁷ Либеральная педагогика, безусловно, столь же редко обходится без цензуры, как и педагогика консервативная; реалисты постоянно высмеивают консервативную цензуру в ее стремлении к «благонравию юношей» (я пользуюсь терминологией самого Д. П. И.); к чему же стремится либеральная цензура?

³⁹⁸ Возможно, к подобному выводу критика привело усердие не по разуму в чтении Гомера: в данной статье он подробно описывает, как гениальная мысль об олицетворении законов природы в греческой судьбе, которую он решил проверить на эпическом материале, привела его в психиатрическую лечебницу.

³⁹⁹ Соч. А. П. Щапова. В трех томах. Том III. СПб., 1908. Первое издание — СПб., 1870 г. Работа возникла под непосредственным влиянием Писарева и его окружения, группировавшегося вокруг журнала «Русское слово», и отражает определенный критический этап в мировоззрении историка. Интересующийся вопросами истории русского образования прочтет этот труд не без некоторой пользы. Это самый большой комплимент, который можно сделать щаповскому трактату; мы полагали, что это — вспоминая известный афоризм об отсутствии полностью бесполезных книг — и не комплимент вовсе; *нi iia iðeðeifiiu ðoieieðoiiu è ñ таково*: *ððäðif*, посвященную воспитанию *æëäáö* работы В. И. Морякова «Русское просветительство второй половины XVIII века» (М., 1994) читатель может смело не открывать.

произведение, располагающее не исчерпывающим и по большей части вторичным, но все же значительным научным аппаратом⁴⁰⁰. Главная идея — природная склонность русского народа к естественнонаучному образованию, искаженная и во многом утраченная в силу неблагоприятных исторических условий (византийская школа супранатурального, метафизического мировоззрения, отсутствие исторических предпосылок к развитию рационально-теоретического мышления — «не было такого предварительного генеративно-последовательного, исторического развития и изощрения теоретической мыслительности путем всеобщей, философской самодеятельности мышления, и потому много веков вовсе не было мыслящего класса», правительственная опека и неблагоприятные этнографические предпосылки — черепа московского курганного племени указывают на примитивное развитие головного мозга). В духе этих взглядов дается исторический очерк русского образования; естественно, весьма высока оценка деятельности Петра I (хотя Щапов и вынужден признать тупость двух послепетровских поколений), екатерининских реформ и первой массовой гимназии, созданной правительством Александра I в начале его царствования. Наоборот, деятельность А. П. С. Шишкова и С. П. С. Уварова вызывает резко отрицательную оценку. Влияние классицизма на развитие умственных сил также отрицается: «Классицизм не был историческим началом интеллектуального развития в России, каким был на западе. Он не был у нас, как на западе, предварительным горнилом испытания мыслительности, не был предуготовительной школой возбуждения и воспитания пытливого мысли и духа исследования. Вследствие этого у нас вовсе не было и тех зачатков естествоиспытательного стремления, какие возбуждены были на западе изучением физико-математических, астрономических и географических произведений классической древности. Напротив, при вековом отчуждении от физических учений древнегреческих натуралистов, в русском народе произошло и умственное отчуждение от естествознания. <...> Он не был у нас историческим началом интеллектуального возрождения и развития, а потому и после не имел никакой органической связи с умственной жизнью русского народа. Русскому народу <...> законом всемирной истории суждено было возбудиться, импульсироваться к умственной жизни уже новым, западно-европейским заветом великих, мировых идей и открытий, а не ветхим заветом зачаточных знаний классического мира. <...> Потому с XVIII века классицизм в училищах русского народа был уже анахронизмом и мертвою буквою. И московская славяно-греко-латинская академия, основанная в 1682 г., по настоянию византийских греков, при греках Лихудях, не могла уже сделать классицизм могучим умственно-образовательным средством. <...> Следовательно, и в настоящее время господство классицизма у нас — исторический анахронизм, механически или силою навязываемый нам, как педагогическое средство, а в сущности составляющий анти-национальное, анти-историческое и праздное археологическое занятие умов». Это отношение к основанной на древностях педагогике становится одним из выводов мысли, понижающей весь труд без особых вариаций. Эта основная мысль не продумана до конца, поскольку рационально-теоретическое мышление и исследование природы вовсе не представляют собой неперемногого тождества, и отсюда колебания симпатий и антипатий автора: он сочувствует и Канту (рациональное мышление!), и его философским противникам (критика метафизики!), он порицает митрополита Платона за вражду к теории (борьба против рациональности!) и хвалит его за то же самое (неприемлемость высокопарных отвлеченностей!). Образовательный идеал А. П. Щапова — всеобщее естественнонаучное образование, распространяющееся и на низшие сословия: «по экспериментальному указанию истории народной экономии в области природы русской земли и по труднодоступности физической экономии европейской России и Сибири, насущно-необходимо, чтобы не только нынешние привилегированные поколения, но и все простонародные, рабочие молодые поколения усиленно, серьезно и основательно изучали естественные науки и таким образом с полной подготовкой выходили на общее многотрудное дело экономического и культурного покорения суровой северной природы и на создание естественнонаучных, рациональных основ народной экономии».

Недостаток этих рассуждений (как и вообще всей концепции реалистов) заключается в том, что проблема личности ученика для них не существует. Принимая свои интересы за универсальные, они выстраивают еще более авторитарную школу, чем та, против которой направлены стрелы их полемики; гипертрофия идеи общего образования в указанном виде также весьма непродуктивна, поскольку мешает свободному выбору (существовавшему в системе гимназий и реальных училищ) и стоит на пути специального образования в избранной сфере, привнося в

---

⁴⁰⁰ Впрочем, А. П. Щапов сам создал много подготовительных материалов для такой работы. Библиографию см., напр., в III томе его Сочинений (СПб., 1908), с. XXIV.

концепцию общего образования несовместимый с ним утилитарный дух. То, о чем мечтали Писарев и Щапов, — обычная советская школа, чье образование несравнимо с классической толстовской гимназией. В частности, потому, что естественные науки ничуть не менее эффективны как препятствие в образовании юного ума, чем история, языки и словесность, — если уж мы рассматриваем школьные предметы в таком качестве.

Деятельность Д. А. Толстого на посту министра просвещения и Каткова и Леонтьева как его вдохновителей и теоретиков нового школьного устройства вызвала неодобрение не только в прогрессистском лагере. Многие умеренные были также недовольны реформой с концептуальной стороны, видя в общественном противодействии следствие недостатков, заложенных в ее идею, а отнюдь не результат различных частных просчетов. Одна из наиболее продуманных концепций умеренного толка содержится в статьях известного историка В. И. Модестова⁴⁰¹. Заявляя себя сторонником классического образования, что было обусловлено профессиональными предпочтениями (Модестов был специалистом по римской истории и литературе), ученый заявляет о том, что с позицией Леонтьева и Каткова у него нет ничего общего, напоминая о том, что разногласия с ними причинили вред его карьере⁴⁰². Одна из важнейших претензий Модестова — односторонняя ориентация вдохновителей реформы на заграничные образцы, недостаток внимания к национальному содержанию в образовании: «Думать, что характер школы может быть одинаков во всех странах, значит иметь самые ложные представления о природе человеческого духа, значит отрицать всякое влияние истории на народную душу, не признавать за народом его индивидуальных свойств <...>, его особенного духовного облика, его природного гения». (Аналогичный упрек, правда, предъясняется и реалистам: «Надо, впрочем, сказать правду, что толки наших реалистов о непригодности для нас системы классического образования были вызваны не столько их проникновением в природу русского ума, <...> сколько движением против монополии грамматической школы, поднявшимся после 1848 года на Западе»⁴⁰³). П. Н. Леонтьеву бросается упрек в том, что он «не только сам не любил оригинальности, но и преследовал ее в новой школе русских филологов, искавших самостоятельной дороги для русской науки». Поддерживает Модестов и один из аргументов сторонников «реализма»: естественные науки в России имеют своих выдающихся представителей, а древняя филология влечет жалкое существование (хотя этот аргумент говорит, скорее, об универсальности классической школы, о том, что она не препятствует естественнонаучным достижениям). Очертив современное состояние западноевропейской школы и заявив о своем сочувствии к обновленческому движению в ней, В. И. Модестов формулирует и свои пожелания к отечественной школе. Главное внимание он уделяет преподавателю, а не программе (что выгодно отличает его концепцию от таковых же официального и прогрессистского лагерей, не уделяющих ей никакого внимания) и требует национального корпуса хорошо подготовленных учителей: «Древние языки составляют превосходное образовательное средство и необыкновенно важный элемент серьезного образования, но только под одним условием: их должны преподавать хорошие учителя и люди своей страны». (Чуть дальше — другие ограничения: 1) «Изучение древних авторов не может внушать интереса человеку не очень больших умственных и эстетических требований»; 2) «Вся сила в методе преподавания. <...> Древние авторы, главный предмет классического образования, становятся... не целью изучения, а только орудием к изучению латыни или, лучше сказать, ее фразеологии <...> Такая схоластически-риторическая система преподавания древних языков, бесспорно, составляет один из вопиющих фактов уклонения от всяких начал правильного воспитания; <...> плодотворное обучение древним языкам может быть начато в школе только тогда, когда ученик ознакомился с строем языка отечественного, когда ему

⁴⁰¹ Василий Иванович Модестов (1839–1907), профессор Одесского, Казанского и Киевского университетов, Киевской и Петербургской духовных академий. Его статьи по вопросам образования собраны в кн.: Школьный вопрос. Письма к редактору «Голоса». СПб., 1880 г.

⁴⁰² В. И. Модестов был уволен из Петербургской духовной академии.

⁴⁰³ «Национальный характер» доктрины Модестова также не продуман до конца: если Катков и Леонтьев в своем европеизме отстаивают традицию европейского образования, если реалисты ссылаются на новейшие достижения европейской науки и революционно-обновленческие идеи образца 1848 года, то он также опирается на европейский пример: движение против старой системы образования, весьма значительное во Франции после страшного разгрома 1870/71 гг. и особенно сильное потому, что Германия приписала победу своему школьному учителю. В общем и целом, конечно, как проблема национальности, так и проблема индивидуальности не была центральной для всех трех течений: классицисты придавали первостепенное значение общим педагогическим принципам, реалисты вообще не задумывались над этим, умеренные ставили этот вопрос, но не предложили сколько-нибудь подробного разработанного ответа.

проложена дорога к этому обучению занятием одним из языков иностранных и когда он пришел в возраст, дающий ему возможность сознательно относиться к текстам читаемых авторов»). Последняя мысль неверна, в ней чувствуется тот самый мотив порочного круга, который столь отчетливо звучит у Писарева: преподавание, желающее быть эффективным, всегда должно балансировать на грани непонятого, всегда должно быть немного на вырост; если мы будем ждать, пока ученик подготовится к восприятию необходимой информации, дело образования не начнется вовсе никогда; в данной сфере это особенно бросается в глаза: не только не нужно, чтобы ученик был знаком со строем родного языка, но и наоборот, древние языки — одно из эффективнейших средств сделать для ученика этот строй понятным и дать ему возможность относиться к родному языку сознательно. При этом катковский принцип концентрации не находит у Модестова принципиальных возражений: высокие качества студентов, вышедших из духовных семинарий, он объясняет необременительностью программы (вторая причина — наличие логики и психологии). Однако сочувствие педагогическому движению в Европе приводит ученого к выводам, заставляющим усомниться в его приверженности идее классического образования: «Настанет время, и оно не далеко от нас, когда древние языки не только перестанут служить основой гимназического образования, но и совсем исчезнут из программы общеобразовательной школы, как обязательные предметы обучения. Оно настанет тогда, когда среднее образование сделается всеобщей потребностью; когда тяжесть изучения этих языков, распространившись на огромную массу учащихся, сделается для всех ошутительною; когда образование, приспособляясь все более и более к потребностям нового времени, неудержимо будет стремиться стать на основу более осязательную и национальную; когда, через усовершенствование методов преподавания языка отечественного, новых иностранных, истории, географии и наук естественных, будет доказана полная возможность основательного образования без подкладки древних грамматик и древних писателей <...> Умеренный классицизм является теперь непреложною необходимостью нашей образовательной школы, и на его лучшую организацию должно быть направлено все внимание преобразователя»⁴⁰⁴.

Концепция В. И. Модестова разумнее того, что предлагали реалисты, хотя — с точки зрения любого, самого умеренного классицизма — она выглядит капитулянтской. В отличие от своих коллег как из официального, так и из прогрессистского лагерей ученый уделяет достойное внимание проблеме подготовки учителей (его оппоненты желали видеть только идеальные программы), ставит проблему национальной школы (хотя не разрабатывает ее, считая, что нравственного влияния преподавателей и проникнутых национальными ценностями программ, о которых тоже говорится вскользь, достаточно) и намечает (не успев разработать) проблему индивидуальности ученика (хотя мысль о невозможности сочетать классическую школу с массовым образованием — самое уязвимое место реформы — безусловно верна). Прав Модестов и в том, что придает особое значение эстетической, а не грамматической ценности древних языков — в противовес умственной гимнастике классицистов, и в том, что сохраняет здоровое зерно концепции М. Н. Каткова — концентрацию образования. К сожалению, вывод из этих не лишенных основания предпосылок делается неверный: уступая массовым жалобам, профессор готов отказаться от классицизма — хотя бы в перспективе — вовсе, невзирая на то, что в определенных условиях и для определенной части учеников он сам понимает его эффективность. В зародыше эскиз Модестова содержит некоторые идеи, которые могут послужить строительству национальной школы; единственное, с чем нельзя согласиться ни под каким видом, — полная капитуляция перед реалистами, последовательно изгоняющая древние языки и литературы из средней школы.

В заключение следует отметить, что в основном вопросе — о необходимости общего образования — все стороны склонялись к положительному ответу, совершенно по-разному,

---

⁴⁰⁴ Ср. в его речи «Классический мир...» (Ночь, 1885, № 11): «Не замечали ли вы, что у русских писателей, иногда даже у очень прославляемых, всегда есть нечто недоделанное, нечто недоконченное, нечто, если будет позволено так выразиться, топорное, грубое, немножко претящее вкусу, развитому на образцовых писателях? Я это замечал постоянно и потому, быть может, не принадлежу к большим любителям русской литературы последнего времени. Вот это грубое, недоконченное, недоделанное, не удовлетворяющее развитого вкуса, и свидетельствует о скудости литературного и художественного образования новейших русских писателей. Прежние писатели, например Пушкинского времени, стояли в этом отношении гораздо выше. Они искали нового образования у высших образцов, были знакомы с древними писателями; потому-то они писали так выработанно, так законченно, потому-то и сами сделались в своем роде классическими» (с. 285). Там же — аналогичные рассуждения о низком уровне развития живописи в силу отсутствия сознательного отношения к ее задачам и о недостатке политического развития, обусловленном пренебрежением к древней истории.

правда, воспринимая его; реалисты и умеренные не смогли выдвинуть аргументов против классической школы, которые доказали бы ее нецелесообразность. Вопросы развития ума не нашли в их работах сколько-нибудь серьезного решения; настоящую проблему — необходимость считаться с различными по своим возможностям и запросам учениками — поставили классицисты, рассматривавшие свою модель как элитную в современной терминологии и воспринимавшие даваемые гимназией права (поступления в университет и карьеры государственного служащего) как своеобразный аттестат на право принимать решения, определяющие судьбу страны, и умеренные, но не реалисты, желавшие подчинить своей утилитарной концепции все юношество Империи; ключевой проблеме наставника Катков и Леонтьев действительно уделили недостаточно внимания, но зато она вполне осознана в трудах Пирогова. Язык этого спора, во многом чуждый современной педагогике, должен оказаться для нее плодотворным; в подробном изучении рассмотренных концепций и условий их реализации она может почерпнуть полезные уроки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. К ВВЕДЕНИЮ

*Духовный регламент (извлечения)*⁴⁰⁵

Домы училищные и въ нихъ учителя и ученики, такожъ и Церковные проповѣдники

Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства Россійскаго, когда оное не имѣло правильного себѣ ученія, и какъ не сравненно умножилась сила его, и падчаяніе велика и страшна стала, когда Державнѣйшій нашъ Монархъ, Его Царское Величество ПЕТРЪ Первый обучилъ оное изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачевствѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ.

И наипаче тоежъ разумѣть о управленіи Церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, не лзя быть доброму Церкви поведенію, не лзя быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ.

Дурно, многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо кромѣ древнихъ отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ, Валентиновъ, Манихеевъ, Каіаровъ, Евхитовъ, Донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурости описуютъ Иринеи, Епифаній, Августинъ, Іеодоритъ и иные, наши же Рускіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновались? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцыи иные: но ересь во оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго Священныхъ Писаній разумѣнія, а возрасла и укрупилась отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ перемѣнить дурное ихъ мнѣніе, уже и по познаніи истинны противъ совѣсти своей. И хотя отъ ученія своего имѣли они силу сочинять софисмы, сіестъ коварныхъ мудрованій своихъ доводы: обаче кто бы сіе зло восписовалъ просто ученію, тотъ бы понужденъ былъ говорить, что когда и врачъ опойтъ кого отравою, того ученіе врачевское виновно есть; и когда ученый салдаты хитро и сильно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское. И естли посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Не спесивились такъ Епископи до четырехсотнаго лѣта, какъ послѣ возгорѣлися, наипаче Константинопольскій и Римскій; ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло. И аще бы ученіе Церкви, или Государству было вредное, то не учились бы сами лучшія Христіанстіи особы, и запрещали бы инымъ учиться: а то видимъ, что и учились вси древніи наши учителя не токмо Священнаго Писанія, но и внѣшней Философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы Церковные поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи, а именно. Василій великій въ словѣ своемъ ко учащимся младенцамъ, Златоустый въ книгахъ о монашествѣ, Григорій Богословъ въ словахъ своихъ на Іуліана апостата. Но много бы говорить, аще бы о единомъ семъ нарочное слово было.

Ибо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и Церкви, аки корень и сѣмя и основаніе. Но сіе накрѣпко наблюдать подобаетъ, чтобъ было ученіе доброе и основательное.

Ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того несвѣдушихъ, судится быть за прямое ученіе.

⁴⁰⁵ Духовный регламент... С. 53 — 77.

Обычно вопрошают мнози: въ которыхъ школахъ былъ онсица? И когда услышатъ, что былъ онъ въ Реторикѣ, въ Философїи и въ Богословіи; за единыя тѣя имена высоко ставятъ челова, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добре учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою; кольми паче когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или и ниже мало искусень.

Вѣдати же подобаетъ, что отъ пятисотнаго до четырнадцатисотнаго году, сіестъ чрезъ девять сотъ лѣтъ во всей Европѣ всѣя почитай ученія въ великой скудости и неискусствѣ были, такъ что у самыхъ лучшихъ Авторовъ, во оныя времена писавшихъ, остроуміе видимъ великое, а свѣта великаго не видимъ. По четыресотномъ на тысячу годѣ почали проявлятися любопытнѣйшіи и по тому искуснѣйшіи учителя, и помалу многія Академіи гораздо великую, и почитай отъ древнихъ оныхъ Августовыхъ лѣтъ большую силу возымѣли: многія обаче училища въ прежней тинѣ остались, такъ что у оныхъ Реторики, и Философїи и прочихъ ученій имена точію суть, а дѣло не тое. Причины того различныя суть, которыя здѣсь за краткость не вспоминаются.

Таковаго же, тако рещи, привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіи человѣцы глупѣйшіи бывають отъ неученыхъ. Ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все, что либо знать можно, познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги, и больше учиться. Когда вопреки прямыхъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ къ никогда сытости не имѣетъ въ познанїи своемъ, но не престанетъ никогда же учиться, хотя бы онъ и Маисалевъ вѣкъ пережилъ.

Се же вельми бѣдно, что именованные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству и Церкви; предъ властью надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ, и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ; и естли кто во ученїи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. Къ бунтамъ склонны, воспрїемля надежды высокія. Когда богословствуютъ, не лѣзя имъ не еретичествовать; за невѣжествомъ бо своимъ удобъ проговорятся, а мнѣнія своего изреченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобъ не показать себѣ, что не все знаютъ. А мудрїи мужіе сіе между собою утвердили пословіе: мудраго челова ка свойство есть отмѣнять мнѣніе.

Сіе предложить судилось за благо, что естли Царское Величество похощетъ основать Академію, разсуждало бы Духовное Коллегіумъ, каковыхъ исперва учителей опредѣлитель, и каковой ученія образъ показать онымъ, дабы не вотще пошло Государское иждивеніе, и вмѣсто чаянной пользы, не была бы тщета, смѣха достойная.

А какъ бы въ семь опасно и искусно справиться, угодно суть послѣдующіе регулы:

1) Не подобе исперва многихъ учителей, но первый годъ довольно единого или двоихъ, которые бы учили Грамматикѣ, сіестъ, языкъ правильно знать Латинскій, или Греческій, или оба языка.

2) На другой годъ, и третій и прочїи, поступая къ большимъ ученїямъ, да и перваго не отлагая для новыхъ учениковъ, большее число и учителей придастся.

3) Искусать всячески, каковъ въ дѣлѣ своемъ есть, кто хошетъ быть учитель школы. На примѣръ, желая вѣдать, искусень ли въ языкѣ Латинскомъ, велѣтъ ему сложеніе Руское перевести на Латинское, такожь Латинское слово нѣкоего славнаго въ языкѣ томъ Автора, перевести на Руское; и велѣтъ искуснымъ осмотрѣть и освидѣтельствовать переводы его, и тотчасъ покажется, совершенъ ли есть, или средній, или и того ниже, или весьма ничего. Суть же и иныхъ ученій свойственныя искушенія, которыя мощно будетъ особенно списать.

4) А хотя и неискусень въ требуемомъ ученїи покажется, обаче мощно знать, что остроумень есть, то знатно онъ за лѣность, или за плохимъ своимъ учителемъ не достигнуть того, и таковому повелѣтъ полгода или годъ самому учиться отъ Авторовъ, въ дѣлѣ томъ искусныхъ, аще учитель хошетъ быть. Толькожь сіе дѣлать за скудость людей, а лучше бы на таковыхъ не надѣяться.

5) Определеннымъ и добрымъ учителемъ приказать, чтобы они исперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, кая сила есть настоящаго ученія, Грамматики, на примѣръ, Реторики, Логики и прочая; и чего хожемъ достигнути чрезъ сіе или оное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому плывуть, и лучшую бы охоту возымѣли, и познавали бы повседневную прибыль свою, такожь и недостатки.

6) Избрать изряднѣйшихъ во всякомъ ученїи Авторовъ, которые свидѣтельствовани суть въ славныхъ Академіяхъ: именно же, въ Парижѣ, повелѣніемъ короля Людовика четвертаго надесять, такъ кратко, а совершенно заключена Латинская Грамматика, что мощно надѣяться остроумнаго ученика за единъ годъ совершенно научить языка онаго, когда у насъ за

пять и за шесть лѣтъ мало кто постигаетъ. Что можно знать по тому, что студентъ изъ Философіи, или Богословія изшедшій, не можетъ перевести и средняго стила Латинскаго. Избравъ убо, якоже речеся, лучшихъ въ Грамматики, Реторики и въ прочихъ ученіяхъ Авторевъ, подать въ Академію и приказать, чтобы оныхъ руководствомъ, а не иныхъ учено въ школахъ.

7) Въ Богословіи собственно приказать, чтобы учено главныя догматы вѣры нашей и законъ Божій. Чель бы учитель Богословскій Священное Писаніе, и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ Писаній, и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ Писаній. А въ помочь того дѣла чель бы прилежно Святыхъ отецъ книги, да таковыхъ Отецъ, которые прилежно писали о догматахъ, за нужду распрѣвъ въ Церквѣ случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси. Ибо суть древніе учителя собственно о догматахъ, тотъ о семь, а другой о иномъ писавши. На примѣръ, о Тройческой тайнѣ Григоріи Назианзинъ въ пяти словахъ своихъ Богословскихъ, и Августины въ книгахъ о Троицѣ и о Божествѣ Сына Божія. Кромѣ оныхъ Аіанасій великій въ пяти книгахъ на Аріанъ о Божествѣ Святаго Духа, Василиій Великій въ пяти книгахъ на Евноміа. О Ѳпостаси Христовой Кирилль Александрійскій на Несторіа. О двоичѣ естество въ Христѣ довольно одно посланіе Леона, Папы Римскаго до Флавіана Цареградскаго Патріарха. О грѣхѣ первородномъ и о благодати Божіей Августины во многихъ книгахъ на Пелагіаны и прочая. Къ тому же зѣло полезны дѣянія и разговоры Селенскихъ (sic!) и Помѣстныхъ Синодовъ. И отъ таковыхъ учителей при Священномъ Писаніи нетщитное будетъ ученіе Богословское. А хотя и можетъ Богословскій учитель и отъ новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей помощи искать; но долженъ не учиться отъ нихъ и полагаться на ихъ сказки, но только руководство ихъ принимать, какиихъ они и отъ Писанія и отъ древнихъ учителей доводовъ употребляютъ. Наипаче въ догматахъ, въ которыхъ съ нами иновѣрцы согласны суть; а однако доводомъ ихъ не легко вѣрить, но посмотрѣть, естьли таковое въ Писаніи, или въ книгахъ отеческихъ слово, и тую ли имѣетъ силу, въ яковой они приѣмлютъ. Многажды бо лгутъ господа оныя, и чего не бывало приводятъ. Многажды же слово истинное развращаютъ. Буди здѣла едино, на примѣръ, слово Господне къ Петру: *Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* реченно о Петрѣ персонально, о самомъ лицѣ Петровѣ, а Латини влекутъ оное къ Папѣ своему, наводя отъ того, что Папа не можетъ погрѣшить въ вѣрѣ, хотя бы хотѣлъ. Долженъ бо учитель Богословскій не по чужимъ сказкамъ, но по своему ведѣнію учить и, иногда избравъ собственное время, показать въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобы и они извѣстны сами были, а не сумнились бы, правду ли говорить, или лжетъ учитель ихъ.

8) По случаю здѣла съ причины мимолетшаго совѣта воспоминается, что при школахъ надлежитъ быть библіотекѣ довольноной. Ибо безъ библіотеки, какъ безъ души Академіа. А довольноную библіотеку можно купить за двѣ тысячи рублей.

Библіотека учителемъ по вся дни и часы ко употребленію невозбранна, только бы книгъ по келліамъ не разбирали, но чли бы оныя въ самой библіотечной канторѣ. А ученикамъ и прочимъ охотникамъ отворять Библиотеку въ уреченные дни и часы.

И ходили бы въ библиотеку, которые языкъ умѣютъ, въ особенные часы и дни по долженству, а въ иные за охоту и въ урочное время. Спрашивалъ бы всякаго рода учитель, котораго онъ Автора читаетъ, и что прочелъ, и что писалъ: а естьли чего не уразумѣлъ, тобъ ему объяснилъ учитель. Сіе вельми полезно и скоро человека аки претворяетъ въ иного, хотя бы прежде грубыхъ былъ обычаевъ.

9) Обращаясь къ школьнымъ ученіямъ, сіе видится быть вельми благоуспѣшно, что могутъ одного часа и однимъ дѣломъ подаваться. На примѣръ, уча Грамматики, можетъ учитель съ нею учить купно и Географію и Исторію: понеже, по регуламъ Грамматическимъ, нужно есть дѣлать екзерциціи, сіестъ обучатися въ переводахъ съ моего языка, на языкъ тотъ, котораго учуся, и вопреки съ языка того на мой языкъ. То мощно велѣть ученикамъ переводить по части Географію, или Исторію одну внѣшнюю, либо Церковную, или на перемѣну оба тѣ ученія.

Обаче понеже Исторію четь безъ ведѣнія Географскаго есть какъ бы завязанными глазами по улицамъ ходить; того ради здравый совѣтъ есть годъ, Грамматикѣ определенный, раздѣлать на двѣ части; и полгода первое учить Грамматику съ Географією, особенный въ недѣлю день определяя, въ которой на картѣ будетъ учитель показывать циркулы, планисферія и универсальную ситуацію міра. А еще лучше бы дѣлать сіе на Глобусѣ, и такъ обучать студентовъ, тобъ могли перстомъ показать, когда кто спроситъ ихъ: гдѣ Азія? гдѣ Африка? гдѣ Европа? и къ которымъ сторонамъ подъ нами лежитъ Америка? Такожъ и особъ о Государствахъ: гдѣ Египеть? гдѣ Хина? гдѣ Португалія? и прочая. А другое полгода давать въ екзерциціи переводить Исторію универсальную, да краткую, только бы былъ Авторъ чистаго языка Латинскаго, яковой есть Юстинъ историкъ, и мощно будетъ послѣ другихъ усмотрѣть.

И се вельми полїзно; ибо ученицы великое ко учению возымѣютъ добротство, когда невеселое языка учение толь веселымъ міра, и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлѣ познаниемъ растворено имъ будетъ, и скоро отъ нихъ грубость отпадетъ, и еще при берегѣ почитай училищномъ не мало драгихъ товаровъ обрящутъ.

10) Чинъ ученія таковой добрый кажется:

1. Грамматика купно съ Географією и Исторією.
2. Ариметика съ Геометрією.
3. Логика или Діалектика, и едино то двоименное учение.
4. Реторика купно или раздѣльно со стихотворнымъ учениемъ.
5. Физика, присовокупя краткую метафизику.
6. Политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судится быть, и можетъ она присовокупитися къ Діалектикѣ.
7. Богословія. Первые шесть по году возьмутъ, а Богословія два года. Ибо хотя и всякое учение, кромѣ Діалектическаго и Грамматическаго, пространное есть; обаче въ школахъ сокращенно трактовать надобно, и главнѣйшія только части. Послѣдній самъ долгимъ чтениемъ и практикою совершится, кто такъ доброе руководство получить. Языкъ Греческій и еврейскій (если будутъ учителя) между иными учении урочное себѣ время примутъ.

11) Ректора и Префекта усмотрѣть прилѣжныхъ челоуѣкъ, и которыхъ учение и труды уже извѣстны. И укажетъ имъ Духовное Коллегіумъ тщательнымъ быть въ дѣлѣ своемъ съ таковымъ угрозениемъ, что ежели нечинно пойдутъ учения и неблагопоспѣшно; то они сами суду подпадутъ въ Духовномъ Коллегіумѣ. И того ради смотрѣть должны, ходятъ ли всегда въ школу учителя, и такъ ли учатъ, какъ подобаетъ. И должны Ректоръ съ Префектомъ посѣдѣть въ недѣлю двѣ школы, а въ другую недѣлю другія двѣ, и такъ и прочія кругомъ. А когда въ школу придутъ, учитель при нихъ учить будетъ, а они слышати, хотя чрезъ полчаса; такожь и вопросами отвѣдывать учениковъ, знаютъ ли, что уже должно бы имъ знать.

12) Если кто отъ учителей противень покажется Академическимъ уставомъ, и непреклоненъ наставленію Ректорскому, такового Ректоръ объявитъ въ Духовное Коллегіумъ; и по слѣдованію отставленъ или наказанъ будетъ по разсужденію.

13) Мощно и фискаловъ опредѣлить, которые бы насматривали, все ли во Академіи порядочно.

14) О ученикахъ сіе разсужденіе: должны вси Протопопы, и богатшіи и инии Священники дѣлѣ своей ідейнейшею аи Аѳаѳіііііі. Іїііі діііііі бѣіііііііі іііііііііі іііііііііі іііііііііі іііііііііі; а о дворянахъ, какъ собственная воля будетъ Царскаго Величества.

15) Приходящіе же тые ученики былибъ при Академіи до конца всѣхъ учений, и не отпускать отъ школъ Ректору безъ вѣдома Духовнаго Коллегіумъ. А если бы Ректоръ или Префектъ, или иный кто отпустилъ ученика отай за мзду поданую, и на такового преступника опредѣлить жестокое наказаніе.

16) Всѣмъ по всюду извѣстно буди, что гдѣ будетъ челоуѣкъ ученый во Академіи, и отъ Академіи свидѣльствованный, того на степень духовныя или гражданскія чести не можетъ упредить неученый съ великимъ штрафомъ на власти оныя, которыя бы инако сдѣлали.

17) Новопришедшаго ученика отвѣдать память и остроуміе; и если покажется весьма тупъ, не принимать въ Академію: ибо лѣтъ потеряетъ, а ничего не научится; а обаче возымѣетъ о себѣ мнѣніе, что онъ мудрый, и отъ таковыхъ нѣсть горшихъ бездѣльниковъ. А чтобъ который не притворялъ себе тупости, желая отпуску въ домъ, какъ то другіе притворяютъ тѣлесную немощь отъ солдатства; искушенію ума его цѣлый годъ положить. И можетъ умный учитель примыслить способы искушенія таковыя, яковыхъ онъ познать и ухитрить не дознается.

18) Буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, клеветникъ, непокорливъ; и буде чрезъ годовое время ни увѣщаніи, ни жестокими наказаніи одолѣть ему не возможно: хотябъ и остроумень былъ, выслать изъ Академіи, чтобъ бѣшеному меча не дать.

19) Множество Академіи не въ городѣ, но въ сторонѣ на веселомъ мѣстѣ угодное, гдѣ нѣсть народнаго шума, ниже частыя оказіи, которыя обычно мѣшаютъ учения и находятъ на очи, что похищаетъ мысли молодыхъ челоуѣкъ, и прилѣжаться учениямъ не попускаетъ.

20) Ненадобно хвалитися Академіи, но ниже смотреть на то, что много учениковъ имѣетъ; сіе бо весьма суетно есть: но смотрѣть, какъ много есть остроумныхъ и добрыхъ учащихъ, съ великою пользы надеждою, и какъ бы оныхъ додержать постоянныхъ до конца.

21) И сіе есть отнюдь непотребно, паче же и тщетно, чтобъ студентовъ, какіе ни придутъ, принимать на поденныя деньги Государевы. Приходятъ бо многіе не для учения, но

еще иные и неспособные по природѣ, для жалованья только, нищетную нуждею влекомы. Иные же и способные, да сколько похотятъ при Академіи жить, а когда и куды хотятъ, отходятъ. Что жъ съ того добра? Только суетный убытокъ.

Принимать бы студентовъ съ разсмотрѣніемъ остроумія, и они бы запись давали на себе, что до конца ученій пребудутъ въ Академіи, подѣ великимъ штрафомъ, естли бы обѣ та своего не исполнили безъ крайней нужды. И такъ можно будетъ, оныхъ по совершеніи школьномъ, презентовать Царскому Величеству и, по Его Величества указу, опредѣлить оныхъ на разныя дѣла.

22) Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно, быть при Академіи, или въ началѣ и безъ Академіи Семинаріумъ для ученія и воспитанія дѣтей, какіе вымыслено немало во иноземныхъ странахъ. А того нѣтъ образъ представляется.

1. Построить домъ образомъ монастыря, котораго пространство и жидь и всякіе къ препитанію, и одѣянію и прочимъ нуждамъ припасы былибъ противъ числа дѣтей, (какое опредѣлено будетъ по воли Царскаго Величества) пятьдесятъ, или семьдесятъ или больше, такожъ и потребныхъ управителей и служителей.
2. Въ дому томъ имѣютъ жить дѣти и уже и большаго возраста юноши, по осьми или по девяти челомъ въ единой избѣ. Обаче съ такимъ расположеніемъ: большіе во единой, средніе въ другой, малые въ третей избѣ.
3. Всякому мѣсто опредѣлить при столѣ въ сто собственной канторы, гдѣ его стоитъ кровать складная, чтобъ въ день логовища знать не было; такожъ шкафа на книжки и иныя вещицы, и стуликъ для сидѣнія.
4. Во всякой избѣ (сколько оныхъ будетъ) имать быть Префектъ, или надсмотрникъ, человекъ хотя неученый, обаче честнаго житія, толькобъ не вельми свирѣпый и не меланхоликъ, лѣтами отъ 30 до 50-го году. А дѣло онаго сіе: насматривать чтобъ между Семинаристы, (такъ воспитываемые въ дому томъ нарицаются) не было ссоръ, драки, сквернословія, и всякаго инаго безчинія, и чтобъ въ уреченные часы всякъ дѣлалъ, что должно. А всякъ бы Семинаристъ изъ избы своей безъ его благословенія не выходилъ, и то съ объявленіемъ причины, куды и для чего исходить.
5. Въ том же дому подобаетъ быть хотябъ тремъ ученымъ челомъ монахомъ или мірскимъ, изъ которыхъ одинъ будетъ Ректоръ, дому всего управитель, а два Эксаминаторы, сіестъ розыщики ученія, какъ кто учится, лѣт ниво или прилѣжно.
6. Во всякой избѣ Префектъ имѣетъ власть наказывать себѣ подчиненныхъ за преступленіе, но малыхъ розгою, а среднихъ и большихъ словомъ угрозытельнымъ, а потомъ на неисправляющихся доносить Ректору.
7. Такожъ Эксаминаторы за лѣтность во ученіи съ малыми, средними и большими поступать будутъ, и Ректору доносить.
8. Ректоръ, верховная власть всѣхъ, всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ. А кто непреклоненъ ко исправленію явится, того Ректору не отпускать изъ Семинаріумъ безъ вѣдома Духовнаго Коллегіумъ.
9. Опредѣлить времена ко всякому дѣлу и покою Семинаристомъ, когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, итти за трапезу, гулять и прочая. И вси бы оныя часы колокольцемъ означать, и вси бы Семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ, принимались за дѣло, какое на часъ уреченной назначено.
10. Не отпускать изъ Семинаріумъ въ города, или куды ни есть, къ своимъ въ гости, пока Семинаристъ не обикнетъ, пребывая въ Семинаріумъ, и не ощутитъ знатной пользы таковаго воспитанія, а имянно: до трехъ лѣтъ, по приходѣ всякаго въ Семинаріумъ, не испускать никуда; а по третьему году, не больши дважды въ годъ позволить вытти въ гости къ родителямъ или сродникомъ, и то не далече отстоящимъ, такъ чтобъ не больше седми дней прошло отъ изшествія до возвращенія въ самый домъ Семинарскій.
11. А когда и такъ испущенъ будетъ въ гости Семинаристъ, то обаче придавать оному честнаго челомъ, яко Инспектора или наблюдателя, который былъ бы при немъ вездѣ, и всегда и при всякихъ случаяхъ, и по возвращеніи давалъ бы репортъ Ректору, что дѣлалось. А естли бы тотъ приданный Инспекторъ, поноровя ему, утаилъ бы нѣчто худое, и таковаго плута бить гораздо. А можно будетъ тое познать и по сему, что возвратившійся Семинаристъ не можетъ не показать на себѣ нѣкой прежнихъ нравовъ и охоты измѣны.

12. А когда какіе сродники прїидуть въ Семинаріумъ послѣ тить своего тамо сродника, и тѣхъ гостей, съ вѣдомомъ Ректорскимъ, ввести въ трапезу, или иную общую избу или въ садъ, и тамо онымъ съ сродникомъ своимъ разговаривать, и мѣрно кушаніемъ и питіемъ потраковать ихъ можно, самому присутствующу Ректору или одному Экзаминатору, по разсужденію лицъ.
13. Таковое младыхъ человакъ житіе кажется быти стужительное и заключенію плѣнническому подобное. Но кто обыкнетъ такъ жить, хотя чрезъ единъ годъ, тому весьма сладко будетъ.
14. Обаче ко врачеванію скуки, послѣдствующія регулы угодныя суть:
15. Не принимать до Семинаріумъ, только малыхъ дѣтей отъ десяти до пятнадцатаго году возраста, а выше того развѣ за прошеніемъ честныхъ лицъ, свидѣтельствующихъ, что отрокъ и въ домѣ родительскомъ жилъ въ страхѣ и добромъ насмотрѣніи.
16. На всякъ день два часа опредѣлитель на гулянье Семинаристомъ, а именно: по обѣдѣ и по вечери, и тогдабъ не вольно никому учиться, и ниже книжки въ рукахъ имѣть. А гулянье было бы съ играми честными и тѣлодвижными, лѣтомъ въ садѣ, а зимою въ своей же избѣ. Ибо сіе и здравію полезно есть и скуку отгоняетъ. А еще лучше таковыя избирать, которыя съ потѣхою подаютъ полезное нѣкое наставленіе. Такое, на примѣръ, есть водное на регулярныхъ судахъ плаваніе, Геометрическіе размѣры, строеніе регулярныхъ крѣпостей и прочая.
17. Можно единожды или дважды на мѣсяцъ, наипаче лѣтомъ, проѣздиться на острова, на поля и мѣста веселыя, къ дворамъ загороднымъ Государевымъ, и хотя единожды въ годъ въ Санктпѣтербургъ.
18. Въ трапезѣ чтеніе будетъ ово Исторій воинскихъ, ово Церковныхъ. А въ началѣ всякаго мѣсяца чрезъ два или три дни чтомы да будутъ повѣсти о мужахъ, во ученіи просіявшихъ, о Церковныхъ великихъ учителяхъ, такожъ и о древнихъ и нынѣшнихъ Философахъ, Астрономахъ, Риторахъ, Историкахъ и прочая. Ибо таковыя повѣстей слышаніе и сладко есть, и къ подражанію мудрыхъ оныхъ людей поощряетъ.
19. Можно же еще дважды въ годъ или больше дѣлать нѣкія акціи, диспуты, комедіи, риторскія экзерциціи. И то бо зело полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіесть честной смѣлости, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія, и дѣло посольское, но и веселую перемѣнку дѣлаютъ таковыя акціи.
20. Могутъ уставлены быть и нѣкія почести добрымъ и тщательно учащимся.
21. Добрымъ въ великіе праздники быть при столѣ оныхъ Семинаристовъ гласомъ Музыкійскихъ инструментовъ; и сіе не трудно: ибо перваго токмо нанять мастера, а отъ него наученные охотные Семинаристы должны будутъ и другихъ научить на свое мѣсто туне. И сія семь воспоминаемыхъ регулы служатъ ко увеселенію учащихся.
22. Подобаетъ быть въ Семинаріумѣ Церкви, Аптекѣ и Доктору, а школы въ близкой Академіи, куды Семинаристы ходятъ учиться будутъ. А естли въ Семинаріумѣ и школы и учителя будутъ, то Академія и Семинаріумъ вмѣстѣ будетъ. А для учениковъ прочіихъ, которые не похотятъ жить въ Семинаріумѣ, можно построить нѣсколько жилья внѣ Семинаріумъ, и пустить въ наемъ студентамъ.
23. Регулы учителей, ученія и учениковъ, выше по Академіи описанныя, и здѣсь хранитися должны.
24. Семинаристы едины будутъ люди убогія, и тыя, по милости Царскаго Величества, препитаніе и одѣяніе и прочая нужная возымѣютъ. А другіе богатыхъ людей дѣлать, которые должны будутъ платить за кормъ и одѣяніе, а цѣль нѣ быть единой, навсегда опредѣленной.
25. Какъ прїидеть Семинаристъ въ совершенный разумъ, и къ большимъ ученіямъ достигнетъ; то долженъ учинить въ церкви Семинарійской при прочіей братіи своей присягу на томъ, что хоцетъ онъ быти вѣренъ Царскому Величеству и Его Наслѣднику, и готовъ къ службѣ, до которой угоденъ есть, и позванъ будетъ указомъ Государевымъ.
26. Совершившихся во ученіи Семинаристовъ не отпустить Ректоръ отъ Семинаріумъ, пока прежде не одѣлаетъ до Коллегіумъ Духовнаго, а Коллегіумъ презентовать оныхъ будетъ Царскому Величеству. И потомъ дастъ онымъ абшитъ со свидѣтельствомъ искусства ихъ.

27. А которые Семинаристы, по совершении учения, угоднѣишія покажутся къ дѣлу духовному, и онибѣ у Епископовъ были ближайшіи къ всякимъ степенемъ властелинскимъ паче прочіихъ, хотя бы и равно онымъ искусныхъ, но не въ Семинаріумъ воспитанныхъ, развѣ бы нѣкій знатный порокъ на Семинаристѣ показался, и то не былъ бы оной порокъ отъ клеветы. А на завистниковъ и клеветниковъ опредѣлить жестокое наказаніе.

II. К СТАТЬЕ: ХАРЬКОВСКИЙ КОЛЛЕГИУМ В XVIII И НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТІЯ

*Жалованная грамота Императрицы Анны Иоанновны Харьковскому Коллегіуму*⁴⁰⁶

Божіею послѣ шествующею милостію Мы Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ Государыня, и Великая Княгиня Новагорода, Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлогорская, Удорская, Обдорская, Кондійская и всея Сѣверныя страны Повелительница, и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ наслѣдница Государыня и Обладательница, Наше Императорское Величество чрезъ сіе объявляемъ: понеже Дядя наш Петръ Великій Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій какое особенное попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ какъ духовныхъ для прославленія имени Божія и защищенія Россійскія церкви, такъ и для свѣдѣнскихъ разныхъ наукъ, о томъ всѣмъ извѣстно, и собственно въ регламентѣ духовномъ, выданномъ въ 721 году, объявлено, чтобы каждый Архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и Семинаріи, о чемъ также и другими указами подтверждено было. А нынѣ Нашему Императорскому Величеству Богомольецъ Нашъ Преосвященный Епифаній Епископъ Бѣлогорскій и Обоянскій всеподданнѣише билъ челомъ, что онъ Преосвященный Епископъ въ своей епархіи въ городѣ Харьковѣ къ надеждѣ лучшаго священства и къ защищенію Россійскія церкви основалъ училищной Покровской монастырь и въ немъ Славено-Греко-Латинскія школы каменные, и учредилъ тогожъ Игумена надъ школами и учителями ректоромъ для лучшаго управленія и смотрѣнія какъ учителей, такъ и учениковъ, да еще Префекта и учителей, а именно всѣхъ семь человекъ; отъ чего де не токмо священству, но и отечеству Россійскому по милости Божіей немалой плодъ происходитъ; и чтобы на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ учения, дабы и впредь было отъ его сукцессоровъ содержаны (sic — А.П.Л.) ненарушимо, дать Нашу жалованную грамоту. И Мы всепресвѣтлѣишая, Державнѣишая, Великая Государыня Анна Иоанновна, Наше Императорское Величество, слушавъ онаго Богомольца Нашего Преосвященнаго Епифанія Епископа Бѣлогорскаго и Обоянскаго челобитья, и усмотря его Архіерейское въ томъ особенное попеченіе и тщаніе, ревнуя вышепомянутому Дяди Нашего Петра Великаго намѣренію и опредѣленію, всемилостивѣише пожаловали указами тому Харьковскому училищному Покровскому монастырю и въ немъ Славено-Греко-Латинскимъ школамъ, Игумену и Ректору, также учителямъ быть вѣчно и ненарушимо, и оной содержать по Нашимъ императорскимъ указамъ и по духовному регламенту непремѣнно; а въ томъ монастырѣ Игумену и Ректору и всѣмъ учителямъ довольствоваться тѣми доходами, чѣмъ они нынѣ по разсмотрѣнію Епифанія Епископа Бѣлогорскаго и Обоянскаго, яко перваго строителя того монастыря и училища, удовольствованы; а учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только Пѣитикѣ, Риторикѣ, но и Философіи и Богословіи Славено-Греческимъ и Латинскимъ языки; также стараться, чтобы такія науки вводитъ на собственномъ Россійскомъ языкѣ, и преподавать ученіе съ усерднымъ тщаніемъ, ревностію и раденіемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ святыхъ Восточныхъ церкви исповѣданія; а беспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирать, и ни до какого своевольства не допускать. Чего ради сею Нашего Императорскаго Величества жалованною грамотою тотъ Харьковскій училищный Покровскій монастырь и въ немъ школы и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ; и притомъ повелѣваемъ

⁴⁰⁶ Топографическое описание Харьковскаго намѣстничества с историческимъ предуведомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ с древнихъ временъ переменахъ, взятымъ къ объясненію деяній и хронологіи изъ Татарской Истории Бандур-Хана Абдулгады, Россійской Истории Князя Щербатова, Начертанія Европейской Истории Готтфрида Ахенвалла, и Политической Истории Самуила Пуффендорфа. М., 1788, С. 129–134.

всѣ мѣ Нашимъ подданнымъ какъ военнымъ, такъ статскимъ и всякаго званія и чина людямъ тому училищному монастырю и въ немъ Ректору, учителямъ и ученикамъ, въ школахъ обретающимся, также внѣ монастыря живущимъ подданнымъ и слугамъ монастырскимъ отнюдь обидъ и утѣ сненія никакого не чинить; а ежели кто тому монастырю, также Ректору, учителямъ школьнымъ и внѣ монастыря и въ школахъ живущимъ и обретающимся нынѣ и впредь будущимъ учнетъ чинить какія обиды, или утѣ сненія, въ томъ защищать и по Нашимъ правамъ и указамъ оборонять, и для вѣщаго утвержденія реченному Богомольцу Нашему Преосвященному Епифанію Епископу Бѣлогородскому и Обоянскому и по немъ будущимъ сію Нашего Императорскаго Величества жалованную грамоту за подписаніемъ Нашея Монаршескія руки и печатью государственною утвердить повелѣ ли. Дана въ Москвѣ Марта 16 дня, 1731, государствованія Нашего второго году.

Въ подлинной:

Анна.

Печать на красномъ воску.

Графъ Головкинъ.

*Образецъ аттестата*⁴⁰⁷

Объявитель сего Харьковскаго Коллегіума ученикъ школы богословія Ахтырскаго полку Краснокутскаго вѣдомства села Лихачевки церкви Николаевской умершаго попа Ивана сынъ Василій Ковалевскій съ прошлаго 1742 до 1756 года, по указу Ихъ Императорскихъ Величествъ обучаяся въ Харьковскомъ Коллегіумѣ рачительно и прилежно, дошелъ школы богословія и, выслушавъ оную три года, нынѣ по указу Ея Императорскаго Величества, присланному изъ консисторіи Его Преосвященства, а по прошенію онаго Ковалевскаго, оный Ковалевскій отъ школъ для присканія себѣ гдѣ пожелаетъ мѣста уволенъ. А яко оный Ковалевскій, трудясь по указамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ пользу отечества во всю бытность въ Харьковскомъ Коллегіумѣ житіе свое честно и безподозрительно проводилъ, того ради ему Ковалевскому, яко честному и безподозрительному человѣку, съ прошеніемъ, дабы яко честный человѣкъ и трудившійся по указамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ пользу отечества, милостію отъ командующихъ не оставленъ былъ, съ Харьковскаго Коллегіумскаго собора, за подписаніемъ рукъ и приложеніемъ Коллегіумской печати, во увѣреніе сей увольнительный отъ школъ абшитъ данъ 1756 года Октября 14 дня.

*Инструкція для инспекторовъ (1796 г.)*⁴⁰⁸

1. Во первыхъ, инспекторамъ учениковъ своихъ обучать добронравію и страху Божію и никакихъ соблазновъ предъ оными не оказывать, не только дѣлами, но и словами; ежели же какіе пороки или страсти въ ученикахъ, какъ-то: гнѣвъ, лѣнь и другіе примѣчаны были, то всѣмъ образы отвращать отъ того.
2. Приказывать ученикамъ при себѣ читать утреннія и на сонъ грядущихъ молитвы, а за обѣдомъ и за ужиномъ говорить о Законѣ Божіемъ и о ученіяхъ.
3. За учениками всегда въ церковь ходить, особливо до утрени, дабы какого худого случая не воспослѣдовало, такожъ и вышедши изъ церкви всегда вмѣстѣ съ учениками прямо идти въ домъ; въ церкви же стоять всѣхъ классовъ ученикамъ благоговейно, не бродить съ мѣста на мѣсто, но заниматься пѣніемъ и чтеніемъ, притомъ приходитъ благовременно и выходитъ не прежде, какъ совсѣмъ церковное пѣніе и чтеніе окончится, въ чемъ наипаче инспекторы обязаны ученикамъ подавать самими собою примѣры.
4. Прилежно учениковъ обучать и стараться ревностно, чтобы ежедневно въ большій ученія успѣхи приходили и дорогого времени не теряли.
5. Ученикамъ оккупации не передиктовывать, понеже оттуда никакой пользы не получаютъ, но всегда сложенные отъ ихъ исправлять и рассказывать по регуламъ или съ ними вмѣстѣ слагать, пока сами навькнутъ; притомъ учить правописанію, чистописанію, произношенію латинскому и русскому по просодіи и знакамъ, раздѣляющимъ въ рѣчи разумъ.
6. Оккупации, экзерциціи и локуціи по регуламъ разбирать и спрашивать учениковъ по какому правилу сіе или тое сложили.
7. Когда въ училища идутъ ученики, то уроковъ и другихъ школьныхъ дѣлъ выслушивать ихъ. Оккупации прочитавъ и исправить и подписать: *Correcta lectaque*⁴⁰⁹. Такожъ, когда изъ училищъ

⁴⁰⁷ Лебедев..., с. 93.

⁴⁰⁸ Лебедев..., с. 80–84.

⁴⁰⁹ Исправлено и прочитано (лат.).

придутъ, тотчасъ спрашивать, чему въ школѣ учено и что читано, и все то повторить и объяснить порядочно съ примѣрами, не отлагая на другое время.

8. Учениковъ безъ всякихъ нуждъ никуда не пушать изъ квартиръ, а когда и нужда какая случится пойти, то ходили бы съ вѣдомомъ и со срокомъ, а особливо надобно наблюдать, дабы не ходили по базару безъ нужды, а гдѣ кулачные бои бываютъ, то и вовсе; по льду бы не козались, да и самимъ инспекторамъ безъ всякаго дѣла по улицамъ не бродить и не шататься по чужимъ квартирамъ, а особливо по безчестнымъ домамъ, изъ чего сами они и дѣти уронъ въ ученіи потерпятъ и безславіе на самихъ себя и прочихъ наведутъ, но всячески старались бы излишнее время употреблять на чтеніе книгъ въ пользу себя и въ примѣръ ученикамъ.

9. Понеже всякой субботы въ училищахъ о Законѣ Божіемъ ученіе изъясняется, то инспекторы въ воскресные дни, изъяснивъ по утру предъ литургіею ученикамъ того дня положенное Евангеліе, долгъ имъ ютъ въ томъ же самомъ спрашивать ихъ, объяснять имъ, сколько можно внедряя въ мысли силу Закона Божія и добронравія, отъ коего благополучіе жизни зависитъ.

10. Всегда инспекторамъ ночевать въ домѣ и ночью никуда не волочиться и приходящихъ изъ другихъ квартиръ или изъ сиропитательнаго дома ночевать не допускать учениковъ ночью никуда, ни за чѣмъ не посылать не только далеко, но и близко, не заставляя сапоговъ снимать и чистить употребляя ихъ на мѣсто служителей.

11. Учениковъ за погрѣшности наказывать весьма умеренно, по разсмотрѣнію вины, не отъ гнѣва, не отъ злобы, но отъ усердія пользы ихъ и для исправленія, и то въ необходимой надобности, а больше стараться исправлять ихъ не столько наказаніемъ, сколько увѣщаніями.

12. Учениковъ никогда не бить по щекамъ, за волосы не рвать, не бить по спинѣ, не штрикать ничѣмъ въ глаза, въ зубы и въ груди, также по рукамъ палкою или толстой палкою такъ, чтобы паля отъ удара разбилась, какъ то дѣлаютъ запальчивые.

13. Между толкованіемъ ученія и исправленіемъ оккупаций и другихъ школьныхъ дѣлъ не кричать на учениковъ, не бить безразсудно, и изъяснить все порядочно, и сколько можно обстоятельно.

14. Съ компаніями и гостями въ квартиру не водиться, чтобы другіе напрасно харчей не ѣли, и чтобы ученики въ пищѣ недостатка не претерпѣвали.

15. Денегъ харчевыхъ на свои собственныя надобности ни подъ какимъ видомъ не употреблять, а употреблять оныя на содержаніе въ пищу и другія необходимыя нужды, и то съ запискою вѣрной; притомъ да почтеть себѣ всякій инспекторъ за непремѣнный долгъ наблюдать, чтобы ученики платья и книгъ какимъ-либо образомъ не растеряли, имъ являясь всѣмъ обстоятельные реестры.

16. Политики, т. е. учтивости, сколько возможно, вежливости, опрятности и чистотѣ, а наипаче честности и благонравію всемирно учениковъ обучать, показывая всего сего примѣры на самихъ себѣ.

17. Не призывать живущихъ въ сиропитательн[омъ] дом[ѣ] и другихъ изъ стороны людей для наказанія учениковъ, но буде какіе ученики крайне противны⁴¹⁰ инспекторамъ окажутся, на таковыхъ представлять учителямъ и ректору.

18. Не давать ученикамъ прозваній въ насмѣшку никакихъ, не бранить неблагопрістойно, не называть каналами, бестіями, сукиными сынами и другими язвительными словами, тогожъ самага чтобы и отъ нихъ не было, наблюдать прилежно.

19. Учить учениковъ чисто говорить и отъ рѣчи простой, грубой и нечистой отводить, учить прямо стоять, а не горбясь и потупя глаза въ землю, какъ то дѣлаютъ настойчивые и прямые.

20. Съ учениками, ежели они хотя мало въ состояніи будутъ разумѣть, говорить по-латински или, кои обучаются по-нѣмецки, дабы чрезъ частое употребленіе навѣкъ имъ тѣхъ языкахъ, какимъ обучаются, чего самага наблюдать и между учениками.

21. Ежели время будетъ оставаться свободное отъ упражненій публичныхъ классовъ, ученикамъ назначать или что полезное наизусть учить, или повторять прежнее ученіе, или другія упражненія опредѣлять; во время же рождественскихъ и воскресныхъ дней обязаны инспекторы, кромѣ школьнаго повторенія, назначать отъ себя упражненія на прочитанныя правила, которыя ученики, переписавъ набѣло представляли бы, по окончаніи праздниковъ, гг. учителямъ.

22. Когда инспекторы съ учениками отъѣзжаютъ въ дома до родителей ихъ на вакаціи, то непремѣннымъ долгомъ да почтуть себѣ упражнять учениковъ въ повтореніи выученныхъ предметовъ и въ сочиненіи по онымъ примѣровъ, внедряя въ сердца ихъ ревность къ хожденію

---

⁴¹⁰ Не слѣдуетъ модернизировать это слово.

въ храмъ Божій, обязанность къ почтенію родителей и любовь къ добродѣтели, отнюдь не входя и не замѣшиваясь ни въ какія къ себѣ не принадлежащія дѣла.

РУСКАЯ ПОЭЗІЯ

въ пользу юношества, обучающагося въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, сочиненная учителемъ Поэзіи Яковомъ Толмачовымъ. Москва. Въ Типографіи С. Селивановскаго, 1805.

Преосвященнѣйшему Христофору Сулимѣ, Епископу Слободскому-Украинскому и Харьковскому,

Ордена Св. Анны первой степени кавалеру,

Любителю и покровителю Наукъ,

Милостивѣйшему Отцу и Архипастырю

Съ глубочайшею преданностію посвящаетъ сей посильный опытъ трудовъ своихъ учитель Поэзіи, чистой Математики, Греческаго и Французскаго языковъ,

Яковъ Толмачовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ⁴¹¹.

О разныхъ родахъ упражненій.

Правила безъ упражненій мало пользуются. Можно выучить правила и знать ихъ по теоріи твердо: но произвести оныя въ дѣйствіе безъ навыка трудно. Сіе подтверждаетъ опытъ во всякой наукѣ: посему первое стараніе ученика должно быть упражненіе въ сочиненіи.

Способъ и употребленіе слога. Квинтилианъ въ разсужденіи слога три представляетъ правила:

1. Не должно спѣшивать въ сочиненіи. Не отъ поспѣшности зависитъ красота сочиненія, но отъ навыка красиво сочинять пріобрѣтается поспѣшность.

2. Не тѣ мысли, которыя представляются, тотчасъ должно изображать, но надобно искать и выбирать изъ нихъ лучшія; поелику намъ обыкновенно представляются прежде всего тѣ мысли и слова, которыя во всегдашнемъ и всеобщемъ употребленіи; а слѣдовательно низкія. Прекрасное и рѣдкое рѣдкое и съ трудомъ на мысль приходитъ.

3. При сочиненіи выше написанное надобно повторять, а особливо въ сочиненіяхъ длинныхъ. Ибо сверхъ того, что, повторяя такимъ образомъ, связываемъ предыдущее съ послѣдующимъ, возбуждаемъ вниманіе и жаръ, который отъ продолжительныхъ мыслей обыкновенно ослабѣваетъ.

4. Четвертое правило представляетъ Гораций: выбирай матерію, сообразную твоимъ силамъ.

Sinite materiam vestris, qui scribitis, aequam viribus.

Ученику должно избирать всегда для описанія предметъ физическій, который онъ всегда передъ глазами видитъ, не связывая его мыслей никакимъ сказуемымъ, на прим. солнце, луна, лѣсъ, лугъ, громъ и проч.

Наконецъ слѣдующіе роды упражненій способствовать будутъ къ образованію слога.

I. Синонимы.

Однозначныя весьма важны въ сочиненіяхъ стихотворческихъ. Если чѣмъ избѣгать можно принужденія въ стопомѣрніи и въ римахъ, то посредствомъ навыка одну мысль представлять въ разныхъ словахъ и выраженіяхъ. Господинъ Херасковъ изображаетъ различными способами сіе предложеніе.

Уже заря ведетъ къ намъ день.

<...>

Такое упражненіе весьма много подѣйствуетъ. Ученикъ, привыкшій къ разнымъ оборотамъ словъ или выраженій, не будетъ нигдѣ дѣлать своимъ мыслямъ принужденія. Посему не лзя довольно употребить трудовъ на сіе, и самое долговременное упражненіе не будетъ излишнимъ <...>.

Однозначенательныя слова и мысли самыя лучшія суть тѣ, которыя означаютъ одинакія дѣйствія вещи, страданія, качества, степени ихъ и проч.

II.

Другой родъ упражненія сколько пріятный, столько и полезный, есть переложеніе стиховъ какаго автора изъ одного стопомѣрія на другое, на прим. переложимъ слѣдующій четырехстопный стихъ Господина Державина на шестистопный:

Когда то правда, человѣкъ!

⁴¹¹ Стр. 17 слл.

Что цѣль печалей весь твой вѣкъ;
Почтожь намъ вѣкъ комъ долгимъ льститься?
На толь, чтобъ плакать и крушиться,
И мѣся жизнь свою тоской,
Не знать отрады никакой?
Когда на опытѣ узналъ ты, человѣкъ!
Что непрерывная цѣль горестей весь твой вѣкъ;
На что же вѣкъ комъ намъ здѣсь долгимъ обольщаться?
На толь, чтобъ слезы лить, чтобъ плакать, сокрушаться,
И жизни своей дни всѣ мѣся тоской,
Не чувствовать въ душѣ отрады никакой?

III.

Переводить съ одного языка на другой для ученика весьма полезно. Великіе мужи образовали себя симъ родомъ упражненія; и это есть единственная цѣль знанія языковъ. Если хочешь увѣриться опытомъ въ сей истинѣ, прочтемъ *Виргилія*. Его *эклоги* III, VII, VIII, X суть или очень близкое подражаніе, или переводъ *Идиллій* *Геокрита*; в *Георгикахъ* много мѣся, переведенныхъ изъ *Гезіода*; и всѣ самыя лучшія описанія въ *Энеидѣ* взяты изъ *Поэмъ* *Гомеровыхъ*. *Томсонъ*, *Фенелонъ*, *Вольтеръ* и другіе также пользовались во многихъ мѣсятахъ *Гомеромъ* или *Виргиліемъ*. Но прекрасный переводъ ихъ на отечественный языкъ еще болѣе даетъ имъ чести, нежели другимъ оригинальность <...>.

IV.

Четвертый родъ упражненія, необходимый для ученика, есть подражаніе. Здѣсь разумѣется не то подражаніе, которое приобрѣтается чрезъ долговременное упражненіе, глубокое разсужденіе, проницательность, когда одного сочинителя духъ переливается, такъ сказать, въ другаго со всѣми красотою и искусствомъ краснорѣчія, но подражаніе дѣтское, когда тѣло по слѣдамъ автора слѣдуетъ, изыскивая въ подобной матеріи тѣмъ же почти словами, выраженіями и мыслями.

III. К СТАТЬЕ: АКАДЕМИЧЕСКИЕ ГИМНАЗИИ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*Императорской Московской Университетъ къ рассужденіямъ въ Благородной Гимназій бытъ имѣющимъ и къ слушанію рѣчи господина Шадена, Гимназій Ректора въ университетской аудиторіи сего 16. Декабря всѣхъ любителей Наукъ почтенно проситъ*⁴¹².

Второй уже тому годъ, какъ высочайшимъ *ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА*, нашей всемилостивѣйшей и всецѣдой *Монархини*, повелѣніемъ, въ семь первопрестольномъ градѣ жилище *Музамъ* посвящено, дабы учащееся въ немъ юношество отъ пріятнаго *Музы* пѣнія къ истинной и непритворной добродѣтели могло имѣть поощреніе, и къ отправленію полезныхъ обществу должностей бытъ наиспособнѣйшимъ. И понеже *ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО*, несравненная *Музы* покровительница, преславное сіе и достохвальнѣйшее учрежденныя здѣсь гимназій намѣреніе *Университету* всемилостивѣйше ввѣривъ соблаговолила; то онъ, чувствуя высочайшую къ себѣ *Монаршую* милость, въ знакъ всеподданнѣйшей своей благодарности, всѣ свои силы употребилъ, что бы стараніемъ господина *Шадена*, здѣшней *Гимназій Ректора*, начатки трудовъ его на свѣтъ были изданы, для удостовѣренія любителей наукъ, что труды его были не бесполезны.

И такъ онъ къ слушанію помянутыхъ рассужденій и рѣчи всѣхъ любителей словесныхъ *Наукъ* съ почтеніемъ проситъ; дабы сіи начатки трудовъ его присутствіемъ (*sic!* — *А. П. Л.*) своимъ почтительно соизволили; которые онъ всевышнему Богу, какъ подателю и источнику всѣхъ

⁴¹² Текст приглашенія на акт Благородной гимназій. В нем много опечаток, одна из фамилій — с маленькой буквы; заметно, что текст набирался в спешке. Достаточно очевидно, что он в значительной мере отражает воззрѣнія *Шадена* и его образовательные приоритеты — чисто гуманитарнаго характера на современном языкѣ. То, что сказано о *Е. П. И. В.*, не стоит воспринимать как лесть: ректор был искренним монархистом и если и не мог любить свою Государыню, как природный русский, то во всяком случае понимал и ценил ее достоинства; для умных и порядочныхъ людей, каковъ был профессор *Шаден*, эта мысль сама по себе является началом преданности. Латинскій вариант имеетъ болѣе подробное заглавіе: *Universitas Caesareo-Moscoviensis ad Actus Oratorios Dissertationes dialogicas in Gymnasio Illustri habendas atq. ad orationem a Gymnasii rectoris Ioh. Matthia Schaden Philos. Doct. Finitis illis exercitationibus die 16. Decembr. In Auditorio Universitatis dicendam omnes litterarum fautores & patronos decenter invitat. Typis Universitatis Caesareae.*

благъ, посвящаетъ, моля Его, дабы на труды сіи, единственно къ общей пользѣ касающіеся, съ высоты святыхъ своя призреть соблаговолил; и державнѣйшую нашу Государыню, какъ истинную нынѣшнихъ временъ благополучія виновницу, до позднѣйшихъ лѣтъ сохранилъ невредиму. Ибо въ дражайшемъ здравіи толикія въ свѣтѣ Монархини и высочайшей Ея Императорской фамиліи все наше состоитъ благополучіе. Отъ онаго и приращеніе и украшеніе Музъ зависить. Отсюда всеобщая утѣха и спокойствіе.

Все сіе въ рассужденіяхъ своихъ пространнѣе изъяснятъ благородные ученики, въ засвидѣтельство искренняго своего усердія и всеподданнѣйшей преданности къ всемилостивѣйшей своей Монархинѣ и покровительницѣ, по мнѣнію юношескихъ силъ и разума. Такимъ образомъ въ латинскихъ классахъ на Латинскомъ языкѣ представитъ имъ ютъ высочайшую ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милость, какъ Питательницы и Покровительницы Наукъ. Въ началѣ сихъ рассужденій, Яковъ Булгаковъ говоритъ будетъ о пріязнѣ и пользѣ наукъ.

Въ первомъ рассужденіи Алексѣй Масловъ представитъ необходимость наукъ въ сей имперіи.

Во второмъ, Денисъ фонъ Визинъ стараться будетъ показать щедрость и прозорливость ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, всещедрой Музъ основательницы и покровительницы.

Конецъ содержать будетъ желанія наши и благодаренія, которыя изобразитъ Петръ Аргамаковъ. Рассужденія сіи продолжаться будутъ подъ руководствомъ господина Магистра Филипа Яремскаго и господина Магистра Алексѣя Константинова.

Во Французскихъ классахъ, подъ смотреніемъ господина учителя Лабома, рассужденія имъ будутъ, Александръ Павловъ о Пользѣ изъ добраго употребленія времени. Дмитрий Бабарыкинъ о Употребленіи Времени въ свободные часы отъ ученія.

Петръ Безобразовъ о Пользѣ въ Мирное Время.

Борисъ салтыковъ о Сравненіи Славы Оружія со Славою Наукъ.

Потомъ въ классахъ нѣмецкихъ на Нѣмецкомъ языкѣ.

Иванъ Шмагинъ, Дмитрий Камынинъ, Иванъ Шмаевской, доказывать будутъ, что знаніе чужестраннаго языка много способствуетъ къ умноженію человѣческаго разума. А рассужденія сіи производятся будутъ подъ надзираніемъ господина Магистра Литкена.

На послѣдокъ подъ смотреніемъ господина учителя Папафила⁴¹³, на Греческомъ языкѣ, Петръ Дмитриевъ⁴¹⁴, а на Италіанскомъ Егоръ Булатницкой,

Высочайшія благодѣянія ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА къ учрежденной здѣсь гимназіи по мнѣнію силъ своихъ представитъ, и всеподданнѣйшую свою благодарность засвидѣтельствовать стараться будутъ.

По окончаніи сихъ рассужденій, еще рассужденія будутъ о Пользѣ Географіи и Исторіи; подъ смотреніемъ господина Траубенталя и господина Оттенталя.

Послѣ всего сего имъ будетъ рѣчь господинъ Шадень, Гимназіи Ректоръ о Средствахъ, какимъ образомъ наукамъ обучать и обучаться. При чемъ въ честь слѣдующаго всерадостнѣйшаго дня рожденія ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, нашей всемилостивѣйшей Государыни, и купно всей Императорской высочайшей фамиліи именемъ всего Университета, представитъ искреннюю его всеподданническую ревность и благоговѣніе.

Къ сему будущему въ здѣшней Гимназіи собранію, и къ слушанію рассужденій и рѣчи, всѣхъ любителей Наукъ въ 9 часу по полуночи Московскій Императорскій Университетъ почтеннѣйше просить.

Печатано при Московскомъ Императорскомъ Университетѣ 1756. года Декабря 14. дня.

*Die Glückseligkeit eines Landes unter einem friedliebenden Fürsten.
Rede gehalten von Johan von Schuwalov Schler des adelichen Gymnasi⁴¹⁵.*

Wenn wir mit einem aufmerksamen Geist die Geschichte der Menschheit durchgehen; so werden wir finden, daß nur diejenigen Länder die höchste Stufe der Glückseligkeit erreichen, deren Regenten

⁴¹³ Папафило Николай, лектор греческого и итальянского языка. Покинул Россию в 1761г.

⁴¹⁴ Петр Дмитриев (Вениаминов Петр Дмитриевич, 1733–1775) — первый профессор ботаники Императорского Московского университета, доктор медицины.

⁴¹⁵ Oratio die onomasticæ Augustissimæ Imperatricis Catharinae Magnae in conventu Universitatis Mosquensis habita a Christiano Friderico Matthaei Collegiorum Assessore, Litterarum humaniorum Professore et Acad. Mogunt. Scient. Util. Societat. Acad. Princip. Hass. ac Lat. Ienens. Sodali. Mosquae. In Typographeo Universitatis. Typis Nicolai a Nowikow. 1782. P. 25–26.

mehr auf innere Ruhe und Befürderung des Glücks der Unterthanen, als auf die Vermehrung ihrer Länder bedacht waren. In dem Lande, wo ein Fürst regiert, der zufrieden mit dem, was ihm die göttliche Vorsehung schenkte, nur darauf denkt, wie er die Ruhe und das Glück seiner Unterthanen befördern oder erhalten kann, werden sich überall die herrlichsten Früchte zeigen. Künste und Wissenschaften, die Schwerdt und wildes Krieges-Geschrey fürchten und nur ruhige Gefilde bewohnen, werden hier im Schooße des Friedens ihre Wohnungen bauen und der vom Geruch des Krieges entfernte Bewohner eines solchen Staats wird sich nach ihnen sehnen, und von keinem Rasen wütender Krieger gestört, sein Vergnügen darin finden, ja sie endlich zu einer Größe erheben, welche der, so unter einem nach Eroberungen dürstenden Herrn lebt, nie erreichen kann. Der Kauffman überzeugt, daß sein durch Nachdenken und Arbeit erworbenes Vermögen kein Raub nach Beute jagender Krieger seyn kann, wird sich bestreben aus den Gütern, die sein glückliches Vaterland hervorbringt, allen nur möglichen Vortheil zu ziehen und dadurch Ueberfluß und Reichtum in ihm verbreiten helfen. Der Landmann versichert, daß seine mit reichen Saten prangenden Gefilde nicht wütenden Schaaren zum blutigen Schlachtfelde dienen werden, der überzeugt ist, daß er unter dem Seegen des Höchsten einst die Früchte seines Schweißes reichlich erndten wird, der gewiß ist, daß keine drückende Auflagen seine Arbeit erschweren oder ihm gar seinen Gewinnst entziehen werden, gehet mit Freuden an seine Arbeit und scheuet keine Mühe, die etwa noch wüsten Gegenden urbar zu machen, um auch dadurch den Seegen und die Einkünfte seines Vaterlandes zu vermehren. Kurz, da wo Liebe zum Frieden und zur Wohlthätigkeit den Thron besetzt, da wo der Fürst seine Unterthanen als Vater liebt und unterstützt, nur da kann ein Land mächtig, die Unterthanen glücklich und der Name des Fürsten auch bey den spätesten Nachkommen ein verehrungswürdiger Gegenstand werden. Ohne mich hier auf entfernte Beispiele zu berufen, sey es mir vielmehr erlaubt einen ehrfurchtsvollen Blick auf mein Vaterland zu werfen. Erstaunend verehere ich hier die eben so großen als wohlthätigen Wirkungen die Catherinens weiseste Regierung in demselben hervorbringt. Künste und Wissenschaften stehen auf einer glänzenden Höhe und scheinen ihr goldnes Zeitalter erreicht zu haben. Der Handel von dieser erhabenen Fürstin unterstützt, hat einen noch nie gehabt Schwung genommen, und da wo man Rußlands Bewohner ehemals kaum dem Nahmen nach kannte, ist jetzt der Name derselben beliebt und die von dem fleißigen Einwohner dahin versandten Produkte die angenehmsten. Der Landmann vergnügt über die Ruhe, deren er unter der sanften und wohlthätigen Regierung einer Catherine genießt, freuet sich seines Daseyns und schützt sich unter Ihrem wohlthätigen Scepter glücklich. Kurz, jeder empfindet den starken Einfluß der besten Regierung unsrer Grossen Landesmutter und athmet Freude und Dankbarkeit. O müchte doch der Himmel die Theuerste und Gnadigste aller Fürstinnen, den Schutzgeist Rußlands, noch so lange erhalten, als unsre Herzen Ihr Opfer der Dankbarkeit bringen werden, müchte der Allererhalter über so theure Tage jenes himmlische Vergnügen und Zufriedenheit ausschütten und die Gütigste Fürstin so glücklich machen, wie es Ihre erhabenen Tugenden verdienen. Laßen sie uns unsere Gelübde vereinigen um von dem Schöpfer zu erflehen, daß er die Tage unsrer Erhabensten Kaiserinn die ihn durch ihre allgemeinen Wolthaten hier auf dieser Erde vorstellt, bis auf die spätesten Zeiten verlängern und segnen möge.

<Счастье страны под властію миролюбиваго государя. Ръчь, произнесенная Ивановъ Шуваловымъ, ученикомъ дворянской гимназіи>.

Если мы охватимъ внимательнымъ взоромъ исторію челоѣчества; мы обнаружимъ, что лишь тѣ страны достигаютъ высочайшей степени блаженства, чьи правители болѣе пекутся о внутреннемъ спокойствіи и о благопріятствованіи благополучію своихъ подданныхъ, чѣмъ о расширеніи своихъ владеній. Въ странѣ, гдѣ правитъ государь, который, будучи доволенъ тѣмъ, что ему удѣлило милостивое Провидѣніе, думаетъ лишь о томъ, какъ онъ можетъ возвысить или сохранить покой и благополучіе своихъ подданныхъ, непремѣнно проявятся прекраснѣйшіе плоды его дѣятельности. Искусства и науки, которыя боятся меча и дикихъ воинственныхъ кличей и населяютъ лишь мирныя поля, построятъ здѣсь на лонѣ мира свои жилища, и житель такого государства, удаленный отъ военнаго гула, будетъ стремиться къ нимъ, и, не встрѣчая помѣхи отъ неистовства яростнаго воина, находитъ въ нихъ свое удовлетвореніе и такимъ образомъ возвыситъ ихъ до такой высоты, которой никогда не достигъ тѣмъ, кто живетъ подъ властью жаднаго до завоеваній государя. Купецъ, убѣжденный, что его достояніе, пріобретенное размышленіями и трудомъ, не станетъ добычей охочаго до грабежей солдата, будетъ стремиться изъ тѣхъ богатствъ, которыя производитъ его отечество, извлечь всю возможную выгоду и такимъ путемъ помочь распространенію въ немъ изобилія и богатства. Земледѣлецъ, не сомнѣвающийся, что его избыточествующія урожаемъ поля не станутъ кровавымъ поприщемъ для яростныхъ воинствъ, убѣжденный, что онъ подъ высочайшимъ благословеніемъ въ изобиліи пожнетъ плоды своего труда и пота, который твердо знаетъ, что никакія гнетущія обстоятельства не смогутъ сдѣлать болѣе тяжкимъ его трудъ или отнять его

прибытокъ, идетъ съ радостью трудиться и не щадить никакихъ усилій, чтобы сдѣлать плодородными дикія мѣстности и такимъ образомъ увеличить благополучіе и доходы своего отечества. Короче, гдѣ тронъ одушевляемъ любовію къ миру и благотворенію, гдѣ государь любить и защищаетъ своихъ подданныхъ, какъ отецъ, — только тамъ страна можетъ быть могучей, подданные счастливыми, а имя государя послужить достойнымъ предметомъ почитанія и позднѣйшимъ потомкамъ. Не ссылаясь на отдаленные примѣры, да будетъ мнѣ позволено бросить почтительный взоръ и на мое отечество. Я выскажу свое почтеніе и изумленіе тѣмъ великими, столь же и благотворными дѣяніями, которыя осуществляетъ мудрѣйшее правленіе Екатерины. Науки и искусства стоятъ на блистательной высотѣ и, кажется, обрели свой золотой вѣкъ. Торговля, пользуясь покровительствомъ этой превосходнѣйшей Государыни, обрела прежде невиданный размахъ, и гдѣ раньше едва знали самое имя Россіянъ, теперь они любимы, а издѣлія усердныхъ жителей нашего отечества — наипривлекательнѣйшія изъ всѣхъ, туда доставляемыхъ. Поселянинъ, подъ покровомъ мира, которымъ онъ наслаждается подъ кроткимъ и благодѣтельнымъ правленіемъ Екатерины, доволенъ своимъ жребіемъ и полагаетъ себя счастливымъ подъ ея благодѣтельнымъ скипетромъ. Короче, каждый испытываетъ сильное вліяніе наилучшаго правленія нашей великой Матери отечества и дышетъ радостію и благодарностію. О если бы небеса сохранили жизнь дражайшей и всемилостивѣйшей Государыни, духа-покровителя нашего отечества, такъ долго, какъ то подобаетъ благодарственной жертвѣ нашихъ сердецъ, о если бы Вседержитель ниспослалъ ея жизни небесную радость и довольство и сдѣлалъ бы нашу всемилостивѣйшую Государыню столь счастливой, какъ того заслуживаютъ ея превосходнѣйшія добродѣтели. Позвольте намъ соединить наши обитованія и молить Творца, да продлитъ и благословитъ онъ жизнь той превосходнѣйшей Государыни, которая всеобщими благодѣяніями представляетъ Его на этой землѣ, вплоть до позднѣйшихъ временъ.

*Постановленіе академической гимназіи*⁴¹⁶

Предметъ сего воспитательно-учебнаго заведенія есть двоякій: 1. чтобы способствовать успѣшнѣйшему производству ученія въ Губернскихъ Гимназіяхъ Московскаго округа; 2. чтобы быть надежнѣйшимъ источникомъ для наполненія праздныхъ мѣстъ въ числѣ Студентовъ, Кандидатовъ и Магистровъ Университетскаго казеннаго содержанія, составляя какъ бы разсадникъ ученыхъ Чиновниковъ Московскаго учебнаго округа. Дабы удобнѣйшимъ образомъ удовлетворить симъ двумъ намѣреніямъ, начертаны слѣдующія статьи:

Предварительныя.

1. Число гимназистовъ ограничивается средствами хозяйства Университетскаго; но желательно, чтобы оно никогда не было менѣе шестидесяти, дабы, послѣ четырехъ-годичнаго курса ученія, Гимназія могла снабжать Университетъ ежегодно пятнадцатью Студентами. Число сіе предполагается достаточнымъ къ вознагражденію ежегоднаго выпуска Студентовъ, воспитывающихся на казенномъ и благотворительномъ содержаніи въ Педагогическомъ Институтѣ.

2. Наилучшіе, по свидѣтельству Обозрителей и Директоровъ ученики Губернскихъ Гимназій, но лишеныя средствъ образовать себя въ вышнихъ познаніяхъ на своемъ иждивеніи, по утвердительному ихъ желанію посвятить себя навсегда въ ученое состояніе, къ началу cadaго учебнаго года поступають въ Университетскую Гимназію.

3. Ежели сверхъ чаянія найдется какой-либо воспитанникъ изъ новопринятыхъ несоотвѣтствующимъ намѣренію Гимназіи; то въ теченіи перваго года, по совершенномъ удостовѣреніи въ его неспособности, возвращается къ родителямъ на счетъ Университетскаго хозяйства, или отпускается Начальствомъ Университета въ гражданскую службу, если онъ самъ, или его родственники того пожелаютъ.

Воспитаніе.

4. Воспитаніе составляютъ вообще двѣ главныя отрасли: содержаніе и ученіе. То и другое должно соотвѣтствовать вышеозначенному предмету сего заведенія и чести мѣста, къ которому оно относится.

1е. Содержаніе.

⁴¹⁶ Печатается по: <Сборникъ правительственныхъ постановлений и другихъ документовъ>, б. м. и г. изд., содержащій (безъ общаго заглавія, но съ единой нумераціей страницъ) документы, связанные съ преобразованиемъ Императорскаго Московскаго университета в связи с общей реформой системы образованія. Постановление Академической гимназіи — С. 267–289.

5. Содержаніе Гимназическихъ воспитанниковъ имѣеть быть въ избраннѣйшемъ порядкѣ и чистотѣ, безъ излишества роскоши.

6. Въ смыслъ содержанія входятъ: *жилище, одежда, пища, прислуга, присмотръ и хозяйство.*

Жилище.

7. Спальни воспитанниковъ должны быть въ одной или двухъ пространныхъ комнатахъ, имѣющихъ всѣ пособія къ содержанію чистоты воздуха лѣтомъ и зимою. Онѣ всегда содержатся въ умѣренной теплотѣ, дабы отъ излишняго жару не претерпѣвало вреда здоровье юношей, а излишній холодъ не препятствовалъ бы ихъ комнатнымъ учебнымъ занятіямъ. Желательно, чтобы топленье печей производилось изъ коридора, а не изъ спаленъ. Само по себѣ разумно, что исполненіе сей и слѣдующихъ 8, 9, 10 и 11й статей ограничиться должно до времени мѣстною удобностію комнатъ, назначаемыхъ для Гимназіи.

8. Спальные покои имѣють близъ себя умывальныя или уборныя комнаты; также нѣсколько покоевъ для комнатныхъ Надзирателей, и покои для прислужниковъ.

9. Железные кровати воспитанниковъ расположатся посрединѣ ихъ спаленъ, имѣя деревянные щиты вдоль комнаты между двухъ рядовъ кроватей, и поперекъ комнаты между каждою кроватью. Такимъ образомъ составитя отдѣленіе довольно просторное и возвышенное для каждой изъ нихъ.

10. Вдоль свѣтовой стороны комнатъ будетъ сдѣлана для упражненій столъ довольно широкой ширины, съ ящиками по числу воспитанниковъ для храненія ихъ книгъ и тетрадей.

11. При каждой кровати имѣеть быть стулъ и столъ, устроенные такимъ образомъ, чтобы воспитанникъ могъ помѣщать въ немъ свою всеневную одежду.

Одежда.

12. Бѣлая для каждаго воспитанника заготовляется столько, чтобы онъ могъ переменить еженедѣльно по два раза рубашку, галстукъ, подштанники, чулки, носовой платокъ и ручникъ или полотенце. Рубашка подменная чистою служить ему вмѣсто ночной.

13. Постель должна состоять изъ волосянаго тюфяка (кожанаго или тиковаго), двухъ полупуховыхъ подушекъ и одѣяла байковаго или бумажнаго.

14. Бѣлая постельное должно состоять изъ двухъ наволочекъ, двухъ простынь и спальнаго колпака. Вещи сіи подмѣняются чистыми еженедѣльно.

15. Сверхъ того воспитанникъ имѣеть при кровати своей черныя кожаные туфли, спальныя трехъ-годового срока весьма просторныя сюртуки изъ сѣрой байки.

16. Одежда воспитанниковъ всеневная состоять будетъ изъ суконнаго фрака, жилета и панталоновъ сѣраго цвѣта (фракъ долженъ быть съ малиновымъ воротникомъ и обшлагами); праздничная изъ синяго суконнаго фрака съ малиновымъ воротникомъ и обшлагами, синихъ панталоновъ, бѣлаго жилета и круглой шляпы. — Всѣ сіи вещи даются срокомъ на одинъ годъ. Сверхъ того каждый воспитанникъ имѣеть суконную епанчу сѣраго же цвѣта, срокомъ на три года.

Пища.

17. Послѣ общей утренней молитвы, до начатія ученія, воспитанники получаютъ по полуфунту ситнаго или бѣлаго хлѣба на мѣсто завтрака.

18. Въ двенадцать часовъ дня садятся они за обѣденной столъ, которой составляютъ три простыя, но свѣжія и здоровыя кушанья на фаянсовой посудѣ. Столовое бѣлое переменяется дважды въ недѣлю. Каждый воспитанникъ имѣеть серебряную столовую ложку, вилку и ножъ. Питье воспитанниковъ во всякое время должно состоять изъ квасу и воды.

19. Ужинъ бываетъ въ восемь часовъ вечера, а состоитъ изъ двухъ кушаньевъ.

Прислуга.

20. Каждые десять воспитанниковъ имѣють своего прислужника, которой печется объ исправности и чистотѣ ихъ обуви и одежды, поправляетъ постель поутру и приготавливаетъ оную ввечеру, находится при нихъ, когда они встають съ постели и ложатся спать. Сіи же прислужники должны быть и при столѣ воспитанниковъ.

21. Сапоги гимназистовъ чистятъ прислужники, но платьемъ они сами.

22. Содержаніе въ чистотѣ стола и уборной комнаты возлагается на особыхъ прислужниковъ.

Присмотръ.

23. Инспекторъ Университетскихъ Студентовъ есть также Инспекторъ Гимназіи; а Помощникъ его, кромѣ другихъ занятій, есть непосредственный Начальникъ и комнатныхъ Надзирателей. Первый избирается изъ Ординарныхъ Профессоровъ, но не изъ Членовъ

Правленія, безсечно; а второй изъ Профессоровъ Экстраординарныхъ или Адъюнктовъ. Такое избраніе представляется къ Попечителю на утверждене.

24. Сверхъ того при воспитанникахъ должны быть по крайней мѣ рѣ шесть комнатныхъ Надзирателей: два хорошо говорящихъ на отечественномъ языкѣ , два на Нѣ мецкомъ, и два на Французскомъ.

25. Инспекторъ вообще наблюдаетъ за ученіемъ, поведеніемъ и здравіемъ воспитанниковъ; онъ назначаетъ имъ учебные предметы, какъ при первомъ ихъ въ Гимназію вступленіи, такъ и при повышеніяхъ съ одного степени познаній въ другой. Во всемъ, что касается до порядка и устройства между ними, онъ разрѣ шаетъ самъ, а въ важныхъ случаяхъ доноситъ Ректору Университета.

26. Помощникъ Инспекторскій получаетъ доношенія (sic! — А. П. Л.) отъ комнатныхъ Надзирателей ежедневно два раза поутру и ввечеру, во всякое время вездѣ самъ неусыпно смотритъ за всѣ мъ, до воспитанниковъ относящемся, а въ важнѣ йшихъ случаяхъ относится къ Инспектору Гимназіи.

27. Онъ держитъ книгу вступающихъ и выходящихъ воспитанниковъ и учениковъ своекоштныхъ, означая въ ней ихъ званіе, возрастъ, здоровье и способности.

28. Онъ получаетъ отъ учащихся словесныя или письменныя увѣ домленія о неисправностяхъ воспитанниковъ, и принимаетъ мѣ ры благоразуміемъ и усердіемъ ко благу юношества внушаемая.

29. Всякое хозяйственное занятіе устраняется отъ Инспектора и его Помощника, яко Чиновниковъ ученыхъ, пекущихся только о томъ, что имѣ етъ вліяніе на нравственность, здоровье и успѣ хи ученія. Впрочемъ Инспекторъ имѣ етъ право и обязанность представлять Правленію всегда, когда усмотритъ какую-либо неисправность въ хозяйствѣ Гимназіи.

30. Комнатные Смотрители во весь день бываютъ неразлучны съ отдѣ леніемъ дѣ тей, попеченію каждаго изъ нихъ ввѣ ренныхъ; они находятся при ихъ встаньѣ отъ сна, при ихъ молитвѣ , завтракѣ и при столѣ , который имѣ ютъ съ ними общій.

31. Для прочаго времени сутокъ они очередуются по два вдругъ, и каждый занимается съ воспитанниками на томъ языкѣ , подъ названіемъ какого Смотрителя онъ извѣ стень. Ночью они проходятъ по спальнямъ воспитанниковъ нѣ сколько раз. Но для сего не должно быть положительныхъ часовъ. Инспекторъ назначаетъ оныя ежесуточно по своему благоразсужденію.

32. Воспитанники должны во всякое время года ложиться спать въ девять часовъ по полудни, а вставать въ шесть по полуночи.

33. По стѣ намъ спаленъ повѣ шены будутъ ночники, дабы очередные комнатные Надзиратели могли и въ ночное время блости за благоустройствомъ.

34. Вообще ни одинъ Университетскій воспитанникъ не можетъ отлучиться съ Университетскихъ дворовъ, не испросивъ позволенія у Инспектора, или его Помощника, которые даютъ свое согласіе на отлучку записками, или билетами, безъ коихъ привратники не смѣ ютъ ихъ пропустить. Сіи билеты отбираются отъ воспитанниковъ при ихъ возвращеніи.

35. Воспитанники, по долгу своего Греческаго Христіанскаго исповѣ данія, постятся всѣ на страстной недѣ лѣ и приобщаются Святыхъ Таинъ въ Университетской церквѣ , коея Настоятель имѣ етъ быть ихъ духовникомъ.

36. По Воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ, одѣ вшись въ праздничное платье, идутъ они вмѣ стѣ съ Университетскими Студентами въ церковь для слушанія Божественной Литургіи. Инспекторъ, или Помощникъ его и комнатныя Надзиратели Греческаго исповѣ данія наблюдаютъ надъ ними, Смотрители же иныхъ Христіанскихъ исповѣ даній очередуются по два при семь случаѣ .

37. Лѣ томъ или зимою, въ избранное Инспекторомъ время воспитанники прогуливаются въ городе, или за городомъ съ нѣ сколькоми комнатными Надзирателями.

38. Для воспитанниковъ нанимается приличная баня, въ которую должны они ходить черезъ каждыя двѣ недѣ ли, мыться только въ теплѣ . Нѣ сколько комнатныхъ Надзирателей и прислужниковъ должны сопровождать воспитанниковъ въ баню, для соблюденія благочинія, а послѣ дніе для вспомошествованія имъ въ банѣ .

39. Родственники или знакомые, которые пожелаютъ въ праздничное время взять воспитанника въ домъ свой, должны прислать за нимъ повозку, а въ зимнее время и шубу.

40. Краткія правила поведенія воспитанниковъ неукоснительно начертаны будутъ отъ Совѣ та; потомъ наклеены на доски, и повѣ шены въ спальняхъ, столовой и учебныхъ комнатахъ.

41. Комнатнымъ Надзирателямъ имѣ ютъ быть даны подробнѣ йшія предписанія отъ Совѣ та.

Хозяйство.

42. При гимназистахъ будутъ два хозяйственные Смотрителя: 1й. Смотритель одѣянія и всего, что относится къ комнатамъ воспитанниковъ; 2й. Смотритель пищи, и къ ней принадлежащихъ вещей.

43. Они подчинены Правленію Университета, и дѣла ихъ идутъ черезъ воспитательное повѣрье. Всѣ хозяйственные заготовленія дѣлаются по ихъ донесеніямъ черезъ подряды въ Правленіи.

44. Наличие хранящихся у нихъ вещей должна быть свидѣтельствована при окончаніи каждой трети года однимъ очереднымъ Членомъ Правленія и Инспекторомъ, или Помощникомъ его, и всѣ домогъ имѣеть быть подписана сими Чиновниками, и скрѣпленна самимъ Смотрителемъ. Она будетъ означать только количество вещей, за количество коихъ строго отвѣтствуетъ одинъ хозяйственный Смотритель.

45. Больница Университетскихъ Студентовъ должна служить также больницею и для гимназистовъ.

46. Хозяйственные Смотрители получаютъ подробныя предписанія отъ Правленія.

47. На содержаніе шестидесяти питомцевъ по сту пятидесяти рублей въ годъ на каждого понадобится 9000 рублей; на Учителей, неимѣющихся въ Университетѣ, на комнатныхъ Надзирателей, Инспекторскаго Помощника, хозяйственныхъ Смотрителей, прислужниковъ, и наконецъ на комнатныя внутреннія исправленія и проч. потребуется до 8, 000 рублей. И такъ Университетъ будетъ издерживать на свою Гимназію изъ хозяйства своего до 17, 000 рублей.

II. Ученіе.

48. Воспитанники, поступающіе изъ Губернскихъ Гимназій Московскаго округа въ Университетскую Гимназію по вышеозначенномъ испытаніи, не имѣютъ уже нужды заниматься начальными ученіями; однако, дабы съ большею готовностію могли они вступить въ кругъ вышшихъ Наукъ, въ Университетѣ преподаваемыхъ, надлежитъ имъ по крайней мѣрѣ повторить нѣкоторыя изъ прежнихъ своихъ ученій.

49. Въ Университетской Гимназій будутъ преподаваемы слѣдующія Науки и ихъ отдѣленія:

Науки. Отдѣленіе.

1. Математика

a. Ариѳметика.

b. Геометрія и Тригонометрія.

c. Алгебра до уравненія 3 степени, съ приложеніемъ къ Геометріи и коническимъ сѣченіямъ.

2. Россійская Словесность.

a. Синтаксисъ.

b. Сочиненіе и чтеніе лучшихъ Писателей.

3. Греческая словесность.

a. Чтеніе и писаніе.

b. Этимологія.

c. Синтаксисъ и переводы.

d. Чтеніе лучшихъ Писателей.

4. Латинская Словесность.

a. Синтаксисъ и переводы.

b. Сочиненіе и чтеніе лучшихъ Писателей.

5. Нѣмецкая словесность. То же.

6. Французская словесность. То же.

Англійская словесность.

a. Этимологія и Синтаксисъ.

b. Сочиненіе и чтеніе лучшихъ Писателей.

8. Исторія Россійская и Всеобщая.

9. Географія Россійская и Всеобщая.

10. Древности и Миѳологія.

11. Нравственность и Философія.

12. Начало Государственнаго хозяйства.

13. Краткій Курсъ Естественной Исторіи.

14. Законъ Божій и Священная Исторія.

Искусства.

1. Чистописание.
2. Рисовальное.
3. Танцевальное.
4. Музыкальное.

И такъ учащихся имѣть быть до 30 человекъ; можно однакожь ограничиться и меньшимъ числомъ оныхъ, если нѣкоторые изъ вышеозначенныхъ предметовъ по ближайшему ихъ между собою отношенію, соединены будутъ вмѣстѣ, безъ отягощенія въ преподаваніи.

50. Всѣ высшія науки преподають Университетскіе Адъюнкты и Лекторы съ соразмѣрнымъ облегченіемъ ихъ занятій въ Университетѣ, или съ прибавкою жалованья; еслижъ они не даютъ уроковъ въ Университетѣ, то обучаютъ въ Гимназіи за опредѣленное имъ статное жалованье.

51. Всѣ среднія отдѣленія ученыхъ преподають Университетскіе Адъюнкты, Лекторы, Магистры, на такомъ же основаніи.

52. Университетскіе Учители пріятныхъ искусствъ за жалованье свое отъ Университета обучаютъ и гимназистовъ.

53. Нижнія отдѣленія ученыхъ преподають Магистры за Университетское статное жалованье.

54. Закону Божію, разъ въ недѣлю, учитъ Настоятель Университетской церкви, или другой Священникъ.

55. Позволяется и постороннимъ юношамъ пользоваться ученіемъ Университетской Гимназіи; но они должны быть напередъ испытаны Инспекторомъ съ пособіемъ учащихся, имѣютъ ли надлежащія предварительныя познанія для удобнѣйшаго продолженія ученія. Число сихъ опредѣляется благоразуміемъ Университетскаго Начальства, дабы не обременять слишкомъ Учителей и не нанести вреда успѣхамъ воспитанниковъ, которые всегда составляютъ первый предметъ Гимназіи.

56. Своекостные гимназисты обязаны также сохранять всѣ въ постановленіи семъ для воспитанниковъ предписанныя правила нравственности и благоустройства.

57. Выше сказано, что воспитанники испытуются въ знаніяхъ Инспекторомъ во всякое время по его разсужденію; но главное испытаніе ихъ производится при концѣ учебнаго года въ присутствіи избраннаго отъ Совѣта ученаго Сословія и другихъ Профессоровъ, желающихъ быть свидѣтелями успѣховъ гимназическихъ воспитанниковъ.

58. Отличныя воспитанники награждаются книгами, медали же предоставляются единственно Университетскимъ Студентамъ.

59. При концѣ и началѣ каждаго Академическаго года Инспекторъ доставляетъ черезъ Ректора въ Совѣтъ, а сей Попечителю, вѣдомость о всѣхъ пользующихся, пользовавшихся, и отпущенныхъ, которые впредь будутъ пользоваться ученіемъ Университетской Гимназіи. Вѣдомости сіи должны быть ничто иное, какъ выписка изъ книгъ Инспекторскаго Помощника о воспитанникахъ.

60. Ученіе Университетской Гимназіи раздѣляется: 1е. на ученіе перваго года; 2е. на ученіе втораго года; 3е. на ученіе третьяго года; 4е. на ученіе четвертаго года.

61. *Ученіе перваго года.* Синтаксисы упомянутыхъ въ пятидесятой статьѣ языковъ, и начала Греческаго, Ариметика, всеобщая Географія, толкованіе Священнаго Писанія, начала Философіи и искусство чистописанія.

62. *Ученіе втораго года.* Синтаксисъ и переводы, упомянутыхъ въ 50й статьѣ языковъ, Этимологія Греческая, Геометрія и Тригонометрія, Исторія Россійская, Географія Россійской Имперіи, древности и Миіологія, начала Естественной Исторіи, рисовальное и танцевальное искусство.

63. *Ученіе третьяго года.* Сочиненіе на упомянутыхъ въ 50й статьѣ языкахъ и чтеніе лучшихъ Писателей, Греческій Синтаксисъ и переводы, Алгебра до уравненій третьей степени, начала Государственнаго хозяйства, повтореніе Естественной Исторіи и музыкальное искусство.

64. *Ученіе четвертаго года.* Продолженіе сочиненій и чтеніе лучшихъ Писателей на упомянутыхъ въ 50й статьѣ языкахъ, Синтаксисъ и переводы Греческаго, Алгебра, приложенная къ Геометріи и коническимъ сеченіямъ, повтореніе Государственнаго хозяйства, Священная Исторія и музыкальное искусство.

65. Пріемъ въ Гимназію бываетъ одинъ разъ въ двенадцать мѣсяцовъ при началѣ учебнаго года; но своекостные должны объявлять свое желаніе прошеніемъ въ Совѣтъ при концѣ каждаго учебнаго года, и въ началѣ лѣтняго, свободнаго отъ ученія времени.

66. И такъ ученіе въ Гимназіи можетъ продолжаться не менѣе одного года, и не болѣе четырехъ.

67. Подробный порядокъ каждого учения имѣеть быть начертанъ отъ Совѣта.

68. Въ отвращеніе чего-либо неудобоисполнительнаго и непредвидѣннаго, при изложеніи сего постановленія, полагается, что Университетскій Совѣтъ въ окончаніи каждого года будетъ прочитывать оное, и о найденномъ за полезное, или перемѣнить, или прибавить, представлять будетъ вышнему Начальству.

На подлинномъ подписано:

Гр. Петръ Завадовскій.

IV. К СТАТЬЕ: БЛАГОРОДНЫЙ ПАНСИОН ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Краткое начертаніе учебныхъ классовъ и вообще всего порядка, наблюдаемаго при содержаніи Вольнаго Благороднаго Пансіона, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Въ Москвѣ, въ Университетской типографіи у В. Огорокова, 1790.

Императорскій Московскій университетъ, представляя Почтенной публикѣ начертаніе классовъ учрежденнаго при ономъ Вольнаго Благороднаго Пансіона, долгомъ поставляетъ сообщить при томъ краткое объясненіе о самомъ установленіи семъ и о предприемлемыхъ къ тому споспѣшествующихъ средствахъ.

Главная цѣль заведенія сего Пансіона состоитъ въ томъ, дабы доставить лучшее, легчайшее и основательнѣйшее предъ прочими частными Пансіонами воспитаніе благородному юношеству. (Десять лѣтъ тому уже, какъ продолжается заведеніе сіе при Университетѣ.) Успѣхъ и пользу онаго доказываютъ собственнымъ примѣромъ самые воспитанники, изъ которыхъ большая часть, вступивъ въ воинскія и гражданскія должности, отправляютъ званія свои съ довольнымъ свѣдѣніемъ, лестнымъ успѣхомъ и отличною честію.

Почитая священною обязанностію слѣдовать во всемъ примѣру Августѣйшія своей покровительницы, удостоивающей особеннымъ Монаршимъ благоволеніемъ Россійское Дворянство, Императорскій Московскій Университетъ, сообразуясь сему величественному примѣру, основаль заведеніе сіе, и симъ самымъ примѣромъ оживотворяемъ, за долгъ вмѣнять стараться всѣми силами, дабы изъ благородныхъ воспитанниковъ своихъ доставлять такихъ людей, которые бы достойно могли носить титулъ сыновъ отечества, титулъ гражданъ.

Для достиженія таковаго намѣренія Университетъ предприемлетъ всѣ возможные мѣры, служащія не менѣе къ нравственному, какъ и физическому ихъ воспитанію. Самые классы въ ученіи такъ расположены, что одни изъ нихъ споспѣшествовать могутъ просвѣщенію ума, другіе назиданію въ сердцахъ сѣмьмъ благодѣянію, честности и благочестію, а нѣкоторые, наконецъ, служатъ для гибкости, движенія и полированія самаго тѣла.

Кромѣ классическихъ же учителей, сверхъ которыхъ опредѣленъ особенной инспекторъ для смотрѣнія за порядкомъ учения, Пансіонъ сей имѣеть нѣсколькихъ изъ чужестранцевъ и Россіянъ, знающихъ иностранныя языки, надзирателей. Они, живучи съ ними въ однихъ покояхъ и будучи всегда при нихъ неотлучно, собственнымъ примѣромъ, ежечаснымъ напоминаніемъ и благоразумными совѣтами при всѣхъ случаяхъ стараются вкоренить въ нихъ благонравное поведеніе, практически приобучаютъ ихъ къ разговорамъ на иностранныхъ языкахъ, дѣлаютъ съ ними каждый день повторенія уроковъ, и руководствуютъ ихъ въ изученіи всего того, что задается имъ отъ Учителей. Они также безотлучно находятся во время отдохновенія ихъ отъ трудовъ и при позволенныхъ невинныхъ и здоровью полезныхъ забавахъ.

Для испытанія успѣховъ въ ученіи, а паче для вящшаго возбужденія благородныхъ питомцевъ сихъ къ наукамъ и благонравію, Пансіонъ сей каждой годъ имѣеть обыкновенно два экзамена. Первой въ половинѣ года приватной, а второй въ концѣ года, то есть въ Декабрѣ мѣсяцѣ, публичной. При послѣднемъ прилежнѣйшимъ изъ Пансіонеровъ и отличившимся примѣрнымъ своимъ поведеніемъ, Ихъ Превосходительства, Господа Кураторы Университета, раздаютъ золотыя и серебряныя медали, книги и эстампы, и даютъ о томъ знать Почтенной Публикѣ черезъ объявленіе въ Вѣдомостяхъ.

Домъ, въ которомъ помѣщенъ Пансіонъ сей, содержится со всею возможною чистотою; въ немъ, кромѣ довольнонаго числа классическихъ и спальныхъ покоевъ, находится также особая для Пансіонеровъ больница, въ которой при ежедневномъ посещеніи Доктора больнымъ выдаются лѣкарства и пища по предписанію Доктора. Въ случаѣ же усилившейся болѣзни приглашаемы бываютъ въ совѣтъ всѣ господа Доктора Медицинскаго Факультета, находящагося при Университетѣ. За больными и надъ приставленными къ услугамъ ихъ надежными людьми Правитель Пансіона имѣеть неослабное попеченіе, и паче всего старается неусыпно, дабы лѣкарства

ва выдаваемы были имъ въ назначенное точно время, а пища приуготовлена была бы по предписанію Доктора, и дабы больной ни въ чемъ не нуждался.

Столь ежедневно приуготовляется изъ лучшихъ и свѣжихъ припасовъ, изобиліемъ, чистотою и качествомъ соотвѣтственно благородному состоянію Питомцевъ. За столомъ же съ ними, въ присутствіи Правителя Пансіона, кушаютъ комнатные надзиратели и нѣ сколько изъ Г.П. Учителей. Каждое утро по окончаніи молитвы подается имъ также чай и завтракъ.

Каждой Пансіонеръ, вступавшій въ Пансіонъ сей, долженъ имѣть отъ себя математическіе и музыкальные инструменты, платье, бѣлье, обувь, постелю и кровать, а бумагу, перья, карандаши и услугу получаетъ отъ Пансіона чрезъ все время пребыванія своего въ ономъ. Ежели же кто пожелаетъ имѣть при себѣ своего человѣка, тотъ долженъ, кромѣ квартиры, во всемъ содержать его на собственномъ иждивеніи.

При вступленіи въ Пансіонъ сей за обученіе и содержаніе, за лѣкарства и пользованіе Докторовъ, словомъ, за все то, что выше упомянуто, каждой Пансіонеръ при началѣ года взносить долженъ по 200 рублей да сверхъ того серебряную ложку подъ своимъ клеймомъ, которая при выходѣ его изъ Пансіона и возвращается ему.

Для тѣхъ изъ Г.П. Дворянъ, которые изъ дальнихъ мѣстъ и городовъ желаютъ отдавать въ пансіонъ сей для воспитанія и обученія дѣтей своихъ или родственниковъ, прилагается при семъ примѣрное объявленіе, съ которымъ сообразуясь, могутъ они присылать однихъ ихъ или съ кѣмъ за благо разсудятъ; по прошествіи же каждаго года деньги доставлять могутъ чрезъ почту, адресуя конвертъ въ учрежденный при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Благородный пансіонъ въ Москвѣ, отъ котораго получаютъ будутъ и квитанціи чрезъ почту. —

ПРИМѢРНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Императорскій Московскій Университетъ.

Отъ (чинъ, имя, отчество и фамилія)

Въ учрежденный при Университетѣ Благородный пансіонъ желаю я опредѣлить сына моего (или родственника, имя его, въ службѣ ли онъ, въ какомъ полку, и чѣмъ служить, или нигдѣ не записанъ), которому отъ роду столько-то лѣтъ, для обученія закону, также Французскому, Нѣмецкому и Россійскому языкамъ, Исторіи и Географіи, Математикѣ, рисовать, танцовать, фехтовать, и прочему, къ чему онъ окажется способенъ; на содержаніе же его отъ сего нижеписаннаго числа впредь на годъ положенное число двести рублей, представляю при семъ, въ пріемъ которыхъ прошу дать мнѣ надлежащую квитанцію.

Годъ, мѣсяць и число.

Императорскій Московскій Университетъ всѣхъ любителей наукъ, а паче родителей, которымъ угодно отдавать въ училище сіе для воспитанія дѣтей своихъ, приглашаетъ во всякое время, въ какое за благо разсудятъ, дѣлать посѣщенія и быть самоличными свидѣтелями порядка, наблюдаемаго какъ въ ученіи, такъ и вообще въ содержаніи ихъ. — Университетъ всегда пріятнымъ и непремѣннымъ долгомъ вмѣняетъ для себя въ разсужденіи благородныхъ воспитанниковъ своихъ, вступающихъ въ пансіонъ сей, наблюдать свято все то, чѣмъ токмо благородное происхожденіе ихъ можно возвысить благороднымъ воспитаніемъ.

Порядокъ ученія и кто чему именно въ пансіонѣ семъ учитъ, можно видѣть изъ прилагаемаго при семъ Росписанія классовъ.

I

Въ языкахъ

1. Чистому письму.

а) Авраамъ Виль, *Мастеръ художества*, въ среду и субботу отъ 2 до 6 часовъ по полудни обучать будетъ чистому русскому, Нѣмецкому и Французскому письму.

2. Россійскому языку.

б) Николай Гребенкинъ всѣ дни въ недѣлю отъ 8 до 10 часовъ поутру учитъ будетъ правильно читать и писать по Россійски.

с) Михайло Снѣгиревъ, *Провинціальный Секретарь, Фил. и Своб. Наукъ магистръ*, по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ отъ 10 до 12 часовъ обучать будетъ Россійской Грамматикѣ, по истолкованіи которой подѣля учениковъ своихъ по ихъ успѣхамъ, задавать будетъ краткіе переводы, и требуя отъ нихъ о различныхъ предметахъ изустнаго и письменнаго объясненія, стараться будетъ такимъ образомъ заблаговременно и нечувствительно приобучить ихъ къ правописанію и сочиненію словъ.

Въ тѣ же дни отъ 8 до 10 часовъ по утру, повторивъ кратко грамматику и синтаксисъ, какъ руководство къ основательному познанію Россійскаго слога, займетъ учениковъ своихъ, успѣвшихъ въ правилахъ грамматики, переводами съ Французскаго на Россійскій языкъ, съ изъясненіемъ свойства и различія одного языка отъ другаго; покажетъ правила Россійскаго

слога, и объяснить разные роды стиховъ, съ присовокупленіемъ къ тому мсіологии; съ критическимъ разборомъ читать будетъ лучшія на Россійскомъ языкѣ сочиненія въ стихахъ и прозѣ ; задавать отъ себя различныя матеріи для прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, и стараться будетъ сколько можно, дабы приучить писать ихъ чистымъ и пріятнымъ слогомъ, а особливо письма всякаго рода. Сверхъ того, дабы они основательно могли писать и справедливо мыслить, изъяснять имъ кратко логику.

3. Французскому языку.

д) Матвѣй Бревновъ, *Коллежскій Регистраторъ*, въ обыкновенные четыре дни послѣ обѣда отъ 2 до 6 часовъ учить будетъ читать и писать по Французски; и дабы обучающіеся у него въ самомъ началѣ привыкли правильно произносить и свободно изъясняться на Французскомъ языкѣ , то для сего, сверхъ задаваемыхъ отъ него уроковъ, приучать ихъ будетъ обо всемъ говорить и дѣлать наизусть краткіе переводы съ Россійскаго на Французскій языкъ.

Въ среду же и субботу послѣ обѣда отъ 2 до 4 часовъ, для большаго успѣха учениковъ своихъ во Французскомъ языкѣ , занимать будетъ ихъ различными упражненіями и вопросами изъ Географіи, изъ сокращенія всѣхъ наукъ и проч.

е) Карлъ Авиать де Ватай въ обыкновенные четыре дни отъ 2 до 6 часовъ обучать будетъ правиламъ Французской грамматики.

Въ первомъ классѣ наиболѣе займется письмомъ и истолкованіемъ грамматическихъ правилъ, разборомъ оныхъ при чтеніи авторовъ, и изъясненіемъ нужныхъ уроковъ.

Во Вторникъ при чтеніи самыхъ лучшихъ Французскихъ сочинителей изъяснять будетъ мысли ихъ, показывать чистоту слога, задавать и поправлять переводы, выписывать для уроковъ употребительнѣйшія Французскія нарѣчія и заставлять учениковъ своихъ письменно, а паче изустно изображать на Французскомъ языкѣ свои мысли, дабы они чисто и свободно могли на ономъ говорить.

4. Нѣмецкому языку.

ф) Иоганъ Фридрихъ Гриненбергъ въ обыкновенные четыре дни послѣ обѣда отъ 2 до 6 часовъ будетъ учить читать и правильно писать по Нѣмцки.

г) Лебрихтъ Дудде имѣть будетъ Нѣмецкой практической классъ; по вторникамъ и пятницамъ отъ 4 до 6 часовъ задавать будетъ ученикамъ своимъ вмѣстѣ съ вокабулами и разговоры, непрерывно изъясняться съ ними на Нѣмецкомъ языкѣ о разныхъ, а особливо до ученія касающихся предметахъ, и сверхъ того стараться будетъ показать имъ правописаніе.

h) Матвѣй Гавриловъ, *Губернскій секретарь*, по вторникамъ и пятницамъ послѣ обѣда отъ 2 до 4 часовъ обучать будетъ Нѣмецкой грамматикѣ , какъ-то правописанію, произведенію и сочиненію словъ, разбирать по правиламъ грамматическія части рѣчи и дѣлать переводы съ Нѣмецкаго языка на Россійскій и обратно.

і) Иоанъ Андрей Геймъ, Коллежскій Ассессоръ, Экстраординарный Профессоръ, Нѣмецкаго языка лекторъ, Университетскій Суббибліотекаръ и Пансіона Инспекторъ, по понедѣльникамъ и четверткамъ послѣ обѣда отъ 4 до 6 часовъ, однихъ благородныхъ учениковъ своихъ, смотря по ихъ успѣхамъ, упражнять будетъ въ сочиненіи и переводахъ всякаго рода Нѣмецкаго стилия, другимъ же изъяснять будетъ въ классѣ своемъ нарочно для того сдѣланную имъ Нѣмецкую Хрестоматію.

II

Въ Наукахъ.

1. Исторіи и Географіи.

к) Никифоръ Черепановъ, *Провинціальный секретарь*, въ среду и субботу по утру отъ 8 до 10 часовъ обучать будетъ начальнымъ основаніямъ Исторіи и Географіи по расположенію нарочно имъ собранному, изъ лучшихъ авторовъ съ тѣмъ, дабы примѣняясь къ дѣтскому понятію своихъ учениковъ, преподавать имъ краткое, но ясное и нужное познаніе въ сихъ полезныхъ для благороднаго юношества наукахъ.

l) Иоанъ Андрей Геймъ, *Коллежскій Ассессоръ, Экстраординарный Профессоръ, Нѣмецкаго языка лекторъ, Университетскій Суббибліотекаръ и Пансіона Инспекторъ*, по средамаъ и субботамаъ, по утру отъ 8 до 10 часовъ для нововступающихъ объяснить Географію, сдѣлать описаніе Россіи и предложить исторію оной; успѣвшимъ же въ томъ преподавать будетъ исторію Восточной Имперіи со всеобщимъ и частнымъ описаніемъ Азіи, Африки, а ежели время позволитъ, присовокупить къ тому объясненіе и о Америкѣ .

2. Естественной Исторіи.

м) Антонъ Антонскій, Философическаго Факультета адъюнктъ и Смотритель надъ Университетскимъ Ботаническимъ Садомъ, по средамаъ и субботамаъ по утру отъ 10 до 12 часовъ проходить будетъ Естественную Исторію; начиная отъ царства животныхъ, пройдетъ царство

растений и царство ископаемых; изъяснить также систематическим порядком общія свойства простых и минеральных водъ, и преподасть главнѣйшія понятія о Физикѣ .

3. Математикѣ .

а) Ариметикѣ .

п) Дмитрій Чибисовъ, *Прапорщикъ отъ арміи*, въ обыкновенные четыре дни въ недѣлю по утру отъ 8 до 12 часовъ обучать будетъ началамъ Ариметическимъ, стараясь сколько возможно показать ихъ лучшимъ и вразумительнымъ порядкомъ.

о) Михайло Панкевичъ, *Фил. и Своб. Наукъ магистръ*, по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ по утру отъ 8 до 12 часовъ обучать будетъ теоретической и практической Ариметикѣ, въ которой дабы изучившіеся предварительно порядку первыхъ Ариметическихъ дѣйствій могли въ семь классѣ получить достаточные успѣхи, то изъяснивъ имъ опять тѣ же дѣйствія доказательно, какъ въ простыхъ однородныхъ и разнородныхъ числахъ, такъ и въ дробяхъ, простыхъ и десятичныхъ, покажетъ извлеченіе квадратнаго и кубическаго радикаловъ, послѣ чего истолкуетъ имъ главнѣйшія, необходимо нужныя для рѣшенія труднѣйшихъ ариметическихъ задачъ и вообще во всѣхъ слѣдующихъ частяхъ Математики употребительныя свойства содержаній, пропорцій и прогрессій какъ ариметическихъ, такъ и Геометрическихъ. Наконецъ покажетъ правила практической Ариметики, присовокупляя къ онымъ сколько можно удобопонятныя доказательства; и дабы обучающіеся все то могли содержать тверже въ памяти, то сверхъ того, сколько время позволитъ, упражнять будетъ ихъ въ рѣшеніи, помощію сообщенныхъ имъ правилъ, вопросовъ.

б) Геометріи и Тригонометріи.

р) Тимоіей Перелоговъ, *Провинціальный Секретарь*, въ обыкновенные 4 дни по утру, отъ 8 до 12 часовъ, обучать будетъ Геометріи и Тригонометріи, выбирая теоремы и задачи сея науки изъ такихъ авторовъ, которые предлагаютъ ихъ самымъ простымъ порядкомъ.

с) Артиллеріи и Фортификаціи.

q) Михайло Панкевичъ, *Фил. и Своб. Наукъ магистръ*, по средамъ и субботахъ по утру отъ 10 до 12 часовъ обучать будетъ по руководству славнаго Волфа Артиллеріи и Фортификаціи, при чемъ стараться будетъ показать, сколько время позволитъ, въ первой для военныхъ орудій и увеселительныхъ огней употребляемые составы, изъяснить самыя орудія, способы чертить ихъ, дѣйствовать оными, и проч., а во второй, подавъ предварительно учащимся довольное понятіе о крѣпостныхъ строеніяхъ и изъяснивъ теоретически каждой части оныхъ употребленіе, выгоды и тому противное, покажетъ способы чертить планы, и предложитъ конструкціи крѣпостей славнѣйшихъ Инженеровъ, заставляя притомъ учащихся судить объ оныхъ сходственно съ правилами военной Архитектуры; также предложитъ имъ о неправильныхъ и полевыхъ укрѣпленіяхъ, и о способахъ атаковать и защищать крѣпости.

4. Практическому законоискусству.

г) Захаръ Горюшкинъ⁴¹⁷, *Коллежскій Ассессоръ*, по понедѣльникамъ и четверткамъ отъ 6 до 8 часовъ по полудни, предложитъ во первыхъ общее понятіе о российскихъ правахъ и законахъ, о началѣ и происхожденіи оныхъ, съ раздѣленіемъ на разные роды и виды, о присутственныхъ мѣстахъ, о должностяхъ судей и всѣхъ чиновъ со всѣми переменами, происходившими до нынѣшнихъ временъ, будетъ показывать по томъ обрядъ, каковой должно употреблять при сочиненіи всякихъ писемъ и прошеній, касающихся до судебныхъ дѣлъ, и порядокъ, по которому вносить ихъ должно въ судебныя мѣста и отправлять производство самыхъ дѣлъ; а дабы всему тому научить практически, то составя для того судебныя мѣста и наполня ихъ всѣми нужными къ тому членами изъ самыхъ учащихся по образу начертанному въ Высочайшихъ учрежденіяхъ о управленіи губерній Всероссийской Имперіи и прочихъ законахъ, заставитъ учащихся самымъ дѣломъ отправлять судопроизводство по задаваемымъ отъ него разнаго содержанія дѣламъ.

5. Христіанскому закону.

с) Михайло Снѣгиревъ, *Провинціальный Секретарь*, *Филь. и Своб. Наукъ магистръ*, по средамъ и субботахъ отъ 10 до 12 часовъ по утру, проходитъ будетъ Богословію преосвященнаго Платона, Митрополита Московскаго; присовокупитъ къ тому священную исторію, и стараться будетъ сколько можно вкоренять въ юныя сердца слушателей своихъ нужныя для каждаго Христіанина члены вѣры и нравоучительныя наставленія, касающіяся до благочестія; а дабы ученіе о Законѣ Божіи болѣе сохранено было въ памяти ихъ, то при началѣ каждаго урока будетъ требовать собственнаго объясненія отъ нихъ на все то, что прошлой разъ сказано было.

---

⁴¹⁷ Горюшкинъ Захаръ Аникеевичъ (1748–1821), профессоръ российского практическаго судопроизводства с 1786 г.

III

Въ Искусствахъ.

1. Рисовальному искусству.

т) Александръ Новоселовъ по средамъ и субботамъ отъ 2 до 6 часовъ по полудни будетъ обучать началамъ Живописи, и научить изображать правильно части, служащія основаніемъ сему искусству, постарается благородныхъ учениковъ своихъ упражнять въ копированіи легкихъ и съ натуры снятыхъ рисунковъ.

у) Николай Гребенинъ въ вышнемъ рисовальномъ классѣ по средамъ и субботамъ отъ 2 до 6 часовъ по полудни будетъ занимать обучающихся въ ономъ копированіемъ съ рисунковъ славныхъ мастеровъ, какъ-то Г. Рафаэла, Г. Карла Ванло и подобныхъ имъ, сообщая при томъ нужныя замѣчанія или правила рисовальнаго художества, которыми слѣдуетъ, могли бы они получить навыкъ, подражать искусству самыхъ лучшихъ мастеровъ.

2. Фехтованью.

в) Иоганъ Маттеленъ, Прапорщикъ отъ арміи, въ среду и субботу отъ 2 до 4 часовъ по полудни обучать будетъ фехтовать.

3. Танцованью.

х) Карль Савіони въ среду же и субботу отъ 4 до 6 часовъ по полудни обучать будетъ танцовать.

4. Музыкѣ.

а) На скрипкѣ.

у) Дмитрій Барановъ по средамъ и субботамъ отъ 2 до 4 часовъ по полудни будетъ учить на скрипкѣ.

б) На флейтраверсѣ.

з) Иедоръ Брызгаловъ по средамъ и субботамъ отъ 4 до 6 часовъ послѣобѣда будетъ учить на флейтраверсѣ.

Сверхъ того, если токмо число Пансіонеровъ позволитъ, Университетъ не преминетъ прибавить еще другихъ классовъ, нужныхъ для просвѣщенія и хорошаго воспитанія Благородныхъ Пансіонеровъ своихъ, снабдивъ несомненно Почтенную Публику, что употреблены будутъ съ его стороны всѣ возможныя и лучшія средства къ надлежащему ихъ содержанію, ученію и наставленію въ благородныхъ и честныхъ поступкахъ.

Постановленіе Благороднаго Пансіона, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго⁴¹⁸.

1. Императорскій Московскій Университетъ, движимый патріотическимъ желаніемъ доставить почтенному Дворянству всевозможные способы приличнаго сему званію воспитанія, въ 1779 году основалъ Благородный Пансіонъ, и заведеніе сіе существуетъ 27 лѣтъ съ немалою общественною пользою. Теперь, при новомъ своемъ образованіи, пользуясь Высочайше дарованнымъ ему позволеніемъ имѣть при себѣ Благородное воспитательно-учебное заведеніе, почитаетъ онъ своею обязанностію дать важному сему учрежденію новый видъ, болѣе сообразный съ обстоятельствами и новымъ ишимъ понятіемъ о воспитаніи. Въ семъ намѣреніи начертано слѣдующее постановленіе:

Статьи предварительныя.

2. Въ силу 9й статьи Университетскаго Устава, Благородный Пансіонъ входитъ въ составъ Университета; а потому сіе воспитательно-учебное заведеніе, находясь въ зависимости отъ Попечителя и Ректора, подчинено распоряженіямъ Университетскаго Совѣта и Правленія.

3. Правленіе располагаетъ его воспитательною частію; Совѣтъ имѣетъ попеченіе обо всемъ, что относится къ учебнымъ и нравственнымъ онаго предметамъ.

4. Но ближайшее надзираніе за Благороднымъ Пансіономъ ввѣряется одному изъ Сочленовъ Университетскаго Совѣта, подъ названіемъ Инспектора Благороднаго Пансіона, который имѣетъ при себѣ Помощника равномѣрно изъ числа Университетскихъ ученыхъ Чиновниковъ.

5. Помѣщеніе сего заведенія должно быть отдѣлено отъ прочихъ воспитательныхъ заведеній Университета.

6. Иждивеніе, употребляемое на содержаніе Пансіона, составляется изъ вносимыхъ за воспитаніе юношества отъ родителей, или другихъ особъ, денегъ.

⁴¹⁸ Печатается по: <Сборникъ правительственныхъ постановленій и другихъ документовъ>, б. м. и г. изд., Постановленіе Благороднаго пансіона — С. 293–315.

Сообразно съ самымъ намѣреніемъ воспитательно-учебнаго заведенія, постановленіе сіе должно раздѣлиться на двѣ части, изъ коихъ одна относится будетъ къ воспитанію, а другая къ ученію.

О воспитаніи.

7. Университетъ, принимая на себя обязанность воспитанія Благороднаго юношества, употребитъ всевозможныя способы къ тому, чтобы сіе заведеніе во всѣхъ частяхъ своихъ клонилось совершенно къ предполагаемой цѣли, то есть: къ сохраненію здоровья воспитанниковъ, къ утвержденію ума ихъ и сердца въ священныхъ истинахъ Закона Божія и нравственности, къ обогащенію ихъ полезными познаніями и ко внушенію пламенной любви къ ГОСУДАРЮ и Отечеству.

8. Для достиженія сего будутъ наблюдаемы: порядокъ и строжайшая опрятность, здоровая и умѣренная пища, неусыпный присмотръ, благоразумное и осторожное обращеніе съ дѣтьми, хозяйство, опытность, дарованіе и прилежность въ Учителяхъ.

Порядокъ.

9. Дабы обѣщанія и надежды Университета имѣли прочное и твердое основаніе, онъ будетъ принимать въ свой Благородный Пансіонъ юношей не моложе девяти и не старѣе 14 лѣтъ; при томъ, для сохраненія порядка въ ученіи и для большихъ успѣховъ, желательно, чтобы дѣти отдаваемы были въ Пансіонъ или съ Новаго года, или въ первыхъ числахъ Августа.

10. Родители или родственники юношей, особливо иногородные, имѣющіе желаніе воспользоваться предлагаемымъ средствомъ лучшаго воспитанія и ученія, объявляютъ о томъ въ Университетское Правленіе заблаговременно, смотря по обстоятельствамъ и разстоянію мѣста своего пребыванія. Въ семь объявленій означаютъ они свое жительство, число и возрастъ юношей, и знанія ими уже приобретенныя, дабы Университетъ могъ предварительно отвѣтить о возможности или невозможности удовлетворить ихъ намѣренію.

11. Всѣ комнаты, опредѣленныя для житія воспитанниковъ, такъ какъ и учебныя ихъ покои, должны быть чисты, сухи, высоки, содержимы въ умѣренной теплотѣ и освѣжаемы наружнымъ воздухомъ лѣтомъ и зимою.

12. Кровати ихъ расположатся по срединѣ большихъ спальныхъ покоевъ, отдѣляясь одна отъ другой высокою перегородкою. При кроватяхъ должны находиться стулья и столы съ ящиками для храненія ежедневно употребляемой одежды воспитанниковъ.

13. Воспитанники въ учебныя дни, въ свободное отъ классовъ время, подъ присмотромъ комнатныхъ Надзирателей, занимаются повтореніемъ уроковъ и другими упражненіями въ тѣхъ же классическихъ комнатахъ.

14. Воспитанники ложатся спать въ 10 часу вечера, и встаютъ въ 6 утра.

15. Никто изъ пансіонеровъ, или полупансіонеровъ, не имѣетъ права выходить изъ Пансіона безъ позволенія Инспектора, или его Помощника. Позволеніе на отлучку означается билетами, которые отбираетъ отъ воспитанниковъ дневальный комнатный Надзиратель при ихъ возвращеніи.

16. Если кто изъ родителей, родственниковъ и другихъ извѣстныхъ особъ пожелаетъ взять къ себѣ въ домъ Благороднаго воспитанника на праздничное время, тотъ обязанъ прислать за нимъ повозку, или свою прислугу.

17. Въ Воскресенье и праздничныя дни воспитанники, въ сопровожденіи своихъ Надзирателей, идутъ въ Университетскую церковь для слушанія Божественной Литургии.

18. По долгу православнаго Христіанскаго исповѣданія, воспитанники обязаны ежегодно говѣть и причащаться Святыхъ Таинъ всегда на Страстной недѣлѣ, дабы въ иное время не препятствовать ученію.

Пища.

19. Пища воспитанниковъ имѣетъ быть самая здоровая, безъ роскоши и излишества. Обѣды ихъ состоятъ изъ пяти кушаньевъ, а ужинъ изъ четырехъ; первый долженъ быть готовъ точно въ полдень, второй въ 8 часовъ вечера; обыкновенный завтракъ подаютъ въ семь часовъ утра. Между обѣдомъ и ужиномъ бываетъ полдникъ, состоящій изъ бѣлаго хлѣба. Ложки, солонки и стаканы употребляются серебряныя; посуда вся фаянсовая. Весь кухонной столовой приборъ и бѣлье должны содержаться въ наилучшей чистотѣ и опрятности.

Присмотръ.

20. За ученіемъ и поведеніемъ воспитанниковъ наблюдаютъ *Инспекторъ, Инспекторскій Помощникъ и комнатные Надзиратели.*

21. Инспекторъ и Помощникъ его имѣютъ своею обязанностію пекись обо всемъ томъ, что дѣйствуетъ на знанія, крепость здоровья и нравственность юношей. Они назначаютъ имъ предметъ ученія, смотря по ихъ знаніямъ и успѣхамъ. Какъ особы, занимающія мѣста

родителей для воспитанников, они никогда не упускают из виду образа их жизни, поступков и обращения между собою. От них, как от хозяев, зависит размер платы по комнатам, расположение, и все то, что касается до благоустройства дому.

22. Инспектор и Помощник его во внутреннем управлении Пансиона распоряжаются сами, или по повелениям Ректора и Совета Университетского; но во всем том, что принадлежит до хозяйственной части, относятся к Ректору, или к Правлению Университета.

23. Инспектор и Инспекторский Помощник живут в Пансионном доме, и получают письменные или словесные известия от Учителей и комнатных Надзирателей о неисправностях воспитанников, случившихся во время учения и в прочее время дня; в неважных случаях они исправляют проступившаго по собственному своему благоразумию и отеческой заботливости к юношеству; в важных доносят Ректору, который или сам рассудит, или доводит до сведения Совета и высшего Начальства.

24. Комнатных Надзирателей полагается не менее восьми человек: два правильно говорящие на отечественном языке, два на немецком, два на Французском и два на Английском. Все они имеют обязанность быть неотлучными от постоянного их надзора числа воспитанников во всякое свободное время учебных дней. В праздничные дни чередуются они по четыре, и отвечают за порядок между воспитанниками. В часы учебные, когда наблюдает за благоустройством Инспектор сам, или его Помощник с одним дежурным Надзирателем, прочие имеют право отлучаться из Пансиона по своим надобностям. Надзиратели во всякое время говорят с детьми на их языках, под наименованием коих они известны, Русского, немецкого, Французского и Английского Надзирателя.

25. Ночью комнатные Надзиратели поочередно в часы, каждодневно назначенные от Инспектора или его Помощника, проходят по спальням, освещенным ночниками. Они смотрят за порядком и за всем тем, что относится к чистоте и исправности воспитанников.

26. В лучшие праздничные дни воспитанники прогуливаются по городу или за городом с комнатными Надзирателями в назначаемые Инспектором часы; зимою, для приятного и полезного препровождения времени, занимаются они различными нравоучительными играми и представлениями, играют концерты, танцуют и проч.

27. В число комнатных Надзирателей принимаются предпочтительно такие люди, которые приобрели хорошую свідомость и опытность в Российской Императорской службе; ибо главная их обязанность должна состоять во всечасном направлении нравов и свойств юношей к единственной цели Пансиона, к образованию истинных и полезных сынов Отечества.

28. Комнатные Надзиратели должны быть люди совершенного возраста. Они живут в покоех ближайших к воспитанническим комнатам, пользуясь местною удобностью для собственных своих занятий. Они имеют стол с воспитанниками общий.

29. Все воспитанники пользуются в два недели раз банею, по близости в удобном месте для них собственно построенною.

30. Больница Благородного Пансиона находится в отдельной части дому, в чистых и здоровых покоех. Она имеет при себе особаго Доктора и Смотрителя.

31. Совет предписывает правила для должностей Инспектора, Помощника его и комнатных Надзирателей, так как и правила благоповедения воспитанников. Посланные должны быть напечатаны, наклеены на доски и повешены в столовой, спальнях и учебных комнатах.

Прислуга.

32. Услуга в Пансион состоит из служащих при столе, при классах, при спальнях покоех и при воспитанниках.

33. Прислуга воспитанников может быть их собственная, или Университетская, но та и другая подчиненная Начальству особаго Чиновника. Собственные слуги содержатся на счет Господь своих, и живут, если место позволит, в доме Пансиона. Впрочем можно иметь казенную прислугу со взносом за оную от Университетского Правления назначенного количества денег.

34. Прислуга для классов, для стола и спальнях покоев нанимается от Пансиона.

Хозяйство.

35. Воспитанники Университетского Благородного Пансиона суть или полные пансионеры, или полупансионеры. Первые, пользуясь от Пансиона жильем, пищею, учением и ласкою, взносят по двести семидесяти пяти рублей в год; другие, находясь в Пансион только при обыкновенных классических учениях, и имеют в нем один обеденный стол, платят по сту семидесяти пяти рублей.

36. Платежъ долженъ быть впередъ за годъ, или не меньше какъ за полгода, такъ чтобы сроки его были приводимы всегда къ первому числу Января или Іюля, и притомъ безъ всякихъ вычетовъ въ деньгахъ, хотя бы воспитанникъ и не пробылъ въ Пансіонѣ до предполагаемаго времени; ибо въ противномъ случаѣ можетъ случиться разстройство въ хозяйственныхъ и самыхъ учебныхъ распоряженіяхъ.

37. Каждый полный пансіонеръ, сверхъ взноса полугодичной суммы, доставляетъ въ Пансіонѣ столовый приборъ и серебряную ложку; а для единообразія въ комнатахъ, вноситъ онъ единовременно положенную отъ Университетскаго Правленія сумму денегъ, на заведеніе для него желѣзной кровати, постели, подушекъ и одѣяла, байковаго и верхняго.

38. Вообще вся одежда и бѣлье воспитанниковъ должны быть ихъ собственныя. Желательно, чтобы одежда ихъ состояла изъ фраковъ или мундировъ, Университету Высочайше опредѣленныхъ. Сюртуки они имѣютъ только для комнатнаго употребленія.

39. Родители или родственники доставляютъ воспитанникамъ бѣлье какъ постельнаго, такъ и другаго столка, чтобы первое, состоящее изъ двухъ простынь, двухъ наволочекъ и ночной головной сѣтки или колпака, перемѣнялось еженедѣльно разъ; а прочее, какъ-то рубашка, галстукъ, ночное исподнее платье, чулки, носовой платокъ и полотенцо, не мѣняется какъ два раза въ недѣлю.

40. Для хозяйственныхъ должностей Пансіона опредѣляются два Смотрителя: первый изъ нихъ наблюдаетъ за пищею и ея принадлежностями, второй за всею прислугою, одеждою и внутренними потребностями дому; оба они находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи Университетскаго Правленія, какъ мѣста, имѣющаго свое непрерывное существованіе и главнѣйшее распоряжающее хозяйствомъ всѣхъ Университетскихъ принадлежностей, и тѣмъ паче, что Инспекторъ и его Помощникъ суть Чиновники временныя, по благоусмотрѣнію Попечителя.

41. Правленіе даетъ хозяйственнымъ Надзирателямъ подробное наставленіе въ ихъ обязанностяхъ.

42. Сверхъ вышеписанныхъ должностей оба хозяйственные Смотрители получаютъ отъ Правленія шнуровыя книги: одинъ имѣетъ книгу для внесенія денегъ, отдаваемыхъ родственниками на мѣсячныя надобности воспитанниковъ; сіи деньги вписываются въ приходъ или самими родителями, или Старшійшиною, имѣющими особое надзираніе за воспитательною частію Университета, когда деньги будутъ присылаемы чрезъ Правленіе. Другой держитъ книгу для записыванія одежды, бѣлья и другихъ вещей, отъ родителей воспитанникамъ отпускаемыхъ.

43. Подряды на надобности стола воспитанниковъ производятся въ Университетскомъ Правленіи при хозяйственномъ Смотрителѣ принадлежностей пищи. Количество хранимыхъ имъ вещей должно быть ежемѣсячно освидѣтельствовано однимъ изъ Членовъ Университетскаго Правленія и Инспекторомъ Пансіона, или его Помощникомъ.

44. Смотритель одежды и прочаго (статья 40) обязанъ доносить Правленію заблаговременно, когда онъ предусмотритъ въ чемъ либо недостатокъ; а Правленіе беретъ все нужныя мѣры для отвращенія онаго.

45. Чрезъ каждые полгода Правленіе назначаетъ особыхъ Членовъ для освидѣтельствованія вещей, подвѣдомыхъ оному Смотрителю: сходно ли число ихъ съ книгами, достаточно ли оныхъ, и въ исправномъ ли онѣ состояніи находятся.

46. Сверхъ того, что хозяйственные Смотрители имѣютъ быть считаемы Правленіемъ Университета, сами родители, когда пожелаютъ, могутъ проводить въ ихъ книгахъ приходъ и расходъ какъ денегъ, такъ и вещей, дѣля ихъ принадлежащихъ.

47. Отсутствующіе родители, или родственники, на запросъ свой Университету получаютъ отъ онаго извѣстія о здоровьѣ, успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ.

48. Всѣ части дому Благороднаго Пансіона, какъ-то: спальныя и учебныя комнаты, столовая, кухня, больница и проч., должны быть открыты во всякое время дня для каждаго Благороднаго человека, изъявившаго на то свое желаніе Инспектору, или его помощнику.

49. Сумма, назначенная за воспитаніе и ученіе юноши въ семъ Благородномъ Пансіонѣ, не полагается непрерывною навсегда. Начальство Университета можетъ перемѣнять количество оной, сообразуясь съ обстоятельствами и нуждами; въ такихъ случаяхъ всегда будетъ оно имѣть въ виду единственно пользу и благо юныхъ своихъ соотчичей.

Объ ученіи.

50. Ученія, преподаваемыя въ Благородномъ Пансіонѣ Императорскаго Московскаго Университета, должны быть слѣдующія:

Науки:

1. Законъ Божій и Священная Исторія.

2. Логика и нравственность.
3. Математика.
  - a. Арифметика.
  - b. Геометрия.
  - c. Тригонометрия.
  - d. Алгебра до 3й степени уравнения.
  - e. Приложение Алгебры къ Геометрии и Коническимъ сѣченіямъ.
4. Краткая опытная Физика и Естественная Исторія.
5. Военныя науки.
  - Артиллерія.
  - Фортификація.
6. Гражданская архитектура.
7. Исторія.
  - Всемирная и Россійская
8. Географія
  - Математическая, Политическая, Всеобщая и Россійская.
9. Древности и Миіологія.
10. Наука Государственнаго хозяйства.
11. Основанія Законоискусства, особливо Практическаго Россійскаго.
12. Россійской языкъ.
  - Чтеніе и чистописаніе.
  - Этимологія.
  - Синтаксисъ и легкія сочиненія въ стихахъ и прозѣ .
  - Слогъ и практическое чтеніе лучшихъ Писателей.
13. Нѣмецкая Словесность.
  - Чтеніе и чистописаніе.
  - Этимологія.
  - Синтаксисъ и переводы.
  - Чтеніе хорошихъ Писателей и сочиненія.
14. Французская Словесность. Тѣ же предметы.
15. Латинская Словесность. Тѣ же предметы.
16. Французская Словесность. Тѣ же.
  - Искусства:
  - 17. Рисованье.
  - 18. Танцованье.
  - 19. Музыкальное искусство.
    - Скрипка.
    - Флейта.
    - Фортепіано.
  - 20. Фехтованье.
  - 21. Ученіе ружьемъ въ лѣтніе отъ ученія свободные дни.
51. Ученіе продолжается восемь часовъ въ день, съ осьми утра до двенадцати, и съ двухъ по полудни до шести вечера.
52. Юноша, вступа въ Университетскій Пансіонъ, испытывается Инспекторомъ, или его Помощникомъ и Учителями. Въ слѣдствіе такого испытанія назначаются ему предметы ученія, соотвѣтственные его способностямъ, знаніямъ и желанію родителей.
53. Для воспитанниковъ, желающихъ учиться на фортепіано, Пансіонъ имѣетъ собственные инструменты; но на платежъ Учителямъ сего искусства должно вносить особую сумму. Обучающіеся фехтованью имѣютъ свои перчатки и рапиры.
54. Сверхъ того Университет, дабы не упустить ничего касающагося до Благороднаго воспитанія, постарается имѣть по близости манежъ, гдѣ воспитанники могутъ обучаться верховой ѣздѣ за сходною цѣною.
55. Инспекторъ Благороднаго Пансіона испытываетъ успѣхи воспитанниковъ, когда онъ заблагодарасудить; но главное испытаніе воспитанниковъ бываетъ въ концѣ года. При семъ испытаніи присутствуетъ назначенная отъ Совѣта Коммиссія и постороннія Благородныя Особы, которыя предварительно извѣщаются о семъ печатными программами.
56. Ректоръ Университета отъ имени сего Сословія, въ присутствіи Благороднаго общества, удостоиваетъ отличившихся успѣхами слѣдующихъ наградъ: Въ нижнихъ классахъ провозглашаются имена, заслужившихъ особенное одобреніе, и изъявляется имъ благодарность

отъ Инспектора. Въ среднихъ и вышнихъ раздаются книги, ландшафты и похвальные листы, за печатью Университетскою и подписаніемъ Ректора. Медали серебряныя и золотыя, по установленному при Университетѣ образцу, получаютъ тѣ изъ воспитанниковъ, которые окажутъ отличные успѣхи въ званіи Студентовъ.

57. Воспитанникъ, по приобрѣтеніи достаточныхъ успѣховъ въ ученіяхъ Благороднаго Пансіона, можетъ приступить къ слушанію Университетскихъ лекцій. Дабы съ большимъ успѣхомъ воспользовался онъ ученіями Университета, нужно вообще знаніе во всѣхъ языкахъ и наукахъ, преподаваемыхъ въ Пансіонѣ; но особенно требуется для того языкъ Россійскій и Латинскій и основательныя Математическія свѣдѣнія, такъ какъ необходимыя средства и начала другихъ наукъ; между тѣмъ, для усовершенствованія себя въ прочихъ частяхъ учености, можетъ онъ, пребывая въ Пансіонѣ, въ одно и то же время продолжать слушать и Пансіонскія и Университетскія лекціи.

58. Воспитанники безъ позволенія Начальника не имѣютъ права читать никакихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя нужны, какъ учебныя при Пансіонѣ и Университетѣ. Для приятнаго и полезнаго ихъ занятія, Пансіонъ имѣетъ собственную свою Библіотеку, изъ которой они могутъ употреблять хорошія и приличныя ихъ возрасту книги.

59. Сверхъ того Благородный Пансіонъ доставляетъ воспитаннику всѣ обыкновенныя при упражненіяхъ учебныя пособія, но не учебныя книги, на покупку которыхъ родители, если заблагодарасудятъ, вносятъ особенную сумму, или сами оными снабжаютъ. Университетъ съ своей стороны постарается, чтобы таковыя книги были въ продажѣ по умѣреннымъ цѣнамъ.

60. Университетскій Совѣтъ какъ на первый разъ начертаетъ, такъ и впредь по обстоятельствамъ и нуждѣ начертать будетъ порядокъ всѣхъ ученій, въ Пансіонѣ преподаваемыхъ.

61. Предполагается, что благоповеденіе воспитанниковъ будетъ неразлучно съ ихъ отличными успѣхами; ибо противнаго оному Университетъ, послѣ возможныхъ усилій о исправленіи, терпѣть не будетъ.

На подлинномъ подписано:

Михайла Муравьевъ.

V. К СТАТЬЕ: СОЗДАНИЕ ГЛАВНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

*Служебная переписка объ учителѣ Полоцкаго главнаго народнаго училища Антонѣ Зміевѣ*⁴¹⁹

<П. В. Завадовскій — полоцкому губернатору А. М. Лунину >:

Милостивый государь мой Александръ Михайловичъ!

Податели сего суть четверо учителей, опредѣленные Комиссіею объ учрежденіи училищъ въ Полоцкѣ для открытія Главнаго народнаго училища и препровождаемые отъ меня во исполненіе Высочайшаго повелѣнія къ Петру Богдановичу⁴²⁰ при семъ письмѣ, съ коего для свѣдѣнія вашего превосходительства, пока по оному отъ него какое распоряженіе послѣдуетъ, прилагаю у сего копію. Какъ сіи четверо учителей по назначенію своему должны остановиться въ Полоцкѣ и лично въ Могилевѣ предъ его превосходительство предстать не могутъ, то я ихъ имѣю честь препоручить также вашему превосходительству и просить между тѣмъ о милостивомъ ихъ призраженіи, увѣряя, что впредь само званіе ваше, яко попечителя сихъ училищъ, преклонитъ васъ, усердствуя пользѣ училищъ, не оставлять и учителей. Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть имѣю честь вашего превосходительства милостиваго государя моего, покорнымъ слугою Петръ Завадовскій. Санктъ-Петербургъ, Декабря 26 дня 1788 г.

<...> Антонъ Зміевъ, обучать будетъ въ классахъ третьемъ и четвертомъ ариметикѣ, геометріи, механикѣ, архитектурѣ гражданской, физикѣ и языкамъ Латинскому и Россійскому.

<Рѣчь учителя Антона Зміева 15 апреля 1789 года на открытіи Полоцкаго Главнаго народнаго училища>

Высокоименитое собраніе!

Между различными средствами, благосостояніе государствъ на высшую степень возводящими и утверждающими, распространеніе наукъ и просвѣщеніе народа едва ли не первое занимаютъ мѣсто. Ибо если блаженными называетъ философъ тѣ общества, въ коихъ царіе мудрствуютъ и мудрые управляютъ, то что уже сказать о тѣхъ, въ коихъ «царемъ мудрствующимъ» и народы ихъ то же творятъ, въ которыхъ каждый членъ, получивъ истинное понятіе о Творцѣ и его законѣ и навывкнувъ съ молодыхъ лѣтъ обязательствамъ добраго

⁴¹⁹ Сборник... Стлб. 31–32, 49–51, 114 слл.

⁴²⁰ П. В. Пассекъ, генерал-губернаторъ могилевскій и полоцкий.

гражданина, ни суевѣріемъ или недовѣріемъ въ Создателя, ни преслушаніемъ или неблагодарностію родителямъ, ниже непокорливостію начальству, ничего какъ себѣ, такъ и обществу вреднаго творить не знаетъ; и въ которыхъ наконецъ все то, что мудрствующіе цари полезнаго въ законахъ своихъ предписать могутъ, — все то разумѣніемъ подданные признавая за благо, творятъ безъ малѣйшаго упущенія! Таковыя общества, процвѣтая и часъ отъ часу болѣе и болѣе усиливаясь, подлинно никогда не почувствуютъ въ благосостояніи своемъ потрясенія; ибо никогда не постигнутъ ихъ тѣлѣствія, кои грубость и непросвѣщеніе человѣческому роду причиняють. Сіи-то самыя причины, сія-то благосостоянія нерушимость, которую доставитъ Всеавгустѣйшая Монархія Россійскому народу всѣми мѣрами и неусыпно печется, суть главною цѣлію всѣхъ ея трудовъ и стараній, о просвѣщеніи народномъ прилагаемыхъ; въ семь-то намѣренія даже и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россійской Имперіи, куда, можетъ быть, доселѣ ни единый лучъ просвѣщенія не досягалъ, и гдѣ мысль объ усовершенствованіи душевныхъ силъ никому и въ голову не входила, благоволила она дать потребныя и надежныя къ образованію народовъ и воспитанію домашнему способы. Сію самую цѣль, безъ сомнѣнія, и здѣшнему училищу, въ присутствіи вашемъ, высокоименитое собраніе, открываемому, предположила; ибо повелѣла въ немъ учредить все то, что юношество прямѣмъ общества членомъ и хотя мало подобнымъ ей сдѣлать можетъ; она благоволила, чтобы всякій желающій быть человѣкомъ, быть малымъ членомъ меньше ангеловъ, не смотря ни на низкое свое состояніе, ни на различіе пола, ниже на самое убожество, всѣмъ ученія, просвѣтитъ его умъ, исправитъ сердце и поставитъ на пути истиннаго благополучія могущія, почерпаль здѣсь безъ малѣйшаго препятствія; словомъ, она излила отъ духа своего, да проречетъ всяка плоть. Блаженны цари, блаженны начальники, разумѣніемъ толико благодарствовать своимъ подданнымъ, своимъ подчиненнымъ, колико благодарствуетъ Россійскому народу великая Екатерина! Продли, Всеавгустѣйшая Монархія, — продли къ намъ божественныя твои щедроты! Колико святы всѣ твои намѣренія, толико дѣйствія ихъ неоцѣненны и спасительны твоему народу; колико чувствуетъ удовольствія матернее твое сердце, взирая на насаждаемые тобою повсюду вертоградъ ученія, толико познаетъ любезное отечество наше плодовъ, отъ благодарствительскихъ сихъ заведеній происходящихъ. А вы, младыя лѣтѣ торасли насаждаемаго здѣсь винограда, вы, кои главнѣйшую мѣсту изліяннаго нынѣ отъ монаршаго престола благодарствія составляете! будите не такъ, какъ скрывый вѣреннѣйшій ему талантъ въ землю, но яко получившій пять талантъ, другіе пять талантъ оными приобрѣтите! Не щадите ни трудовъ вашихъ, ни молодыхъ лѣтъ вашихъ, да всѣмъ ученія, преподаваться здѣсь имѣющія, постигнете, помня всегда, что сынъ премудръ веселитъ отца, сынъ же безумецъ — печаль матери, всемилостивѣйшей Государынѣ нашей!

<Сообщеніе въ Комиссію изъ Полоцкаго Приказа общественнаго призрѣнія>

Въ Главное училищное правительство Полоцкаго намѣстничества изъ Приказа общественнаго призрѣнія. <...> Директоръ народныхъ училищъ г. коллежскій совѣтникъ Шабишевъ донесъ приказу, что, по причинѣ почти непрерывно продолжавшейся болѣзни, Полоцкаго главнаго народнаго училища учитель четвертаго класса Антонъ Зміевъ уволенъ отъ своей должности <...>. Более уже полугодомъ не можетъ онъ преподавать ученія <...> Онъ <Шабишевъ — А. П. Л.>, вступивъ въ директоры училищъ и примѣтивъ, что отъ дня на день болѣзнь въ немъ усиливается, по свидѣтельству здѣшнихъ докторовъ, и бывъ многократно онымъ Зміевымъ упрашиваемъ, чтобы уволить его отъ учительской должности, находитъ необходимымъ его уволить, дабы учащіеся ученики чрезъ его болѣзнь не могли терять напрасно времени, а ему, Зміеву, соответственно прежнимъ его трудамъ дать аттестатъ <...>. Михаилъ Лапатинъ. Директоръ коллежскій совѣтникъ Максимъ Шабишевъ. Іюля 16 дня 1795 г. Полоцкъ.

<Журналъ Комиссіи 1 Августа 1795 г.>

Комиссія, имѣвъ по сему разсужденію и находя, что сей учитель Зміевъ есть изъ числа учителей, ею образованныхъ для верхнихъ разрядовъ, и опредѣленный ею же въ Полоцкое Главное народное училище съ самаго его открытія въ 1789 году, признаетъ, что Полоцкому приказу общественнаго призрѣнія того учителя Зміева, какъ опредѣленнаго самою Комиссіею, увольнять отъ должности безъ ея согласія ни подъ какимъ видомъ не надлежало бы. Когда же онъ толь долгое время боленъ находился и должности своей не исправлялъ, то слѣдовало бы заранѣе Комиссію увѣдомить для принятія надлежащихъ мѣръ; да и уволивъ, тогда же бы извѣстить о томъ Комиссію, а не чрезъ цѣлыя три мѣсяца спустя, какъ то видно изъ третней того приказа вѣдомости по дѣламъ школьнымъ, полученной прошлаго іюля 9 дня, гдѣ увольненіе его означено подъ 17 числомъ Апреля сего года. И посему въ Комиссіи объ учрежденіи училищъ опредѣлено: съ прописаніемъ вышепоказаннаго отъ Полоцкаго Приказа общественнаго призрѣнія требовать, дабы онъ то опредѣленіе свое по увольненію Зміева

отмнѣ и данный ему увольнительный аттестатъ взялъ отъ него обратно, а его, Зміева, прислалъ бы въ сію Комиссію, которая уже возмѣтъ о немъ свое попеченіе, имея долгомъ стараться о сбереженіи своихъ учителей для тѣхъ самыхъ должностей, для которыхъ они собственно Комиссіею по именному Высочайшему повелѣнію были изъ семинарій духовныхъ выписываемы и потомъ на иждивеніе ея не малымъ трудомъ и временемъ приуготовляемы — съ тѣмъ именно отъ Комиссіи предположеніемъ, дабы имъ званія учительскаго не перемѣнять и въ другой родъ службы не переходить, которое предположеніе, въ докладѣ Комиссіи 1783 года Е. И. В. поднесенное, послѣ довавшимъ того года именнымъ Высочайшимъ указомъ на заведеніе семинаріи учительской при бывшемъ тогда Главномъ народномъ училищѣ и утверждено. А дабы подобныхъ сему увольненій безъ вѣдома Комиссіи и отъ другихъ Приказовъ не было, то циркулярными сообщеніями предварить въ осторожность всѣ Приказы съ прописаніемъ сего Высочайше утвержденного объ учителяхъ предположенія Комиссіи для удержанія ихъ при предопредѣленныхъ имъ должностяхъ, дабы иногда мнимыя болѣзни не служили однимъ токмо предлогомъ къ полученію отъ службы сей увольненія, какъ то примечено было Комиссіею и прежде <...>.

<Сообщеніе>

Касательно жъ до учителя Зміева, какъ онъ находится въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ, то о высылкѣ его въ оную Комиссію и о доставленіи въ сей Приказъ даннаго ему увольнительнаго аттестата, писано къ тамошнему губернатору, г. генерал-маіору и кавалеру Неклюдову, и каковъ полученъ отъ его превосходительства на то отзывъ, оный въ копіи для свѣдѣнія при семъ провождается. Михаилъ Лапатынъ. Ноября 8 дня 1795 года. Полоцкъ.

<Письмо С. И. Неклюдова М. П. Лапатыну>

Милостивый государь мой Михаилъ Петровичъ! Почтенное письмо вашего превосходительства съ приложеніемъ въ копіи сообщенія Комиссіи объ учрежденіи училищъ, въ Полоцкій Приказъ общественнаго призрѣнія послѣ довавшего, въ коемъ требовали отъ бывшаго учителемъ Полоцкаго Главнаго народнаго училища Антона Зміева отобрать данное ему помянутымъ Приказомъ увольненіе и его, Зміева, обязать подпискою явиться въ Комиссію объ учрежденіи училищъ, получить я честь имѣть, и на оное поспѣшаю увѣдомить ваше превосходительство, что онъ, Зміевъ, на сей случай по надобностямъ своимъ отлучился въ Воронежъ; какъ же скоро возвратится оттолкъ, то требованіе ваше мною исполнено будетъ. Въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнымъ слугою. Сергѣй Неклюдовъ. Октября 23 дня 1795 года. Тамбовъ.

<Журналь Комиссіи 31 Июля 1796 г.>

<...> съ того времени и поныне Комиссія никакого больше свѣдѣнія по сему дѣлу не имѣтъ. А между тѣмъ г. тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Петръ Ивановичъ Пастуховъ, въ сей Комиссіи присутствующій, частнымъ образомъ извѣщается, что оный Зміевъ находится нынѣ въ Тамбовскомъ Приказѣ общественнаго призрѣнія въ должности секретаря, какъ и въ адресъ-календарѣ, печатаемомъ по достовѣрнымъ извѣстіямъ отъ присутственныхъ мѣстъ, показано. <...> и буде тотъ же самый окажется, котораго возвращенія Комиссія требовала отъ означеннаго Приказа, то дабы соблаговолено было съ докладомъ Правительствующему Сенату отъ нынешней секретарской должности его уволить и повелѣть явиться въ сей Комиссіи <...> понеже оный учитель Зміевъ есть изъ числа Комиссіею образованныхъ и Правительствующему Сенату изъ доношенія ея отъ 21 Декабря 1794 года извѣстно, что она образованіе своихъ учителей предпринимаетъ по именному Высочайшему указу съ тѣмъ, чтобы симъ людямъ ни въ какой другой родъ службы не переходить и ни въ какую другую должность, кроме учительской, не приниматься.

<Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийской, изъ Правительствующаго Сената Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ>: Минувшаго Августа 22-го дня докладывано: оная Комиссія въ герольдію сообщила, что въ прошломъ 1795 году находящійся въ Полоцкомъ Главномъ народномъ училищѣ учитель Антонъ Зміевъ за болѣзнію Полоцкимъ Приказомъ общественнаго призрѣнія безъ вѣдома ея отъ должности учительской былъ уволенъ съ аттестатомъ, почему Комиссія отъ 10 Августа того жъ года въ помянутый Приказъ писала, дабы, сыскавъ его, Зміева, отобрать отъ него данный ему отъ Приказа увольнительный аттестатъ и самаго его, Зміева, прислать въ Комиссію, на что отъ Приказа общественнаго призрѣнія отвѣтствовано было, что оный Зміевъ находится въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ и что о высылкѣ его отъ онаго Приказа было писано къ тамошнему губернатору, генераль-поручику и кавалеру Неклюдову, который въ тотъ Приказъ отозвался, что оный Зміевъ по надобностямъ своимъ отлучился въ Воронежъ, а какъ скоро

возвратится оттолп , то и требованіе исполнено будетъ; но послп того Комиссія и донинп о немъ, Зміевп , извл стія не имп етъ, а частнымъ образомъ извл щается, что онъ находится нынп въ Тамбовскомъ Приказп общественнаго призрп нія въ должности секретаря, то и требуетъ отъ Герольдмейстерской конторы, если подлинно значущійся по адресъ-календарю въ Тамбовскомъ Приказп общественнаго призрп нія Зміевъ есть тотъ самый учитель, который находился подъ вл домствомъ Полоцкаго Приказа общественнаго призрп нія, то его отъ секретарской должности уволить и велп ть явиться въ оной Комиссії съ даннымъ ему отъ Полоцкаго Приказа общественнаго призрп нія увольнительнымъ аттестатомъ — за тп мь, что оный учитель Зміевъ есть изъ числа Комиссіею образованныхъ, коимъ, по именному Высочайшему указу, не дозволено ни въ какой другой родъ службы безъ вл дома ея переходить и ни въ какую другую должность, кроме учительской, безъ дозволенія ея не приниматься. По справкп въ Герольдіи оказалось, что находящійся въ Тамбовскомъ Приказп общественнаго призрп нія въ секретарской должности Антонъ Зміевъ — тотъ самый, который былъ въ Полоцкомъ Главномъ народномъ училищп учителемъ, и по указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ приказали: находящагося въ Тамбовскомъ Праказп общественнаго призрп нія въ секретарской должности Антона Зміева отъ оной исключить и отослать въ Комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ съ даннымъ ему отъ Полоцкаго Приказа общественнаго призрп нія, подъ вл домствомъ коего онъ находился учителемъ, увольнительнымъ аттестатом. Октября 2 дня 1796 года. Иванъ Петровъ. Секретатъ Павель Безакъ. Титулярный совп тникъ Николай Чувинъ. 1-й департаментъ по Герольдіи.

<Прошеніе коллежскаго регистратора Антона Зміева въ Комиссію> Въ Комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ коллежскаго регистратора Антона, Семенова сына Зміева покорнп йшее прошеніе.

По опредп ленію сей Комиссії съ 1789 года Апреля 15 дня находился я учителемъ математическихъ наукъ въ Полоцкомъ Главномъ народномъ училищп , а въ сіе время по крайней и неизлп чимой болп зни моей, уволенъ изъ учительскаго званія и после опредп лень Правительствующимъ Сенатомъ въ секретари Тамбовскаго Приказа общественнаго призрп нія. Наконецъ, по требованію сей же Комиссії, изъ секретарскаго званія исключень и явился въ сію Комиссію, представивъ мои аттестаты и увольненіе. А какъ я способности и желанія продолжать учительское званіе болп е совп мь не имп ю, то всепокорнп йше прошу Комиссію народныхъ училищъ меня изъ учительскаго званія навсегда исключить и, возвративъ мне мои аттестаты, дать видъ, съ коимъ бы могъ опредп литься въ другое состояніе, избравъ оное по желанію. Сіе прошеніе писалъ я, Антонъ Зміевъ, собственною рукою. 1797 года Марта 4 дня.

<Журналъ Комиссії 4 Марта 1797 г. Статья 5>: Полоцкаго Главнаго народнаго училища бывшій вышнихъ классовъ учитель Антонъ Зміевъ въ поданномъ сего Марта 4 числа въ Комиссію прошеніи объявляетъ, что находится онъ тамъ учителемъ съ открытія Главнаго народнаго училища 1789 года Апреля съ 15 дня по 20-ое число Апреля 1795 года, потомъ, по неизлп чимой его болп зни, уволенъ изъ учительскаго званія и опредп лень Правительствующимъ Сенатомъ въ должность секретаря въ Тамбовскомъ Приказп общественнаго призрп нія; а наконецъ, по требованію сей же Комиссії, будучи изъ секретарскаго званія исключень, въ оную явился, представивъ свои аттестаты, изъ коихъ въ данномъ ему изъ Тамбовскаго Приказа общественнаго призрп нія означень онъ коллежскимъ регистраторомъ, и просилъ, по нежеланію его быть въ учительской должности, объ исключеніи его изъ оной и о возвращеніи данныхъ ему аттестатовъ для опредп ленія въ другое званіе по своей удобности. А по справкп въ Комиссії извл стно, что онъ, Зміевъ, присланъ былъ въ Комиссію по требованію 1786 года ноября 27 дня изъ Московской Академіи, обучался въ учительской при Комиссії гимназіи математическимъ наукамъ и потомъ опредп лень въ Полоцкое Главное народное училище въ 1788 году Декабря 26 дня; въ 1795 году уволенъ онъ съ аттестатомъ Полоцкимъ Приказомъ общественнаго призрп нія за болп знію, почему и писано было того жъ Августа 10 дня въ оный приказъ, что онъ самъ собою образованныхъ Комиссіею учителей отъ службы увольнять не можетъ, и чтобъ, взявъ отъ него увольнительный аттестатъ, представилъ бы его, Зміева, въ Комиссію. На сіе отъ Полоцкаго Приказа отвп тствовано было, что онъ, Зміевъ, находится уже въ Тамбовскомъ намп стничествп и что о высылкп его въ Санктъ-Петербургъ писано къ тамошнему губернатору. А какъ между тп мь Комиссія, не могши его, Зміева, получить, извл стилась частнымъ образомъ, что находится онъ Тамбовскомъ Приказп общественнаго призрп нія въ должности секретаря, то Августа 1 дня 1796 года отнеслась о сёмъ Правительствующаго Сената Герольдмейстерской Конторп , чтобъ, уволя его отъ секретарской должности, повелп ть явиться ему въ Комиссію, что Правительствующимъ Сенатомъ было и исполнено, и наконецъ онъ, Зміевъ, сего числа въ Комиссію явился. О такомъ настоянп

возвращения учителя Зміева Комиссія за долгъ поставляла себѣ то, что Высочайшимъ въ 1783 году указомъ утверждено, дабы образованный Комиссіею учитель ни въ какой родъ службы не переходилъ безъ ея увольненія, и чтобъ не послужило сіе поводомъ другимъ Приказамъ къ увольненіямъ учителей, отъ чего могло бы произойти то, чтобъ Комиссія не была въ состояніи замѣнить таковыхъ убылыхъ мѣстъ другими, особливо же въ такое время, въ которое Зміевъ былъ уволенъ. А какъ находится онъ теперь въ таковыхъ же обстоятельствахъ, какъ и въ статьѣ 1-ой журнала сего объ учителяхъ Саксинѣ и Сахаровѣ сказано, то есть, что Комиссія надобности въ нихъ не имѣетъ, то и опредѣлила: дать ему просимое имъ увольненіе, для опредѣленія въ другой родъ службы по желанію, и возвратитъ данные ему аттестаты, оставивъ съ нихъ въ Комиссіи копии.

VI. К СТАТЬЕ: ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX ВЕКОВ

*Записки М. В. Данилова*⁴²¹

Я родился въ 1722 году... Отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечьями его, и казалось, что у него шеи не было. У него, въ то же время, учились два брата мои двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ. Приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажутъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесъ, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ тогда была лѣнь или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ учить урокъ весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока въ вечеру, и половины прочитатъ не могъ, за что послѣдняго резолюція меня, какъ непонятнаго, «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнія, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ: по возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокъ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно. Изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣлать ученіе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣнь и унылость; явственнѣе можно усмотрѣть сію правду, принудить только ребенка играть сверхъ его воли: тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ, и тою игрою мало будетъ уже играть, или вовсе возненавидѣть. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукотѣльных мастеровъ обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣмъ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ вѣдство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой. Вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало.

Въ одинъ день, когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ мой двоюродный Елисей (меня и Бориса, своего брата, постарѣе и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе), увидя, что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителява любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, сѣкъ кота лозою и что приговаривалъ не упомню; только то помню, что мы на его шутки глядя, съ Борисомъ, сидя со страху, чтобъ не засталъ Брудастой, дрожали. И въ тотъ часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился въ дворъ свой нечаянно нашъ учитель. Елисей отъ сего явленія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза въ книгу и

⁴²¹ РА 1883, год 21-й, № 3, с. 20–22.

духъ свой притаилъ, не могъ дышать свободно. Брудастой, увидя ката висящаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришелъ въ такое бѣшенство, что ухватилъ метлу, связанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать разъ за разомъ безъ разбора по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отрывая подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастой былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшеный: стегая Елисея, тою же метлою, доставалъ нѣ сколько страждущаго, по близости на веревкѣ повѣшеннаго ката, который чайтельно усмирить злѣйскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мяуканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы отъ сей драки, съ Борисомъ, кромѣ страха ничего не претерпѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерпѣла въ листахъ утрату. Выучилъ я у Брудастаго азбуку...

*Нѣмецъ-педагогъ въ Россіи. 1800 г.*⁴²²

«1800 года, Октября 7 дня, я ниже подъ писавшейся Прусской нации Фридрихъ Лотъ обовязался симъ контрактомъ отвступленія моего вдолжность жить годъ вдоме, Харьковскаго уезда, у господина помещика Подполковника К. обучать зимніе мѣсяцы детей его Нѣмецкому языку, Грамматическимъ правиламъ читать и писать и нѣжнехъ класовъ Арефмтѣйкы, и за сыномъ его К. имѣть неусипное смотреніе за поведениемъ ево, и доставлять всякое ему благонѣравіе, какъ воспитанію благородному дитяти принадлежить, безъ малейшаго упущенія; вестъ себя всегда трезво и добропорядочно, какъ чесному человеку принадлежить; быть для хорошова примеру, впротивномъ же случаѣ за несмотреніе мое или пьянство и худые поступки повинень я, Лотъ, отвечать по законамъ⁴²³. И по прохожденіи злѣмнихъ мѣсяцей мнѣ Лоту за его синомъ уже болея не смотреть и детей не учить, а вступить мнѣ въ должность садовничію и старатца здѣль два аглицкія сада завестъ теплицы, цветнѣйкы и парнѣйки, критія алей, ранжирею и огороднѣй; поросаживать деревья и делать прививки, колеровки и отводи самимъ искуснимъ образомъ, по размноженію фруктовыхъ деревьевъ, даби неусипнымъ рачениемъ моимъ и трудами заслужить могъ себе похвалу и награждение; какіяжъ до содоваго искусства потребны будутъ инструменти и матеріалы, тоже потребное число людей рабочіихъ, онъ К. долженъ, по требованію моему, дато мнѣ и определить учениковъ двухъ; особую комнату для отапливанія которой на каждую неделю по возу дровъ; для услуженія моея жѣны дѣвчонку или женщину каковую на ихъ одежде, а только на моихъ харчахъ, которія мнѣ Лоту получить въ годъ отъ ево же К. пшеницы пять и ржи четыре, крупъ одну пшена, одну гороху, одну овса, две четверти всего четиринадцать четвертей; масла коровьево пудъ, масла поснова ведро, сала синова два пуда, соли два пуда, свечнова сала топлѣннаго пудъ, уксусу ведро, наливки два ведра, горячево вина три ведра, солонины четыре пуда, вичины пудъ, свежаго мяса шесть пудъ и пристойное число крошева и свеклы квашеной и годоваго жалованя сто двадцать рублей. За первую половину получить впередъ года и за вторую по окончаніи онаго, и паспортъ мой мнѣ вручить ему К. Буде же я хотя окажуся въ сихъ должностяхъ незнающъ и нерачительнымъ, то вольно ему К. меня отпустить, заплатя за тотъ термелъ мнѣ жаловане что я проживу въ его и всю провизию, а прочее все то, что я за служу».

Примѣч. Списано съ черноваго контракта, писаннаго рукою г-на помѣщика К.

Соощ. А. А. Туганъ-Мирза-Барановскій.

М. М. Сперанскій. Изъ письма П. Г. Масальскому (безъ даты, предпол. 1815 года)⁴²⁴.

Мысли мои о воспитаніи вашего сына при семь прилагаю⁴²⁵, и вѣрьте мнѣ, любезный другъ, что они столько же истекли изъ моего сердца, какъ изъ головы.

По настоящему ходу дѣлъ, сынъ вашъ непремѣнно долженъ совершить свои науки въ университетѣ. Если бы настоящія правила о производствѣ въ чины и перемѣнились, чему я однакоже никакъ не вѣрю: то и въ семь случаѣ необходимо будетъ должно со временемъ провести его чрезъ университетъ. Это есть очевидное и принятое во всей Европѣ свидѣтельство классическаго ученія, безъ коего свидѣтельства и ученымъ и умнымъ быть можно, но слыть таковымъ нельзя; а въ свѣдѣніи не только должно быть, но и слыть.

⁴²² РС, 1873, VII, 4–6, с. 858–859, с предисловием редакции: «Приводим договор, заключенный в начале нынешнего столетия русским барином-помещиком с педагогом из немцев, нанятым к его детям. Документ этот рисует взгляд тогдашнего общества на учителей и воспитателей. Печатаем документ буквально, расставя лишь знаки препинания.

⁴²³ Какимъ? не господина-ли подполковника? — Т. Б.

⁴²⁴ Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго П. Г. Масальскому, писанныя съ 1798 по 1819 годъ, съ историческими поясненіями, составленными К. Масальскимъ, и нѣкоторыя сочиненія первой молодости Графа М. М. Сперанскаго. СПб., 1862. С. 61–64.

⁴²⁵ Прим. изд.: «Покойный отецъ мой... просилъ совѣтовъ Сперанскаго на счетъ моего воспитанія. Мнѣ было тогда 12 лѣтъ отъ роду».

Посему вопросъ состоитъ въ томъ, гдѣ лучше можетъ быть приуготовленъ къ ученію университетскому: дома или въ училищѣ ?

Два предмета собственно къ сему необходимы: 1) Языки. 2) Математика. Исторію и географію я не считаю въ числѣ наукъ: это забава, которую равно имѣть можно въ училищѣ и дома.

Какимъ образомъ можетъ учитель выучить языкамъ на дому, я сего не понимаю; правда, что французъ или нѣмецъ можетъ научить болтать, да и то въ такомъ домѣ, гдѣ всѣ почти говорятъ по французски или по нѣмецки; но чтобъ домашнимъ ученіемъ могъ кто нибудь достигнуть основательнаго познанія языковъ, а особливо латинскаго, я не видалъ еще сему примѣровъ. — Въ училищѣ, напротивъ, гдѣ двадцать или тридцать дѣтей говорятъ на языкахъ и учатся вмѣстѣ, познаніе ихъ приобретається почти непримѣтно и всегда почти вѣрно. О математикѣ ни слова; ей конечно можно выучиться и дома; но несравненно труднѣе.

Къ симъ главнымъ выгодамъ присовокупляется другая, не менѣе важная.

Примѣчено не только у насъ, но и во всей почти Европѣ, что въ домашнемъ воспитаніи никакъ нельзя, даже и въ самомъ большемъ свѣтѣ, дать молодому человѣку той общежительности, той развязности и ловкости, которая приобретається не иначе, какъ обращеніемъ съ людьми съ ребячества и треніемъ страстей, желаній и мыслей. Отсюда происходитъ, что юноша, получившій публичное воспитаніе, скорѣе знакомится съ людьми и приспосабливается къ дѣламъ, нежели тотъ, кто имѣлъ три или четыре года дѣло съ однимъ своимъ учителемъ и, слѣдовательно, ознакомился съ однимъ образомъ мыслей, привыкъ къ одному роду вкусовъ, принявъ одинъ оборотъ чувствъ и движеній. Люди сего послѣдняго рода обыкновенно долго, а часто и на всю жизнь остаются застѣнчивы, связаны и, зная иногда много, не умѣютъ употребить своего знанія ни въ пользу себѣ, ни къ выгодѣ другихъ. Я видалъ сему множество примѣровъ въ самыхъ высшихъ состояніяхъ, или, лучше сказать, я не видалъ сему правилу исключенія.

При всѣхъ сихъ выгодахъ публичнаго воспитанія, я бы не совѣтовалъ отдавать въ обыкновенные пансіоны, каковыя у насъ до сего были; лучше дѣйствительно вучить чему нибудь основательно дома, нежели попустить шарлатанство и пустословіе. Но училища, каковы суть Коллинсово и Мюральтово, не должно смѣшивать съ пансіонами: это суть настоящія публичныя и основательныя училища. Я вѣрю, что и они со временемъ упадутъ; но не простительно ими не пользоваться, доколѣ они въ цвѣтѣ, а первый курсъ со всею вѣроятностію они совершатъ съ успѣхомъ.

Планъ, вамъ представленный⁴²⁶, имѣетъ конечно свои достоинства; но если онъ будетъ принятъ: то я бы желалъ, чтобъ исключили изъ него и филологію, и философію, и дипломатику, и юриспруденцію, а учили бы просто тремъ предметамъ: 1) Языкамъ, т. е. латинскому, французскому и нѣмецкому, не украшая ихъ именемъ *филологіи*, которое болѣе прилагается къ языкамъ древнимъ и которое часто подъ пышнымъ и ученымъ названіемъ скрываетъ не болѣе, какъ то, что мы въ старину называли грамматикою. Поставь ученика, чтобъ онъ разумѣлъ читать хорошія книги, читай ихъ съ нимъ и требуй у его отчета въ его чтеніи, вотъ тебѣ вся риторика, эстетика и филологія. 2) Географіи и исторіи. 3) Математикѣ. Сіи три предмета, выученные основательно, поставятъ ученика въ совершенной возможности со временемъ, когда разумъ его съ лѣтми образуется, выучиться и философіи, и дипломатикѣ, и юриспруденціи, ученіе совершенно зависящее отъ чтенія и собственнаго упражненія. Несколько уроковъ въ университетѣ къ сему будутъ достаточны. Но учить юношу симъ предметамъ прежде, нежели онъ будетъ знать языки, или вмѣстѣ съ исторіею и географіею, прежде т. е., нежели понятія его сими предварительными науками будутъ образованы, есть одно пустословіе и потеря времени. Вредъ отъ сего моднаго учения есть тотъ, что оно надуваетъ молодаго человѣка одними словами безъ понятій и вводитъ его въ то опасное заблужденіе, что ему кажется, что онъ знаетъ все, тогда какъ не знаетъ ничего. Отсюда привычеловѣкъ къ поверхностному вещей обозрѣнію, пища самолюбію и наконецъ отвращеніе отъ основательнаго труда и размышленія.

Въ заключеніе всего еще повторю, что несравненно выгоднѣе сыну вашему быть въ публичномъ училищѣ (я бы предпочелъ Коллинсово), нежели дома. Нѣкогда и васъ и меня благодарить онъ за сіе будетъ.

*И. П. Сахаровъ. Мои воспоминанія (отрывки)*⁴²⁷

Просвѣщеніемъ дворянства завлѣдывали гувернеры и гувернантки, люди безъ всякаго образованія въ наукахъ. Съ ними входили въ деревенскіе семейные круги развратъ, нахальство,

⁴²⁶ Прим. изд.: «Онъ былъ написанъ очень ученымъ и достойнымъ французомъ».

⁴²⁷ РА 1873, 901 слл.

неуваженіє къ родителямъ, пренебреженіє къ вѣрѣ отцовъ и постыдное вольнодумство. <...> Переворотъ, затеянный въ Россіи чужеземцами для направленія къ революціоннымъ идеямъ русскаго воспитанія, не есть тайна. Стоить только вспомнить основаніе Александровскаго лицея, борьбу аббата Николая противъ этого учрежденія и рѣшимость Императора Александра Павловича противъ ученія чужеземцевъ <...> Время взяло свое: женщины наши все перепутали, имъ надобна была французская болтовня, имъ надобны были танцы, имъ надобны были кокетство и развѣянїе въ жизни. Во всемъ этомъ они опирались на гувернерство. Вотъ отчего скоро развелась у насъ порода гувернантокъ; вотъ отчего охота къ чужеземному воплотилась въ дѣла, воплотилась въ привычки и пошла рука объ руку съ дворянскимъ просвѣщеніемъ, ложнымъ, бесполезнымъ и вреднымъ для нашего Отечества. Немного надобно людямъ, чтобы понять всю опасность такого ложнаго просвѣщенія; но многіе ли хотели видѣть эту страшную бѣду нашего Отечества? Повсюду за нею стремились съ какимъ-то обаяніемъ и восторгомъ.

Вообще гувернерское просвѣщеніе русскихъ людей можно раздѣлить на три эпохи, погубившія нашу родину. Первая явилась послѣ французской революціи, когда эмигранты толпами прибѣгали въ Россію; они охватили тогда высшій кругъ дворянства, жившій въ столицахъ; ихъ вліянію все покорилось рабски. Матушки за нихъ спѣшили отдать своихъ дочекъ, чтобы величать ихъ маркизами и герцогинями; батюшки обрадовались вольнодумству; сынки кинулись въ развратъ со всею наглостію, руководимые во всемъ эмигрантами. Эта эпоха длилась до 1812 года и тихо подрывалась подъ основаніемъ Русскаго образованія, освященнаго вѣрою и событіями тысячи лѣтъ. Въ эту эпоху началось выписываніе Французовъ и Француженокъ, Нѣмцевъ и Нѣмчурокъ нашими путешественниками, издѣвшими напоказъ въ Фернейскій замокъ и Парижъ. Тогда, хотя и изрѣдка, начали разводить пансіоны, мужскіе и женскіе, подъ защитою выписныхъ нѣмецкихъ профессоровъ Московскаго Университета, Шадена, Шварца⁴²⁸ и другихъ. Бѣглыя и наглыя француженки открыли въ этихъ вертепахъ постыдный торгъ честью русскихъ женщинъ и русскихъ дѣвушекъ. Сколько сгубили тогда дѣтей: въ десять, двенадцать лѣтъ мальчики пили мертвую чашу и знали всѣ прѣдѣлы разврата!

Вторая эпоха началась съ изгнаніемъ Французской арміи изъ Россіи. Просвѣтителами этой эпохи сдѣлались безсмысленные остатки отъ разбитой Наполеоновской великой армады; тогда плѣнныхъ Французовъ, Нѣмцевъ, Баварцевъ, Саксонцевъ разбирали нарасхватъ и ввѣряли имъ своихъ дѣтей⁴²⁹. Съ этого времени водворилось всеобщее несчастіе въ моемъ миломъ и безцѣльномъ Отечествѣ. Кухарки, прачки, сапожники, портные начали просвѣщать Русскихъ въ разводимыхъ пансіонахъ, ихъ наемному усердію и уму ввѣряемы были на попеченіе Русскія головы малютокъ, которыхъ теперь вижу уже взрослыми, съ образованіемъ вполне гувернерскимъ, съ идеями объ космополитизмѣ, съ презрѣніемъ къ Россіи, съ невежествомъ, прикрытымъ фракомъ и ясными пуговицами. <...> Не говорю уже о женщинахъ этой отвратительной эпохи, глубоко упавшихъ своею развратностію и прославившихъ себя наглостію. <...> Эта несчастная эпоха продолжалась недолго, до 1820 года; но она оставила гибельныя послѣдствія на цѣлое столѣтіе. Этимъ орудіемъ думали заморскіе демагоги приготовить въ Россіи что-то вроде 14 декабря⁴³⁰.

Третья эпоха началась пріѣздомъ гувернантокъ по требованію поставщиковъ. Старые гувернеры, безъ зубовъ и волосъ отъ лакомства ртути⁴³¹, изгнанные изъ дворянскихъ домовъ, прибѣгли къ новымъ прѣдѣлкамъ: начали выписывать Француженокъ и Нѣмокъ для поставокъ въ дома глупыхъ матушекъ, алкавшихъ Французскаго просвѣщенія и заморскаго разврата. Магазины Кузнецкаго моста, Невскаго проспекта и знаменитаго Ревельскаго подворья наполнены были бродягами-просвѣтителницами. Отсюда поставщики высылали гувернеровъ и гувернантокъ, съ огромными цѣнами и нелѣпыми требованіями. Батюшки и матушки соглашались на всѣ цѣны и требованія, лишь бы имѣть заморское чучело, которое презирало бы Русское слово, омрачало Русскій умъ и унижало Русскаго человѣка. <...> Императоръ Николай Павловичъ ни мало не усумнился принять нашу народность подъ свою защиту и сдѣлать ее символомъ министерства Народнаго просвѣщенія.

⁴²⁸ Последние находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ другъ къ другу — А. П. Л.

⁴²⁹ Пленный полковникъ наполеоновской гвардіи Жандро былъ воспитателемъ юного М. Ю. Лермонтова и пользовался горячей привязанностію своего воспитанника, какъ и жителей села Тарханы. См. Висковатовъ, с. 146.

⁴³⁰ Къ этой интересной эпохѣ относится такое удивительное явленіе, что бывшій секретарь Робеспьера очутился ректоромъ Санкт-Петербургскаго университета (прим. П. П. Бартенева).

⁴³¹ Ртуть; служила лекарствомъ отъ сифилиса.

*Письмо вице-адмирала А. П. С. Шишкова къ Ея величеству государынѣ Императрицѣ Маріи Федоровнѣ 25 мая 1816 года*⁴³².

Всемиловѣишя государыня!

По волѣ Вашего Императорскаго величества я былъ на экзаменѣ дѣла вицѣ, приготовляемыхъ для воспитанія дѣтей. Вашему величеству угодно было приказать мнѣ говорить чистосердечно. Я, исполняя въ точности волю Вашу, осмѣливаюсь изъяснить передъ Вами мнѣніе мое безъ всякой лести, въ которую перо мое, благодаря Бога, по сію пору никогда не было обмокнуто. Я почитаю заведеніе сіе самымъ полезнымъ и благотворнымъ для нашего отечества. Мы по сіе время имѣли совершенный въ томъ недостатокъ; но что можетъ быть хуже какъ недостатокъ въ воспитаніи дѣтей? Однако еще хуже замѣнить оныи иностранными воспитателями. Не оттого я такъ думаю, чтобъ презиралъ иностранцевъ или бы почиталъ ихъ худшими насъ людьми. Сохрани меня Боже отъ толь самолюбивой и нерадивой мысли! Но я мню, что всякая нація должна имѣть свое честолюбіе, свою народную гордость, безъ чего не можетъ быть ни любви къ отечеству, ни твердаго и благороднаго духа. Какъ можетъ не упасть въ униженіе духъ того народа, который самъ въ себѣ отвергаетъ способность воспитывать своихъ дѣтей, словно какъ бы природа лишила его возможности быть просвѣщеннымъ и благонравнымъ народомъ, и что для пріобретенія сихъ достоинствъ долженъ онъ непремѣнно прибѣгать къ помощи иностранцевъ? Можетъ ли отецъ, при толь уничижительныхъ объ отечествѣ своемъ мысляхъ, вложить въ душу сына своего возвышеннѣйшее, почтительнѣйшее о народѣ своемъ мнѣніе? Я не отрицаю, чтобъ въ числѣ воспитывающихъ насъ иностранцевъ не могли быть благородные, честные и просвѣщенные люди; но они, при всѣхъ сихъ достоинствахъ и даже добромъ намѣреніи своемъ, не въ состояніи поправить зла, какъ скоро собственное наше мнѣніе о самихъ себѣ такъ худо. Итакъ, всемиловѣишя государыня, по образу мыслей и чувствъ моихъ, я могу сказать смѣло, что намѣреніе Вашего величества пріуготовить собственныхъ дядекъ и нянекъ (сіи слова потеряли у насъ свою силу, но нѣкогда означали они тѣхъ, которые заступаютъ мѣсто отцевъ и матерей), есть самое нужнѣйшее и благотворнѣйшее для Россіи. Оно поправитъ ошибку величайшаго изъ монарховъ, Петра Великаго. Онъ ввелъ науки и просвѣщеніе, но не взялъ осторожности не допустить вмѣстѣ съ ними войти духу униженія. Отселъ есть у насъ науки, но нѣтъ ихъ корня; есть просвѣщеніе, но не собственное свое, а потому не позволяющее быть намъ самими нами: мы почитаемъ себя какъ бы твореніемъ рукъ чуждыхъ народовъ. Отселъ начало нравственнаго нашего рабства, отъ котораго мы, при всей силѣ и торжествѣ оружія, освободиться не можемъ; ибо отъ сего не силою оружія освобождаются, но духомъ честолюбія и народной гордости, тогда только рождающейся въ душахъ нашихъ, когда воспитываютъ насъ собственные наши отцы, матери и наставники. Вотъ, всемиловѣишя государыня, чистосердечное чувство моихъ признаніе, которое повелѣли Вы мнѣ сказать. Вашего Императорскаго величества всенижайшій.

*И. М. Муравьев-Апостоль. Письма изъ Москвы въ Нижній Новгородъ. Изъ 5-го письма*⁴³³.

Разговоръ, который я тебѣ, другъ мой, сообщилъ въ послѣднемъ письмѣ, возбудилъ въ умѣ моемъ множество размышленій на счетъ учебнаго, въ отечествѣ нашемъ, воспитанія. Слова Ахеронова⁴³⁴: доколѣ мы не будемъ учиться такъ, какъ вездѣ учатся — наиболѣе привлекли мое вниманіе, и заставили и меня разсуждать о причинахъ, по которымъ мы не учимся такъ, какъ вездѣ учатся. Поговоримъ и мы съ тобою о томъ же; посмотримъ, въ чемъ состоитъ метода ученія въ другихъ земляхъ, а чтобы лучше, и какъ бы сказать, однимъ взглядомъ увидѣть разность, то сдѣлаемъ сравнительную картину воспитанія англійскаго и нашего домашняго. Я возьму для этого двухъ мальчиковъ, уроженцевъ Петербурга и Лондона, и буду слѣдовать за ними отъ семилѣтняго ихъ возраста по самое окончаніе воспитанія. Вотъ какая представляется взорамъ моимъ картина.

Мальчикъ англичанинъ въ 7 лѣтъ отдается въ школу, въ Вестминстеръ или Итонъ... гдѣ до 10 лѣтъ онъ учится сперва только читать и писать по-гречески, по-латини и по-англійски; потомъ грамматикѣ трехъ языковъ, и когда проходитъ синтаксисъ, то начинаетъ уже упражняться въ легонькихъ, по лѣтамъ его, сочиненіяхъ; читая же авторовъ, для низшихъ классовъ опредѣленныхъ, разбираетъ ихъ аналитически — и чрезъ то дѣлаетъ первый шагъ въ

⁴³² РС, т. 1. С. 145–146.

⁴³³ Сын Отечества, 1813, №№ XLV и XLVI. Печатается по: М. Н. Катков, Наша учебная реформа, М., 1890. С. 140–148.

⁴³⁴ Имя собесѣдника въ упомянутомъ разговорѣ (прим. издателя).

логик. Гимнастическія упражненія: мячъ, волчокъ, жмурки и подобныя тому дѣтскія игры со сверстниками.

У насъ, къ семилѣтнему мальчику приставляется французъ-наставникъ, которому, вмѣстѣ съ питомцемъ его, отводятся покои, какъ можно далѣе отъ родительскихъ, съ тѣмъ, чтобы мальчикъ поскорѣе отсталъ отъ отца и матери и прилепился вслѣдъ за привычками къ тому, который за 2000 рублей на годъ, подрядился поставить въ 8 лѣтъ совершеннаго француза. Два первые года мальчикъ, исключительно, учится болтать по-французски и забываетъ то, что зналъ изъ своего языка. Главное попеченіе наставника состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ его правильно гнусилъ, выговаривая N въ носъ — напримѣръ: *mon dindon* — и когда онъ въ этомъ успѣетъ, то заставляетъ его выучивать наизусть нѣкоторыя басни Лафонтена, и къ тому еще обыкновенно Тераменовъ разсказъ изъ «Федры». Эти первые успѣхи, какъ то легко себѣ представить можно, восхитительны для родителей, и первый опытъ — настоящее семейное торжество. Французъ съ важностію вводитъ въ гостиную питомца своего, ставитъ его посреди кружка сродниковъ и знакомыхъ; мальчикъ нахмуритъ рожицу, выпучитъ глазенки, ножку выставитъ впередъ, протянетъ рученку, вздохнетъ и начнетъ:

A peine nous sortions des portes de Trizine⁴³⁵ ...

Громкія восклицанія слушателей сопровождаютъ каждый почти стихъ: *C'est admirable! point d'accent! pas le moindre accent étranger*⁴³⁶! — и надобно тутъ замѣтить, что слово *étranger* глубоко впечатлевается въ умѣ малютки, которому съ тѣхъ же поръ представляется чуждымъ все, что не чисто по-французски: — первый шагъ къ выполненію условій наставника съ родителями. Гимнастическія упражненія состоятъ въ бильбоке, въ игрѣ волана съ учителемъ; да къ тому три раза въ недѣлю танцмейстеръ начинаетъ его образовывать: то есть заставляетъ его ходить на цыпочкахъ и присѣдать, выворачивая врозь колѣни.

Англійскій мальчикъ, съ 10 до 13 лѣтъ, продолжаетъ вышесказанное ученіе; по мѣрѣ успѣховъ его въ механизмѣ языковъ, онъ начинаетъ уже вкушать плоды прилежанія своего: знакомится съ Омеромъ, Плутархомъ, Овидіемъ, Вергиліемъ, Гораціемъ, Цицерономъ, Титомъ-Ливіемъ и классическими писателями земли своей; толкуетъ ихъ, разбираетъ, переводитъ. Подъ руководствомъ искусныхъ профессоровъ, здравая критика научаетъ его судить о предметахъ искусства, сравнивая ихъ между собою <...>. Въ то же трехлѣтіе начинаетъ онъ заниматься отечественными исторіею и географіею и первыми основаніями математики <...>.

Россійскій мальчикъ, зная уже все то, чему могъ выучиться отъ наставника своего, чисто выговаривать по-французски, отъ 10 до 13 лѣтъ начинаетъ раздавать билеты учителямъ, которые ходятъ къ нему по часамъ преподавать мсіологію, хронологію, математику, географію, исторію и проч., и проч., да къ тому, если французъ его аббатъ, то онъ съ нимъ читаетъ и толкуетъ французскій катехизисъ. Когда случится, что наставникъ челоѣкъ весьма ученый, то ученикъ, сверхъ всего упомянутого, занимается еще выписками изъ писемъ г-жи Севинье и изъ Вольтерова *Sinle de Louis XIV*⁴³⁷: упражненіе для русскаго чрезвычайно полезное, ибо оно знакомитъ его съ изящнѣйшими умами и любезнѣйшими людьми вѣка, прославившаго Францію. Ко всему этому присовокупляется музыка, да къ тѣмъ леснымъ упражненіямъ сверхъ танцевъ фехтованье. Подъ конецъ этого періода рѣдкій мальчикъ находитъ еще удовольствіе въ дѣтскихъ забавахъ; онъ почти образованъ: танцуетъ королевинъ менуэтъ и гавотъ — слѣдственно можетъ уже играть свою маленькую ролю въ свѣтѣ, и для того начинаютъ вывозить его на театръ — гдѣ развиваютъ вкусъ его къ изящному, и на балы — гдѣ онъ учится великой наукѣ обхожденія съ людьми въ свѣтѣ, то есть на балахъ.

Англичанинъ, отъ 13 до 15 лѣтъ, довершаетъ въ школѣ начальное, пріуготовительное ученіе свое: Риторика занимаетъ его въ стихотворствѣ и въ краснорѣчіи. Весна жизни! прекрасныя лѣта, когда прелестнѣйшій даръ природы, воображеніе, столь живо и столь опасно! — Въ нихъ отрокъ, счастливо одаренный, искусно управляемый, обогащаетъ память свою предметами, которые, сверхъ того, что питаютъ душу, располагаютъ сердце къ добру и украшаютъ разумъ, — но еще и навсегда утверждаютъ въ нихъ вкусъ къ изящному <...>. Поелику англичанинъ готовится быть челоѣкомъ и гражданиномъ англійскимъ, а не другимъ какимъ, то и не удивительно, что его учатъ всему тому, что ведетъ къ предположенной цѣли. Сверхъ того, исторія и географія всеобщія и геометрія занимаютъ послѣдніе годы пребыванія его въ школѣ, не столько еще какъ науки сами по себѣ, но какъ преуготовленіе къ наукамъ. —

⁴³⁵ Едва мы вышли изъ Трезенскихъ вратъ © (Пер. І. И. Тютчева).

⁴³⁶ Восхитительно! Совершенно безъ акцента! Совершенно безъ и н о с т р а н н а г о акцента! (фр.).

⁴³⁷ Вѣкъ Людовика XIV (фр.).

Жизнь его и забавы все же, что были в первом возрасте, а что всего лучше, не успели еще наскучить ему.

Русский, от 13 до 15 лет, оканчивает учение свое. — Ежедневно, как говорится, берет уроки от дюжины разных учителей и спешит, как можно скорее, выучиться алгебре, геометрии, тригонометрии, артиллерии, фортификации, тактике; языкам английскому, итальянскому, немецкому — только что не русскому; танцевать, фехтовать, рисовать, читать верхом, играть на клавинодах, на скрипке, и петь. Это все непременно входит в план так называемого — знатного воспитания⁴³⁸. Понял ли что мальчик в столь быстром и крутом учении — об этом не для чего спрашивать. 15 лет минуло! Он должен быть образован, и пора идти в службу. Годен ли он в нее или нет — это опять вопрос посторонний, а одно, в чем нет ни малейшего сомнения, есть то, что француз-наставник выполнил в точности условие свое, следовательно ни от него, ни от ученика его нечего и требовать больше. — Явное преимущество наше перед всеми в том, что мальчик у нас в 15 лет — не мальчик, а уже настоящий человек. Правду сказать, не зрел еще ни телом, ни умом; но ничто не мешает ему поступить и послужить: в службе, как говорят, он натрется, а в обществе доучится. Об образе жизни его в этом последнем периоде воспитания нечего и сказать отменно: все забавы общества ему позволены, и жаль одного только, что он начинает уже чувствовать в них пресыщение; может быть, от того, что раненко начал пользоваться ими.

Англичанин в 15 лет оставляет школу и отправляется в Оксфорд, где под присмотром и руководством какого-нибудь профессора ходит на лекции в университет. До сих пор учение его было каким образом одно приготовление к настоящему учению <...>. Теперь открывается поприще обширнее: разсудок юноши образуется, и он становится способным избрать по склонностям учение необходимое к тому роду жизни, к которому он увлекается врожденными дарованиями. <...>

Русский, в 15 лет, не только оставляет и родительский дом: он уже в настоящей военной службе, и караульня довершает то, чего не доставало к домашнему воспитанию: прощай навсегда не только ученость, но даже и охота к учению! Впрочем, на что было бы ему и трудиться по пустякам. Хвала французам, образователям его: он все знает, и ничему не учась. Природою привилегированное сотворение, мы — так рассуждает он — дворяне родились с такими способностями, с которыми, и не ломая головы над книгами, всегда и на все готовы. Сегодня я предводительствую полком, а завтра — стоит мне только переменить кафтан, и я буду управлять гражданскими делами целой области. <...> Так, друг мой, сердце мое обливаешь кровью, когда я помышляю, сколько гениев у нас увядает, при самом развитии целого разума, и не принеся никакого плода отечеству! <...> Народ, надменный драгоценными дарами природы, наиспособнейший во всем к успехам, с сильною душою, с пылким воображением — добровольно ослепляется, отвергая дары природы и пособия отечества.

VII. К СТАТЬЕ: АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ МЕРЗЛЯКОВ

А. И. Мерзляков.

ГИМНЪ

къ деятельности⁴³⁹.

Святая, блаженная деятельность! для чего мыслять иные, что Ты угрюмое, мрачное божество, чуждое всем хв удовольствий, всем хв радостей? — Для чего представляешь храм Твой кузницею Вулкана? — Говорят, что с чела Твоего течет кровавый пот, отираемый холодной, дрожащею рукою Твоего бледного, престарелого, но всегда неутомимаго товарища, котораго смертные называют *Терпением*. Нет! я вижу Тебя в другом образе: светлое чело Твое сияло младостию и здравием; на главе Твоей венчал величественный, знаменующий Тебя божеством, и войны и мира, общества и Царства, семейств и граждан, — могущественною Силою, душою всея Природы: — золотые класы, переплетенные ветвями лавра и дуба, в твои жихи розы, окружаются змеею, эмблемою безсмертия. — В одной руке Твоей серп, а в другой скипетр. — Окресть престола Твоего гении Наук и Художеств, Земледелия и Торговли. — Предъ Тобою — вдали, в одной стороне блуждают парусами, как крылами облеченные флоты; а в другой, — великолпные, крепкие грады, мирныя села; и еще далече,

438

439 Амфионъ, 1815, № 2. С. 1—9.

— благодатною тлїню ослнненныя, богатя жатвы, волнующіяся, подобно морямъ безбрежнымъ. Храмъ Твой — весь мїръ, Тобою образованный, облагодїтельствованный, сохраняемый Тобою!

Двигутся моря великія отъ Востока до Запада; высятся и упадаютъ горы; возгораются подземные огни, потрясается земля, плаваютъ Этны и Везувїи, встаютъ и исчезаютъ въ безднахъ острова; ревуць бури и громы, шумятъ рлїки съ небесъ; день и ночь, предводимыя зарями румяными, лобзуются, и смлїняютъ другъ друга; Весна привлїтствуетъ Ллїто, угощаемое за труды свои Осенью, которая, посллї роскошнаго пиршества, сплїшитъ успокоиться въ хладныхъ и мрачныхъ, но благодлїтельныхъ чертогахъ Зимы, сестры свояѳ. Что все сіе значить? — Это Твои преображенія въ природлї; это Ты мудрый, невидимый Хозяинъ, безпрестанно трудящїйся въ своемъ домлї. — Ты уготовляешь пищу Солнцамъ, и назначаешь быстроту влїтрамъ, рабамъ Твоимъ, разносящимъ Твои повеллїнія и матеріалы. Ты творишь воды и огонь для оживленія всего растущаго и дышущаго; ни одно зерно не пропадаетъ въ Твоей области. Самая смерть есть Твое орудіе. Воздухъ, огонь и вода — Твои служители; вселенная — художественная Твоя храмина.

Но и маллїйшая часть праха земнаго, отреваемая быстролегчайшимъ влїтромъ съ дикаго камня скалы, — развлї также не художественная Твоя храмина, о! всеобъемлющая и въ ничтожной пылинклї присутственная *Длїятельность!* — Начало жизни и красоты *прозябающей*, сллїмя бытія возникаетъ изъ грубаго нлїдра земли, и разстилается въ великоллїпной, зеленоцвлїтной покровъ для своей матери. Питательная, животворная сила Твоя высится отъ корня въ класлї, древлї и влїтвяхъ, и преобразуется въ очаровательныя прелести цвлїтовъ и листьевъ. — На одномъ листклї тысячи невидимыхъ, едва вооруженнымъ окомъ постигаемыхъ, творенїи начинаютъ, продолжаютъ, и оканчиваютъ мгновенное бытіе свое, какъ мы на своей огромной планетлї. — И въ нихъ трепещетъ сердце; и въ нихъ пылаютъ желанія; и въ нихъ длїйствуешь Ты по таинственнымъ законамъ Предвлїчнаго! — Что суть сіи незримыя творенія, соединяющія царства Природы между собою, — сіи творенія, наполняющія воздухъ, воду и землю! — Ахъ! и въ нихъ столь же велики и чудесны труды Твои, какъ въ громадлї слона, какъ въ чувствительной травклї, какъ въ произведенїи несокрушимаго алмаза и блистательныхъ металловъ; — какъ въ ульлї пчелы и въ пещерахъ Антипароса, какъ въ магнитлї, познающемъ сллїверъ, и въ янтарлї, которой, скрываяся на днлї моря, заключаетъ въ себлї признаки силъ грома небеснаго; столь же велики, какъ въ мїрахъ озаряющихъ неизсллїдныя пустыни горнїя, и въ *человлїклї*, въ семь маломъ мїрлї, боллїе вслїхъ чудеснлї ешемъ! — Ты вливаешь искусство въ муравья, столько хитраго въ домашнемъ устройствлї своемъ, и всеобъемлющую силу Генїя въ Невтона, дающаго законы небесамъ.

Общества разумныхъ существъ давно чдлїлались бы жертвой ничтожества, если бы Твое благодлїтельное могущество не охраняло бытія ихъ. — Волнуются народы, востокъ идетъ противу запада, и сллїверъ устремляется на югъ. Подобно всезаливающимъ морямъ, миллионы смертныхъ переселяются изъ одного края въ другой; воюютъ Готы, Гунны, Германны противъ ослаблївшей Имперїи; — исчезаютъ Царства, яко страшные величественные призраки; встаютъ новыя на развалинахъ другихъ Царствъ. — Что значать сіи безпрестанныя разрушенія и воскресенія? — это Ты, въ образлї Честолюбїя, сего великаго агента мыслящей Природы, или въ образлї Нужды — сего всеозаряющаго учителя человлїковъ, Ты совершаешь толико же обширныя намлїренія, колико обширенъ чертежъ, соотвлїтствующій неизмлїримости ПЕРВЫЯ ПРИЧИНЫ. —

Кто воздвигнулъ сіи гордыя пирамиды? кто соединилъ великія рлїки, осушилъ моря, ископалъ горы, очертилъ толпы дикихъ смертныхъ, и сдвигнулъ ихъ, такъ сказать, въ одинъ кругъ, чтобы покрыть одною порфиною для ихъ благодлїянїя? — *Длїятельность!* — влїки были ея служителями; добродлїтели и самыя слабости людей были ея орудіемъ! —

Ты изливаешь вслї блага, вслї радости щедрою рукою на тлїхъ, которые Тебя любятъ; непроницаемой щитъ Твой простертъ надъ ними, и никакая боллїзнь, и никакая язва, и никакое шещастіе не прикасается къ нимъ. — Они блаженствуютъ въ богатыхъ, влїчно цвлїтущихъ садахъ Твоихъ: — имъ принадлежитъ все въ мїрлї, они Твои насллїдники! Сколь напротивъ того несчастны тлї, кои отвергаютъ Твои внушенія! Сїи осллїпленные, уродливые длїти праздно и распутства, подобно Гарпїямъ, оскверняютъ мїръ имъ чуждый; боллїзни и бллїдствїя желлїзными

бичами гонять ихъ въ поприще отчаянной жизни; они не достойны того воздуха, которымъ дышуть, и той пядени земли, въ которую бросить ихъ смерть, умиловленная ихъ страданіемъ. Какъ? они снѣ даютъ труды Твои, и не вспомнать того, что они въ чуждомъ домѣ !

Для чего не именую я Тебя *Трудомъ, Работою, неусыпною Тщательностію!* — Нѣтъ! Ты дочь Верховнаго Разума, Ты *дѣйствуешь* по неизмѣннымъ чертежамъ *Отца* своего, и достигаешь однажды положенной цѣли. Весьма много *занятыхъ* непрерывными трудами, и очень мало *дѣятельныхъ!* —

Сколь сладостно быть, Тебѣ посвященнымъ въ самомъ несчастіи! Дни горести проходятъ, какъ сонъ, для того, кто *умѣетъ* трудиться: они быстры и ясны. Но Ты благотворишь еще болѣе честву: Ты ограждаешь его отъ бурнаго вихря страстей, отъ гибельныхъ чадъ роскоши и лѣности. Въ храмѣ Твоемъ, какъ на небѣ, нѣтъ траты отъ времени. — Оно все принадлежитъ Тебѣ; оно не чувствительно, и оно не потеряно. Каждая минута услаждаетъ трудолюбиваго чловека болѣе, нежели празднолюбца цѣлой вѣкѣ, влекущейся стопами медленной скуки и болѣзни. Для него все блѣдно и мертво; съ Тобою радость и здравіе; тамъ въ изобиліи блѣдность, среди утѣхъ горестное уныніе; съ Тобою богатство въ блѣдности и отрада въ самомъ несчастіи. Все, что не изъ Твоихъ рукъ бываетъ часто ядомъ для тѣла, а еще чаще ядомъ для души.

Ты соединяешь меня съ друзьями моими. Ты сопровождаешь насъ въ храмъ нашего благополучія и чести, озаряешь умъ и сердце свѣтомъ насъ достойнымъ. Предъ Твоими очами разгнута книга *Природы таинственной*; Ты одна можешь постигать ее, Ты одна можешь и учить ей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ancelot. Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintines, en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'Empereur; par M. Ancelot. 2 éd. Paris, 1827.
2. Catalogus lectionum & exercitationum in illustri gymnasio Universitatis Caesareo-Moscuensis semestri hyemali anno 1858 habendarum.
3. Catalogus praelectionum publicarum in alma Universitate Imperiali Moscuensi Anno 1757. Semestri hyemali.
4. Chrestomathia Graeca, seu delectus ex aliquot scriptoribus Graecis in usum gymnasiolorum Universitatis Mosquensis. Collegit et animadversionibus illustravit Christianus Fridericus Matthaei, artium magister Lipsiensis et gymnasiolorum Universitatis Mosquensis rector. Accedit specimen lexicum ineditum ex codd. Mss. Mosquae 1773.
5. Haumant Émile. La culture française en Russie (1700–1900). Deuxième éd. revue et corrigée. Paris, 1913.
6. Maistre Joseph de. Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie, à M. le comte Rasoumowsky, ministre de l'instruction publique. Première lettre. В кн.: Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre. Paris, 1853.
7. Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. L'Ancien Régime — L'Émigration — Les invasions. Paris, 1886.
8. Schaden I. M. ORATIO SOLEMNIS DE EO, quod iustum est in iure Principis, circa educationem civium, scientiarum artiumque studia, qua AVGVSTISSIMAE AC POTENTISSIMAE IMPERATRICES ET AVTOCRATORIS MAGNAE DOMINAE CATHARINAE II. PATRIAE MATRIS OPTIMAE Imperii auspiciis Vniuersitas Caesarea Moscuensis devota mente recolat in celebritate Eius pridie calend. Iul. A. MDCCLXX. dicta a Ioanne Matthia Schaden L. L. A. A. Magist. Philosoph. Doct. Eiusdemque in Vniuersitate Prof. Publ. Ordin. ac utriusque Gymnas. Rectore. Moscuae Typis Vniuersitatis Caesariae.
9. Schaden I. M. De Ingenuae iuuentutis educatione gloriae nationum duraturae fundamento praecipuo et fulcro, in Monarchiis maxime. Oratio sollemnitas in sollemnitate coronationis Augustissimae ac Potentissimae MONARCHAE AC AVTOCRATORIS CATHARINAE II. ROSSIAE TOTIVS IMPERATRICES Magnae Patriae Matris, Piae, Felicis, Legislatricis sapientissimae, cum eandem VNIVERSITATIS CESAREO-MOSCVENSIS conventu publico Anno MDCCLXXXI die XIII Sept. festive votisque nuncupatis, pie recoleret, Dicta a Ioanne Matthia Schaden Moral. Iuris Natural. ac Gent. nec non Politices P. P. O. Moscuae In Typographeo Vniuersitatis typis Nicolai a Nowikow.
10. Tastevin F. Histoire de la colonie Française de Moscou. Depuis l'origine jusqu'à 1812. Moscou-Paris, 1908.
11. Аксаков С. Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове. СС в 5 тт., т. 2, с. 258–303.
12. Андреев А. П. Ю. Профессора. В кн.: Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. Отредактировано В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1998.
13. Афанасьев А. П. Н. Из воспоминаний. РА 1872, стлб. 809 слл.
14. Афанасьев А. П. Н. И. П. Новиков. Библиографические записки, № 6, 1858.
15. Ашевский ъ. Из истории Московского Университета», М., 1906.
16. Багалей Д. П. И., Миллер Д. П. И. Истории города Харькова за 250 лет его существования проф. Д. П. И. Багалей и Д. П. П. Миллера. Харьков. Т. 1, 1905, т. 2, 1912.

17. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга первая. СПб. 1888.
18. Бартенев П. П. И. П. Биография И. П. Шувалова. М., 1857.
19. Бахрушин С. В. П. Московский университет в XVIII в. В кн.: Ученые записки МГУ. Выпуск Л. История. М., 1940.
20. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленном трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенном по азбучному порядку. Москва, в Университетской типографии, 1855.
21. Биографический словарь Студентов Императорского Московского Университета и учеников Гимназии благородной, с 1756 по 1760 г., составленный к юбилею Университета; б. м. и. г., но, по-видимому, М., 1855.
22. Блудова А. Д. Воспоминания. РА 1872, стлбъ-ъ; 1873, стлбъ-ъ.
23. Богданов А. П. И. Описание Санктпетербурга. СПб., 1997.
24. Боголюбов В. П. Н. И. Новиков и его время. М., 1916.
25. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. Т. 1. Приложение к «Русской старине», 1870.
26. Болотов А. Т. Записки. Т. 2, Тула, 1988.
27. Булгаков. История Киевской академии. Сочинение воспитанника ее иеромонаха Макария Булгакова. СПб., 1843.
28. Вах К. А. П. Классическое образование и его утверждение в России. Греко-Латинский кабинет, выпуск 1. М., 1992.
29. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Детство и первая юность. Русская мысль, год второй, книга XI. Москва, 1881. Глава II. С. 146–168.
30. Володина Т. А. Иван Михайлович Стриттер (1740–1801). Историки России XVIII–XX веков. Выпуск 7. Архивно-информационный бюллетень № 1 (25). Приложение к журналу «Исторический архив». М., 2000. С. 4–16.
31. Воробьев Ю. К. П. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск, 1999.
32. Галахов А. П. Д. Записки человека. М., 1999.
33. Гейдеке. О школе, учрежденной для иностранцев в Москве при Новой лютеранской церкви. ВЕ 12, 21–22, 1803, 54–58.
34. Гершензон М. П. О. Грибоедовская Москва. В кн. Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989.
35. Глинка С. П. Н. П. Записки. В кн.: Золотой век Екатерины Великой. М., 1996. С. 19–165.
36. Гобза Г. П. Столетие Московской 1-й гимназии. Краткий исторический очерк. Составил директор гимназии Г. П. Гобза. М., 1903.
37. Голицын Ф. П. Н. П. Записки. В кн.: Золотой век Екатерины Великой. М., 1996.
38. Головачев Г. Ф. Отрывки из воспоминаний. Русский Вестник, 1880 г., октябрь, с. 698–702.
39. Голубев С. П. Киевская Академия в конце XVII в. и начале XVIII столетий. Речь, произнесенная на торжественном акте Киевской Духовной академии 26 сентября 1901 года заслуженным ординарным профессором С. П. Голубевым. Киев, 1901.
40. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи от 21 апреля 1785 г. Политическая история России. Хрестоматия. М., 1995.
41. Грановский Т. П. Н. П. Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой системы. В кн.: Катков М. П. Н. Наша учебная реформа. М., 1890. С. 152 слл.
42. Греч Н. П. И. П. Записки о моей жизни. М., 1990.
43. Давыдов Д. П. В. П. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова. Военные записки. М., 1982. С. 11–18.
44. Державин Г. Р. Записки. М., 2000.
45. Дмитриев М. П. А. П. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. Гл. 3: Университетский благородный пансион. С. 64–79.
46. Дмитриев М. П. А. П. Мелочи из запаса моей памяти. В кн.: Московские элегии. М., 1985.
47. Долгорукий И. П. М. Записки кн. Ивана Михайловича Долгорукого, в кн.: Сочинения, СПб., 1849, т. 2. Автобиография отца моего князя Ивана Михайловича Долгорукова, Москвитянин, 1844, XI, 196–213.
48. Долгорукий И. П. М. Капище моего сердца. М., 1874.
49. Домострой. СПб., 1994.
50. Духовный регламент, тщанием и повелением Всепресветлейшего, державнейшего Государя Петра Первого Императора и Самодержца Всероссийского по соизволению и приговору Всероссийского духовного Чина и Правительствующего Сената, в царствующем Санкт-Петербурге, в лето от Рождества Христова 1721 сочиненный. СПб., 1820.
51. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ в незабвенный день высочайшего прибытия в обновленную Москву, Университетского Благородного пансиона всеподданнейшее приношение. Августа 15, 1816. Москва, в Университетской Типографии.
52. Ермолов А. П. Записки. М., 1991.
53. Жихарев С. П. П. Дневник студента. Записки современника, Л., 1989, т. 1.

54. Жуковский В. А. Речь на акте в Университетском Благородном пансионе, 14 ноября 1798 г. ПСС в 12 томах. Под редакцией, с биографическим очерком и примечаниями проф. А. С. Архангельского. СПб., 1902. С. 6–9.
55. Законы Дружеского литературного общества. Сообщены Н. С. Тихонравовым. Сборник Общества любителей Российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 1–14.
56. Записка митрополита Московского Филарета о сохранности церковных древностей. В кн.: Осьмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. П. Бартевым. Кн. 1. М., 1868.
57. Зельницкий Г. К. О преимуществе публичного воспитания детей перед домашним. Уралия. Калуга, 1804. I, с. 61–71.
58. Кавелин К. Д. Воспоминания о В. Г. Белинском. В кн.: Наш нравственный строй. М., 1989. С. 261–277.
59. Каптерев Н. Годичный акт в Московской Духовной академии 1 октября 1889 года. О греко-латинских школах в Москве в XVII до открытия Славяно-Греко-Латинской Академии. Речь, произнесенная на публичном акте Московской Духовной академии 1 октября 1889 года экстраординарным профессором Н. Каптеревым. М., 1889.
60. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви, II, М., 1992.
61. Катков М. Н. Наша учебная реформа. М., 1890.
62. Каченовский В. М. Михаил Трофимович Каченовский. По биографическим трудам Соловьева, Погодина, Давыдова, Кавелина и личным воспоминаниям. Приложение к № 4 «Библиографических записок», М., 1892. С. 3.
63. Каченовский М. Т. Взгляд на Благородный Пансион при Императорском Московском Университете. ВЕ, XVII, М., 1804. С. 223–239.
64. Ключевский В. О. Два воспитания. Сочинения в девяти томах, т. IX, М., 1990, с. 5–28.
65. Ключевский В. О. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Сочинения, т. 8, М., 1990. С. 59–119.
66. Кузнецова Н. И. Социально-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII — середина XIX вв.). М., 1997.
67. Лебедев А. С. Харьковский коллегиум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения Харьковского университета. М., 1886.
68. Левит Т. Литературная среда Лермонтова в Московском Благородном пансионе. В кн.: Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948. С. 225 слл.
69. Леонтьев П. М. О классицизме, европеизме и народности. Вступительное слово исправляющего должность адъюнкта П. М. Леонтьева. М., 1847.
70. Лесков Н. С. А. П. Ермолов. СС в 11 тт., т. 10.
71. Лихачева О. Материалы для истории женского образования в России. СПб. т. I, 1890, т. II, 1893.
72. Ломоносов М. В. Письмо И. И. Шувалову (1754, июнь-июль). МУВВС, с. 26–27.
73. Ломоносов М. В. Проект регламента московских гимназий. ПСС., т. 9. С. 443–461.
74. Лонгинов М. Н. Заметки о Лермонтове и некоторых его современниках. РС, Т. VII. 1873. С. 380–392.
75. Лонгинов. М. Н. Новиков и Шварц. М., 1858.
76. Лотман Ю. М. А. Ф. Мерзляков как поэт. В кн.: А. Ф. Мерзляков. Стихотворения. Л., 1958.
77. Лубяновский Ф. П. Воспоминания. МУВВС, с. 43–48.
78. Лубяновский Ф. П. Воспоминания. РА 1872, стлб. 7ъ
79. Ляликов Ф. Л. Студенческие воспоминания. 1818–1822. РА 1875, стлб. 376–7ъ
80. Ляликов Ф. И. О преимуществах воспитания юношества в публичных государственных заведениях перед частным, или домашним. Рассуждение, читанное в торжественном Собрании Рязанской губернской Гимназии в 20 день месяца Августа 1833 года, по случаю преобразования ее по уставу, в 8 день Декабря прошлого 1828 года Высочайше утвержденному, Инспектором оной и Рязанского Дворянского Воспитательного Заведения Попечителем Ф. Ляликовым. Сын Отечества и Северный Архив. 1833. № XXXIII и XXXIV. С. 225–244.
81. Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М., 1992.
82. Манштейн Х.-Г. Записки. В кн. Перевороты и войны. М., 1997. С. 9–272.
83. Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914.
84. Массон Ш. Секретные записки о России времен царствования Екатерины II и Павла I. М., 1966.
85. Мерзляков А. Ф. Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических, изданная для благородных воспитанников Московского университетского пансиона профессором А. Мерзляковым. М., 1828 (4-е изд.).
86. Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. Часть первая. Пиитика. М, 1822.
87. Мерзляков А. Ф. Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев. Часть первая. М., 1825.
88. Мерзляков А. Ф. Россияда, Поэма Эпическая Гна. Хераскова (Письмо к другу). Амфион, 1815, 1, январь. С. 32–98; 2, февраль. С. 36–77; 3, март. С. 94–123; 5, май. С. 81–115, 6, июнь. С. 1–41, 8, август. С. 86–115, 9, сентябрь. С. 49–128.
89. Мерзляков А. Ф. Чудесный товар (разговор в Таможне). Амфион, 1815. 10, Октябрь и ноябрь. С. 133–135.
90. Милютин Д. А. Воспоминания. М., 1997.

91. Модестов В. И. «Классический мир с русской точки зрения» (публичная лекция, сказанная в зале Городской думы 9 марта 1885 г.). Новь, 1885, № 11. С. 277–287.
92. Модестов В. И. Школьный вопрос. Письма к редактору «Голоса». СПб., 1880.
93. Морозов П. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.
94. Мудров М. Я. О пользе врачебной пропедевтики, то есть медицинской энциклопедии, методологии и библиографии. В кн.: М. Я. Мудров. Избранные произведения. М., 1949. С. 257–281.
95. Нащокин В. А. Записки. В кн.: Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 225–384.
96. М. Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770 — начала 1780-х годов. (Вступительная статья, публикация и примечания И. Ю. Фоменко. В кн.: Рукописи. редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М., 1997. С. 102–126.
97. Новиков Н. И. Ведомости из Кронштадта. Избранные педагогические сочинения. М., 1959.
98. Объявление, какие лекции и в которые дни и часы быть имеют публично в Императорском Московском Университете в последнюю половину сего 1757. года. Печатано при Императорском Московском Университете Ноября дня 1757. года.
99. Объявление о Благородном Пансионе, учрежденном при Императорском Московском Университете. Москва, 1812. В Университетской Типографии.
100. Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете и обеих Гимназиях одного преподаваемых с 17 Августа 1780 по 27 июня 1781 года.
101. Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете и обеих Гимназиях одного преподаваемых с 17 Августа 1785 по 27 июня 1786 года.
102. Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете и обеих Гимназиях одного преподаваемых с 17 Августа 1786 по 27 июня 1787 года.
103. Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете, и в обеих Гимназиях одного преподаваемых с 17 Августа 1789 года по 27 июня 1790 года. В Москве. В Университетской типографии. 1789.
104. Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете и в обеих Гимназиях одного преподаваемых, с 17 Августа 1791 года по 26 Июня 1792 года. В Москве. В Университетской типографии. 1791.
105. ОПИ ГИМ. Ф. 310. Ед. хр. 72. Школьные упражнения учеников Харьковского коллегіума.
106. О сочинении российской истории для училищ в царствование Императрицы Екатерины II. ЖМНП, 1835, часть V (январь), с. 138–146.
107. Пассек Т. П. Из ранних лет, из жизни дальней. РС, 1872, т. VI, с. 607–648; 1873, т. VII, с. 181–211, 291–335.
108. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862.
109. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Книга первая. Зарождение систему университетского образования в России. М., 1998. Книга вторая. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. Часть 1. Часть 3.
110. Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России в первой половине XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук. М., 1999.
111. Печерин В. С. Замогильные записки (Apoloigia pro vita mea). В кн.: Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 148–311.
112. Пирогов Н. И. Мысли и замечания о проекте устава училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения. В кн.: Избранные педагогические сочинения, М., 1985. С. 217–238.
113. Пирогов Н. И. Чего мы желаем? В кн.: Избранные педагогические сочинения, М., 1985, с. 112–143.
114. Пирогов Н. И. Школа и жизнь. В кн.: Избранные педагогические сочинения, М., 1985. С. 198–209.
115. Писарев Д. И. Наша университетская наука. Сочинения в 4-х тт., т. 2, М., 1955, с. 185–227.
116. Погодин М. П. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. П. Погодиным. М., 1864.
117. Поляков М. Студенческие годы Белинского. В кн.: Литературное наследство. Т. 56. В. Г. Белинский (2). М., 1950. С. 303–416.
118. Пономарева В. В. Университет в культуре XVIII века. В кн.: Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. Отредактировано В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1998. С. 288.
119. Рабинович Е. Боги Греции. В кн.: Гомеровы гимны, М., 1995. С. 57
120. Реестр Учений и упражнений имеющих отправляться въ Дворянской Гимназии Императорскаго Московскаго Университета 1762. года. Печатан при Императорском Московском Университете Июня 28, дня 1762. году.
121. Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Университетского Благородного пансиона, по случаю выпуска воспитанников, окончивших курс учения, 1829 года Апреля 6 дня. При сем отчет Пансиона за 1828 год. Москва. В Университетской типографии. 1829.
122. Речи, разговор и стихи, произнесенные в торжественном собрании Первой Московской гимназии, по случаю выпуска благородных воспитанников, окончивших курс учения, 1831 года Ноября 6 дня. При сем отчет Первой Гимназии за 1831 год. Москва. В Университетской типографии. 1831.

123. Речь, разговор и стихи, произнесенные на публичном акте Университетского Благородного пансиона 1817 года Декабря 21 дня. При сем акте отчет Пансиона со времени возобновления его. Москва. В Университетской типографии.
124. Речь, разговор и стихи, произнесенные на публичном акте Университетского Благородного пансиона, по случаю первого выпуска воспитанников, кончивших полный курс учения, 1819 года Сентября 14го дня. При сем Акте отчет Пансиона с 1817 по 1-е Июля 1819 года. Москва. В Университетской Типографии.
125. Речь, разговор и стихи, произнесенные на публичном акте Университетского Благородного пансиона, по случаю первого выпуска воспитанников, кончивших полный курс учения, 1821 года Апреля 2 дня. При сем акте отчет Пансиона с 1819 по 1821 год. Москва. В Университетской типографии.
126. Речь, разговор и стихи, читанные в публичном акте, бывшем в Благородном Университетском пансионе. Декабря 21 дня, 1801 года. Москва, в Университетской типографии, у Хр. Клаудия.
127. Речь, разговор и стихи, читанные в Университетском Благородном пансионе на публичном акте 1816 года Декабря 23 дня. Москва. В Университетской типографии.
128. Родосский А. В память семидесятилетнего юбилея Санкт-Петербургской Духовной Академии. 1809–1884. II. Каталог книг печатных и рукописных библиотеки покойного профессора Маттеи, купленных Комиссиею духовных училищ для библиотеки Санкт-Петербургской Духовной Академии (в 1812 г.) Сост. библиотекарь Академии Алексей Родосский. СПб., 1884.
129. Рождественский С. В. Из истории учебных реформ Императрицы Екатерины II. СПб., 1909.
130. Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А. П. А. Половцова. СПб., т. 14. ъъ
131. Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом. В кн. История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 335–434.
132. Сапожников Федор. Auserlesene Stellen aus den besten Deutschen Schriftstellern. Zum Gebrauch bey den Kayserlichen Gymnasien zu Moskau. Избранные места из лучших немецких писателей для употребления при Императорских московских гимназиях. М., 1780.
133. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. Том I. Учебные заведения в западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа. 1783–1803 гг. СПб., 1893.
134. Сербеев Д. Н. Из воспоминаний. В кн.: МУВСС, с. 64–79.
135. Свящ. Феодоровский Дм. Очерк истории Харьковского Духовного Коллегиума. Духовная Беседа, т. 19, 1863.
136. Сменцовский М. П. Братья Лихуды. СПб., 1899.
137. Смирнов Д. Н. Нижегородская старина. Нижний Новгород, 1995.
138. Смирнов С. П. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
139. Смирнова-Россет А. П. О. Дневник, Воспоминания, М., 1989.
140. Снегирев И. Воспоминание о Дмитрие Ивановиче Вельяшеве-Волынцове. В кн.: Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. Часть первая. М., 1822. С. 45–66.
141. Соболевский А. П. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1892.
142. С–овъ А. Записки отжившего человека. ВЕ, 1871, июль, книга 8. С. 691–728.
143. Соловьев С. П. М. П. Записки. МУВСС, с. 330–350.
144. Страхов П. П. И. П. Краткая история Академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете. — в кн. В воспоминание 12-го января 1755 года. Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея. М., 1855.
145. Сушков Н. П. Воспоминания о Московском Университетском Благородном Пансионе. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1848. Второе издание: Сушков Н. П. В. П. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского Благородного пансиона и дружеского общества. Издание исправленное и дополненное. М., 1858.
146. Татищев В. Н. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах. Избранные произведения, Л., 1979. С. 51–132.
147. Тихонравов Н. П. А. П. О переводах «Опыта о человеке» Поупа, РА, 1872, стлб. 1311–1322.
148. Тихонравов Н. П. С. Московский Университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского Благородного пансиона и дружеского общества. Сочинение Н. П. Сушкова. Издание исправленное и дополненное. Сочинения, III, 2, М., 1858. С. 85 слл.
149. Тихонравов Н. П. С. О пребывании В. П. А. П. Жуковского в Университетском Благородном пансионе и о первых годах его жизни в Москве. Сочинения, III, 2, М., 1858. С. 149 слл.
150. Толмачев Я. Русская Поэзия в пользу юношества, обучающегося в Харьковском Коллегиуме, сочиненная учителем Поэзии Яковомъ Толмачовым. М., 1805.
151. Толстой Д. П. А. П. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883.
152. Толстой Д. П. А. П. Городские училища в царствование Екатерины II. СПб., 1886.
153. Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предуведомлением о бывших в сей стране с древних времен переменах, взятым к объяснению деяний и хронологии из

- Татарской Истории Бандур-Хана Абдулгадьи, Российской Истории Князя Щербатова, Начертания Европейской Истории Готтфрида Ахенвалла, и Политической Истории Самуила Пуффендорфа. М., 1788.
154. Тучков С. А. Записки. В кн.: Золотой век Екатерины Великой. М., 1996. С. 169–272.
155. Уваров С. С. Письмо к Издателю Вестника Европы. ВЕ, 1811., ч. 60, № 21. С. 59–61.
156. Учреждения об управлении губерний. Российское законодательство. М., 1987. Т. 5.
157. Фег А. А. Воспоминания. МУВВС, с. 230–241.
158. Флоровский А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра I. В кн.: XVIII век. Сборник 5. М.-Л., 1962, с. 316–335.
159. Фонвизин Д. И. <Письмо к П. И. Панину>. Ахен, от 18 (29) сент. 1778. Полное собрание оригинальных произведений. СПб, 1983.
160. Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах и помышлениях. В кн.: Сочинения Д. И. Фонвизина, ПС оригинальных произведений. СПб., 1893.
161. Фридрих П. О воспитании. Письмо женева г-ну Бурламаки, женеvскому профессору. Лицейское и гимназическое образование, 1998, № 1. С. 55–62.
162. Христофорова Н. В. О гимназическом и лицейском образовании в России. Греко-Латинский кабинет, вып. 2, М., 1997. С. 15–26.
163. Христофорова Н. В. К истории женских гимназий. Греко-латинский кабинет, вып. 2. С. 27–35.
164. Цимбаев Н. И. Ю. Ф. Самарин. В кн.: Ю. Ф. Самарин. Избранные произведения. М., 1996. С. 3–14.
165. Шевырев С. П. Антон Антонович Прокопович-Антонский. Воспоминание, посвященное воспитанникам Университетского Благородного Пансиона. М., 1848.
166. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855, ²1998.
167. Шевырев С. П. Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета, 16 июня 1842, Ординарным Профессором Русской Словесности, Доктором Философии и Членом Педагогического Института, Степаном Шевыревым. М., 1842.
168. Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания Ивана Алексеевича Шестакова. РА 1873, стлб. 164 слл.
169. Шишкова Э. Е. Московский университетский благородный пансион. 1776–1831. Вестник Московского университета, 1979. Серия 8. История. № 6. С. 70–83.
170. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. В кн.: Сочинения. М., 1989.
171. Штейнгейль В. И. Вступление к «Запискам касательно похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов отечества». Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи. Иркутск, 1992.
172. Шаповал А. П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Сочинения. В трех томах. Том III. СПб., 1908.
173. Эйдельман Н. Я. Мгновенье славы настает. М., 1989.
174. Эйнгорн В. О. Юбилейный сборник 1812 г. Московский Университет, Губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 г. Изд. Московского учебного округа, 1912.
175. Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997.
176. Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Лекция вторая. Сочинения, М., 1991. С. 384–398.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСПП — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленном трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенном по азбучному порядку. Москва, в Университетской типографии, 1855.

РА — Русский Архив.

РС — Русская старина.

Сборник... — Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. Том I. Учебные заведения в западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа. 1783–1803 гг. СПб., 1893.

Лебедев... — Лебедев А. С. Харьковский коллегийум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения Харьковского университета, Москва, 1886.

Шевырев... — Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855, ²1998.

МУВВС — Московский университет в воспоминаниях современников. 1755–1917. М., 1989.

Багалеи, I и II — Багалеи Д. И. и Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования проф. Д. И. Багалея и Д. П. Миллера. Харьков. Т. 1, 1905, т. 2, 1912.

Сушков¹, Сушков² — Сушков Н. Воспоминания о Московском Университетском Благородном Пансионе. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1848. Второе издание: Сушков Н. В. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского Благородного пансиона и дружеского общества. Издание исправленное и дополненное. М., 1858.

Карташев — Карташев А. В . Очерки по истории русской церкви, П, М., 1992.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.
ПСС — Полное собрание сочинений.
СС — Собрание сочинений.
Соч. — Сочинения.
ВЕ — Вестник Европы.
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Billy de —
Constantin Mme —
Dugraveau —
Durons —
Etienne —
Gandon —
Latour —
Leroy —
Le Maire A. см. Ле Мер А.
Marc M. —
Masson —
Mersan P. —
Moriceau —
Mortier —
Palu —
Perlo —
Pope A. —
Rémy F. —
Rey-Jolly —
Sainte-Agathe —
Saint-Vincent —
Surrugues —
Villiers F.-F.-Xavier de —
Ysarn F.-J. de Vellefort de —
Richmann G. см. Рихман.
Аксаков К. С. —
Аксаков С. Т. —
Александр I —
Александр II —
Алексей Михайлович —
Ангальт —
Ангальт-Нассау —
Анич —
Анна Иоанновна —
Ансло —
Антонский Г. —
Аполлос преосв. —
Аргамаков П. А. —
Арсеньева Е. А. —
Архаров Н. П. —
Бабарькин Д. Л. —
Базедов —
Базилевич В. —
Базилевич И. —
Байрон Д.-Г. —
Баранов Д. —
Барсов А. А. —
Батезатул М. —
Батге Ш. —
Батюшков К. Н. —
Баузе (Баус) В. —
Баумгартен —
Бахтин —
Безак П. —
Безобразов П. —
Белинский В. Г. —

Белгородский Е. —
Бенкендорф А. Х. —
Бецкий И. И. —
Биркин О. —
Блудов В. Д. —
Блудов Д. Н. —
Блудова А. Д. —
Боголепов Н. П. —
Бодуен Ж.-Ж. С. —
Болотов А. Т. —
Борденав —
Бревнов М. —
Бродский К. —
Брызгалов Ф. —
Брюкнер —
Буало Н. —
Булатницкий Е. —
Булгаков, ученик Благородного пансиона —
Булгаков Я. И. —
Буле (Дюбуле) А. Л. —
Буле И. Ф. —
Бурм И. Г. —
Ванновский П. С. —
Варгин —
Васильковский П. —
Ватай К. А. де —
Введенский И. И. —
Вельяшев-Волынцев Д. И. —
Вельяшев-Волынцев И. —
Веневитинов Д. В. —
Вениаминов П. Д. см. Дмитриев П.
Вергилий П. Марон —
Вердеревский В. —
Веревкин М. И. —
Виль А. —
Виנדсон —
Воейков А. Ф. —
Волков А. А. —
Вольтер Ж.-М. А. —
Вольф Х. —
Воронцов С. Р. —
Воронцовы —
Вышнеградский Н. А. —
Вяземский П. А. —
Гавриил (Петров) архиеп. —
Гаврилов М. Г. —
Галахов А. Д. —
Галич К. —
Гейдеке —
Гейм И. А. —
Гейне Г. —
Гейне Х. Г. —
Герасимов О. П. —
Гете И. В. —
Гинтер И. Х. (Günther J. Ch.) —
Глазов В. Г. —
Глинка Г. А. —
Глюк (Глик) Х. Б. —
Гнедич Н. И. —
Голенищев-Кутузов П. И. —
Голицын А. Н. —
А. Ф. Голицын —
Голицын Б. В. —
Голицын В. В. —
Голицын Д. М. —

Голицын М. М. —
Голицын Ф. Н. —
Голицына —
Головачев Г. Ф. —
Головин Ф. А. —
Головнин А. В. —
Гомер —
Гораций Кв. Флакк —
Горюшкин З. А. —
Гранмон —
Гребен(к)ин Н. —
Греч Н. И. —
Грибоедов А. С. —
Григорович И. —
Гриненберг И. Ф. —
Груздев Е. А. —
Гуфье Ш. —
Давыдов Д. В. —
Давыдов И. И. —
Данте Алигьери —
Дашков Д. В. —
Двигубский И. А. —
Де ла Порт Ж. —
Десянов И. Д. —
Демофил —
Державин Г. Р. —
Десницкий С. Е. —
Дильтей Ф. Г. —
Дмитриев И. И. —
Дмитриев М. —
Дмитриев П. —
Дмитриев-Мамонов —
Долгорукий И. М. —
Досифей арх. —
Дудде Л. —
Евфимий —
Екатерина II —
Екатерины II —
Елизавета Петровна —
Емельянов И. —
Ермолов А. П. —
Еропкин П. Д. —
Жандро —
Желтухин —
Жихарев С. —
Жуковский В. А. —
Жюине де —
Завадовский П. В. —
Запрудинский Г. —
Захарьин П. М. —
Зеленцов А. В. —
Зельницкий Г. К. —
Зенгер Г. Э. —
Зиновьев А. З. —
Змиев А. С. —
Зуев —
Игнатъев П. Н. —
Иов арх. —
Иосиф II —
Исарн де см. Ysarn F.-J. de Vellefort de.
Исократ —
Кавелин К. Д. —
Кайсаров А. С. —
Кайсаров М. С. —
Калерджи —
Камынин Д. —

Каниц□ —□
Кант□ И.□ —□
Каразин□ В.□ Н.□ —□
Карамзин□ Н.□ М.□ —□
Карнеев□ Е.□ В.□ —□
Карпинский□ И.□ —□
Карташевский□ И.□ —□
Кассо□ Л.□ И.□ —□
Катков□ М.□ Н.□ —□
Катон□ —□
Катулл□ Г.□ Валерий□ —□
Кауфман□ П.□ М.□ —□
Каченовский□ М.□ Т.□ —□
Кессман В. —
Киреевский□ И.□ П.□ —□
Киреевский□ П.□ В.□ —□
Киреевский□ П.□ П.□ —□
Клаудий□ Хр.□ А.□ —□
Княжнин□ Я.□ Б.□ —□
Ковалевский□ Е.□ П.□ —□
Козлов□ И.□ И.□ —□
Кокоткина□ А.□ Ф.□ —□
Колесов□ —□
Константин□ Павлович□ —□
Константинов□ А.□ А.□ —□
Кордет□ Л.□ —□
Корешков —
Корф□ —□
Костров Е. И. —
Кошанский□ Н.□ Ф.□ —□
Крюков□ П.□ А.□ —□
Кульчицкий —
Куницын□ —□
Куракина□ —□
Курбатов П. А. —
Курций□ Кв.□ —□
Ла□ Бом□ Фр.□ —□
Лагарп□ Ф.-Ц.□ —□
Лапатин□ М.□ —□
Ле-Батге□ см.□ Батге□ —□
Лейбниц□ Г.□ В.□ —□
Ле Мер А. —
Леонтъев□ П.□ М.□ —□
Лермонтов□ М.□ Ю. —□
Ливен□ К.□ А.□ —□
Лигарий□ Кв.□ —□
Литке(н)□ И.□ Ф.□ —□
Лихуд□ Иоанникий—□
Лихуд□ Софроний□ —□
Локк□ Д.□ —□
Ломоносов□ М.□ В.□ —□
Лопухин□ А.□ И.□ —□
Лот Ф. —
Лубяновский□ Ф.□ П.□ —□
Лукан□ —□
Лукиан□ —□
Лукреций□ —□
Лунин□ А.□ М.□ —□
Ляликов□ Ф.□ И.□ (Ф.□ Л.)□ —□
Магницкий□ М.□ Л.□ —□
Малиновский□ П.□ —□
Манштейн□ Х.-Г.□ —□
Мария□ Федоровна□ —□
Мармонтель —
Марциал□ М.□ Валерий□ —□
Масальский П. Г. —

Маслов А. —
Массон Ш. Ф. Ф. —
Маттеи Х.-Ф. —
Маттелен И.
Медведев Сильвестр —
Мелиссино И. И. —
Мелльманн И. В. Л. —
Менвильер Ш. Л. Ф. —
Меншиков А. Д. —
Мерзляков А. Ф. —
Мерзляков Ф. А. —
Мерла Ж. —
Мессальер де ла —
Местр Ж. де —
Миллер Я. Я. —
Милютин Д. А. —
Миних И. Б. —
Мисловский В. —
Миткевич И. —
Михельсон —
Мицкевич А. —
Могила Петр —
Модзалевский Б. —
Модестов В. И. —
Мокренский Р. —
Мольер Ж.-Б. —
Монтень М. —
Морков А. —
Мосгейм —
Мудров М. Я. —
Муравьев М. Н. —
Мурет (М. Антоний Мурет) —
Мусины-Пушкины —
Надеждин Н. И. —
Нарышкин —
Нахимов А. Н. —
Нащокин В. А. —
Неклюдов С. —
Непот Корнелий —
Никитенко А. В. —
Николай Ю —
Новиков Н. И. —
Новоселов А. —
Норов А. С. —
Оболенский А. —
Овидий —
Одоевский П. —
Озеров В. А. —
Ознобишин Д. —
Окороков В. И. —
Орлов М. Ф. —
Остерман А. И. —
Остерман Ф. А. —
Отгенталь И. П. —
Офросимов А. —
Павел Ю —
Павлов А. —
Павлов М. Г. —
Павлова К. —
Падерин М. —
Паисий патр. —
Пако —
Пальцев А. —
Панаев И. —
Панин Н. И. —
Панин П. И. —

Панкевич М. И. —
Папафило (Папафил) Н. —
Пассек П. Б. —
Пастухов П. И. —
Перовицков Д. М. —
Перелогов Т. —
Петр П. —
Петр П. —
Петр П. —
Петров И. —
Печерин В. С. —
Пирогов Н. И. —
Писарев Д. И. —
Пифагор —
Платов —
Платон (Левшин) митр. —
Плетнев П. —
Плиний Младший —
Плутарх —
Победоносцев К. П. —
Погодин М. П. —
Подшивалов В. С. —
Позье И. —
Попель А. —
Проперций С. —
Попов Г. —
Поповский Н. Н. —
Порт де ла см. Де ла Порт
Потемкин Г. А. —
Поуп А. —
Привалов —
Прокопович А. С. —
Прокопович Феофан —
Прокопович-Антонский А. А. —
Прончищев А. И. —
Проперций Секст —
Птицкий Дамаскин —
Пугачев Е. —
Пулятин Е. В. —
Пушкин А. С. —
Разумовский А. К. —
Раич С. Е. —
Рамбург С. —
Расин Ж. —
Рейнгардт Ф. Х. —
Рейпольский П. Н. —
Рейхмунд И. —
Репнин Н. В. —
Римский-Корсаков П. —
Рихман Г.-В. —
Рихтер М. —
Робеспьер М. —
Родзянко (Родзянка) С. —
Ромм Ж. —
Ртищев Ф. М. —
Рубан В. Г. —
Румянцев Н. П. —
Рунич Д. П. —
Руссо Ж.-Ж. —
Сабанесва Е. А. —
Сабуров А. А. —
Саввиони К. —
Саксин —
Саллюстий Г. Крисп —
Салтыков Б. М. —
Самарин Ю. Ф. —

Самуил преосв. —
Сандунов Н. Н. —
Сатановский Арсений —
Свербеев Д. Н. —
Селивановский С. —
Симеон Полоцкий —
Сковорода Г. С. —
Скорняков-Писарев Г. —
Славинецкий Епифаний —
Слотвинский М. —
Смелич Петр преосв. —
Смирнова Л. В. —
Смирнова-Россет А. О. —
Снегирев М. М. —
Соловьев С. М. —
Софья Алексеевна —
Сохацкий П. А. —
Сперанский М. М. —
Страхов П. И. —
Стриттер И. М. —
Строганов П. А. —
Сулима Христофор —
Сумароков А. П. —
Сушков Н. В. —
Сюррюг см. Surrugues
Тассо Торквато —
Татаринов —
Татищев В. Н. —
Тацит (Публий Корнелий Тацит) —
Тихорский Епифаний —
Тицинский В. преосв. —
Толмачев Я. В. —
Толстая Е. —
Толстой Д. А. —
Толстой И. И. —
Траубенталь И. фон —
Тредьяковский В. К. —
Трубецкая А. И. —
Трубецкой —
Туводцов С. —
Тургенев А. И. (Александр Иванович) —
Тургенев А. И. (Андрей Иванович) —
Тучков С. А. —
Тютчев Ф. И. —
Уваров С. С. —
Уваровы —
Уц И. П. —
Фарварсон —
Федоровский Ф. —
Федр —
Фенелон —
Феоктист преосв. —
Фет А. А. —
Финевский Ф. —
Фишер С. Н. —
Фонвизин Д. И. —
Фонвизин П. И. —
Франклин Б. —
Фридрих П. —
Фроманн И. Г. —
Фрязин И. —
Херасков М. М. —
Хомяков А. С. —
Храповицкий С. Ю. —
Цветаев Л. А. —
Цицерон —

Чаадаев П. Я. —
 Чеботарев Х. А. —
 Черепанов Н. Е. —
 Чернавский И. —
 Черняк А. Г. —
 Черняк Д. Л. —
 Чибисов Д. —
 Чувин Н. —
 Шабельский С. —
 Шабишев М. —
 Шаден И. М. —
 Шакабент М. —
 Шванский М. —
 Шварц А. Н. —
 Шварц И. Г. —
 Шевырев С. П. —
 Шельтинг Д. А. см. Шишкова Д. А.
 Шереметев П. —
 Шереметева М. П. —
 Шестаков И. А. —
 Шидловский Л. —
 Шиллер Ф. —
 Ширицкий-Шихматов П. А. —
 Шишков А. С. —
 Шишкова Д. А. —
 Шмагин И. —
 Шмаевской И. —
 Штейнгейль В. И. —
 Шолье Г. А. —
 Штурлавал И. —
 Шувалов И. И. —
 Щапов А. П. —
 Элиан —
 Энгельгардт Л. Н. —
 Эпинус Ф. —
 Эсхил —
 Эшенбург —
 Юнкер —
 Юшков И. И. —
 Юшкова А. П. —
 Яворский Стефан —
 Янкович де Мириево Ф. И. —
 Яремской Ф. —
 Ясинский В. —

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

<i>Даты</i>	<i>События</i>
1645–1676	<i>Алексей Михайлович</i>
30 января 1667	Андрусовское перемирие. Москва получает Левобережную Украину с Киевом (последний, по условиям договора, до 1669 года, но остается навсегда). Киево-Могилянский коллегиум оказывается на территории России. Правительство не до конца доверяет киевским монахам, но не может обойтись без их содействия.
1676–1682	<i>Федор Алексеевич</i>
	Правительство, наученное горьким опытом раскола, понимает необходимость создания просвещенного класса (таковым могло быть прежде всего духовенство) для нужд здорового развития страны; на создании первого учебного заведения сказывается борьба между сторонниками католицизма (Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев, покровительствуемые В. Голицыным и царевной Софьей) и греческого направления, верного православию (патриарх и практически весь клир, опирающиеся на Петра I, чувствующего к католицизму резкую антипатию). Сильвестр Медведев в результате своей проигравшей ставки попадает на плаху
1682	Славяно-греко-латинская Академия в Заиконоспасском монастыре.
1682–1689	<i>Регентство Софьи Алексеевны</i>
	Покровительство католической партии.
1685	Братья Иоанникий и Софроний Лихуды прибывают в Москву.

1682–1725	<i>Петр I</i> Интенсивная секуляризация и появление новых школ с утилитарными программами сопровождается упадком влияния духовенства и, следовательно, церковного просвещения. В последние годы своей жизни Петр отказывается от преимущественного интереса к реальному образованию и пытается создать гражданские учебные заведения с религиозным образованием, охладевая при этом к цифирным школам, но не пытаясь восстановить разрушенное монастырское просвещение. Прежде созданные училища продолжают свою деятельность.
14 января 1701	Указ об учреждении в Москве школы «математических и навигацких, то есть мореходных хитростно искусств учения» (Сухаревское училище).
1703–1706	Училище пастора Глюка в Москве.
1714	Создание цифирных школ.
	Распространение практических знаний в служилом и духовном сословии.
1 октября 1715	Морская Академия в Петербурге.
25 января 1721	<i>Духовный Регламент</i> Феофана Прокоповича. Петр I охладевает к цифирным школам и решает создать духовную школу для духовного сословия, которая бы, однако, могла давать широкое общее образование и для дворян, и — в определенных обстоятельствах — для разночинцев. В проекте поэтому мы встречаем серьезные отклонения от традиционной программы духовных школ, на православной почве принятой в Киевской и Московской академиях.
1722	Создание сети духовных школ при архиерейских домах.
28 января 1724	Петр I учреждает Академию Наук с университетом и гимназией в Петербурге.
1725–1727	<i>Екатерина I</i> Императрица торжественно встречает прибывших в Петербург академиков.
1726	Основание всесословного училища в Слободской Украине — Харьковского Коллегиума.
1727–1730	<i>Петр II</i>
1730–1740	<i>Анна Иоанновна</i> Сильное немецкое влияние. Грубые нравы двора. Из Германии импортируются поэтические формы, за которыми будущее. Эти поэтические формы создаются штатными профессорами. Упадок созданных Петром учебных заведений после его смерти (в особой степени это касается подготовки кадров для флота); при этом вводятся и жизнеспособные новшества.
16 марта 1731	Жалованная грамота Императрицы Харьковскому Коллегиуму.
1731	И. Б.П Миних создает Офицерское училище (Сухопутный Шляхетский корпус). Причина создания корпуса — не столько недостаток квалификации офицеров, сколько грубость их манер. Этот порок исправляется: корпус дает неплохое гуманитарное образование, обременительное в силу своего широкого охвата
1740–1741	<i>Иоанн Антонович (сначала при регентстве Бирона, затем Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха Брауншвейгского)</i>
1741–1761	<i>Елизавета Петровна</i> Значительный культурный поворот: преобладающее германское влияние вытесняется романским (прежде всего французским, в меньшей степени итальянским). Идеология Петровской Империи дает трещину: «дворянская Империя» предоставляет господствующему классу возможность самореализации в ущерб как остальным, так и целому (при том что как раз в это царствование устанавливается официальный культ Петра). И.П.И. Шувалов и М.П.В.П Ломоносов задумываются над проблемами национальной культуры и национального образования. Идея внесословного подхода к образованию зарождается, но пока не может осуществиться. <i>Общество:</i> образование пользуется популярностью как средство успешного продвижения по службе, осознание его самостоятельной ценности пока отсутствует; поэтому среднее образование начинает развиваться, попытки создать высшие учебные заведения наталкиваются на недостаток желающих в них учиться. Московский университет рассматривает как свой патристический долг распространение науки в Империи и расширение сети учебных заведений. Правительство начинает тревожиться из-за наплыва иностранных воспитателей, желая создать им конкуренцию (эта проблематика останется актуальной вплоть до конца царствования Николая I). Проекты создания сети гимназий вынашивает И.П.И. Шувалов, не успевший их осуществить; его планы Пиндаредусматривают сделать из них по большей части дворянские учебные заведения.
12 января 1755	Императрица Елизавета Петровна университетски утверждает проект создания Московского Императорского университета.
5 мая 1757	Указ об испытании иностранных учителей в Академии Наук и Университете.
6 ноября 1757	В Петербурге основана Академия художеств.
1758	Учреждение Казанской гимназии как филиала Московского университета.

	Знаменитейший ее ученик — Г.П. Р. Державин.
1762–1796	<i>Екатерина II</i> Ближайший ее советник на поприще образования — И.П. И. Бецкий, президент Академии Художеств. Екатерининская эпоха отличается особым, не свойственным даже и елизаветинским временам гуманизмом. Образование постепенно начинает терять свой утилитарный характер и превращается в «воспитание сердца», не ограничиваясь сообщением необходимых для службы познаний. Новшества в духе Локка и Монтеня овладевают умами руководителей государства. Стратегическая цель создания сети начальных учебных заведений — образование лояльного трону «третьего сословия». Высоко ценится познавательная ценность путешествий. Конец царствования представляет собой контраст началу: Императрица энергично пытается справиться с последствиями собственного либерализма. Наряду с этим в образовании распространяются мистические, в первую очередь масонские идеи. Они проникают даже в святая святых: многие издания Московской духовной академии украшены виньетками с изображением <i>всевидящего ока</i> . Вступление общества на поприще образования. Попытка использовать гуманные тенденции правительственных деклараций в целях философской пропаганды. О сознательной оппозиционности на этом этапе говорить нельзя
1765	Екатерина II предписывает учредить при Харьковском Коллегиуме прибавочные классы.
Июль 1774	Казанские гимназисты помогают защищать город от Пугачева.
1764	Институт благородных девиц в новообразованном Санкт-Петербургском Воскресенском (Смольном) Новодевичьем монастыре (И. И.П. Бецкий).
1764	Сиропитательный дом в Москве.
1778	М. М.П. Херасков принимает решение о создании Университетского Благородного пансиона.
1764–1782	«Бригадир» и «Недоросль» Д.П. И. Фонвизина — выдающиеся комедии о воспитании. Автор — вполне в духе тогдашних взглядов правительства — в первой пьесе ратует за равновесие между иностранным и родным в образовании, во второй — выступает за истинное просвещение и за права «сердца и души». Попытка оглянуться назад в поисках воспитательной традиции (хотя, безусловно, как это часто бывает, старое воспитание в авторском изображении — его собственный образовательный идеал, не более).
1770	Сиропитательный дом в Петербурге.
1772	Московское коммерческое училище.
1779	Н. И.П. Новиков арендует университетскую типографию.
1783	Янкович де Мириево учреждает первое Главное народное училище и учительскую семинарию.
1784	Ф.-Ц. Лагарп становится воспитателем Великих князей. Первое применение новейших западных педагогических теорий к воспитанию наследника престола. Аффектированный гуманизм наставника обрекает его миссию на провал.
22 сентября 1786	Открытие Главных народных училищ; последние превращаются в учебные заведения для дворян и мещан, но не для крестьян. Создание третьего сословия: пропаганда идеологических установок абсолютизма во вкусе Просвещения — лояльности со стороны подданных и попечения правительства об их благе.
1788	Закрытие Казанской гимназии «по недостатку средств».
1792	Арест Новикова. Митрополит Платон пишет Императрице о его выдающихся душевных качествах. Правительство осознает опасность, вызванную его же собственными действиями. Попытка задушить самую идею оппозиции в зародыше.
1796–1801	<i>Павел I</i> Император не придает первостепенного значения образованию. Жертвы предшествовавшего царствования входят в милость: Новиков освобожден, Херасков награжден анненской звездой (10 марта 1799 года)
31 октября 1797	Возобновление Казанской гимназии. 29 мая 1798 года утверждается ее Положение, вводящее подробно математические и военные науки.
1801–1825	<i>Александр I</i> Влиятельные советники в области образования — близкий друг Императора Чарторыйский и воспитатель Лагарп. <i>Правительство:</i> в начале царствования покровительство гуманистическим и конституционным ожиданиям. В Устав Царскосельского лицея впервые закладывается запрет телесных наказаний. Александровская гимназия основана на принципах широкого, энциклопедического и реального образования, страдает многопредметностью. Это делает ее училищем крайне невысокого уровня. Велико влияние теософских идей. Библейское общество. В конце царствования Император пытается пересмотреть свою политику. Гимназия строится на началах многопредметности и энциклопедизма.

	<i>Общество</i> : воцарение Александра сопровождается радостными ожиданиями, в том числе и в области просвещения. В конце царствования возникает оппозиция (пока не направленная против Императора лично). Вопросами воспитания (по крайней мере в той степени, что в екатерининскую эпоху) оппозиция не интересуется. Показательно, однако, покровительство М. П. Ф. Орлова ланкастерским школам для солдатских детей во вверенных ему частях. В послевоенный период особой популярностью в некоторых кругах стали пользоваться политические и политэкономические дисциплины. Так, группа офицеров приглашает профессора для преподавания политэкономии (Александр I, узнав об этом и получив прекрасные характеристики этих офицеров, ограничивается тем, что выражает свое удивление).
8 сентября 1802	Указ об учреждении министерств. Создание Министерства народного просвещения. Мероприятие осуществляется не без влияния Ф.-Ц. Лагарпа. Впервые осуществлено ведомственное разделение учебных заведений: Министерству не подчинены духовные, военные и специальные учебные заведения. Совершенствование административного механизма — необходимая предпосылка расширения сети училищ.
24 января 1803	«Предварительные правила народного просвещения». Приходские училища — уездные училища — губернские гимназии — университеты. Страна разделена на шесть учебных округов.
12 декабря 1802	Указ об учреждении Дерптского университета (Устав подписан 12 сентября 1803 г.).
4 апреля 1803	«Акт утверждения для императорского университета в Вильне» (Устав подписан 18 мая).
1803–1807	М. П. Н. Муравьев — товарищ министра народного просвещения и попечитель Московского учебного округа. Одна из самых блистательных эпох в истории Московского университета.
1803–1810	Министр просвещения — П. В. Завадовский.
1 августа 1804	Открытие Училища высших наук в Ярославле (со 2 августа 1833 г. — Демидовский лицей).
5 ноября 1804	Утвердительные грамоты и уставы Московского и Казанского университетов.
1804	Педагогический институт в Санкт-Петербурге.
17 января 1805	Утвердительная грамота и устав Харьковского университета.
1806	Постановления об Академической гимназии (28 октября) и Благородном пансионе при Московском университете (30 декабря).
6 августа 1809	Указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские ассессоры и статские советники», предполагающий сдачу экзаменов на чин.
1810–1816	Министр просвещения — А. К. Разумовский. В 1810 году попечителем С.-Петербургского учебного округа становится 24-летний С. С. Уваров.
Июнь-июль 1810	Пять писем Ж. де Местра гр. Разумовскому. По инициативе первого из программы планируемого Царскосельского лицея исключаются ботаника, зоология, химия, психология и греческий язык.
19 октября 1811	Открытие Императорского Царскосельского лицея с шестилетним курсом «для образования юношества, предназначенного к важным частям служб государственных», уравниваемого в правах и преимуществах с университетами.
1812	Пожар Москвы (с 6-го сентября). Гибель библиотеки и архивов Университета. Академическая гимназия при Университете прекращает свое существование. Благородному пансиону удается выжить.
17 августа 1813	Возобновление лекций в Московском университете.
8 января 1814	Возобновление занятий в Московской губернской гимназии и в Московском уездном училище.
1816—1824	Министр просвещения (с 1817 духовных дел и просвещения) — князь А. Н. Голицын.
23 декабря 1816	Преобразование Педагогического института в Санкт-Петербурге в Главный Педагогический институт.
1817	Харьковский коллегиум преобразован в семинарию третьего класса. Из уважения к благотворителям князьям Голицыным он сохраняет свое название.
1817	Объединение коммерческой гимназии и пансиона Вольсея в Одессе и создание на их основе Ришельевского лицея.
19 апреля 1819	Учреждение Медицинского института при Московском университете.
8 февраля 1819	Александр I утверждает проект Временных правил Петербургского университета.
1819	Ревизия Казанского университета (М. Л. Магницкий).
4 сентября 1820	Открытие в Нежине гимназии высших наук князя Безбородко (с 1832 г. — Лицей князя Безбородко).

1821–1822	Разгром Д. П. Руничем Петербургского университета.
1824–1828	Министр просвещения — А. С. Шишков.
1825–1855	<i>Николай I</i> <i>Правительство:</i> интерконфессиональное христианство предыдущего царствования окончательно сдается в архив. Пробуждается интерес к собственным древностям, покровительствуемый властями. «Монастырское возрождение»; древлехранилище Погодина. Воспитательную политику правительство признает одним из главных направлений своей деятельности. В конце царствования, усмотрев опасность философских умозрений, Николай рассматривает как средство восстановить лояльность молодежи — преподавание естественнонаучных дисциплин. Правительство пытается создать лояльный образованный класс; эти попытки удаются лишь в очень незначительной степени. Правительство преследует цель вырастить лояльный престолу образованный класс. <i>Общество:</i> оппозиционные кружки разделяются. «Западники» и «славянофилы». Последние подвергаются едва ли не большим репрессиям со стороны власти, чем первые. Однако пока образовательных концепций, конкурирующих с правительственной, нет.
14 мая 1826	Комитет устройства учебных заведений с целью сличить все Уставы учебных заведений Империи и уравнивать все уставы оных заведений.
1826	Суд над декабристами. Манифест от 13 июля: «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, — недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам». Ноябрь: записка А. П. С. Пушкина «О народном воспитании»: совет сохранить образование за границей, но уничтожить домашнее.
	<i>Правительство:</i> настойчивые попытки доказать, что освободительные идеи не имеют почвы в России. Восстание объясняется последствием пагубного полупросвещения, «ложной системы воспитания» (А. Х. Бенкендорф). Принимаются энергичные меры для того, чтобы поставить образование под государственный контроль, причем пушкинские советы исполняются с точностью до наоборот.
1828	Воссоздание Главного Педагогического института в Петербурге «для приготовления учителей и профессоров Министерства народного просвещения».
8 декабря 1828	Устав Гимназий и Училищ уездных и приходских.
1828–1833	Министр просвещения — К. А. Ливен.
29 марта 1830	Преобразование Благородного пансиона при Московском университете в Дворянскую гимназию.
9 ноября 1831	Указ, предписывающий не принимать в университеты без гимназического аттестата либо строгого испытания во всех предметах полного гимназического курса.
1833–1849	Министерство гр. С. П. С. Уварова. Создается «уваровская гимназия» — близкая к классической модель с солидным гуманитарным образованием, весьма высокого уровня.
25 марта 1834	Указ, строго воспрещающий принимать в дома дворян, чиновников и купцов иностранцев обою пола, не получивших аттестатов от университетов на учительские, наставнические или гувернерские звания.
1834	Университет Св. Владимира в Киеве.
1 июля 1834	Положение о домашних наставниках и учителях: наставники стали считаться находящимися на государственной службе, им были присвоены награды и пенсии. Для их аттестации создаются Комитеты из профессоров под председательством ректора.
25 июня 1835	Положением об Учебных округах университеты освобождены от заведывания гимназиями и училищами.
26 июля 1835	Общий Устав Императорских Российских университетов.
1841	Харьковский коллегийум преобразован в Харьковскую духовную семинарию.
1849–1853	Министр просвещения — П. П. А. Ширинский-Шихматов. «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен». Разгром уваровской гимназии. Закрытие философских кафедр в высших учебных заведениях. Замена классических дисциплин естественными науками как идеологически менее опасными. А. В. Никитенко в своем дневнике приводит следующие характеристики «министерствований» после Уварова: министерствование Шихматова — помрачающее; Норова — расслабляющее; Ковалевского — засыпающее; Путятин — отупляющее; Головнина — развращающее.
21 марта 1849	Утверждение мнения Государственного Совета об изменении некоторых параграфов Устава учебных заведений. В мае того же года по округам в виде опыта разосланы правила с распределением уроков по классам в гимназиях. Начало

	разрушения классических гимназий.
14 мая 1852	Циркулярное положение о введении «новых распределений учебных предметов и уроков по классам». Прекращение преподавания греческого языка в большинстве гимназий. Введение курса естественных наук.
1854–1856	Министр просвещения — А. П. С. Норов (с 7 апреля 1853 по 11 апреля 1854 г. управлял министерством в должности товарища министра).
1855–1881	<i>Александр II</i> Наиболее влиятельные фигуры в области образовательной политики — М. Н. Катков и П. Н. Леонтьев. Самая яркая фигура на административном верху — министр просвещения гр. Д. А. Толстой. <i>Правительство:</i> Восприятие западного опыта (который именно сейчас на западе интенсивно пересматривается) и восстановить образовательные традиции, разрушенные в последние годы царствования Николая I. Стиль выбранных преобразований: духовная сфера — консерватизм европейского толка, интеллектуальная сфера — гимнастика ума на материале древних языков и математики. Классическое образование становится единственным полноправным. <i>Общество:</i> Славянофилы почти проигрывают свою игру, теряют влияние, и отныне должно считаться с умеренным и радикальным крылом западников. Впервые развернута конкурирующая оппозиционная программа образования. Ее представители упрекают правительство в том, что то однозначно превратило школу в орудие политики; однако они хотят превратить школы в орудие другой политики, и потому их образовательные взгляды отличаются от официальных еще большим стремлением к унификации и тотальности. Свои претензии — с атеистической и революционной подкладкой — заявляет реальная школа. Министерство Просвещения непопулярно как никогда; однако появляется и более умеренное течение, желающее улучшить, а не разрушить то, что создано.
1858–1861	Министр просвещения — Е. П. Ковалевский. Упразднение Главного Педагогического института и учреждение педагогических курсов при университетах.
19 апреля 1858	Положение о женских училищах Министерства народного просвещения Открытие первого (Маринского) училища «для приходящих девиц» в Петербурге (Н. А. Вышнеградский).
1859	Заккрытие Главного Педагогического института.
1860	Открытие воскресных школ для обучения грамоте простолюдинов. Под предлогом просвещения ведется активная проповедь разрушительных идей
1860–1861	Студенческие волнения (прежде всего в Петербурге). Министр выказывает себя сторонником мягкого подхода и уходит в отставку
1861	Министр просвещения — Е. В. Путятин. Паллиативные строгости. При рассмотрении проекта гимназического устава имеется в виду восстановление классического образования. Строгости вызывают противоположную реакцию, и осенью университетские беспорядки приходится подавлять вооруженной силой.
1861–1866	Министр просвещения — А. В. Головнин. Примирительный образ действий.
1863	Новое учреждение Министерства народного просвещения. Университетский устав (самый либеральный в истории Императорских университетов).
14 июля 1864	Положение о начальных народных училищах.
18 ноября 1864	Устав гимназий и прогимназий. Введение (в ослабленном варианте) классического образования. Гимназия признается всесловной. Классические и реальные гимназии. Выпускники первых имели право на поступление в университет без экзамена; свидетельство об окончании вторых принималось во внимание лишь в специальных высших учебных заведениях на основании их уставов.
1865	Преобразование Ришельевского лицея в Новороссийский университет.
1866–1880	Министр просвещения — Д. А. Толстой. Его политика обычно считается контрреформаторской в силу борьбы с принципом всесловности; что касается учебной части, он довел образовательную реформу до конца.
1867	Петербургский историко-филологический институт.
13 января 1868	Лицей Цесаревича Николая в Москве (М. Н. Катков, П. М. Леонтьев).
1870	Женские училища 1-го разряда преобразованы в женские гимназии, 2-го — в прогимназии
30 июля 1871	Устав гимназий и прогимназий. Наиболее радикально проводящий принципы классицизма документ в истории просвещения России.
1871	«Лесгафтовская история» в казанском университете. Уход в отставку ряда ведущих профессоров.
1872	Устав реальных училищ. (Самое название «реальная гимназия» исчезает из обихода.)
1 сентября 1872	Открытие лучшей в Москве женской частной гимназии — С. Н. Фишер.
1873	Открытие Филологической семинарии в Лейпциге для подготовки гимназических

	преподавателей. В 1884 году преобразована в русский филологический институт, в 1890-м закрыта.
1878	Основание первого в Сибири Томского университета.
1880	Падение Д. А. Толстого под давлением либеральной партии.
1880–1882	Министр просвещения — А. А. Сабуров.
1881–1895	<i>Александр III</i> В высшей степени самостоятельный царь прислушивается к советам Победоносцева, сына профессора Московского университета.
	В общем и целом образовательная политика мало меняется. «Русское возрождение», к которому склоняется царь и которое изменяет стиль строительства, армейскую форму и т. д., меньше всего сказывается в школе. На окраинах проводится активная русификаторская политика.
1882–1897	Министр просвещения — И. Д. Делянов.
1884	Новый университетский устав. Университетское самоуправление в основном упраздняется.
5 июня 1887	Циркуляр «о кухаркиных детях», ограничивающий прием в гимназии детей из низших сословий.
1895–1917	<i>Николай II</i> Постепенный распад классической гимназии. Образовательная политика становится неуверенной и нестабильной. Это проявляется в частой смене министров; решение проблемы видят то в выдвижении либеральной фигуры, то в жесткой политике. Кризис усугубляется и нарастает вплоть до 1904–1905 годов; под впечатлением революционных эксцессов происходит постепенное оздоровление школы, связанное с общим оздоровлением общества; во время следующей революции университеты и гимназии будут уже контрреволюционными очагами. Этот процесс прерывает мировая война.
1896	Киевский политехникум (как позднее Варшавский и петербургский, создается на средства Министерства финансов).
1898	Варшавский политехникум.
1898–1901	Министр просвещения — Н. П. Боголепов.
1901	Убийство Н. П. Боголепова.
1901–1902	Министр просвещения — П. С. Ванновский. Проекты создания единой школы.
1902	Петербургский политехникум.
1902–1904	Министр просвещения — Г. Э. Зенгер.
1904–1905	Министр просвещения — В. Г. Глазов.
1904–1905	Массовое участие студентов и гимназистов в революционных акциях.
1905–1906	Министр просвещения — И. И. Толстой. Расширение доступа к университетскому образованию. Увольнение консервативно настроенных чиновников (в основном по инициативе товарища министра, О. П. Герасимова).
1906–1907	Министр просвещения — П. М. Кауфман.
1908–1910	Министр просвещения — А. Н. Шварц. Постепенное успокоение школы. Министр рассматривает школы и университеты как учреждения учебные, где политика не должна быть терпима.
23 марта 1909	Внесение законопроекта о введении всеобщего начального обучения в Российской Империи.
1909	Саратовский университет (в составе одного медицинского факультета).
1910–1914	Министр просвещения — Л. И. Кассо.
1914–1916	Министр просвещения — П. Н. Игнатьев.
191–1917	Министр просвещения — Кульчицкий.